

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 165

Книга 1-2

2023

Ученые записки Казанского университета. **2023**
Серия Гуманитарные науки **Т. 165,**
рецензируемый научный журнал **кн. 1-2**

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонзало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Громова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- Х. Миклас* – д-р наук, проф., Венский университет, г. Вена, Австрия
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Ретина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Ситдинов* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- А.О. Прохоров* (главный редактор) – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Ю.К. Лукоянова* (секретарь) – канд. филол. наук, доц. Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Алефиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- С.А. Балащенко* – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилазетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушиков – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Лютов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мягков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
В. Норман – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Пашкуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Парог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястиембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Выпускающий редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц.

Научный редактор *Г.П. Мягков* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакторы *Л.Р. Ахмерова, И.Г. Кондратьева*
 Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
 Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
 в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar, ERIN PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка
 Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
 Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/rum>

Дата выхода в свет 20.10.2023.
 Формат 70×108/16. Бумага офсетная.
 Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 18,00.
 Тираж 300 экз. Заказ 62/10.

Отпечатано в типографии Издательства
 Казанского университета
 420008, Казань, ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

[Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series]

Peer - Reviewed Scientific Journal

2023

Vol. 165

no. 1-2

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council) – First Vice-Rector - Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.I. Aliev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland.
H. Miklas – Doctor of Philology, Professor, University of Vienna, Vienna, Austria
V.M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
M.M. Müller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- A.O. Prokhorov* (Editor-in-Chief) – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu.K. Lukyanova (Secretary) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
S.A. Balashenko – Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
O.F. Zhlobov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
W. Norman – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Managing Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Science Editor: *G.P. Myagkov* – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova, I.G. Kondrateva*
English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kazan (Volga Region) Federal University”
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media
Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat
The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, 420008 Russia
Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: October 20, 2023.
Page size: 70×108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 15.75. Publisher's signature: 18.00.
Circulation: 300 copies. Order: 62/10.

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, 420008
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Древний мир и Средние века

<i>Энзельдт О.С.</i> Сириксы в древнегреческой музыкальной культуре	9
<i>Востриков И.В.</i> Формирование гоплитского ополчения в Афинах	19
<i>Кириллов В.М.</i> Население Лаодикеи Приморской в римское время: состав и тенденции развития	32
<i>Бикеева Н.Ю.</i> Поэзия на службе политики: казус с реликвией Святого Креста в контексте франкско-византийских отношений в 60-е годы VI века	47
<i>Миронова С.А.</i> Отношения Англии с Францией и империей Габсбургов в правление Марии Тюдор (в оценке британских историков)	59

Отечественная история

<i>Абзалов Л.Ф.</i> Гигиена одежды кочевников Великой степи XIII–XVI вв.	70
<i>Белоусов М.Р.</i> К вопросу о достоверности данных о количестве крепостных дворов в «сказках» служилых людей (на материале «сказок» стряпчих июня 1653 г. и росписи крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих середины июля 1653 г.)	85
<i>Пузанов Д.В.</i> «Хищные народы» — отверженные или избранные? О нетипичном «чужом» древнерусских письменных источников	98

Отечественная история нового и новейшего времени

<i>Дементьева В.В.</i> Ретроспекция в Античность при наделении Петра I титулами Отца отечества, императора и Великого	109
<i>Шахматов В.В.</i> Рабочий и крестьянский вопросы в публицистическом наследии Н.Д. Облеухова	119
<i>Козина Н.Г.</i> Образ идеального учителя истории в воспоминаниях о российской школе 40–50-х годов XIX века	132
<i>Мартынова Ю.А., Мартынов Д.Е.</i> Третья московская гимназия, Николай Иванович Кареев и Александр Васильевич Живаго	143
<i>Ибнеева Г.В., Майоров П.А.</i> Повседневная жизнь студентов Казанской духовной академии в годы Первой мировой войны	155
<i>Кудрина Е.В.</i> Переписка М. Горького с казанскими детьми	168
<i>Хабибрахманова О.А.</i> Структурная перестройка вузов Среднего Поволжья и новые формы труда в 30-е годы XX века	181

К 220-летию Казанского университета

<i>Сыченкова Л.А., Бакулина Л.В.</i> Основатель пенитенциарного права в Казанском университете Фаддей Грегорович: судьба ученого и его наследия	191
--	-----

<i>Руденко К.А.</i> Формирование диссертационной культуры в сфере археологии в Казанской губернии и ТАССР в 10–40-х годах XX века	211
<i>Малышева С.Ю.</i> Историк Булат Файзрахманович Султанбеков	233

Новейшая история зарубежных стран

<i>Григер М.В., Дусаева Э.М.</i> Реформа Дж. Джентиле 1923 года и итальянская высшая школа	244
<i>Бикмаева К.И.</i> Проблема установления легитимного языка на примере введения латинской графики в Монгольской Народной Республике в 30-е годы XX века	252

Критика и библиография

<i>Бусыгин А.Е.</i> О портрете историка, написанном историками [Рец. на кн.: Кабытов П.С., Фёдорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время: Монография. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2023. – 144 с.]	263
--	-----

CONTENTS

Ancient and Medieval History

<i>Enzeldt O.S.</i> Syrinx in the musical culture of ancient Greece.....	9
<i>Vostrikov I.V.</i> The formation of the hoplite militia in Athens	19
<i>Kirillov V.M.</i> The population of Laodicea ad Mare in Roman times: The structure and vectors of development	32
<i>Bikeeva N.Yu.</i> Poetry in the Service of Politics: The Casus with the Relic of the True Cross in the Context of Franco-Byzantine Relations during the 560s	47
<i>Mironova S.A.</i> The Relations of England with France and the Habsburg Empire in the Reign of Mary Tudor (As Assessed by British Historians)	59

History of Russia

<i>Abzalov L.F.</i> Clothing hygiene of the nomads of the Great Steppe in the 13th–16th centuries	70
<i>Belousov M.R.</i> On the reliability of the data on the number of serf households in the “registers” of military servicemen (based on the materials of the “registers” of scribes from June 1653 and the inventory of peasant and cottar households in the estates and votchinas of scribes from mid-July 1653)	85
<i>Puzanov D.V.</i> “Bestial peoples” – the rejected or the chosen ones? About the atypical “foe” in the Old Russian written sources	98

Modern and Contemporary History of Russia

<i>Dementyeva V.V.</i> A retrospect of Antiquity while proclaiming Peter I the father of his Homeland, emperor, and great	109
<i>Shakhmatov V.V.</i> Worker and peasant questions in the journalistic legacy of N.D. Obukhov	119
<i>Kozina N.G.</i> The image of an ideal history teacher from the recollections about the Russian school in the 1840s and 1850s	132
<i>Martynova Yu.A., Martynov D.E.</i> The Third Moscow Gymnasium, Nikolay Ivanovich Kareev and Alexander Vasilievich Zhivago.....	143
<i>Ibneyeva G.V., Mayorov P.A.</i> Everyday life of students of the Kazan Theological Academy during the First World War.....	155
<i>Kudrina E.V.</i> Gorky’s correspondence with Kazan children.....	168
<i>Khabibrakhmanova O.A.</i> Restructuring of universities in the Middle Volga region and new forms of work organization in the 1930s.....	181

Celebrating the 220th Anniversary of Kazan University

<i>Sychenkova L.A., Bakulina L.V.</i> Faddey Gregorovich as the pioneer of penitentiary law doctrine at the Kazan University: His fate and legacy.....	191
<i>Rudenko K.A.</i> Development of the culture of dissertation research in archaeology in the Kazan Governorate and the TASSR during the 1910s–1940s.....	211
<i>Malysheva S.Yu.</i> Bulat Fayzrakhmanovich Sultanbekov as a historian.....	233

Contemporary History of Foreign Countries

<i>Griger M.V., Dusaeva E.M.</i> The Gentile reform of 1923 and Italian higher education.....	244
<i>Bikmaeva K.I.</i> The problem of the establishment of a legitimate language on the example of the introduction of Latin graphics in the Mongolian People's Republic during the 1930s.....	252

Criticism and Bibliography

<i>Busygin A.E.</i> About the historian's portrait created by historians [Review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Time. A Monograph. Samara, Samar. Gumanit. Akad., 2023. 144 p. (In Russian)].....	263
--	-----

ДРЕВНИЙ МИР И СРЕДНИЕ ВЕКА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38):78

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.9-18

СИРИНКС В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

О.С. Энзельдт

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, 150003, Россия*

Аннотация

Деревянный духовой музыкальный инструмент типа многоствольной флейты си-ринкс (ή σῦριγξ), или сирингу, исследователи небезосновательно связывают с пасторальными сюжетами культурной жизни Древней Греции. В статье рассмотрен внешний вид данного инструмента, описаны материалы, которые обычно использовались для его изготовления. Особое внимание уделено разновидности сирикса, которая, предположительно, являлась простейшей продольной флейтой. Поднят вопрос о возможности наименования последней в музыкальной культуре периода полисной Греции как си-ринкс монокаламос (σῦριγξ μονοκάλαμος). Главной задачей статьи является определение областей применения сирикса в древнегреческой музыкальной культуре вне пастушеской сферы посредством анализа сведений античных письменных (в первую очередь эпической и лирической поэзии, а также сочинений трагиков архаического и классического периода) и изобразительных источников (вазописи VI – IV вв. до н. э.).

Ключевые слова: древнегреческая музыкальная культура, сириккс, сиринга, флейта Пана, гимней, пеан

Музыкальный инструментарий античной Греции достаточно разнообразен. При его классификации выделяются три основные группы: струнные, духовые и ударные [1, с. 129; 2, р. 24]. Духовые музыкальные инструменты, в свою очередь, по материалу подразделяются на деревянные и медные [2, р. 24].

Обычно под сириксом, или флейтой Пана, понимают древнегреческий деревянный духовой музыкальный инструмент типа многоствольной флейты, состоящий из нескольких полых трубок тростника (κάλαμος)¹ без боковых отверстий. Трубки скреплялись между собой (чаще всего) пчелиным воском, их верхние концы выстраивались в одну ровную линию. Помимо воска, в качестве материала для скрепления трубок между собой использовались льняные веревки [1, с. 137] или солома [2, р. 70]. М.Л. Уэст [4, р. 111] и Дж. Г. Ланделс [2,

¹ Например, Еврипид употребляет словосочетание κάλαμος Πανός (Eur. I.T. 1126, Eur. El. 702), что можно перевести как тростник Пана, то есть сириккс. Есть мнение о том, что для изготовления трубок сирикса использовался тонкий тростник, имеющий название донакс (δόναξ) (см., напр., [3, с. 250]).

р. 70] считают, что особенностью древнегреческого сиринкса были трубки одинаковой длины, высота звучания регулировалась путем заполнения их воском на разную глубину (рис. 1).

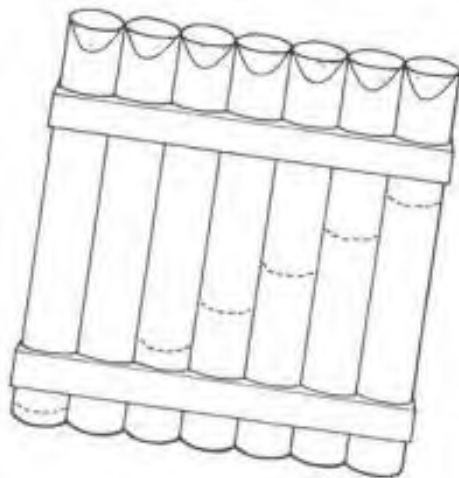

Рис. 1. Форма древнегреческого сиринкса [2, р. 70]

Некоторые исследователи отмечают, что трубки сиринкса могли быть как разной, так и одинаковой длины [3, с. 251–252; 1, с. 137]. Их количество варьировалось: от трех до девяти в архаический период, от четырех до десяти в классический и до восемнадцати в эллинистический период [4, р. 111].

Археологические находки достаточно редки. В начале 10-х годов XXI в. на складе Музея археологии и искусства в Падуе (the Museum of Archaeological Sciences and Art) во время переоценки некоторых археологических артефактов в футляре для фотопластинок был обнаружен сиринкс, вероятно, греческого происхождения (рис. 2).

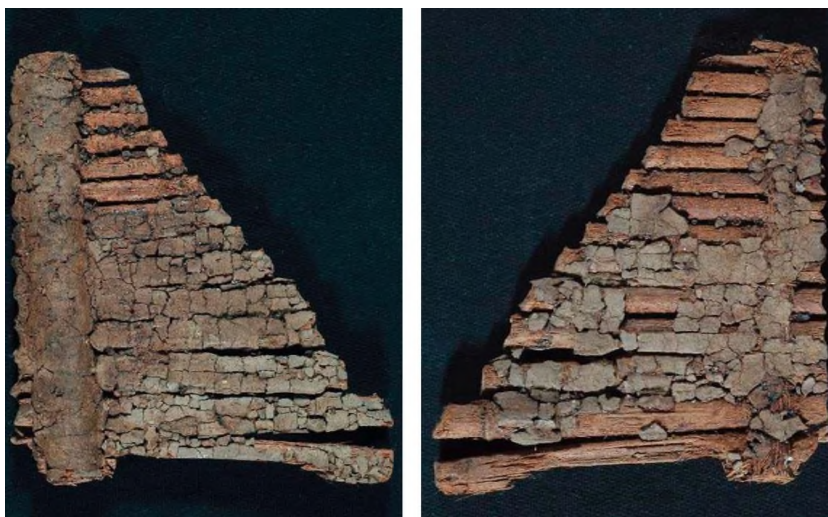

Рис. 2. Сиринкс из Музея археологии и искусства в Падуе (the Museum of Archaeological Sciences and Art) после реставрации [5, р. 32]

Он состоит из четырнадцати тростниковых трубок разной длины, которые скреплены между собой и изначально были покрыты слоем смолы [5, р. 31–32]. В музей находка была привезена из Египта в 30-х гг. XX в.

Иногда выделяют сиринкс, называемый монокаламос (σῦριγξ μονοκάλαμος) [6, р. 223; 3, с. 251; 1, с. 137], представляющий собой одну трубку с боковыми отверстиями без мундштука, то есть простейшую продольную флейту. Е.В. Герцман считает, что под сиринксом понимали любой духовой музыкальный инструмент без мундштука [3, с. 250].

Однако в письменных источниках архаического и классического периодов термина μονοκάλαμος в значении музыкального инструмента нами найдено не было. Впервые он появляется у Афиней (Athen. IV. 82) и фигурирует в более поздних источниках [6, р. 223–224]. В двух самых первых упоминаниях о сиринксе у Гомера в «Илиаде» подразумевается многоствольный инструмент, так как мы видим употребление термина σῦριγξ (сиринкс) в генетиве и дативе множественного числа соответственно:

<...> θαύμαζεν πυρὰ πολλὰ τὰ καίετο Ἴλιόθι πρὸ
αὐλῶν **σῦρίγγων** τ' ἐνοπλὴν ὄμαδόν τ' ἀνθρώπων (Hom. II. X. 12–13).

<...> он дивился множеству костров, которые горели перед лицом Илиона, и звукам авлосов и сиринксов, и людскому гулу².

<...> οἱ δὲ τάχα προγένοντο, δύο δ' ἄμ' ἔποντο νομῆες
τερπόμενοι **σύριγγι** <...> (Hom. II. XVIII. 525–526).

<...> И тотчас же явились вместе два пастуха,
усплаждаясь сирингами <...>

В вазописи также встречаются изображения многоствольного сиринкса³, что отмечено и в исследовательской литературе. Так, И.И. Вдовиченко пишет о том, что «сиринга представлена на вазах и других изображениях как прямоугольный блок, вытянутый в длину или ширину, или дугοобразный» [1, с. 137].

На наш взгляд, вопрос о бытовании монокаламоса требует более детального изучения. Не вызывает сомнения, что в Древней Греции были распространены простейшие деревянные духовые музыкальные инструменты типа продольной флейты, так как и авлос, и многоствольный сиринкс являются результатом эволюции духового инструментария. Однако носили ли они название монокаламос, монокаламос сиринкс или просто сиринкс, однозначно мы утверждать не можем, так как, во-первых, как уже было сказано, термин σῦριγξ μονοκάλαμος не встречается в письменных источниках архаического и классического периодов. Во-вторых, в изобразительных источниках (вазописи VI–IV вв. до н. э.) мы встретили лишь многоствольный сиринкс, а археологические

² Здесь и далее пер. с древнегреческого и английского языков наш, если не указано иное. – О.Э.

³ См., например, изображение Сатира с сиринксом перед Менадой на краснофигурной несторице (F179), датированной около 400–360 гг. до н. э. (Cat.of V).

находки отдельных трубок с боковыми отверстиями исследователи относят к трубкам авлосов [1, с. 135].

Прежде чем перейти к рассмотрению областей применения сиринокса в культурной жизни древних греков, обратим внимание на то, что в изучаемое время он не являлся у них инструментом профессионалов.

Анализ сведений античных письменных источников – произведений авторов эпической и лирической поэзии, а также сочинений трагиков периода полисной Греции (Hom. *Il.* XVIII. 525–526; Eur. *Rhes.* 551–553; Soph. *Philoct.* 214–215 и пр.) – и вазописи VI–IV вв. до н. э. (BAPD) не оставил сомнений в том, что сиринокс в первую очередь был инструментом пастухов [2, р. 69; 7, р. 141]. Существует две легендарных версии его появления. По первой – сиринокс, как и кифару, изобрел Гермес (*Н.Н. Нумп.* 4. 512). По другой – создателем инструмента был Пан [3, с. 319–321]. Мы не станем подробно останавливаться на данных сюжетах, только отметим, что оба персонажа имели непосредственное отношение к пастушеской среде. Чаще всего изготовление сиринокса связывают с Паном, а сам музыкальный инструмент называют флейтой Пана [3, с. 320]. В вазописи также превалируют изображения сиринокса в руках Пана, а не Гермеса⁴. Порой можно найти изображения с музами, которые играют на музыкальных инструментах, в том числе на сириноксе. На краснофигурном пиксисе, датированном примерно 475–425 гг. до н. э., присутствуют музы с такими музыкальными инструментами, как лира, авлос и сиринокс (рис. 3).

Рис. 3. Музы с музыкальными инструментами. Изображение на краснофигурном пиксисе, около 475–425 гг. до н. э. Музей изящных искусств, Бостон⁵

⁴ См., например, изображение играющего на сириноксе Пана позади сидящей Менады на краснофигурной гидрии (E228) 370–350 гг. до н. э. (Cat.ofV).

⁵ Monument No 18821 (Dig).

М.Л. Уэст утверждает, ссылаясь на Псевдо-Плутарха, что эти три инструмента сопровождали церемониальный перенос священных предметов на Делос от гипербореев и вполне могли являться ритуальными [4, p. 111].

Несмотря на то, что сиринкс в иерархии музыкальных инструментов считался низшим, у Еврипида есть эпизод, где его использует Аполлон, пусть и не по собственному желанию. Автор называет игру бога пастушескими гимнеями (ποιμνίτης ὑμέναιος), а самого Аполлона пастухом (μηλονόμης):

<...> ὃ πολυξείνου καὶ ἐλευθέρου ἀνδρὸς ἀεί ποτ' οἶκος,
σέ τοι καὶ ὁ Πύθιος εὐλύρας Ἀπόλλων
ἠξίωσε ναίειν,
ἔτλα δὲ σοῖσι **μηλονόμας**
ἐν νομοῖς γενέσθαι,
δοχμῖαν διὰ κλειτύων
βοσκήμασι σοῖσι **συρίζων**
ποιμνίτας ὑμεναίους (Eur. *Alces.* 568–577).

<...> О, дом всегда гостеприимного и свободного человека,
Именно в тебе пифийский искусно владеющий лирой Аполлон
Пожелал жить
И подчинился, чтобы стать пастухом
На твоих пастбищах,
На крутых склонах холмов
Для пасущихся стад твоих играя
Пастушеские гимнеи.

Связь сиринкса с пасторальной сферой была настолько тесна, что Еврипид, описывая игру на духовом инструменте, использует *participium* от глагола *συρίζω* (играть на сиринге).

И все же мы встретили упоминания сиринкса в письменных и изобразительных источниках при обстоятельствах, не связанных с пастушескими сюжетами. Так, например, в отрывке произведения Гесиода «Щит Геракла» показано большое свадебное шествие, когда невесту сопровождают в дом будущего мужа и исполняют свадебную песнь – гимней (ὑμέναιος):

<...> τοὶ δ' ἄνδρες ἐν ἀγλαΐῃς τε **χοροῖς** τε
τέρψιν ἔχον· τοὶ μὲν γὰρ ἐυσσώτρου ἐπ' ἀπῆνης
ἦγοντ' ὃ ἀνδρὶ γυναῖκα, πολὺς δ' **ὑμέναιος** ὁρώρει·
τῆλε δ' ἀπ' αἰθομένων δαΐδων σέλας εἰλύφαζε
χερσὶν ἐνι δμῶν· ταὶ δ' ἀγλαΐη τεθαλυῖται
πρόσθ' ἔκιοι· τῆσιν δὲ **χοροὶ** παίζοντες ἔποντο.
τοὶ μὲν ὑπὸ **λιγυρῶν συρίγγων** ἴεσαν αὐδὴν
ἐξ ἀπαλῶν στομάτων, περὶ δὲ σφισιν ἄγνυτο ἦχώ.
αἱ δ' ὑπὸ **φορμίγγων** ἀναγον **χορὸν** ἱμερόεντα.
ἐνθεν δ' αὖθ' ἐτέρωθε νέοι κώμαζον ὑπ' **αὐλοῦ**,
τοὶ γε μὲν αὖ παίζοντες ὑπ' **ὀρχηθμῶ** καὶ **ἀοιδῇ**

τοί γε μὲν αὖ γελῶντες ὑπ' αὐλητῇρι ἕκαστος
 πρόσθ' ἔκιον: πᾶσαν δὲ πόλιν θαλαῖα τε χοροὶ τε
 ἀγλαῖα τ' εἶχον (Hes. *Scut.* 272–285)⁶.

В приведенном отрывке упоминаются пение хором, танцы, игра на фординге, авлосах и сирингах. Сказано, что «юноши пели нежно под звуки звонких сиринксов (λιγυρῶν συρίγγων), вокруг раздавалось эхо». Таким образом, сиринкс присутствует на всеобщем веселье. Возможно, с помощью инструментов Гесиод пытается показать широкий масштаб описываемого пира.

Интересно еще одно описание свадебного гимнея:

<...> τίν' ἄρ' Ὑμέναιος διὰ λωτοῦ Λίβυος
 μετὰ τε φιλοχόρου κιθάρας
 συρίγγων θ' ὑπὸ καλαμοεσσῶν
 ἔστασεν ἰαχάν <...>⁷ (Eur. *I.A.* 1036–1039).

В данном небольшом эпизоде мы нашли достаточно информации о музыкальных инструментах пира: «ливийский лотос»⁸, «сопровождающая хороводы кифара» и интересующие нас сиринксы, которые автор называет тростниковыми – по материалу, из которого их изготовили.

В изобразительных источниках также есть сцены, в которых сиринкс был участником пира. На знаменитой «Вазе Франсуа» или «Кратере Клития» — чернофигурном кратере, датируемом примерно 570 г. до н. э., изображена свадьба Пелея и Фетиды, где муза Каллиопа представлена играющей на сиринксе⁹. Таким образом, мы можем констатировать, что на больших свадебных пирах присутствие сиринкса не являлось редкостью.

Неотъемлемой частью религиозной культуры древних греков были хвалебные песни. Одной из них являлся пеан – хоровая лирическая песнь, изначально воспевавшая Аполлона, позже и других богов (например, Диониса), и испол-

⁶ Люди веселились, устраивая празднества и танцы; некоторые из них везли невесту в дом мужа на запряженной повозке, в то время как свадебная песня оглашала окрестности, а отблески пылающих факелов, которые несли сопровождавшие ее подруги, волнами расходились вдаль. И эти девы шли впереди всех, радуясь празднику; за ними следовали веселые хоры, юноши пели нежно под звуки звонких сиринксов, вокруг раздавалось эхо, а девушки указывали путь, красиво танцуя под звуки фординг. С другой стороны шла толпа молодых людей, веселящихся под звуки авлосов; одни из них предавались танцам и песням, а другие шагали впереди в такт авлету и смеялись. Весь город был наполнен весельем, танцами и праздником (на основе пер. с древнегр. на англ. Хью Эвелин-Уайт)*.

*В данном отрывке перевода мы заменили названия музыкальных инструментов на термины, более близкие по значению к словам, используемым в оригинальном тексте.

⁷ Что это был за гимней, в котором слились ливийский лотос, сопровождающая хороводы кифара и звуки тростниковых сиринксов? (на основе пер. с древнегр. на англ. Э.П. Кольриджа)*.

*В данном отрывке перевода мы заменили названия музыкальных инструментов на термины, более близкие по значению к словам, используемым в оригинальном тексте.

⁸ Существует мнение, что под ливийским лотосом подразумевался авлос [7, р. 144]. Данное утверждение вполне можно принять, так как термин ὁ λωτός мог иметь значение материала, из которого изготавливался авлос, а именно «лотос африканский, “ливийский” (дерево с черной твердой древесиной)» (ДРРС). Очевидно, это был определенный вид авлосов, поэтому мы не считаем нелогичным именовать их именно лотосами (вслед за автором источника), чтобы показать отличие от других видов авлосов.

⁹ Vase No 300000 (BAPD).

нявшаяся чаще всего под звуки кифары. Однако в произведении «Троянки» Еврипида пеан сопровождается авлосом и сиринксом:

<...> αὐλῶν παιᾶνι στῦγνῶ
συρίγγων τ' εὐφθόγγων φωνᾷ <...> (Eur. Tr. 126–127).

<...> под ненавистный пеан авлосов
и благозвучный звук сиринксов <...>

Сюжет, явно повествующий о погребальном обряде, где предполагается участие сиринкса, есть у Еврипида в «Елене». Главная героиня трагедии призывает муз погребального плача сирен исполнить погребальную песнь с сиринами, ливийским лотосом и формингами:

Ἑλένη

πτεροφόροι νεάνιδες,
παρθένοι Χθονὸς κόραι
Σειρῆνες, εἴθ' ἐμοῖς γόοις
μόλοιτ' ἔχουσαι Λίβυν
λωτὸν ἢ σύριγγας ἢ
φόρμιγγας, αἰλίνοις κακοῖς
τοῖς ἐμοῖσι σύνοχα δάκρυα:
πάθεσι πάθεα, μέλεσι μέλεα,
μουσεῖα θρηγήμα-
σι ξυνῶδὰ πέμψειε
Φερσέφασσα
φόνια, χάριτας ἴν' ἐπὶ δάκρυσι
παρ' ἐμέθεν ὑπὸ μέλαθρα νύχια
παιᾶνα
νέκυσιν ὀλομένοις λάβη (Eur. Hel. 167–178)¹⁰.

Последний эпизод, связанный с сиринксом, который мы отметили, — это описание Гомером досуга воинов:

<...> θαύμαζεν πυρὰ πολλὰ τὰ καίετο Ἴλιόθι πρὸ
αὐλῶν συρίγγων τ' ἐνοπὴν ὀμαδὸν τ' ἀνθρώπων (Hom. Il. X. 12–13).

<...> он дивился множеству костров, которые горели перед лицом Илиона,
и звукам авлосов и сиринксов, и людскому гулу.

¹⁰ Крылатые девы, девственные дочери Земли, Сирены, разделите со мной скорбь утраты песнями ливийских лотосов, сиринксов или форминг, слезами, такими же горькими, как мои стенания; скорбь за скорбью и печальный напев за напевом, пусть Персефона пошлет хоры смерти в унисон моим причитаниям, чтобы она могла получить в благодарность от меня, в дополнение к моим слезам, пеан по ушедшим мертвым под ее мрачным кровом (на основе пер. с древнегр. на англ. Э.П. Кольриджа)*.

* В данном отрывке перевода мы заменили названия музыкальных инструментов на термины, более близкие по значению к словам, использующимся в оригинальном тексте.

В качестве развлечения во время отдыха воины могли играть на сиринксах и авлосах. При этом если авлосы могли использоваться в числе прочего для музыкального сопровождения военного марша¹¹, то речи о данной роли сиринкса, конечно, не идет.

Итак, сферы бытования сиринкса достаточно разнообразны: мы нашли его применение в ритуалах, таких как свадебное пиршество, погребальный обряд, исполнение пеанов, а также просто для развлечения, например, во время проведения досуга в военном походе. Однако отметим, что инструмент не играл в них какой-то определяющей роли, о чем свидетельствуют, во-первых, присутствие других музыкальных инструментов (сиринкс всегда называется рядом с лотосом, авлосом, формингой, кифарой), во-вторых, редкие упоминания инструмента вне пасторальной тематики.

Источники

- ДРПС – *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. – Томск: Alpha online. – URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>, свободный.
- Athen – *Athenaeus. Deipnosophistae* // MUSAIOS MFC Application (версия 1.0.4.1) [электронный ресурс]: Античные источники в оригинале / *Darl D. Dumont, Randall M. Smith.* – Pacific Palisades: *Darl D. Dumont*, 1995. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (далее MUSAIOS MFC).
- Eur. *Alces.* – *Euripides. Alcestis* // MUSAIOS MFC.
- Eur. *El.* – *Euripides. Electra* // MUSAIOS MFC.
- Eur. *Hel.* – *Euripides. Helena* // MUSAIOS MFC.
- Eur. *I.A.* – *Euripides. Iphigenia Aulidensis* // MUSAIOS MFC.
- Eur. *I.T.* – *Euripides. Iphigenia Taurica* // MUSAIOS MFC.
- Eur. *Rhes.* – *Euripides. Rhesus* // MUSAIOS MFC.
- Eur. *Tr.* – *Euripides. Troiades* // MUSAIOS MFC.
- Hes. – *Hesiodus. Scutum* // MUSAIOS MFC.
- Hom. *Il.* – *Homerus. Ilias* // MUSAIOS MFC.
- H.H. Hymn.* – *Hymni Homerici* // MUSAIOS MFC.
- Soph. – *Sophocles. Philoctetes* // MUSAIOS MFC.
- BAPD – *Beazley Archive Pottery Database – advanced Search Form* // Classical Art Research Centre. – URL: <https://www.beazley.ox.ac.uk/XDB/ASP/searchOpen.asp#aHeader>, свободный.
- Dig – *Digital LIMC* URL: <https://weblimc.org/page/home>, свободный.
- Cat.ofV – *Vase / Catalogue of Vases in the British Museum.* – URL: <https://www.britishmuseum.org/collection/term/BIB838>, свободный.

Литература

1. *Вдовиченко И.И.* О роли музыки в жизни варваров и эллинов Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2004. – № 14. – С. 124–141.

¹¹ См., например, изображение фаланги гоплитов, марширующих под звуки авлоса на протокоринфской ольпе VII в. до н. э. (Национальный этрусский музей вилла Джулия, Рим. Monument No 4114 (Dig)).

2. *Landels J.G.* Music in Ancient Greece and Rome. – London; New York: Routledge, 1999. – xii, 296 p.
3. *Герцман Е.В.* Уцелевшее письменное наследие античного инструментоведения. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. – 408 с.
4. *West M.L.* Ancient Greek Music. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 410 p.
5. *Avanzini F., Canazza S., De Poli G., Fantozzi C., Pretto N., Roda A., Angelini I., Bettineschi C., Deotto G., Faresin E., Menegazzi A., Molin G., Salemi G., Zanovello P.* Archaeology and virtual acoustics. A pan flute from ancient Egypt // Proc. 12th Int. Conf. on Sound and Music Computing (SMC-15). – Maynooth: Maynooth Univ., 2015. – P. 31–36.
6. *Mathiesen T.J.* Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages. – Lincoln; London: Univ. of Nebraska Press, 1999. – 806 p.
7. *Weiss N.* Hearing the syrinx in Euripidean tragedy // Music, Text, and Culture in Ancient Greece / Ed. by T. Phillips, A. D'Angour. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. – P. 139–162. doi: 10.1093/oso/9780198794462.003.0007.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Принята к публикации 24.04.2023

Энзельдт Ольга Станиславовна, аспирант кафедры всеобщей истории
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150003, Россия
E-mail: kuznecova.olia@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 9–18

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.9-18

Syrinx in the Musical Culture of Ancient Greece

O.S. Enzeldt

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, 150003 Russia
E-mail: kuznecova.olia@mail.ru

Received February 27, 2023; Accepted April 24, 2023

Abstract

The syrinx (ἡ σῦριγξ) or panpipe is one of the oldest woodwind musical instruments. Many studies have shown that this multi-pipe flute was an important part of the pastoral culture in ancient Greece. Here, it is described what the traditional syrinx looked like. An overview is given of the most common materials used in syrinx production. The study has a special focus on the σῦριγξ μονοκάλαμος, which is thought to be the simplest fipple flute, and explores the question of whether it can be termed as the syrinx monokalomos when referring to the musical culture of the polis period. The results obtained during the analysis of ancient written (epic and lyric poetry, as well as works of tragedians of the archaic and classical periods) and pictorial (vase painting of the 6th–4th centuries B.C.) sources reveal how the syrinx was used in ancient Greece apart from the pastoral music: it was played, often in combination with other musical instruments, during ritual rites, such as weddings (in hymeneal songs), funerals, and paeon performances, or for pleasure (during leisure activities).

Keywords: ancient Greek musical culture, syrinx, panpipe, Pan flute, hymeneal, paeon

Figure Captions

Fig. 1. The shape of the ancient Greek syrinx [2, p. 70].

Fig. 2. The syrinx from the Museum of Archaeological Sciences and Art in Padua after the restoration [5, p. 32].

Fig. 3. Muses holding musical instruments. The image on the red-figure pyxis, c. 475–425 B.C. Museum of Fine Arts, Boston.

References

1. Vdovichenko I.I. The role of music in the life of barbarians and Greeks in the northern Black Sea coastal area. *Problemy Istorii, Filologii i Kul'tury*, 2004, no. 14, pp. 124–141. (In Russian)
2. Landels J.G. *Music in Ancient Greece and Rome*. London, New York, Routledge, 1999. xii, 296 p.
3. Hertzman E.V. *Utselevshee pis'mennoe nasledie antichnogo instrumentovedeniya* [The Surviving Written Heritage of Ancient Instrumentation]. St. Petersburg, Izd. RGPU im. A.I. Gertsena, 2020. 408 p. (In Russian)
4. West M.L. *Ancient Greek Music*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 410 p.
5. Avanzini F., Canazza S., De Poli G., Fantozzi C., Pretto N., Roda A., Angelini I., Bettineschi C., Deotto G., Faresin E., Menegazzi A., Molin G., Salemi G., Zanovello P. Archaeology and virtual acoustics. A pan flute from ancient Egypt. *Proc. 12th Int. Conf. on Sound and Music Computing (SMC-15)*. Maynooth, Maynooth Univ., 2015, pp. 31–36.
6. Mathiesen T.J. *Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages*. Lincoln, London, Univ. of Nebraska Press, 1999. 806 p.
7. Weiss N. Hearing the syrinx in Euripidean tragedy. In: Phillips T., D'Angour A. (Eds.) *Music, Text, and Culture in Ancient Greece*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2018, pp. 139–162. doi: 10.1093/oso/9780198794462.003.0007.

Для цитирования: Энзельдт О.С. Сиринкс в древнегреческой музыкальной культуре // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 9–18. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.9-18.

For citation: Enzeldt O.S. Syrinx in the musical culture of ancient Greece. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 9–18. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.9-18. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.19-31

ФОРМИРОВАНИЕ ГОПЛИТСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В АФИНАХ

И.В. Востриков

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрена система комплектования гопплитского ополчения в Афинах в V–IV вв. до н. э. Отмечено, что в источниках встречаются упоминания о порядке призыва гопплитов начиная с V в. до н. э., сведения же о функционировании системы призыва в архаический период отсутствуют. Подчеркивается, что в целом система комплектования гопплитского ополчения определялась устройством гражданского коллектива и могла появиться с введением фаланги в Афинах при Солоне и окончательно оформиться после реформ Клисфена. Со временем система комплектования претерпевала изменения. Первоначально функционировала система призыва по списку, согласно которой по филам составлялись списки граждан, подлежащих мобилизации для конкретной кампании. На смену призыву по списку приходит система призыва по эпонам, когда на службу призывались граждане определенных возрастов. Определено, что введение новой системы могло произойти в период с 386 по 366 г. до н. э. Сделан вывод, что причиной смены системы призыва было совершенствование военной организации полиса.

Ключевые слова: Афины, военная организация, гопплиты, система призыва

Одной из важнейших обязанностей афинского гражданина было несение военной службы. В случае необходимости гражданин должен был с оружием в руках отстаивать интересы своего полиса. Это нередко выпадало на долю афинян в V–IV вв. до н. э., когда полису пришлось столкнуться с рядом серьезных вызовов во внешней политике и активно применять свою военную силу. Основой военной организации полиса было гопплитское ополчение. Афиняне вступали в ряды граждан в возрасте восемнадцати лет, в результате чего становились еще и военнообязанными [1, р. 496]. Срок воинской повинности для афинских граждан составлял сорок два года (Arist. Ath. Pol. 53. 4), то есть военнообязанными являлись граждане в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет.

Военной организации Афин исследователями традиционно уделяется большое внимание. Так как военная организация полиса, по сути, определялась его политическим устройством, особенностью ее изучения является обращение не только к военным аспектам, но и к взаимосвязям с социально-политическими процессами. Несмотря на, казалось бы, повышенный интерес к афинской гопплитии, остаются недостаточно изученные и дискуссионные мо-

менты, к которым относится и вопрос о системе комплектования гоплитов¹. Поэтому в настоящей статье мы обратимся к рассмотрению становления, особенностей функционирования и развития системы комплектования гоплитского ополчения в Афинах.

Фаланга и, соответственно, гоплитское ополчение оформились при Солоне благодаря введению общественного деления на цензовые классы [5, с. 16–17; 6, р. 5–72; 7, р. 55–56]. Основу гоплитского ополчения, призываемого на службу, составляли, очевидно, представители третьего класса, зевгиты², тогда как отнесенные к четвертому классу феты, по-видимому, были освобождены от обязательной военной службы и могли участвовать в военных действиях добровольно в рядах как армии, так и флота ((Thuc. VI. 43. 1; *Naipocrat. s.v. Θῆτες καὶ θητικόν*); см. также [6, р. 13–14, 18–19; 7, р. 56])³.

До Клисфена в Аттике существовали четыре филы, каждая делилась на три триттии, триттия, в свою очередь, делилась на двенадцать навкрарий⁴ (Arist. Ath. Pol. 8. 3). Кажется вероятным, что сбор ополчения упорядоченно проходил по этим общественным единицам. Если дело обстоит так, то, возможно, свою роль в деле учета граждан должны были играть навкраы – главы навкрарий (Arist. Ath. Pol. 8. 3). Поллукс указывает, что от каждой навкрарии выставлялись два всадника и корабль (Poll. Onom. VIII. 108). Получается, что навкрарии создавались и для удобства комплектования вооруженных сил: флота и корпуса всадников. Вместе с тем остается еще немало неясных моментов относительно устройства гражданского коллектива в архаический период, поэтому сохраняется вопрос о роли навкрарий в мобилизации гоплитов в Аттике. Но даже в этом случае кажется логичной организация мобилизации ополчения по родам, триттиям и фратриям и, наконец, по филам. Ф. Фрост считает, что до Клисфена для мобилизации граждан могли использоваться списки членов фратрий, в которые заносились достигшие совершеннолетия афиняне [3, р. 284–285].

И.Е. Суриков высказал предположение, что в период тирании полисное ополчение в Афинах отсутствовало и было возрождено только лишь при Клисфене. Исследователь аргументирует это тем, что при Писистрате не проводилось сухопутных операций, в которых могло бы быть задействовано ополчение, а при сыне Писистрата Гиппии афиняне вообще не вели боевых действий [12, с. 47–51]. Однако античные авторы отмечают, что, несмотря на тиранический режим, Писистрат правил Афинами согласно существовавшим законам (Herod. I. 59; Thuc. VI. 54. 6; Arist. Ath. Pol. 14. 3). Поэтому можно заключить, что, хотя в период тирании полисное ополчение, по-видимому, не собиралось, нельзя говорить об отсутствии механизмов и определенного порядка его

¹ Среди трудов, посвященных системе комплектования, следует выделить работы М. Криста [2], Ф. Фроста [3], Дж. Кроули [4, р. 22–39].

² О службе *зевгитов* в армии см. [4, р. 23–25; 8; 9; 10].

³ Аргументы против этой распространенной точки зрения см. [11, р. 86–87, 92–98].

⁴ Филы, *греч.* – самые крупные структурные подразделения гражданского коллектива; фратрии, *греч.* – родовые объединения, входившие в состав фил; триттии, *греч.* – административно-территориальные единицы, на которые делились филы; навкрарии, *греч.* – административные единицы в Афинах.

мобилизации в случае необходимости. Сказывалось и то, что отсутствовал общий для полиса враг⁵.

Важной вехой в становлении государственного строя Афин стали преобразования Клисфена (Arist. Ath. Pol. 21. 1–5; Herod. V. 66, 69), изменившие структуру гражданского коллектива [1, р. 248–260]. Вместо четырех фил было создано десять. Фила состояла из трех триттий, каждая из которых включала демы⁶ одной из трех частей Аттики. Функции навкраров были переданы главам демов – демархам (Arist. Ath. Pol. 21. 5). Хотя у Аристотеля и Геродота ничего не сообщается об изменениях в военной сфере, можно предположить, исходя из прямой взаимосвязи политического строя и военной организации полиса, что реформы Клисфена оказали влияние на систему комплектования гоплитов. Возможно, в это время была оформлена и начала функционировать система призыва гоплитов по списку (ἐκ καταλόγου), просуществовавшая более века.

В пользу этого могут свидетельствовать военные действия Афин против возглавляемых царем Клеоменом спартанцев, халкидян и беотийцев, вторгшихся в Аттику (Herod. V. 74, 77). Афиняне сначала разгромили беотийцев, а потом и халкидян на Эвбее (Herod. V. 77). В данной ситуации понятно, что вторжение и военные действия против Афин вызвали необходимость в сборе гражданского ополчения, которое в дальнейшем успешно справилось с врагами. Х. Туманс считает победу афинян прямым следствием реформ Клисфена [13, с. 381]. В свою очередь, К. Зельин подчеркивает роль афинской тяжелооруженной пехоты в данной победе [14, с. 196].

Сохраняющиеся неясности в вопросе введения и начального этапа функционирования системы призыва ополчения по списку связаны с состоянием источников. Упоминание системы набора по списку (ἐκ καταλόγου) появляется в источниках, повествующих о событиях, имевших место уже в V в. до н. э. Можно сказать, что первые сведения о наборе по списку встречаются в таком неоднозначно трактуемом документе, как декрет Фемистокла из Трезены. Вопросы у исследователей вызывают датировка документа, а также его достоверность⁷. В декрете, посвященном событиям 480 г. до н. э., говорится о комплектовании флота и, помимо всего прочего, предписывается стратегам набрать на корабль двадцать эпибатов в возрасте от двадцати до тридцати лет и четырех лучников (ML. 23. сткк. 23–25). В данном случае используется инфинитив аориста действительного залога καταλέξαι от глагола καταλέγω, который означает ‘выбирать, делать выбор, набирать, заносить в список’. Таким образом, можно предположить, что речь здесь идет именно о наборе эпибатов на корабли по списку (ἐκ καταλόγου) – так же, как происходило комплектование гоплитов по списку в сухопутной армии. На набор эпибатов по списку недвусмысленно указывает Фукидид применительно к периоду Пелопоннесской

⁵ Что же касается свержения тирании в Афинах, то Алкмеонидам удалось победить Гиппия благодаря военной помощи Спарты, в то время как тирану оказывали поддержку фессалийцы (Arist. Ath. Pol. 19. 4–6; Herod. V. 62–65). В данной ситуации внешние силы, фессалийцы и спартанцы, по сути, не являлись врагами полиса, так как выступали участниками конфликта различных афинских группировок.

⁶ Демы, *греч.* – самые мелкие административные единицы Афин.

⁷ В результате научной дискуссии появилось довольно большое количество публикаций, анализирующих документ. В частности, В.В. Шувалов в статье, посвященной морской программе Фемистокла, затрагивает историографию вопроса [15, с. 37–39].

войны (Thuc. VIII. 24. 3: ἐπιβάτας τῶν ὀπλιτῶν ἐκ καταλόγου ἀναγκαστούς). В этом нет ничего удивительного, ибо эпибаты как морские пехотинцы, в сущности, были гоплитами, которые могли участвовать в десантных операциях⁸.

Составленный гораздо позднее описываемых в нем событий декрет Фемистокла вызывает споры относительно его аутентичности⁹. Как замечает Р. Мейггз, с одной стороны, нельзя говорить о том, что у нас есть документальное воспроизведение декрета Фемистокла, с другой – нельзя утверждать, что при создании этого декрета не использовались исторические материалы [21, р. 50]. Если предположить, что декрет аутентичен, то информация о наборе эпибатов на корабли может быть достоверна. И если система призыва по списку функционировала в этот период, то, следовательно, сбор ополчения перед битвой при Марафоне и при Платеях осуществлялся по списку.

Подобный порядок набора предполагает и сообщение Геродота о том, что в момент Марафонской битвы аттические филы построились друг за другом в том порядке, как они шли по счету (Herod. VI. 111: ἐξεδέκοντο ὡς ἀριθμέοντο αἱ φυλαί, ἐχόμεναι ἀλλήλέων). Историк не указывает численности афинян, но предположительно афинский контингент мог насчитывать от девяти до десяти тысяч человек [22, S. 6]. В сражении при Платеях, согласно Геродоту (Herod. IX. 28. 6), против персов сражались восемь тысяч афинских гоплитов под командованием стратега Аристиды. Таким образом, применительно к событиям греко-персидских войн мы уже можем говорить о комплектовании армии по списку.

Аристотель в своей «Афинской политике» упоминает эту систему набора по списку. Говоря о развитии полиса после побед над персами, он указывает, что в те времена походные армии составлялись по списку (Arist. Ath. Pol. 26. 1: τῆς γὰρ στρατείας γιγνομένης ἐν τοῖς τότε χρόνοις ἐκ καταλόγου). Кажется странным, что автор, четко описывая знаковые для Афин реформы Клисфена, почему-то игнорирует такой важный вопрос, как военный призыв. Но, с другой стороны, видно, что Аристотель говорит о призыве по списку как о само собой разумеющемся факте применительно к описываемому им в данной главе времени. Более того, зачастую автор в своем труде повествует о тех или иных событиях вскользь или вообще их даже не упоминает. Также Аристотель замечает, что знатные афинские граждане несли потери вследствие неудачных войн, неопытных полководцев и призыва по списку (Arist. Ath. Pol. 26. 1; Pol. 1303a. 8–10). Такое нарушение баланса в гражданском коллективе, по мнению философа, могло привести к смене государственного строя (Arist. Pol. 1302b 35–1303a 10). Получается, что Аристотель считал призыв по списку губительным для гражданского коллектива. В дополнение к свидетельству Аристотеля о наборе гоплитов по списку в середине V в. до н. э. нельзя обойти вниманием Диодора Сицилийского. Согласно Диодору, в 457 г. до н. э., во время так называемой малой Пелопоннесской войны, стратег Миронид, готовившийся идти в Беотию,

⁸ В. Габриельсен полагает, что *эпибаты* были гоплитами, либо набранными по регулярному призыву, либо же добровольцами [16, р. 106]. Эту точку зрения поддерживает В. Розивач, анализируя сообщение Фукидида (Thuc. VI. 43. 1), в котором историк противопоставляет набор гоплитов по списку и фетов-эпибатов кораблей [17].

⁹ М. Джеймисон датировал надпись второй половиной IV в. до н. э. [18, р. 206]. Но в дальнейшем исследователи сошлись во мнении, что документ был создан позднее, в III в. до н. э.; см., например, [19, с. 37; 20, р. 685–688].

призвал необходимое количество граждан (οὗτος δὲ καταλέξας τῶν πολιτῶν), объявив день, в который он собирался выступить в поход из города (Diod. XI. 81. 4). На следующий год стратег Толмид аналогичным образом набрал себе гоплитов для морского похода в Лаконию (Diod. XI. 84. 4–5).

Система комплектования армии по списку продолжала применяться и в ходе Пелопоннесской войны¹⁰. Сведения о наборе по списку встречаются у Фукидида. Описывая подготовку к сицилийской экспедиции, автор упоминает и о составлении призывных списков граждан (Thuc. VI. 26: αὐτόθεν καταλόγους ἐποιοῦντο) и далее сообщает, что среди гоплитов было полторы тысячи афинских граждан, внесенных в списки военнообязанных (Thuc. VI. 43: καὶ τούτων Ἀθηναίων μὲν αὐτῶν ἦσαν πεντακόσιοι μὲν καὶ χίλιοι ἐκ καταλόγου). Позднее афиняне решили послать подкрепление флоту и сухопутному войску из числа граждан, внесенных в призывной список гоплитов, и союзников (Thuc. VII. 16. 1: πεζῇν Ἀθηναίων τε ἐκ καταλόγου καὶ τῶν συμμάχων). В отличие от предыдущих свидетельств, труд Фукидида посвящен современным автору событиям, то есть, как замечает М. Крист, первое современное свидетельство о системе набора по списку относится ко времени Пелопоннесской войны [2, р. 399]. Тем не менее более поздние источники в данном случае, возможно, также передают достоверную информацию о системе призыва и вполне заслуживают доверия. По крайней мере, в рассматриваемых источниках не видно каких-либо противоречий, и сведения о призыве в них совпадают.

Именно с призывом по списку в V в. до н. э. связаны были случаи полной мобилизации военнообязанных граждан, когда, по свидетельству античных авторов, афиняне выступали в военные походы всенародно (πανδημεί). В таком составе, например, они сражались в битвах при Танagre в 457 г. до н. э. (Thuc. I. 107. 5), совершили вторжение в Мегариду под командованием Перикла в 431 г. до н. э. (Thuc. II. 31. 1) и в Беотию под предводительством Гиппоника и Эвримедонта в 426 г. до н. э. (Thuc. III. 91. 4), принимали участие в известных битвах при Делии в 424 г. до н. э. (Thuc. IV. 90. 1) и при Мантинее в 418 г. до н. э. (Diod. XII. 79. 2).

Однако в следующем столетии система претерпевает кардинальные изменения – на смену призыву по списку приходит призыв по возрастам. О новой системе призыва имеется более полная информация, которая дается во второй части «Афинской политики» Аристотеля, где описывается государственное устройство Афин, современное автору, то есть 30–20-е годы IV в. до н. э. В этот период все гражданское население делилось на 42 возрастных категории, каждая из которых имела свой эпоним¹¹, наподобие эпонимов фил (Arist. Ath. Pol. 53. 4): возрастная категория, в частности, учитывалась при назначении диэтетов¹². После достижения гражданами предельного возраста, предусмотренного законодательством, их эпоним освобождался и передавался самому молодому возрасту. Особая важность института возрастных категорий заключалась в том, что призыв граждан на службу осуществлялся согласно эпонимам (Har-

¹⁰ Общие оценки численности военнообязанных афинян с учетом системы комплектования по списку – 27–28 тыс. человек (см. [23, р. 150; 24, р. 34–35]); также касательно дискуссии о числе афинян см. [25; 26].

¹¹ Эпоним, *греч.* – присвоенное определенной возрастной группе имя того или иного аттического героя.

¹² Диэтет, *греч.* – третейский судья в Афинах.

procrat. s.v. Στρατεία ἐν τοῖς ἐπώνυμοις). Вывешивалось объявление, в котором указывалось, граждане каких возрастов должны идти в поход ((Arist. Ath. Pol. 53. 7; Cf. Diod. XVIII. 10. 2); см. также [1, p. 596]). В пассаже Аристотеля используется термин ἡλικία, который переводится как ‘возраст, поколение’ (Arist. Ath. Pol. 53. 7).

Понятно, что в 30–20-е гг. IV в. до н. э. система призыва по возрастам уже функционировала. Возникает вопрос о времени появления этой системы. В связи с этим необходимо обратить внимание на военный опыт Эсхина. Он сообщает, что два года был эфебом:

А первый поход я проделал, будучи призванным по частичному набору: вместе со сверстниками и с наемниками Алкивиада мы были посланы сторожевым охранением во Флиунт... и впоследствии принимал участие во всех походах, когда призывался мой год¹³ (πρώτην δ' ἐξελθὼν στρατείαν τὴν ἐν τοῖς μέρεσι καλουμένην, καὶ συμπαρατέμπων μετὰ τῶν ἡλικιωτῶν καὶ τῶν Ἀλκιβιάδου ξένων τὴν εἰς Φλειοῦντα παραπομπήν... καὶ τὰς ἄλλας τὰς ἐκ διαδοχῆς ἐξόδους τὰς ἐν τοῖς ἐπώνυμοις καὶ τοῖς μέρεσιν ἐξῆλθον) (Aesch. II. 168).

В данном случае Эсхин употребляет слово ὁ ἡλικιώτης, которое переводится как ‘сверстник’, а также здесь присутствует слово οἱ ἐπώνυμοι (‘эпонимы’), что в данном тексте означает «призыв по возрастным эпонимам».

Поход Алкивиада во Флиунт состоялся в 366 г. до н. э. Однако возникают некоторые вопросы относительно трактовки сведений, представленных Эсхином. Это касается его формулировок, касающихся системы призыва: – ἐν τοῖς μέρεσι (от τὸ μέρος – часть, доля) и во втором случае – ἐν τοῖς ἐπώνυμοις καὶ τοῖς μέρεσιν. А. Эндрюс предполагает, что ἐν τοῖς μέρεσι в этом пассаже Эсхина может означать старую систему набора по списку, так как до середины IV в. до н. э. источники не упоминают новой системы набора по эпонимам [27, p. 1–2]. При этом А. Эндрюс ссылается на Демосфена и Диодора. Демосфен в одной из своих речей говорит о решении афинян спустить в море сорок триер, самим гражданам в возрасте до сорока пяти лет сесть на корабли (Dem. III. 4). В данном случае речь идет о событиях 352 г. до н. э., когда Филипп осадил крепость Герину и афиняне решили отправить помощь. Здесь ясно виден возрастной принцип сбора вооруженных сил. Однако следует отметить, что Демосфен сообщает о комплектовании флота. Свидетельство же Диодора о наборе войска по возрастным категориям относится к более поздним событиям: в начале Ламийской войны была принята псефизма, где в числе прочих военных приготовлений, предписывалось следующее: «...Все афиняне до сорока лет должны поступить на службу... три филы должны защищать Аттику, и... остальные семь должны быть готовы к походам за границу» (Diod. XVIII. 10. 2). Получается, что частичный набор, по которому Эсхин был призван впервые в поход во Флиунт, означает призыв по возрастам определенного количества гоплитов. Однако, если принять мнение А. Эндрюса, как тогда понимать вторую формулировку Эсхина ἐν τοῖς ἐπώνυμοις καὶ τοῖς μέρεσιν относительно его дальнейшей службы? Получается буквально, что Эсхин призывался и по спискам, и по эпонимам, что выглядит неправдоподобным. Поэтому, с учетом со-

¹³ Перевод С. Ошерова.

общений Демосфена и Диодора, можно заключить, что «частичный набор» (ἐν τοῖς μέρεσι) у Эсхина как раз и мог означать «набор по возрастам» (ἐν τοῖς ἑσωνύμοις), который, таким образом, должен был отличаться от всеобщей мобилизации граждан (πανδημεί), к которой афиняне иногда прибегали ранее, когда осуществляли набор по спискам (ἐκ καταλόγου).

Эсхин с гордостью сообщает о своем военном опыте. Кроме первого похода во Флиунт оратор принимал участие в походе 363 г. до н. э., битве при Мантинее 362 г. до н. э., походах на Эвбею в 357 и 349/48 гг. до н. э., во время последнего из которых он особенно отличился в битве при Таминах, за что был дважды награжден венком ((Aesch. II. 168–170); см. также [28, р. 29]).

Из речей Лисия можно сделать вывод, что во время Коринфской войны (395–387 гг. до н. э.) продолжала действовать система призыва по списку (Lys. XIV. 6; XV. 5). У Диодора есть упоминания о призыве по списку в начале Беотийской войны (378–362 гг. до н. э.) – в 378 г. до н. э., когда Демофонт, избранный стратегом, немедленно объявил общий сбор пяти тысяч гоплитов и пятисот всадников на помощь фиванцам. (Diod. XV. 26. 2: πεντακισχίλιους ὀπλίτας καὶ πεντακοσίους ἵππεῖς καταλέξας). Также, описывая события 377 г. до н. э., Диодор сообщает, что афиняне постановили снарядить двадцать тысяч гоплитов, пятьсот всадников и двести кораблей (Diod. XV. 29.7). Однако М. Крист ставит под сомнение правильность использования Диодором терминологии, на основании чего определяет время смены системы призыва в период с 386 по 366 г. до н. э. [2, р. 416]. В свою очередь, П. Стилиану замечает, что Диодор использует глагол καταλέγω (а также καταγράφω) не в узком смысле, подразумевающим определенный порядок набора гоплитов, а в более широком, означающем набор войска в целом, и применяет его в отношении не только Афин, но и других государств [29, р. 238]. Д. Хамель полагает, что введение новой системы призыва произошло в период до 352 г. до н. э. [30, р. 26–27]. Исходя из этого, можно предположить, что по крайней мере в 366 г. до н. э. в Афинах уже существовала новая система призыва. Следует отметить, что такая важная реформа военной организации полиса, как изменение порядка призыва, должна была быть тщательно подготовлена и понятна всем военнообязанным. И как нам кажется, подобные изменения должны были происходить в относительно спокойное время.

В связи с введением новой системы призыва возникает вопрос о ее причинах. Они кажутся вполне очевидными – усовершенствование системы. Чтобы лучше понять преимущества призыва по эпонимам перед призывом по списку, нужно сравнить их между собой. Призыв граждан по списку должен был отнимать некоторое время, так как надо было сначала определить круг военнообязанных по филам, а потом из него выбрать необходимое для похода количество человек, поэтому Дж. Кроули справедливо называет эту систему призыва «медленной, сложной и открытой для злоупотреблений» [4, р. 27–33]. Составление списков и последующий набор воинов осуществлялись стратегами (Diod. XI. 81. 4, 84. 4–5; Plut. Per. XVIII, Phoc. X; Lys. IX. 15, XIV. 6), которым помогали таксиархи (Lys. XV. 5; Ar. Pax. 1180–1184). Источником информации о военнообязанных гражданах для стратегов были списки членов демов – демо-тов, так называемые τὰ ληξιαρχικὰ γράμματα, и поэтому стратеги, по-

видимому, взаимодействовали с демархами¹⁴, главами демов, должность которых была учреждена Клисфеном (Arist. Ath. Pol. 21. 5)¹⁵. Когда юноши заносились в списки демонов, члены дема выносили решение относительно каждого человека: достиг ли он 18 лет, свободен ли, законно ли рожден (Arist. Ath. Pol. 42.1). Демоты голосовали, опуская камешки в урну (Dem. LVII. 13–14). Однако после проверки в деме юноши проходили докимасию¹⁶ в Совете 500 (Arist. Ath. Pol. 42. 2). Иногда могли проводиться проверки всех членов дема на предмет законности их статуса гражданина (Dem. LVII). Аристотель сообщает о возможности судебного разбирательства при несогласии с решением демонов (Arist. Ath. Pol. 42. 1).

При системе набора по списку многое зависело от стратегов, занимающихся им. В аристофановском «Мире» хор земледельцев свидетельствует о неоднократном призыве граждан на военную службу в Афинах V в. до н. э. вследствие манипуляций с призывными списками (Ar. Pax. 1180–1181). Очень показательной является речь Лисия «В защиту солдата». Афинянин Полиэн вскоре после окончания службы снова был внесен в призывной список. Стратег на его жалобы никак не отреагировал, а Полиэн был оштрафован за оскорбление стратегов (Lys. IX. 4–7). Такая система предоставляла стратегам возможность производить отбор лиц на службу по своему усмотрению. Пользуясь служебным положением, стратег мог не привлекать к службе определенных лиц или, напротив, стараться набрать в войско опытных в военном деле граждан. Конечно, призыв опытных воинов мог способствовать успеху военных действий, в чем были заинтересованы в первую очередь стратеги, на которых лежала ответственность за исход кампании. Но, с другой стороны, такие частые наборы, по мнению П. Родса, вели к большим потерям среди опытных граждан [1, р. 327]. Помимо этого, создавался дисбаланс в уровне военной подготовки гражданского коллектива. Однако в Афинах, возможно, существовали определенные правила сменяемости граждан на военной службе: Лисий говорит о случаях нарушения клятвы включать в призывной список лиц, еще не отбывавших воинской повинности (Lys. IX. 15). Также в пользу существования подобных правил свидетельствует и удивление Полиэна его новым назначением.

В заключение следует сказать, что со становлением полисного строя в Афинах происходит и оформление военной организации, основу которой составляло гоплитское гражданское ополчение. При этом складывается определенный порядок набора граждан на службу в гоплитах. Первоначально действовала система набора по списку, когда конкретные граждане, внесенные в список военнообязанных стратегами и таксиархами, должны были явиться на службу. На смену данной системе приходит система набора по эпонимам, согласно которой все военнообязанные граждане делились на 42 возрастных категории и на службу призывались, таким образом, граждане определенных возрастов. В источниках ничего не говорится о дате введения новой системы призыва, но можно предположить, что это произошло в период с 386 по 366 г.

¹⁴ В речи Демосфена говорится о том, что демархи составляли каталоги для укомплектования кораблей (Dem. L. 6).

¹⁵ О списках демонов и демархах см. также [31, р. 323–325].

¹⁶ Докимасия, *греч.* – в данном случае проверка юношей на соответствие статусу гражданина.

до н. э. Призыв по эпонимам был более совершенным и прозрачным, позволявшим мобилизовать гоплитов одного возраста и, следовательно, примерно одинакового физического уровня и военного опыта.

Источники

- Aesch. – Эсхин // Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подготовил Э.Д. Фролов. – М.: Ладомир, 2013. – С. 601–701.
- Ar. – *Аристофан*. Комедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского. – М.: Ладомир: Наука, 2000. – 1033 с.
- Arist. – The Works of Aristotle / Ed. W.D. Ross. – Oxford: Clarendon Press, 1921. – V. 10: Politica, Oeconomica and Atheniensium Respublica. – 462 p.
- Dem. – *Демосфен*. Речи: в 3 т. / Отв. ред.: Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. – М.: Памятники истор. мысли, 1994. – Т. 2. – 544 с.
- Diod. – *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека / Пер. В.М. Строецкого. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 755 с.
- Harpocrat. – *Harpocraton Valerius*. Lexicon in decem oratores atticos: T. 1–2 / Rec. G. Dindorfi. – Oxonii: E Tipographeo Academico, 1853. – Т. 1. – 352 p.
- Herod. – *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Lys. – Lysias / Transl. by W. R. M. Lamb. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1930. – XXVI, 706 p.
- ML – Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. – Oxford: Clarendon Press, 1969. – 308 p.
- Plut. – *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Под ред. С.С. Аверинцева. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – 702 с.
- Poll. – *Pollux Julius*. Onomasticon: Bd. 1–5 / Hrsg. von W. Dindorf. – Leipzig: Teubner, 1824. – Bd. 2. – 262 S.
- Thuc. – *Фукидид*. История / Пер. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1981. – 542 с.

Литература

1. Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. – Oxford: Clarendon Press, 1981. – xiii, 795 p.
2. Christ M.R. Conscription of hoplites in classical Athens // Classical Q. – 2001. – V. 51, No 2. – P. 398–422. – doi: 10.1093/cq/51.2.398.
3. Frost F.J. The Athenian military before Cleisthenes // Historia. – 1984. – Bd. 33, H. 3. – S. 283–294.
4. Crowley J. The Psychology of the Athenian Hoplite. The Culture of Combat in Classical Athens. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. – 252 p.
5. Туманс Х. Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII – VI вв. до н. э.) // Античное общество. Проблемы политической истории: Межвузов. сб. / Под ред. Э.Д. Фролова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – С. 6–19.
6. De Ste Croix G.E.M. Athenian Democratic Origins and Other Essays. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. – 464 p.
7. van Wees H. Greek Warfare: Myths and Realities. – London: Duckworth, 2004. – xiv, 349 p.
8. French A. Solon's hoplite assessment // Historia. – 1961. – Bd. 10, H. 4. – S. 510–512.

9. Rosivach V.J. Zeugitai and hoplites // *Ancient Hist. Bull.* – 2002. – V. 16. – P. 34–43.
10. Valdés Guía M., Gallego J. Athenian zeugitai and the Solonian census classes: New reflections and perspectives // *Historia.* – 2010. – Bd. 59, H. 3. – S. 257–281.
11. Gabrielsen V. The impact of armed forces on government and politics in archaic and classical Greek poleis: A response to Hans van Wees // *Army and Power in the Ancient World* / Ed. by A. Chaniotis, P. Ducrey. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. – P. 83–98.
12. Суриков И.Е. Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н. э. // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. ст. / Ред. Э.Д. Фролов.* – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. – Вып. 9. – С. 27–54.
13. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н. э.). – СПб.: Гуманит. Академия, 2002. – 544 с.
14. Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н. э. – М.: Наука, 1964. – 272 с.
15. Шувалов В.В. Морская программа Фемистокла // *Вестн. древней истории.* – 2006. – № 2. – С. 24–42.
16. Gabrielsen V. *Financing the Athenian Fleet: Public Taxation and Social Relations.* – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1994. – xvii, 306 p.
17. Rosivach V.J. The *thētes* in Thucydides 6.43.1 // *Hermes.* – 2012. – V. 140, No 2. – P. 131–139. – doi: 10.25162/hermes-2012-0014.
18. Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // *Hesperia.* – 1960. – V. 29, No 2. – P. 198–223.
19. Глускина Л.М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла // *Вестн. древней истории.* – 1963. – № 4. – С. 35–52.
20. Daux G. Chronique des fouilles 1959 // *Bulletin de correspondance hellénique.* – 1960. – V. 84, Liv. 2. – P. 617–874.
21. Meiggs R., Lewis D. (Eds.) *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* – Oxford: Clarendon Press, 1969. – 308 p.
22. Doenges N.A. The campaign and battle of Marathon // *Historia.* – 1998. – Bd. 47, H. 1. – S. 1–17.
23. Gomme A.W. The Athenian hoplite force in 431 B.C. // *Classical Q.* – 1927. – V. 21, No 3–4. – P. 142–150. – doi: 10.1017/S0009838800001221.
24. Gomme A.W. *A Historical Commentary on Thucydides.* – Oxford: Clarendon Press, 1956. – V. 2, Books 2–3. – 436 p.
25. Thompson W.E. Three thousand Achaean hoplites // *Historia.* – 1964. – Bd. 13, H. 4. – S. 400–413.
26. Lapini W. Les hoplites atheniens de 431 (Thuc. 2.13.6) // *Mnemosyne.* – 1997. – V. 50, No 3. – P. 257–270.
27. Andrewes A. The hoplite katalogos // *Classical Contributions: Studies in Honour of Malcolm Francis McGregor* / Ed. by G.S. Shrimpton, D.J. McCargar. – New York: J.J. Augustin, 1981. – P. 1–3.
28. Harris E.M. *Aeschines and Athenian Politics.* – New York: Oxford Univ. Press, 1995. – 238 p.
29. Stylianou P.J. *A Historical Commentary on Diodorus Siculus.* – Oxford: Clarendon Press, 1998. – Book 15. – 602 p.
30. Hamel D. *Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period.* – Leiden: Brill, 1998. – 254 p.

31. Sekunda N.W. Athenian demography and military strength 338–322 B.C. // *Annual of the British School at Athens*. – 1992. – V. 87. – P. 311–355. – doi: 10.1017/S0068245400015203.

Поступила в редакцию 12.01.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Востриков Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: igor-vostrikov@bk.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 19–31

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.19-31

The Formation of the Hoplite Militia in Athens

I.V. Vostrikov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: igor-vostrikov@bk.ru

Received January 12, 2023; Accepted March 6, 2023

Abstract

This article considers how the draft to the Athenian hoplite army was organized in the 5th–4th centuries B.C. The available historical sources do not describe the conscription system for hoplites until the 5th century B.C., so its functioning in the archaic period remains unknown. Interestingly, the conscription of hoplites was generally determined by the structure of the civilian part of Athenian society. It could have appeared with the introduction of the phalanx in Athens under Solon and finally took shape after the reforms of Cleisthenes. Over time, this original conscription system underwent major changes: at first, it was based on the conscription lists compiled by each phyle, i.e., the lists of citizens who were to be drafted for a particular campaign; later, the conscription was held by the eponyms, i.e., only citizens of certain age groups were drafted for service. The results obtained show that the new system must have been introduced between 386 and 366 B.C. The conclusion is made that the old conscription system was changed to improve the military structure of the polis.

Keywords: Athens, military organization, hoplites, conscription system

References

1. Rhodes P.J. *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford, Clarendon Press, 1981. xiii, 795 p.
2. Christ M.R. Conscription of hoplites in classical Athens. *Classical Quarterly*, 2001, vol. 51, no. 2, pp. 398–422. doi: 10.1093/cq/51.2.398.
3. Frost F.J. The Athenian military before Cleisthenes. *Historia*, 1984, Bd. 33, H. 3, S. 283–294.
4. Crowley J. *The Psychology of the Athenian Hoplite. The Culture of Combat in Classical Athens*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2012. 252 p.
5. Tumans Kh. The military organization of the Greeks in the archaic period (Athens, 8th–6th centuries B.C.). In: Frolov E.D. (Ed.) *Antichnoe obshchestvo. Problemy politicheskoi istorii: Mezhdvuzov.*

- sb. [Ancient Society. Problems of Political History: An Interuniversity Collection of Articles]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1997, pp. 6–19. (In Russian)
6. De Ste Croix G.E.M. *Athenian Democratic Origins and Other Essays*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2004. 464 p.
7. van Wees H. *Greek Warfare: Myths and Realities*. London, Duckworth, 2004. xiv, 349 p.
8. French A. Solon's hoplite assessment. *Historia*, 1961, Bd. 10, H. 4, S. 510–512.
9. Rosivach V.J. Zeugitai and hoplites. *Ancient History Bulletin*, 2002, vol. 16, pp. 34–43.
10. Valdés Guía M., Gallego J. Athenian *zeugitai* and the Solonian census classes: New reflections and perspectives. *Historia*, 2010, Bd. 59, H. 3, S. 257–281.
11. Gabrielsen V. The impact of armed forces on government and politics in archaic and classical Greek poleis: A response to Hans van Wees. In: Chaniotis A., Ducrey P. (Eds.) *Army and Power in the Ancient World*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2002. pp. 83–98.
12. Surikov I.E. Athena the warrior: Solon, Peisistratos, and the militia of the Athenian polis in the 6th century B.C. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira: Sb. st.* [Mnemon. Studies and Publications on the History of the Ancient World: A Collection of Articles]. St. Petersburg, Izd. S. Peterb. Univ., 2010, no. 9, pp. 27–54. (In Russian)
13. Tumans Kh. *Rozhdenie Afiny. Afinskii put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII – V vv. do n.e.)* [Birth of Athena. The Athenian Way to Democracy: From Homer to Pericles (8th–5th Centuries B.C.)]. St. Petersburg, Gumanit. Akad., 2002. 544 p. (In Russian)
14. Zel'in K.K. *Bor'ba politicheskikh gruppirovok v Attike VI v. do n.e.* [The Struggle of Political Factions in Attica in the 6th Century B.C.]. Moscow, Nauka, 1964. 272 p. (In Russian)
15. Shuvalov V.V. Themistocles' Naval Law. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2006, no. 2, pp. 24–42. (In Russian)
16. Gabrielsen V. *Financing the Athenian Fleet: Public Taxation and Social Relations*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 1994. xvii, 306 p.
17. Rosivach V.J. The *thētes* in Thucydides 6.43.1. *Hermes*, 2012, vol. 140, no. 2, pp. 131–139. doi: 10.25162/hermes-2012-0014.
18. Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen. *Hesperia*, 1960, vol. 29, no. 2, pp. 198–223.
19. Gluskina L.M. The Troizen inscription with the Decree of Themistokles. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1963, no. 4, pp. 35–52. (In Russian)
20. Daux G. Chronique des fouilles 1959. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1960, vol. 84, liv. 2, pp. 617–874. (In French)
21. Meiggs R., Lewis D. (Eds.) *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Oxford, Clarendon Press, 1969. 308 p.
22. Doenges N.A. The campaign and battle of Marathon. *Historia*, 1998, Bd. 47, H. 1, S. 1–17.
23. Gomme A.W. The Athenian hoplite force in 431 B.C. *Classical Quarterly*, 1927, vol. 21, nos. 3–4, pp. 142–150. doi: 10.1017/S0009838800001221.
24. Gomme A.W. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. 2, Books 2–3. Oxford, Clarendon Press, 1956. 436 p.
25. Thompson W.E. Three thousand Achaean hoplites. *Historia*, 1964, Bd. 13, H. 4, S. 400–413.
26. Lapini W. Les hoplites atheniens de 431 (Thuc. 2.13.6). *Mnemosyne*, 1997, vol. 50, no. 3, pp. 257–270. (In French)
27. Andrewes A. The hoplite katalogos. In: Shrimpton G.S., McCargar D.J. (Eds.) *Classical Contributions: Studies in Honour of Malcolm Francis McGregor*. New York, J.J. Augustin, 1981. pp. 1–3.
28. Harris E.M. *Aeschines and Athenian Politics*. New York, Oxford Univ. Press, 1995. 238 p.
29. Stylianou P.J. *A Historical Commentary on Diodorus Siculus*. Book 15. Oxford, Clarendon Press, 1998. 602 p.
30. Hamel D. *Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period*. Leiden, Brill, 1998. 254 p.

31. Sekunda N.W. Athenian demography and military strength 338–322 B.C. *Annual of the British School at Athens*, 1992, vol. 87, pp. 311–355. doi: 10.1017/S0068245400015203.

Для цитирования: Востриков И.В. Формирование гоплитского ополчения в Афинах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 19–31. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.19-31.

For citation: Vostrikov I.V. The formation of the hoplite militia in Athens. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 19–31. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.19-31. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 9.94(394)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.32-46

НАСЕЛЕНИЕ ЛАОДИКЕИ ПРИМОРСКОЙ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ: СОСТАВ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В.М. Кириллов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению социальной структуры населения Лаодикеи Приморской во второй половине I в. до н. э. – VI в. н. э. – от установления в Сирии римской власти до времени, предшествующего исламскому завоеванию региона. Основным источником для исследования выступают эпиграфические материалы, в качестве дополнительных привлекаются сведения из нарративной традиции и корпуса документов римского права. Проанализированы эволюция института семьи и внутрисемейные имущественные отношения. Составлен портрет занятого ремеслом, прежде всего ткачеством, свободного населения Лаодикеи. Описаны положение, структура и финансовые возможности городской имущественной аристократии, степень её влияния на общественную жизнь в городе. Приведены сведения о проживании в Лаодикее римских граждан и их месте в составе городского общества. Сделан вывод об общности социальных процессов в Лаодикее с основными тенденциями развития города в период Поздней Античности и обострении социального конфликта внутри городского сообщества.

Ключевые слова: Сирия, Лаодикея Приморская, Поздняя Античность, социальная структура, город

Несмотря на существование серии фундаментальных исследований по истории Сирии римского времени в целом, в последние годы отмечается актуальность разработок, направленных на обобщение историко-археологического наследия ряда отдельных городов данного региона, в число которых входит и Лаодикея Приморская [1, с. 9]. Исследование социальной структуры является частью комплексной работы, направленной на реконструкцию образа Лаодикеи как экономического и административного центра прибрежной части Сирии с момента установления римского владычества в I в. до н. э. до позднеантичного времени.

Широкие хронологические рамки определяются двумя факторами. Во-первых, на протяжении рассматриваемого периода происходит серия общественно-политических сдвигов, которые оказали влияние на городские сообщества (интеграция региона в экономическую жизнь Римской империи, христианизация). Во-вторых, спецификой сохранившихся источников относительно данного региона в целом является их широкое распределение по всему периоду, ряд источников не датирован или сохранился не полностью, что не позво-

ляет привязать их информацию к более узкому временному промежутку и качественно обработать содержащуюся в них информацию [2, р. 19].

Сохранившиеся эпиграфические материалы позволяют составить приблизительное представление о структуре и укладе жизни местной семьи. В надписях из Лаодикеи после имени действующего лица отсутствует длинное перечисление его предков, типичное для собственно сирийских полисов [3, с. 130, 145]. Это обстоятельство указывает на распространение среди местного населения эллинизированного типа семьи, для которого характерна ослабленная принадлежность к роду [4, с. 131–132], а в имя включается упоминание только об отце [5, S. 284–285]. При этой модели сын, достигший совершеннолетия, выходит из-под власти отца и становится главой собственной семьи, создавая независимую ячейку.

Брак являлся важным институтом, особенно для женщины, поскольку определял её социальный статус. Как правило, это обстоятельство отображалось в посвящении (IGLS IV. 1255, 1263). Однако в датируемой 237 г. надгробной надписи 30-летней Гермियोны (IGLS IV. 1245) два раза подчеркивается, что она была незамужней. Эта же эпитафия является единственной из города и его округа, в которой указан возраст почившей. Учитывая, что подобные надписи содержат наиболее важные сведения о жизни человека, можно высказать предположение, что размещение подобной информации раскрывает взгляд посвященных на такую ситуацию как на из ряда вон выходящее событие.

Структура надписей с упоминанием женских имен может свидетельствовать о наличии в Лаодикее двух брачных моделей и систем имущественных отношений внутри семьи. В одном случае формула выглядит как «А, жена В» (IGLS IV. 1267), что, вероятно, соответствует брачной модели *cum manu* («с рукой»), зафиксированной в римском праве, когда женщина теряет дееспособность и полностью переходит под власть мужа. Подобная структура надписей была широко распространена в римское время на периферии античного мира с высокой концентрацией аборигенного населения (КБН. 643, 644, 645, 648, 649 etc.) и может отражать какие-то локальные правовые обычаи, которые на тот момент уже являлись анахронизмом и нивелировались по мере включения этого населения в сферу действия римских законов, в целом исчезнув к VI в. [6, р. 362]. Применительно к Лаодикее состояние источников не позволяет однозначно обосновать наличие в городе и округе такой практики, однако подобная традиция может быть зафиксирована в среде как минимум одной из групп исконного на момент романизации населения Сиро-Палестинского региона [7, р. 319].

Второй вариант строится по структуре «А, жена В, дочь С», относящейся к системе брака, известной как *sine manu* («без руки»), когда женщина формально остается под властью отца, в замужестве обладает возможностью не только распоряжаться имуществом, но и вмешиваться в общественную жизнь. Очень показательна в этом отношении датируемая имперским временем надпись (IGLS IV. 1259), сообщающая об Аполлонии, дочери Зе..., фактически купившей своему мужу и детям место в городском совете.

Такая форма брака постепенно становится единственной, что находит отражение в позднеантичных нормативных документах. Сирийско-римский за-

конник V в. не знает другой модели имущественных отношений внутри семьи. Отец сохраняет власть над дочерью после её вступления в брак (Syr. Cod. 27. 3), для дочери предусмотрена масса возможностей, связанных с самостоятельным владением и распоряжением имуществом, как приданым, так и полученным по наследству или через иные источники дохода (Syr. Cod. 11; 18). Аналогичные положения встречаются и в Дигестах (Dig. 23. 4. 32, 34)], имущественная самостоятельность женщины достигается через её эмансипацию отцом (Dig. 23. 4. 50) и от действий мужа зависит слабо.

Надписи из Лаодикеи сообщают о женщинах, которые выступают в роли инициаторов посвящений. Так некая Карпина установила циппус¹ в качестве благодарности богиням за исполнение своих молитв (IGLS IV. 1262). Сохранились данные и об исполнении во II в. женщинами жреческих обязанностей (IGLS IV. 1263, 1264).

Примечательна недатированная надпись, которая сообщает, что Диокл, сын Феодота, воздвиг статую Зенодоре, дочери Зенона, прозывавшейся К..., и себе самому (IGLS IV. 1256). Надпись не раскрывает характера взаимоотношений между этими двумя людьми. Поскольку отсутствует указание на брак, вполне вероятно, статуя могла быть посвящена как почесть за оказанное благодеяние. Сомнительно, что Феодота и Зенодору связывали клиентские отношения, но какие-либо имущественные дела вполне могли иметь место. В целом сохранившиеся данные показывают, что женщина, в том числе и замужняя, в Лаодикее римского времени обладала дееспособностью и могла выступать самостоятельным участником имущественных отношений, оказывая в некоторых случаях влияние на общественную жизнь.

Известны данные о наличии в городе неразделившихся больших семей с коллективной собственностью. Такой пример приводится в надписи, которая подробнее будет рассмотрена ниже (IGLS IV. 1261). К этой же категории данных может относиться эпитафия при высеченном в скале склепе, датируемая 161 г. (IGLS IV. 1243), которая сообщает, что в этом месте погребены «Эвфал, сын Заеса, и Никитра, дочь Элеона». Дигесты запрещали хоронить в семейной могиле посторонних лиц (Dig. 47. 12. 3), в связи с чем Заес и Элеон должны были иметь по меньшей мере двоюродное родство и являться членами одной цельной семейной группы. Однако на текущий момент данный вопрос не может иметь однозначного решения: институциями Гая допускается нарушение в провинции этих требований (Gai. Inst. 2. 6), и упомянутые лица могут быть погребены вместе в результате каких-либо чрезвычайных обстоятельств, хотя их описание в эпитафии и не содержится.

Неоднозначна также интерпретация еще одной надписи (IGLS IV. 1267). Её копия, опубликованная М. ван Берхемом и Э. Фатио, не позволяет понять форму и первоначальное назначение плиты, на которой она была выбита [8, р. 290]. Текст надписи сильно фрагментирован, сохранившаяся часть читается как «...ος Иоанна ...λλα и принадлежащих ему». Если фрагмент ...λλα должен являться частью имени и его дешифровка не принципиальна для настоящей работы, то понимание других особенностей позволило бы прийти к определенным

¹ Циппус, *лат.* – столб пирамидальной формы с надписью различного содержания.

выводам. Р. Мутерд (IGLS IV. P. 30) предлагает реконструкцию первого слова как *σός* (могила), основываясь на схожей формуле “*σόνι διαφέρωντα Ἑλλάδιου...*” («могила, принадлежащая Элладию») с описанной Э. Ренаном надписи из Бейрута [9, p. 350], датируемой по наличию христианской символики V–VI вв. Аргументом против аналогии двух этих памятников, которые имеют между собой мало общего в плане синтаксиса, является несогласованность существительного в начале надписи с оборотом *τοῖς δι[αφέ]ροντες* (принадлежащим), относящимся к имени, что не соответствует структуре надписи из Бейрута. Но неверно подобранная Р. Мутердом аналогия не исключает возможности принимать его вариант дешифровки как наиболее подходящий в данной ситуации. Надписи, действительно использующие причастие *διαφέρων* во множественном числе и в связке с именем погребенных, происходят из Малой Азии и обнаружены в Корики (МАМА. III. 287), Кинне (МАМА. XI. 238) и Анкире (F. Miltner. 1937. № 43). Хотя их палеографические особенности заметно различаются, все они датируются уже христианским временем и относятся к IV–VI вв. Этим же промежутком времени маркируется и лаодикейская надпись, что следует из общности формулы и имени упомянутого в ней лица, чаще встречавшихся именно в христианскую эпоху.

Также актуален вопрос, кем являлись «принадлежащие Иоанну». Контекст установки надписи указывает на упомянутое лицо как главу семейного коллектива и «домашних его» – членов этого семейства, которые хоронились вместе в одном склепе. Если данная трактовка может быть принята, то надпись сообщает о существовании в Лаодикее ранневизантийского времени патриархальных семейных коллективов, в которых глава семьи выступает от имени всех её членов. Более подробно охарактеризовать изменение формата семейных отношений в городе при имеющемся состоянии источников невозможно. Нельзя исключать, что в состав «домашних» также включались рабы.

О собственно рабах или других категориях зависимого населения Лаодикеи данных сохранилось крайне мало. Рабом мог являться «Стефан господина Августа», воздать которому по заслугам обещает автор таблички с проклятием (IGLS IV. 1287). К этой же группе населения мог принадлежать Дион, исполнявший секретарские функции и известный из надписи (IGLS IV. 1304), происходящей из включенной в сферу лаодикейских интересов Баланеи. Р. Мутерд считает возможным определение такого статуса на основании отсутствия в имени упоминания об отце этого человека. Важность происхождения и его связь с рабством отмечаются в источниковой базе (Dio. Chrys. De serv. II. 3–8), но возможность подобной интерпретации применительно к данной надписи и точное определение положения Диона затруднительны – памятник сильно фрагментирован, значительная часть данных утрачена.

Среди свободного населения Лаодикеи большой процент составляли ремесленники. Из Эдикта о максимальных ценах, изданного Диоклетианом в начале IV в. (Ed. de pret.), известно о широком распространении в городе текстильного производства. Этот же документ позволяет охарактеризовать положение занятых в нем лиц. Поскольку за свой труд они получали плату, следовательно, они не являлись рабами, а имели статус самостоятельных производителей или наемных рабочих. А.Г. Грушевой отмечает сдельный характер опла-

ты труда и высокие расценки на него у связанных с текстильным производством ремесленников, в отличие от более низкой поденной оплаты за другие виды работ, на основании чего делает вывод об их более высоком достатке по сравнению с представителями других профессий [1, с. 168]. Однако такой подход справедлив только для мастеров, связанных с производством самих предметов одежды в Лаодикее и остальных центрах, выпускавших товары высокого ценового сегмента, ориентированные на элитарное потребление. При известном размере заработной платы за изготовление текстильных изделий в 175–600 денариев² за штуку (Ed. de pret. 22. 16–22) в сравнении со средним доходом других ремесленников в диапазоне 50–70 денариев в день (Ed. de pret. 7. 1–14) уровень достатка видится высоким. Между тем оба показателя рассчитываются по разным критериям, источник не содержит информации, сколько времени затрачивалось на производство одного предмета одежды. Для получения равного или превосходящего другие профессии дохода ремесленнику нужно работать над одним изделием не более трех дней, что может представляться соответствующим действительности. Для сравнения: за изготовление единицы товара в целом по империи мастер получал от 20 до 60 денариев (Ed. de pret. 7. 42–50), что принципиально снижает уровень его дохода, даже с учетом того, что подобный способ оплаты не выставляет верхней возможной планки дохода и ставит её в прямую зависимость от проделанного объема работы.

Таким же образом рассчитывается заработная плата вышивальщиков, которые получали за обработку одной унции³ лаодикейской хламиды 25 денариев (Ed. de pret. 20. 4). При весе шерстяной ткани минимум 300 г/м² для выхода на средний или высокий уровень дохода ремесленнику нужно было обрабатывать за день участок ткани размером не менее 20 x 100 см. Плотность вышивки на сохранившихся образцах позднеантичных тканей может быть различна [10, р. 302, 305, 307, 309], но даже при минимальной плотности вряд ли было возможно выполнить такой объем работы в течение дня, что автоматически опускает уровень заработной платы вышивальщика в сравнении с другими профессиями.

Еще более низкий доход имела категория работников, называемых *lanarii* (ланарии). Этимология этого слова не позволяет прямо раскрыть характер деятельности данной группы ремесленников, что приводит к определенной путанице в исследованиях [1, с. 167]. Одна схолия⁴ содержит уточнение по такому роду занятий («*λανάριοι καλοῦνται οἱ κτενισταί*», Schol. Apol. Rhod. 4. 177), которое определяет задачу ланариев как вычесывание и чистку состриженной с животных шерсти. Подготовленная таким образом к дальнейшей обработке шерсть выступала в роли отдельного продукта, что подтверждается находкой

² Уровень цен Эдикта указан в денариях высокого уровня инфляции конца III в., которые не имеют ничего общего с более ранней серебряной монетой. Это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет сопоставление данных Эдикта с другими источниками, с другой – не препятствует проведению анализа товарно-денежных отношений в пределах информации, предоставляемой этим отдельным документом. Также следует учитывать, что расценки в Эдикте отображены исходя из представлений законодателя, возможность проверить исполнение этого постановления на практике отсутствует.

³ Расчет строится по римской унции весом 28.34 г.

⁴ Схолия, *греч.* – комментарий к источнику, сделанный в Античности и содержащий разъяснения отдельных мест текста, показавшихся автору трудными для понимания.

в одном из итальянских центров производства свинцовой бирки, отмечавшей упакованный тюк с подобным содержимым [11, р. 280–281]. За обработку либры⁵ лаодикейской шерсти чесальщик должен был получать 30 денариев (Ed. de pret. 21. 2), что выглядит позитивно на фоне его коллег, работавших с другими видами сырья, чей доход мог быть вдвое ниже (Ed. de pret. 21. 4). Объем дневного заработка вычислить по таким критериям затруднительно, но вряд ли он сильно отличался от размеров заработной платы чесальщиков, приведённых источником. Показательно, что плата работникам со льном, производство которого также было развито в Лаодикее, регламентируется буквально следующими строчками Эдикта и составляет 20–40 денариев в день (Ed. de pret. 21. 5–6).

Информация о заработной плате прях из Лаодикеи не сохранилась, в других центрах они получали 12–16 денариев в день (Ed. de pret. 20. 12–13).

Документ не содержит никаких данных о денежном довольствии ткачей (*texti*). Сомнительно, чтобы их доход и уровень жизни могли быть высокими, поскольку во времена империи они пользовались репутацией людей низшего сорта, грязных, грубых и вечно дурно пахнущих (Petr. Satyr. 33, Mart. 12. 59).

Полученная информация позволяет прийти к выводу, что все ремесленники, работавшие в текстильном производстве, делились на две категории. К первой относились мастера, занятые непосредственно изготовлением предметов одежды, которых в процентном отношении должно было быть меньшинство. Надо полагать, они же обладали необходимой для такой работы более высокой квалификацией. Доход этой части населения в Лаодикее был не ниже среднего по сравнению с занятыми в других профессиях ремесленниками по империи в целом. Ко второй категории относились различные группы работников, занятых на всех этапах подготовки текстильного сырья. Их заработная плата в городе была выше, чем получали за аналогичный труд в центрах производства менее престижной текстильной продукции, однако даже этот фактор принципиально не улучшал их положения. Данное обстоятельство особенно бросается в глаза при сопоставлении дохода работников с уровнем цен на продукты или другие товары. Секстариум⁶ самого дешевого оливкового масла стоил 12 денариев (Ed. de pret. 3. 3), соленая рыба обходилась в 6 денариев за либру (Ed. de pret. 5. 5), модий⁷ ячменя – 60 денариев (Ed. de pret. 1. 2). При таком уровне цен заработок 20–30 денариев в день перемещал работника на грань нищеты, еще более низкий доход вынуждал бороться за выживание (и это без учета расходов на одежду и другие базовые потребности). Подобное положение дел ставило работника в сильную зависимость от работодателя, у которого имелись рычаги давления на него как в виде самой заработной платы, так и в виде оказания каких-либо мер поддержки наподобие хлебных раздач.

В целом, крайне низкий уровень жизни многих занятых в ремесленном производстве работников привел к тому, что именно из них формировался слой городской черни, имевшей в позднеантичной исторической традиции дурную репутацию (Evag. Schol. 2. 8), но обладавшей силой из-за своей многочисленности и неуправляемости и оказывавшей влияние на городскую жизнь.

⁵ Расчет строится по римской либре весом 327,45 г.

⁶ Секстариум равнялся 0,547 л.

⁷ Документ уточняет, что имеется в виду *modius castrensis* объемом 17,5 л.

Данные относительно Лаодикеи также подтверждают отмеченную в историографии тенденцию [12, с. 137–138], согласно которой беднейшее городское население постепенно переставало быть толпой, содержащейся за счет государства, и втягивалось в трудовые отношения, но не переставало вести маргинальный образ жизни.

Сохранившиеся источники содержат также сведения об имущественной аристократии в Лаодикее римского времени. Одна надпись (IGLS IV. 1261) воспроизводит постановление городского совета пелиганов⁸ 175/4 г. до н. э., однако сама стела на основании палеографических особенностей датируется в пределах 50 г. до н. э. – 200 г. н. э. Инициаторами постановления выступили Гор, Аполлодор и Антиох – жрецы Сераписа и Исида, обратившиеся к совету в связи с существовавшим в городе законом, по которому желающие установить статую были обязаны платить определенную сумму за предоставление места. Некоторые запрашивали место для статуи на территории святилища, являвшегося наследственным владением жрецов и их родственников. Заявители, опасаясь, что их собственность будет уменьшаться через выкуп земли, инициировали правило, чтобы плата взималась не за место для установки, а за саму статую, что и было удовлетворено советом. Эта надпись сообщает о существовании в Лаодикее на протяжении долгого времени семьи, владевшей земельной собственностью и получавшей с нее доход. Интересы этой семьи охранялись городскими властями уже в эллинистическое время, а установка стелы в римский период свидетельствует о сохранении такого порядка по меньшей мере на протяжении полутора веков.

Полагаем, что подобная семья была не одна, существовало некоторое количество родов, формировавших верхушку лаодикейского общества задолго до римлян и сохранивших свое положение во времена империи. Именно о таком коллективе идет речь в посвящении жрице Артемиды, исполнявшей свои обязанности в 116/117 г., Юлии Беренике, дочери Тита, который назван потомком царя Селевка Никатора (IGLS IV. 1264). Однако царское происхождение этого рода подвергается сомнению – указания на родственные отношения с представителями бывшей правящей династии встречаются и в других местах, а упоминаемые в них лица в историографии получили название квази-Селевкиды [13, р. 609]. Независимо от действительного происхождения Тита сам факт помещения в надпись подобной информации свидетельствует о том, что она не просто считалась в городе достоверной, но и имела большую важность, легитимизируя древность и знатность рода. Между тем известно, что статуя Артемиды была подарена Лаодикее Селевком Никатором (Paus. 3. 16. 8), поэтому исполнение жреческих обязанностей почитания богини его потомками выглядело бы логичным [14, р. 161–162], хоть и не являлось исключительно их прерогативой, как это следует из другой надписи (IGLS IV. 1263). Упомянутая в ней Сосипатра, дочь Феогена, также исполняла обязанности жрицы Артемиды годом ранее и являлась внучкой Стратона, бывшего архизакором⁹ святилища Сераписа.

⁸ Пелиган, *греч.* – член совета старейшин в некоторых городах Эпира и Македонии.

⁹ Архизакор, *греч.* – председатель греческой коллегии.

Показательно, что посвящение Юлии Беренике установила её мать Кассия Лепида, римская гражданка из старого патрицианского рода. Отец Юлии, Тит, скорее всего, также являлся римским гражданином, а его предки получили этот статус при Флавиях. Таким образом, данная семья представляет собой яркий пример слияния старой местной аристократии с римской знатью и формирования на этой основе единой элитарной социальной верхушки.

Дошедшие до современности источники позволяют уточнить и финансовые возможности лаодикейской аристократии. Упомянутая выше Аполлония, дочь Зе... (IGLS IV. 1259), на свои средства установила шесть дверей в какой-то постройке, затем оформила вымосткой двадцать участков колоннады, за что её муж и дети получили звания членов городского совета. Данный эпизод показателен по многим параметрам. С одной стороны, он иллюстрирует наличие прямой связи между имущественной и политической элитами города, с другой – определяет примерный имущественный ценз для замещения конкретной должности, с третьей – показывает механизм проникновения имущественной аристократии в состав городских магистратов в римское время.

Стоит отметить, что данная ситуация не является уникальной для Лаодикеи. Ульпиан признает возможность предоставления женой мужу каких-либо средств для получения им почетной должности и законность самой этой должности (Dig. 24. 1. 40), что указывает на наличие такой тенденции в конце II – начале III в., по крайней мере на Востоке, откуда происходил юрист. Включение этой статьи в Дигесты свидетельствует о сохранении подобного явления в дальнейшем.

Связь между политической и имущественной аристократией сохраняется и в более поздний период и прослеживается по находке на сирийском побережье торговой печати, принадлежавшей Кириллу, также называемому Анатолием, сыну булевта¹⁰ Мараны [15, р. 589]. Собственные имена владельца получают широкое распространение именно в христианское время, что служит основанием для датировки предмета. Тогда же источниками отмечено имя Марана (Theod. Суг. Ер. 67, 124, 210), имеющее аналогию среди ранних сирийских святых [16, р. 192]. Определить род товара, который маркировался этой печатью, не представляется возможным. Показательно помещение в текст надписи информации о статусе отца владельца, что при ограниченном объеме текста должно было иметь существенное значение. Таким образом, печать иллюстрирует ситуацию, когда отец занимает пост одного из высоких городских магистратов, а его отпрыск реализует себя в коммерции, весьма вероятно, не без пользы от отцовской должности.

Из уже упомянутой Баланеи происходит посвящение (IGLS IV. 1298), датируемое сер. I в. до н. э. – сер. I в. н. э., установленное в честь Антиоха-Дифила, сына Менодора, который на свои средства построил храм и воздвиг в нем статуи. Оттуда же надпись (IGLS IV. 1303) с информацией об исполнении «...дором, сыном Антиоха» обязанностей ситона¹¹ – он за свой счет снабжал город пшеницей и маслом. Можно представить масштаб состояния обоих

¹⁰ Булевт, *греч.* – член городского совета.

¹¹ Ситон, *греч.* – должностное лицо, в обязанности которого входило снабжение города продовольствием.

упомянутых источниками лиц и расходов, которые они могли позволить себе как для строительства, так и для поставки продовольствия.

Представляет интерес в контексте описания имущественной аристократии надпись (IGLS IV. 1265), установленная в 221 г. и описывающая карьеру лаодикийского атлета, римского гражданина Аврелия Септимия Эриния, сына Евтиха. В 214 г. он принял участие в Немейских играх, где проиграл в финальном поединке. Самую престижную победу он одержал еще мальчиком в Актийских играх в Никополе. Карта остальных выигранных агонов практически не выходит за пределы Восточного Средиземноморья, что позволяет охарактеризовать Аврелия как атлета среднего уровня, имевшего успех и знаменитого не более чем в региональном масштабе [17, с. 93].

Содержание указанной надписи предоставляет возможность подсчитать хотя бы частично доход, полученный атлетом от своих побед. Помимо ряда игр в честь императоров, вознаграждение за которые могло носить символический характер, так как они имели больше культовое и политическое значение [18, р. 81–82], Аврелий одержал 41 победу в соревнованиях, называемых талантиней, что уже указывает на изначально заложенный в них денежный характер выигрыша. Называются также виды спорта, в которых ему удалось стать лучшим, это облегчает задачу оценки финансового результата его спортивной карьеры.

Размер призового фонда соревнований такой категории позволяет уточнить синхронная лаодикийской надпись из Афродисии, которая содержит достаточно подробный перечень выплат, получаемых атлетами в различных номинациях и возрастных группах – мужей, юношей и мальчиков (CIG II. 2758). Среди категории мужей (οἱ ἄνδρες) награда победителя в борьбе (παικράτιον) составляла 3 000 денариев, выигравший в состязаниях по бегу (δρόμος) получал от 750 до 1 250 в зависимости от дистанции, ставший лучшим в кулачном бою (πυγμαίη) – 2 000 денариев. Для сравнения стоимость земельного участка с различными плодовыми деревьями, продажа которого оформлялась папирусом 227 г. из Дура-Европос, составляла 175 денариев (P. Douga. 26. 12–13).

Объем заработка, который мог быть получен Аврелием за время его карьеры, позволяет отнести его к числу богатейших жителей города и включить известных атлетов в состав наиболее обеспеченных представителей общества. К ним же, надо полагать, относились и знаменитые представители творческих профессий: музыканты, поэты, актеры. Их доход от выигранных состязаний был ниже, чем у атлетов, но также составлял внушительные суммы (CIG II. 2759). Присутствие таких людей в Лаодикее источниками не задокументировано, но и не может быть исключено.

Кроме уже упомянутых Тита и Кассии Лепиды, в Лаодикее проживали и другие римские граждане, которые составляли отдельную категорию городского населения. Часть из них являлась представителями армии и административного аппарата. Именно к этой группе относился известный по надписи (IGLS IV. 1253) Квинт Миниций Гонорат, бенефициарий префекта претория, построивший в городе простильный портик с 18 колоннами. Известно, что Квинт яв-

лялся императорским эвокатом¹² (*evocatus Augusti*), что в совокупности с занимаемой высокой должностью свидетельствует о продолжительной и успешной военной карьере этого человека, отметившегося вкладом в развитие городской инфраструктуры через постройку общественного здания. Нахождение в Лаодикее лица подобного ранга и с подобными полномочиями должно было оказывать и иное влияние на городскую жизнь, например, в сфере взаимоотношений гражданского коллектива с властями провинции.

Другой римский гражданин из окрестностей Лаодикеи (Баланея) Марк Луций Флакк установил посвящение божественному Антиною, фавориту императора Адриана (IGLS IV. 1300), погибшему в водах Нила при странных обстоятельствах. После смерти фаворита Адриан основал город и назвал созвездие его именем, Антиной был обожествлен, а культ в его честь быстро распространился по всей империи (Dio. Cass. 69). Эти события относятся к 130 г., что и служит основанием для датировки надписи. Установка посвящения Флакком является примером одобрения живущим в провинции римским гражданином общей линии императорской политики и его стремления реагировать на важные события государственной жизни.

Текущее состояние источников не позволяет однозначно ответить на вопрос о политическом статусе римских граждан внутри городского коллектива. Кроме информации о возможности при сохранении римского гражданства получения также гражданства местного, как это было у Септимия Эриней, отсутствуют какие-либо внятные сведения о наличии у римлян правового иммунитета относительно полисных норм. Единственный текст по данному вопросу сохранился на саркофаге Аврелии, дочери Кассия, датируемом II в. (IGLS IV. 1254). Эта надпись устанавливает за отчуждение саркофага (продажа, передача в дар) штраф в размере 10 000 денариев, половина которого платилась в императорскую казну, а половина передавалась «отчизне» (*τῇ πατρίδι*) погребённой. Понимание того, что имелось в виду под последним термином, имеет принципиальное значение для рассматриваемого вопроса. Схожая по построению запретительная формула известна из Смирны (Ameling. 43). В ней предписывалось первую часть штрафа также выплатить в священный фиск, вторую – передать «иудейскому народу» (*τῷ ἔθνει τῶν Ἰουδαίων*), ближайшим представителем которого могла являться еврейская община Смирны.

Сама необходимость отдельного внесения в надпись подобной формулы возникала, если такое правило не регламентировалось местным законодательством. Вместе с отсутствием отчислений в пользу города это свидетельствует о свободе некоторой части жителей от полисной юрисдикции. В то же время составление лаодикейской надписи на греческом языке указывает, что в первую очередь карательная мера была ориентирована именно на местное население.

При таком понимании текста с саркофага Аврелии становится возможной гипотеза о существовании в Лаодикее еще во II в. некой ассоциации, или пага¹³, римских граждан, которые административно не были подчинены городским властям, именно она и считалась «отчизной» умершей. Существование такой

¹² Императорские эвокаты – в эпоху Римской империи солдаты, оставшиеся в армии на сверхсрочную службу.

¹³ Паг, *лат.* – самая мелкая административно-территориальная единица в римских провинциях.

организации было целесообразным до начала следующего столетия, пока Эдикт Каракаллы 212 г. не распространил римское гражданство на все свободное население империи, и выделение этой группы людей в отдельную привилегированную категорию по такому признаку не утратило смысла.

Из округа Лаодикеи известна надпись, имеющая отношение к выходцам из Пальмиры (IGLS IV. 1301). Она сообщает о возведении в 193 г. Маззабаном и его сыном Марком посвящения отеческому богу Геннею. Интересная во многих отношениях, эта надпись могла бы служить свидетельством проживания на данной территории пальмирской общины и влияния на нее процесса романизации. Однако существует вопрос о месте происхождения памятника, который с большой долей вероятности мог быть привезен в XIX в. из другой части Сирии. По этой причине подробный анализ надписи в настоящей работе не проводится.

Таким образом, сохранившаяся информация позволяет охарактеризовать структуру лаодикийского общества римского времени и выделить некоторые тенденции его развития. В городе происходит эволюция внутрисемейных отношений. Фиксируются изменения в положении свободного населения, в котором формируется типичный для Поздней Античности слой городской черни с очень низким уровнем жизни и выраженной склонностью к волнениям. Среди высших слоев с широкими финансовыми возможностями сохраняется тенденция связи между политической и имущественной аристократией, которая в IV – VI вв. может быть прослежена на уровне отдельных семей, что указывает на прочное обособление этой группы населения и усложнение вертикальной социальной мобильности. На протяжении рассматриваемого периода исчезают привилегии политического статуса части населения (например, римское гражданство), ведущим признаком стратификации начинает служить материальное положение. С одной стороны, это упрощает структуру общества, с другой – усиливает его поляризацию, создавая предпосылки для углубления конфликта между элитой и остальной частью социума.

Источники

- IGLS IV – *Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie* / L. Jalabert, R. Mouterde, C. Mondésert. – Paris: Geuthner, 1955. – Т. IV: Laodicée, Apamène №^{os} 1243–1997. – 380 p.
- КБН – Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В.В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 951 с.
- Syr. Code. – *Das Syrisch-Römische Rechtsbuch* / Hrsg. von W. Selb, H. Kaufhold. – Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss., 2002. – Band II: Texte und Übersetzungen. – 392 S.
- Dig. – *Дигесты Юстиниана: в 7 т.* / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2004. – Т. IV. – 780 с.
- Gai. Inst. – *Gai Institutiones or Institutes of Roman law by Gaius* / With a translation and commentary by E. Poste, revised and enlarged by E.A. Whittuck. – Oxford: The Clarendon Press, 1904. – 668 p.
- MAMA. III – *Monumenta Asiae Minoris Antiqua* – Manchester: Manchester Univ. Press, 1931. – V. 3: *Denkmäler aus dem Rauhen Kilikien* herausgegeben von Keil und Wilhelm. – XIV, 238 p., 58 pl.
- MAMA. XI – *Monumenta Asiae Minoris Antiqua XI: Monuments from Phrygia and Lykaonia*. – URL: <http://mama.csad.ox.ac.uk/index.html>, свободный.

- F. Miltner. 1937 – *Miltner F.* Epigraphische Nachlese in Ankara // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. – 1937. – V. 30. – Beibl. 9–66.
- Dio. Chrys. – Дион Хризостом. Кинические речи / Пер. с др.-гр. Т.Г. Сидаша. – СПб.: Квадриум, 2021. – 256 с.
- Ed. de pret. – Diokletians Preisedikt / Hrsg. von S. Lauffer. – Berlin: Walter de Gruyter and Co, 1971. – 361 S.
- Schol. Apol. Rhod. – Apollonii Rhodii Argonautica. Ad fidem librorum manuscriptorum et editionum antiquarum recensuit, integram lectionis varietatem et annotationes adiecit, sholia aucta et emendata indicesque locupletissimos addidit Augustus Wellauer. Volumen secundum. – Lipsia: Sumtibus et typis B.G. Teubneri, 1828. – Volumen secundum. – 318 p.
- Petr. Satyr. – Petronius, with an English translation by M. Helestine. Seneca. Apocolocyntosis, with an English translation by W.H.D. Rouse, M.A. Litt. – London; New York: William Heinemann: G.P. Putnam's sons, 1925. – XXII, 418 p.
- Mart. – *Martial*. Epigrams: 3 v. / Ed. and transl. by D.R. Shackleton Bailey. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1993. – V. 3: Books 11–14. – 416 p.
- Evag. Schol. – The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus / Transl. with an introd. by M. Whitby // Translated texts for historians. – Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2000. – V. 33. – 390 p.
- Paus. – *Pausanias*. Description of Greece / Transl. an English by W.H.S. Jones, D. Litt, H.A. Omerod. – London; New York: William Heinemann; G.P. Putnam's sons, 1926. – V. II: Books 3–5. – 552 p.
- Theod. Cyr. – Τοῦ μακαρίου Θεοδώρου ἐπισκόπου Κύρου ἐπιστολαί // Patrologia Graeca / Ed. by J.-P. Migne. – Paris: Lutetia Parisiorum, 1864. – V. 083. – P. 1174–1520.
- CIG II – Corpus inscriptionum graecarum / Ed. A. Boeckhius. – Berolinum: Ex officina academica, 1843. – Volumen secundum. – 1136 p.
- P. Doura – The excavations at Dura-Europos. Final report V. Part I: The parchments and papyri by C.B. Welles, P.O. Fink, J.F. Gilliam. – New Haven: Yale Univ. Press, 1959. – XXVIII, 458 p, LXXI pl.
- Dio. Cass. – Dio's Roman History / Transl. by E. Cary, H. B. Foster. – London; New York: William Heinemann: G.P. Putnam's sons, 1925. – V. VIII: Books 61–70. – 482, IV p.
- Ameling – Inscriptiones Judaicae Orientis / Hrsg. von W. Ameling. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2004. – XVIII, 650 S.

Литература

1. Грушевой А.Г. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.). – СПб.: Нестор-История, 2013. – 380 с.
2. Filipczak P. Roman governors of Syria in Late Antiquity: Problems and perspectives of prosopographic research // Hawliyat. – 2020–2021. – No 19. – P. 17–32.
3. Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). – М.: Наука, 1977. – 310 с.
4. Суриков И.Е. Семья и род как феномены культуры в античности: Древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS // Вестн. РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2018. – № 7. – С. 126–140.
5. Hermann K.F. Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer. – Freiburg; Tübingen: Akademische Akad. Verlagbuchh. von J.C.B. Mohr, 1882. – 558 S.

6. Van den Bergh R. The role of education in the social and legal position of women in Roman society // *Rev. Int. des Droits de l'Antiquité*. – 2000. – Ser. 3e, Vol. XLVII. – P. 351–364.
7. Hezser C. Did Palestinian rabbis know Roman law? Methodological considerations and case studies // *Legal Engagement: The Reception of Roman Law and Tribunals by Jews and Other Inhabitants of the Empire* / Ed. by K. Berthelot, N. Dohrmann, C. Nemo-Pekelman. – Rome: École française de Rome, 2021. – P. 303–322.
8. van Berchem M., Fatio E. Voyage en Syrie: Tome premier. – Caire: L'Institut Français d'Archeologie Orientale du Caire, 1914. – 344 p., LXXVIII pl.
9. Renan E. Mission de Phénicie. – Paris: Imprimerie Impériale, 1864. – 886 p.
10. Wild J.P., Droß-Krüpe K. *Ars polymita, ars plumaria*: The weaving terminology of *taqueté* and tapestry // *Textile Terminologies from the Orient to the Mediterranean and Europe, 1000 BC to 1000 AD* / Ed. by S. Gaspa, C. Michel, M.-L. Nosch. – Lincoln: Zea Books, 2017. – P. 301–320.
11. Zaccaria C. Novità sulla produzione lanaria ad Aquileia. A proposito di una nuova testimonianza di purgatores // *Opinione pubblica e forme di comunicazione a Roma: il linguaggio dell'epigrafia, Atti del Colloquio AIEGL-Borghesi 2007 (Bertinoro, 21–23 giugno, 2007)*. – Faenza: Fratelli Lega editori Faenza, 2009. – P. 277–298.
12. Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 220 с.
13. Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (323–64 avant J.-C.): 2 p. – Paris: Ernest Leroux Éditeur, 1914. – 728 p., IV pl.
14. Aliquot J. A Laodicean on Mount Casius // *Religious Identities in the Levant from Alexander to Muhammed. Continuity and Change* / Ed. by M. Blömer, A. Lichtenberger, R. Raja. – Turnhout: Brepols, 2015. – P. 157–168.
15. De Ricci S. Une inscription énigmatique // *Florilegium: ou, Recueil de travaux d'érudition dédiés à monsieur le marquis Melchior de Vogüé à l'occasion du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance, 18 octobre 1909*. – Paris: Imprimerie Nationale, 1909. – P. 589–590.
16. Delehaye H. Les origines du culte des martyrs. – Bruxelles: Bureaux de société des bollandistes, 1912. – VIII, 504 p.
17. Селиванова Л.Л. Дорожная карта сирийского атлета Аврелия Септимия Эреней // *Античный мир и археология*. – 2017. – Вып. 18. – С. 88–98.
18. Descart S. Les concours grecs sous la domination romaine: l'inventionnisme imperial et ses impacts sociaux. Quebec, 2016. – 130 p. – URL: https://www.academia.edu/30736160/Les_concours_grecs_sous_la_domination_romaine_linterventionnisme_imp%C3%A9rial_et_ses_impacts_sociaux_pdf, для зарегистрированных пользователей.

Поступила в редакцию 06.02.2023

Принята к публикации 11.04.2023

Кириллов Владимир Михайлович, преподаватель Департамента истории
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия
E-mail: vlmkir@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 32–46

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.32-46

**The Population of Laodicea ad Mare in Roman Times:
The Structure and Vectors of Development**

V.M. Kirillov

National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg,
St. Petersburg, 190121, Russia
E-mail: vlmkir@yandex.ru

Received February 6, 2023; Accepted April 11, 2023

Abstract

This article considers the social structure of Laodicea ad Mare between the second half of the 1st century A.D. and the 4th century A.D., i.e., from the beginning of the Roman rule in Syria to the time before the Islamic conquest of the region. The study relies primarily on data from epigraphic writings (such as tomb inscriptions, dedicatory texts, and signatures), as well as on narrative materials and the corpus of Roman law, which are used as additional sources. The evolution of the family institution and the property relations within Laodicean families is analyzed. A portrait of the free citizens of Laodicea who were engaged in handicrafts, especially in the textile industry, is compiled. The life of the city's rabble is traced. The status, structure, and financial capabilities of the propertied aristocracy are described. Its impact on public life is discussed. Information is provided about the residence of Roman citizens in Laodicea and their activities and influence on the civic community of the city. The results obtained show that the social processes in Laodicea correspond to the basic trends of urban development in Late Antiquity and that this was the period when the social conflict within the Laodicean community intensified. The findings may be useful for students of history faculties and for researchers interested in the history of the Roman Empire and the Near East in Antiquity.

Keywords: Syria, Laodicea ad Mare, Late Antiquity, social structure, city

References

1. Grushevoi A.G. *Ocherki ekonomicheskoi istorii Sirii i Palestiny v drevnosti (I v. do n. e. – VI v. n. e.)* [Essays on the Economic History of Ancient Syria and Palestine (1st c. B.C.–6th c. A.D.)]. St. Petersburg, Nestor-Ist., 2013. 380 p. (In Russian)
2. Filipczak P. Roman governors of Syria in Late Antiquity: Problems and perspectives of prosopographic research. *Hawliyat*, 2020–2021, no. 19, pp. 17–32.
3. Shifman I.Sh. *Siriiskoe obshchestvo epokhi printsipata (I – III vv. n. e.)* [The Syrian Society of the Principate Era (1st–3rd c. A.D.)]. Moscow, Nauka, 1977. 310 p. (In Russian)
4. Surikov I.E. Family and clan as cultural phenomena in the Antiquity: The ancient Greek ΟΙΚΟΣ and ΓΕΝΟΣ as compared with the Roman FAMILIA and GENS. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*, 2018, no. 7, pp. 126–140. (In Russian)
5. Hermann K.F. *Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer*. Freiburg, Tübingen, Akad. Verlagbuchh. von J.C.B.Mohr, 1882. 558 S. (In German)
6. Van den Bergh R. The role of education in the social and legal position of women in Roman society. *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité*, 2000, ser. 3e, vol. XLVII, pp. 351–364.
7. Hezser C. Did Palestinian rabbis know Roman law? Methodological considerations and case studies. In: Berthelot K., Dohrmann N., Nemo-Pekelman C. (Eds.) *Legal Engagement: The Reception*

- of Roman Law and Tribunals by Jews and Other Inhabitants of the Empire*. Rome, École française de Rome, 2021, pp. 303–322.
8. van Berchem M., Fatio E. *Voyage en Syrie: Tome premier*. Caire, L'Institut Français d'Archeologie Orientale du Caire, 1914. 344 p., LXXVIII pl. (In French)
 9. Renan E. *Mission de Phénicie*. Paris, Imprimerie Impériale, 1864. 886 p. (In French)
 10. Wild J.P., Droß-Krüpe K. *Ars polymita, ars plumaria*: The weaving terminology of *taqueté* and tapestry. In: Gaspa S., Michel C., Nosch M.-L. (Eds.) *Textile Terminologies from the Orient to the Mediterranean and Europe, 1000 BC to 1000 AD*. Lincoln, Zea Books, 2017, pp. 301–320.
 11. Zaccaria C. Novità sulla produzione lanaria ad Aquileia. A proposito di una nuova testimonianza di purgatories. In: *Opinione pubblica e forme di comunicazione a Roma: il linguaggio dell'epigrafia, Atti del Colloquio AIEGL-Borghesi 2007 (Bertinoro, 21–23 giugno 2007)*. Faenza, Fratelli Lega editori Faenza, 2009. pp. 277–298. (In Italian)
 12. Kurbatov G.L. *Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantiiskogo goroda v IV – VII vv. (konets antichnogo goroda v Vizantii)* [The Main Problems of Byzantine City's Internal Development during the 4th–7th c. A.D. (the End of Ancient City in Byzantium)]. Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1971. 220 p. (In Russian)
 13. Bouché-Leclercq A. *Histoire des Séleucides (323–64 avant J.-C.)*. 2 p. Paris, Ernest Leroux Éditeur, 1914. 728 p., IV pl. (In French)
 14. Aliquot J. A Laodicean on Mount Casius. In: Blömer M., Lichtenberger A., Raja R. (Eds.) *Religious Identities in the Levant from Alexander to Muhammed. Continuity and Change*. Turnhout, Brepols, 2015, pp. 157–168.
 15. De Ricci S. Une inscription énigmatique. In: *Florilegium: ou, Recueil de travaux d'érudition dédiés à monsieur le marquis Melchior de Vogüé à l'occasion du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance, 18 octobre 1909*. Paris, Imprimerie Nationale, 1909, pp. 589–590. (In French)
 16. Delehaye H. *Les origines du culte des martyrs*. Bruxelles, Bureaux de société des bollandistes, 1912. viii, 504 p. (In French)
 17. Selivanova L.L. The roadmap of the Syrian athlete Aurelius Septimius Eirenaios. *Antichnyi Mir i Arkheologiya*, 2017, no. 18, pp. 88–98. (In Russian)
 18. Descart S. *Les concours grecs sous la domination romaine: l'interventionnisme imperial et ses impacts sociaux*. Quebec, 2016. 130 p. Available at: https://www.academia.edu/30736160/Les_concours_grecs_sous_la_domination_romaine_l'interventionnisme_imp%C3%A9rial_et_ses_impacts_sociaux_pdf. (In French)

Для цитирования: Кириллов В.М. Население Лаодикеи Приморской в римское время: состав и тенденции развития // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 32–46. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.32-46.

For citation: Kirillov V.M. The population of Laodicea ad Mare in Roman times: The structure and vectors of development. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 32–46. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.32-46. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(100)05

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.47-58

ПОЭЗИЯ НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКИ: КАЗУС С РЕЛИКВИЕЙ СВЯТОГО КРЕСТА В КОНТЕКСТЕ ФРАНКСКО- ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-е ГОДЫ VI ВЕКА

Н.Ю. Бикеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются события 60-х гг. VI в., связанные с получением королевой-монахиней Радегундой реликвии Св. Креста для своего женского монастыря в Пуатье. Обращение к византийскому императору Юстину II и его супруге Софии с просьбой о дарении христианской святыни происходило в сложных внешнеполитических условиях. В результате завоеваний лангобардов византийцы и франки были вынуждены искать мира друг с другом. Сделан вывод, что, не заявляя открыто о своих намерениях, оба государства использовали ситуацию с реликвией для заключения мирного договора. Рассмотрена роль отдельных участников организации посольства ко двору императора Юстина II в 568 г. Также выявлены скрытые цели поэтических посланий, отправленных Радегундой своим родственникам в Константинополь. На примере данного события можно рассмотреть некоторые способы решения внешне- и внутриполитических задач, стоявших перед одним из франкских королей – правителем Австразии Сигибертом. Казус с реликвией Св. Креста позволяет увидеть изнутри политическую и дипломатическую «кухню» Византии и франкских королевств.

Ключевые слова: франки, Австразия, Византия, Радегунда, Венанций Фортунат, Сигиберт, Юстин II, реликвия Св. Креста, Пуатье

После смерти короля Хлотаря I, сына знаменитого Хлодвиг, в 561 г. королевство франков было разделено между его сыновьями. Восточная часть, называемая Австразией, досталась Сигиберту. [1, с. 118–119]. Но, несмотря на раздел королевства, его целостность не подвергалась сомнению. Как указывает французский историк С. Лебек, «если... королей стало несколько, то королевство по-прежнему было одно, хоть и разделенное на несколько частей, которым немецкие историки дали название “Долевое королевство”» [1, с. 68]. Через несколько лет после смерти одного из братьев остальные поделили его земли, и Сигиберт получил к своим владениям важные города Пуатье и Тур [2, с. 150]. Помимо сложных отношений с братьями [2, с. 103–105], королю Австразии пришлось решать и внешнеполитические задачи, в том числе связанные с Византией, которая к концу 60-х гг. VI в. после успешных завоеваний эпохи императора Юстиниана I столкнулась с большими трудностями [3, с. 189].

В 565 г. к власти в Восточной Римской империи пришел Юстин II. Через несколько лет в северную часть Италии, где были византийские владения, вторглись лангобарды. Они стремились захватить такие крупные города, как

Рим и Равенна. До этого лангобарды считались «союзниками» Византии [4, с. 210–211]. Правительство Юстиниана I проводило гибкую политику в отношении этого народа, имея в разное время контакты с отдельными лангобардскими племенами и родами.

Незадолго до вторжения лангобардов в Италию с ними заключил союз франкский король Сигиберт. Целью союза Австразии с лангобардами было нанесение ущерба Византии, которую франки в середине VI в. стали воспринимать как своего внешнеполитического конкурента [5, р. 14–15]. Юстин II в ответ на это разорвал отношения с Австразией. Однако вскоре у самих франков возникли проблемы с лангобардами, несмотря на заключенный мир. Сигиберт, по всей видимости, не рассчитывал, что лангобарды захватят северную Италию, на которую у франков к тому времени были свои планы [2, с. 144]. Кроме того, лангобарды стали нападать и на юго-восточные земли Галлии (ГТ. IV, 42). В этих условиях Сигиберт решил наладить отношения с Восточной Римской империей [5, р. 14–15].

Именно в этот период, в 568 г., Радегунда, основательница женского монастыря в Пуатье, отправила посольство в Константинополь ко двору императора Юстина II и его супруги Софии (ГТ. IX, 40; Б. 16). Целью было получить от византийских правителей ценную христианскую реликвию – частицу древа Св. Креста¹. Радегунда ранее была женой франкского короля Хлотаря I, который примерно в 555 г. предоставил ей средства и землю для строительства женской монашеской обители [6]. Монастырь, основанный Радегундой, стал одним из наиболее крупных и влиятельных конвентов франкского королевства [7, р. 140], а его основательница впоследствии почиталась в качестве святой.

Поиск реликвий и мощей приобрел большое значение еще в эпоху правления императора Константина Великого [8, с. 104]. Согласно Сократу Схоластику, Св. Крест был обретен Еленой, матерью императора Константина (СС. I, 17). Однако большинство современных историков считают этот сюжет легендарным [9, р. 79–93].

Монахиня Баудонивия, автор одного из двух житий св. Радегунды, отмечает, что королева-монахиня, основав монастырь, «решила собрать коллекцию реликвий святых» со всех «четырех сторон света» (Б. 13). Конечно, Радегунда мечтала получить в свою обитель в Пуатье такую важную христианскую реликвию, как частица Св. Креста. Эта святая по значимости превосходила многие реликвии, находившиеся в монастырях королевства франков. Как сообщает Баудонивия, чтобы получить ее, королева-монахиня обратилась к королю Сигиберту с просьбой разрешить ей отправить послов в Константинополь. В своем письме к франкскому правителю Радегунда указала на то, что реликвия будет способствовать не только большему религиозному рвению жителей, но и «благосостоянию всего отечества и стабильности королевства» (Б. 16).

Как следует из текста жития, Радегунда, получив дозволение от короля, отправила послов к византийскому императору Юстину II и императрице Софии с просьбой выслать ей реликвию (ГТ. IX, 40; Б. 16). Императорская чета отве-

¹ Святой Крест (Животворящий Крест, Истинный Крест, Крест Господень, Животворящее Древо) – крест, на котором, согласно христианскому вероучению, был распят Иисус Христос. Он входит в число главных христианских реликвий.

тила согласиём, и священная реликвия в роскошном реликварии была отправлена Радегунде [10, р. 67]. Также ей был подарен драгоценный молитвенник с переплетом, отделанным золотом и драгоценными камнями (Б. 16).

Известно о трех посланиях в Константинополь, написанных в 568–569 гг. от лица Радегунды. Два из них – стихотворные поэмы «О разорении Тюрингии» (“*De Excidio Thoringiae*”) (Ф.1, р. 284) и «К Артахию» (“*Ad Artachis*”) (Ф.1, р. 278–279) – везли послы вместе с просьбой о передаче реликвии. Поэмы были адресованы родственникам Радегунды, которые ранее проживали в Константинополе: ее двоюродному брату Амалафриду и племяннику Артахию. Вероятно, они были последними уцелевшими представителями тюрингского королевского рода, после того как земли Тюрингии захватили франки в 531 г. После присоединения этих завоеванных земель к королевству франков Хлотарь I в качестве трофея захватил Радегунду, дочь тюрингского короля Бертахара (Ф.2. II, р. 365). Через несколько лет он женился на ней, чтобы закрепить свою власть над Тюрингией [2, с. 80]. В 534 г., после убийства франками последнего короля тюрингов Герменефреда, его супруга Амалаберга вместе с двумя оставшимися детьми, сыном Амалафридом и дочерью, бежала в Равенну к своему брату, королю остготов Теодахад. В 540 г. дети оказались в Константинополе. Когда Амалафрид подрос, он был принят на византийскую военную службу. Его сестра вскоре была выдана замуж за короля лангобардов Аудоина. В 552 г. Амалафрид в числе других византийских военачальников был отправлен императором Юстинианом I с большим войском в помощь лангобардам, в то время византийским союзникам, воевавшим с гепидами. О дальнейшей судьбе Амалафрида ничего не известно. Вероятно, он умер приблизительно в 552 г. [11, с. 102–103]. Знала ли Радегунда о смерти своего двоюродного брата, когда отправляла посольство Юстину и Софии в 568 г.? Не исключено, что об этом ей было известно, поэтому адресованные Амалафриду письма могли преследовать другие цели, о которых будет сказано ниже.

После получения от императора Юстина II и его супруги Софии частицы древа Св. Креста Радегундой в ответ было отправлено еще одно поэтическое послание «Августам Юстину и Софии» (“*Ad Justinum et Sophiam Augustos*”) (Ф.1, р. 284), в котором выражалась благодарность за присланные дары.

По поводу авторства этих трех поэм в историографии нет единого мнения. Традиционно они издавались в приложении к книгам стихов позднеантичного поэта Венанция Фортуната, поэтому до 80-х годов XX в. считалось, что он и был их автором, хотя они написаны от лица Радегунды. Итальянский поэт Венанций Фортунат родился на севере Италии ок. 535 г., получил прекрасное риторическое образование в Равенне и в 566 г. приехал в королевство франков. Последующие почти сорок лет он проживал на содержании франкских правителей и магнатов, ценивших его утонченный поэтический стиль и щедро оплачивавших его стихи [12]. В 568 г. он оказался в Пуатье, где познакомился с Радегундой. Впоследствии он получил сан священника, был духовником королев-вы-монахини, проживая рядом с ее монастырем в Пуатье. В последние годы своей жизни стал епископом этого города. Радегунду и Фортуната связывали теплые отношения и искренняя дружба. Венанций Фортунат очень горевал по-

сле ее смерти и впоследствии стал основателем ее культа, написав первое житие св. Радегунды [13].

Поскольку поэмы, отправленные с посольством в Константинополь, были написаны после приезда Фортуната в Пуатье в 568 г., точка зрения, поддерживающая его авторство, имеет основания.

Однако еще в конце XIX в. первым переводчиком Венанция Фортуната на французский язык было высказано и другое мнение: поэмы писала сама Радегунда [14, р. 148]. Эту точку зрения отвергли его современники, но подхватили спустя сто лет представители гендерного направления в исторических исследованиях. Поэтические послания в Константинополь были включены ими в сборники и антологии, посвященные «женскому письму». Историки П. Дронке [15, р. 298], Дж.Э. Макнамара [16, р. 65–70], К. Черевотак [17], М. Тибо [18, р. 90] в своих исследованиях, исходя из стиля и эмоциональности поэм, утверждали, что все три («О разорении Тюрингии», «К Артахию» и «Августам Юстину и Софии») являются «женскими» текстами.

Мнение об авторстве Радегунды особенно активно отстаивала английский специалист по классической и средневековой литературе К. Черевотак в статье «Радегунда и эпистолярная традиция» [17]. Она полагала, что поэмы «О разорении Тюрингии» и «К Артахию» написаны в русле германской поэтической традиции, с которой Радегунда, происходившая из знатного тюрингского рода, была хорошо знакома. Однако большинство исследователей считают эти поэмы образцами не германского эпоса, а позднеантичной риторики и классической поэзии. Столь глубокое знание Радегундой античных приемов написания стихов представляется сомнительным, несмотря на ее образованность, навыки чтения и письма и знакомство с текстами Священного Писания и трудов Отцов Церкви. Фортунат, восхвалявший ее начитанность в своих стихах, не упоминает о ее любви к римским поэтам (Ф.1).

Сам же Венанций Фортунат получил прекрасное образование в лучших позднеантичных риторических школах северной Италии. Поэтому кажется более вероятным, что письма в Константинополь были написаны именно им. На утверждение, что это «женские» тексты, можно возразить, что исследователи творчества Фортуната отмечают его лиризм, эмоциональность и способность понимать чувства других людей, в том числе женщин [19; 20, с. 23].

В целом, большинство современных исследователей признают именно за Фортунатом авторство стихотворных посланий в Константинополь, но при этом не исключают возможности участия Радегунды в их написании [21, р. 79; 22, р. 88]. Дж. Джордж, один из крупнейших современных исследователей творчества Венанция Фортуната, полагает, что главные произведения последнего конца 60-х годов VI в. так или иначе связаны с Радегундой, ее монастырем и реликвией Святого Креста [23, р. 237].

Французский историк Б. Дюмезиль прямо указывает, что составление поэтических посланий в Константинополь, написанных от лица Радегунды, было поручено Фортунату как выдающемуся поэту того времени. По мнению Б. Дюмезиля, его направил в Пуатье с целью помочь Радегунде составить письмо византийскому императору и его супруге сам король Сигиберт I [2, с. 145]. Некоторые исследователи полагают, что поскольку Сигиберт в этот

период был заинтересован в возобновлении связей с Византийскими правителями, то инициатива отправки посольства в Константинополь действительно могла исходить от него [24, р. 13–14].

Австралийский специалист по Поздней Античности Б. Бреннан также считает, что Венанция Фортуната пригласил в Пуатье для составления писем в Константинополь король Сигиберт. При этом Б. Бреннан высказывает предположение, что ему посоветовал это турецкий епископ Евфроний [25, р. 61], который также мог подсказать идею отправить посольство в Константинополь и самой Радегунде. Франкский епископат пытался играть важную политическую роль в королевстве, поэтому подобная активная деятельность Евфрония не вызывает сомнения. Известно, что королева-монахиня в начале 60-х годов VI в. уже предпринимала попытки получить реликвии (Б. 16). Но в тот период ее усилия не были успешными [26, р. 291–298]. Пообещав ей помощь в получении реликвии, епископ мог рассчитывать на определенные политические выгоды, поскольку король Сигиберт был пасынком Радегунды.

Как уже было указано выше, король Австразии в 568 г. пытался восстановить мирные отношения с империей. Посольство Радегунды в Константинополь предоставляло для этого хорошую возможность [2, с. 145–146]. Поэтому, когда королева-монахиня написала Сигиберту письмо с просьбой разрешить ей послать клириков в Константинополь, король согласился (ГТ. IX. 40; Б. 16). Исходя из всего вышесказанного, посольство Радегунды в Константинополь к Юстину II и Софии следует рассматривать в контексте политических переговоров о мире между Византией и Австразией в 568–569 гг.

Таким образом, в данном случае мы видим пересечение интересов нескольких влиятельных сил: византийских и франкских правителей, королевых-монахини Радегунды, а также франкских епископов. Венанций Фортунат не случайно впервые приехал в Пуатье в тот самый момент, когда Радегунда затеяла переговоры с целью получить в свой монастырь от византийской императорской четы реликвию Св. Креста.

Обращение Радегунды к королю Сигиберту за разрешением отправить посольство может датироваться не ранее чем 567 г. В тот год умер Хариберт, старший брат Сигиберта, и началась борьба за его наследство, в которое входили кроме Парижа города Тур, Пуатье, Бордо, Санлис, Шартр и др. (ГТ. IV, 45). В итоге Тур и Пуатье достались Сигиберту, и уже в 568 г. было отправлено посольство Радегунды в Константинополь. Оно оказалось успешным, и реликвия Св. Креста была доставлена в Пуатье. После этого в Константинополь была отправлена благодарственная поэма Юстину и Софии [25, р. 61]. По мнению английского византиста А. Кэмерон, этот обмен реликвиями и поэмами можно рассматривать как имеющий не только религиозное, но и политическое значение в контексте взаимоотношений между франками и Византией [27, р. 59]. Благодарственная поэма, которую Фортунат от имени Радегунды написал в честь Юстина и Софии, без сомнения, создавалась с согласия короля Сигиберта. Связи франкских и византийских правителей традиционно носили характер обмена посольствами и дарами и имели давнюю историю еще со времен Античности. Обмен дарами, особенно реликвиями, между правителями всегда имел символическое значение, и подобные посольства нередко со-

проводились поэтическими благодарственными поэмами. Византийские правители преследовали в этих событиях свои цели. Реликвия Св. Креста рассматривалась ими как инструмент для решения внешнеполитических задач. В результате Юстин II и София заручились поддержкой франков против лангобардов [27, р. 59–60].

Как было сказано выше, поэмы «О разорении Тюрингии» и «К Артахию» были адресованы родственникам Радегунды в Константинополе. Но ко времени отправки посольства в Константинополь в 568 г. уже умер двоюродный брат королевы-монахини Амалафрид, которому была посвящена поэма «О разорении Тюрингии», а о ее племяннике Артахии нам ничего не известно. Скорее всего, королева-монахиня и все остальные участники подготовки посольства знали об этом, но предпочли использовать родственные связи Радегунды как предлог для отправки поэм вместе с просьбой о дарении реликвии. По всей видимости, расчет был сделан на то, что письмо окажется прочитанным императорской четой и их окружением. Именно они, а не родственники Радегунды являлись истинными адресатами поэм.

В поэме «О разорении Тюрингии» речь шла о событиях, которые произошли достаточно давно, еще в 531 г. Поэтические послания должны были объяснить византийским правителям, кто такая Радегунда и почему она достойна получить от них такую ценную христианскую святыню, как Св. Крест. Завоевание Тюрингии сравнивалось с падением Трои, а Радегунда уподоблялась героической троянской женщине, оплакивающей потерю брата. В поэме подчеркивался королевский статус Радегунды и ее лояльность к империи. Это должно было свидетельствовать о том, что святая реликвия попадет в хорошие руки. Кроме того, в поэме описывались бедствия, которые франки способны причинить своим врагам. При этом отмечалось, что меровингские короли питают к Радегунде почти сыновнюю любовь. Тем самым подчеркивалась ее роль как посредника между византийскими и франкскими правителями.

Вопрос об отправке реликвии в Пуатье был решен достаточно быстро, но чтобы «не создать впечатление, что дипломатические контакты с франками восстановлены официально, основные шаги... [император] поручил сделать своей жене, императрице Софии» [2, с. 145]. От имени Софии частица Св. Креста была подарена монастырю Радегунды. В честь этого события Венанций Фортунат сочинил свои знаменитые гимны «Знамёна реют царские» (“*Vexilla regis prodeunt*”) и «Воспой, язык, сражение славной страсти» (“*Pange, lingua, gloriosi proelium certaminis*”), которые до сих пор используются в католическом богослужении (см. [12]). В целом, получение пуатевенским женским монастырем значимой христианской реликвии символизировало успешность австразийской дипломатии.

В ответном благодарственном письме Радегунда благодарит императора Юстина II и императрицу Софию за реликвию. В этом послании особенно подчеркиваются высокие достоинства императрицы, ведь «дипломатические связи римлян и варваров во многом поддерживались через женщин» [2, с. 146]. Поэ-

ма, несомненно, имеет несколько смыслов: и политический, и религиозный² [14, с. 155–157], среди прочего она акцентирует внимание на политической роли императрицы Софии. Франкские правители и епископы, по всей вероятности, знали об особенностях власти императора Юстина II, на которого большое влияние оказывала его супруга [28, р. 48]. В благодарственном послании София сравнивается с Еленой, матерью императора Константина, подчеркивается ее благочестие и щедрость. Интересно, что Радегунда в поэме «Августам Юстину и Софии» называется не франкской, а тюрингской принцессой. Акцентируется, прежде всего, ее королевский статус, а не монашеский. Это можно объяснить тем, что автор послания к императорской чете должен был соответствовать им по своему статусу.

В этом послании говорилось о признании власти византийцев над Римом. Восхвалялась безупречная ортодоксальность Юстина II в халкидонском вопросе. Сама поэма состояла из трех частей, что должно было ассоциироваться с Троицей. Вступительные десять строк провозглашали положения Халкидонского собора. Второй раздел был обращен к Юстину II (Ф.1, 11–50), а заключительный посвящался Софии (Ф.1, 51–72). В результате в тексте послания религиозные и политические аспекты были неразрывно связаны между собой.

Таким образом, казус с поэтическими посланиями в Константинополь, написанными от лица королевы-монахини Радегунды, сыграл особую роль в политике короля Сигиберта. Ему удалось решить проблему в отношениях с Византией. В условиях взаимного стремления Сигиберта и византийского императора Юстина II заключить мир между их государствами Радегунда сыграла роль посредницы. Мирный договор между Византией и Австразией был заключен в 569 г.

Кроме того, благодаря стараниям Сигиберта, значимая христианская реликвия попала в его владения и положительно повлияла на его образ в глазах населения, которое радостно приветствовало святыню. В условиях постоянных междоусобиц между франкскими правителями поддержка населением правителя имела большое значение.

В итоге все непосредственные участники описываемых событий остались в выигрыше. Сигиберт упрочил влияние и власть в своих владениях тем, что, явив свое благочестие, помог обретению ценной христианской святыни для блага своего королевства. Кроме того, он обрел политического союзника в лице византийского императора, при этом смог сохранить лицо, не обращаясь к нему официально с мирными предложениями. Юстин II, в свою очередь, также проявил себя весомой фигурой на внешнеполитической арене, арбитром европейской дипломатии, доказал свою ортодоксальность и приверженность Халкидонскому собору и в сложных для Византии внешнеполитических условиях получил важного союзника в лице франкского короля.

² Важную роль во взаимоотношениях византийцев с франками играл богословский спор о «трех главах», имевший давнюю историю. Попытка преодолеть разногласия по вопросу о природе Христа была принята на Четвертом Вселенском Соборе в Халкидоне еще в 451 г. Но противоречия устранить не удалось. Царствование Юстина II началось с новой попытки утверждения халкидонской веры. Каждый год 16 июля император праздновал память Халкидонского собора, постановления которого поддерживали римские папы.

Сама Радегунда, сыгравшая роль посредницы, тоже оказалась в выигрыше. Она умело воспользовалась ситуацией и добилась для своего монастыря возможности стать одним из важнейших духовных центров франкского государства. Получив значимую христианскую реликвию, она на долгие годы обеспечила своей обители защиту и процветание. Наряду с этим важным результатом всего произошедшего лично для нее стала многолетняя дружба с одним из лучших поэтов VI в., «последним римлянином» – Венанцием Фортунатом. Наконец, турецкий епископ Евфроний, по всей видимости, также смог повысить свое влияние и получил благосклонность короля Сигиберта.

Источники

- ГТ – *Gregorius Turonensis. Decem libri historiarum* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krusch, W. Levison. – Hannover: Impensis Bibliopolis Hahniani, 1951. – Т. 1, V. 1. – URL: [https://www.dmgh.de/mgh_ss_rer_merov_1_1/index.htm#page/\(III\)/mode/1up](https://www.dmgh.de/mgh_ss_rer_merov_1_1/index.htm#page/(III)/mode/1up), свободный. = *Григорий Турский. История франков* / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – 462 с.
- С. – *Сократ Схоластик. Церковная история* / Под ред. И.В. Кривушина. – М.: Росспэн, 1996. – 368 с.
- Б. – *Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. – Hannover: Impensis Bibliopolis Hahniani, 1888. – Т. 2, V. 2. – P. 377–395. – URL: [https://www.dmgh.de/mgh_ss_rer_merov_2/index.htm#page/\(III\)/mode/1up](https://www.dmgh.de/mgh_ss_rer_merov_2/index.htm#page/(III)/mode/1up), свободный. = *Баудонивия. Житие святой Радегунды. Гл. 1–14* / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2017. – № 25. С. 306–328; *Баудонивия. Житие святой Радегунды. Гл. 15–28* / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2018. – № 26. – С. 207–225.
- Ф.1 – *Venantius Fortunatus. Opera Poetica. Appendix Carminum* / Ed. Fridericus Leo // Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum. – Berolini: Weidmannos, 1881. – V. 4, part 1. – P. 278–279, 284. URL: [https://www.dmgh.de/mgh_auct_ant_4_1/index.htm#page/\(III\)/mode/1up](https://www.dmgh.de/mgh_auct_ant_4_1/index.htm#page/(III)/mode/1up), свободный. = *Венанций Фортунат. Избранные стихотворения* / Пер. с лат., вст. статья, коммент. Р.Л. Шмаракова. – М.: Водолей, 2009. – 280 с.
- Ф.2 – *Venantius Fortunatus. De Vita sanctae Radegundis* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. – Hannover: Impensis Bibliopolis Hahniani, 1888. – Т. 2, V. 2. – P. 364–376. – URL: https://www.dmgh.de/mgh_ss_rer_merov_2/index.htm#page/365/mode/1up, свободный. = *Венанций Фортунат. Житие святой Радегунды* / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2012. – № 20. – С. 188–204.

Литература

1. Лебек С. Происхождение франков. V – IX века. – М.: Скарабей, 1993. – 352 с.
2. Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. – СПб.: Евразия, 2012. – 560 с.
3. Мурхед Дж. Византийцы на Западе в VI в. // Новая Кембриджская история Средних веков, 500–700 гг.: в 7 т. / Под ред. П. Форапра. – М.: Клио, 2020. – Т. 1, ч. 1. – С. 169–195.

4. *Мурхед Дж.* Остготская Италия и вторжение лангобардов // Новая Кембриджская история Средних веков, 500–700 гг.: в 7 т. / Под ред. П. Форакра. – М.: Клио, 2020. – Т. 1, ч. 1. – С. 196–222.
5. *Hancock B.* Studies in Austrasian politics and diplomacy from Theudebert I to Childebert II: Master's Thesis. – Montreal, 1990. – 108 p. – URL: <https://spectrum.library.concordia.ca/id/eprint/5904/1/MM64638.pdf>, свободный.
6. *Бикеева Н.Ю.* Королева-монахиня: монастырь св. Радегунды как место власти // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2007. – № 13. – С. 7–17.
7. Sanctity and Motherhood: Essays on Holy Mothers in the Middle Ages / Ed. by A. Mulder-Bakker. – New York: Routledge, 2013. – 368 p.
8. *Браун П.* Культ святых, его становление и роль в латинском христианстве. – М.: РОССПЭН, 2004. – 207 с.
9. *Drijvers J.W.* Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross. – Leiden: Brill, 1992. – 217 p.
10. *Edwards J.C.* Their cross to bear: Controversy and the Relic of the True Cross in Poitiers // Essays in Medieval Studies. – Morgantown: West Virginia Univ. Press, 2007. – V. 24. – P. 65–77.
11. *Назаров А.Д.* Готская война 535–554 гг. и кризис идентичности варварского сообщества: германские перебежчики и военнопленные в Византии // Учен. зап. Крм. фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 99–107.
12. *Зайцев Д.В.* Венанций Фортунат // Православная энциклопедия. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энцикл.», 2009. – Т. 7. – С. 550–551.
13. *Бикеева Н.Ю.* Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2011. – № 19. – С. 98–118.
14. *Williard H.D.* Friendship in the works of Venantius Fortunatus: PhD Thesis. – Leeds, 2016. – x, 306 p. – URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/16383/1/Williard%20Friendship%20in%20the%20Works%20of%20Venantius%20Fortunatus%20Revised%20Version.pdf>, свободный.
15. *Dronke P.* Women Writers of the Middle Ages: A Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. – 338 p.
16. *McNamara J.A.* Sainted Women of the Dark Ages / Ed. and transl. by J.A. McNamara, J.E. Halborg, G. Whatley. – Durham; London: Duke Univ. Press, 1992. – 369 p.
17. *Cherewatuk K.* Radegund and Epistolary Tradition // Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre / Ed. by K. Cherewatuk, U. Wiethaus. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1993. – P. 20–45.
18. *Thiébaux M.* The Writings of Medieval Women: An Anthology. – New York; London: Garland Publ., 1994. – P. 85–124.
19. *George J.* Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 234 p.
20. *Шмараков Р.Л.* Фортунат // *Фортунат Венанций*. Избранные стихотворения / Пер. с лат. Р.Л. Шмаракова. – М.: Водолей, 2009. – С. 5–31.
21. *Elliott D.* The Bride of Christ Goes to Hell: Metaphor and Embodiment in the Lives of Pious Women, 200–1500. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2012. – 480 p.
22. *Stevenson J.* Women Latin Poets: Language, Gender, and Authority, from Antiquity to the Eighteenth Century. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – xiv, 659 p.
23. *George J.W.* Venantius Fortunatus: Panegyric in Merovingian Gaul // The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity / Ed. by M. Whitby. – Leiden: Brill, 1998. – P. 225–246.
24. *Widdowson M.* Merovingian partitions: A 'genealogical charter'? // Early Medieval Eur. – 2009. – V. 17, No 1. – P. 1–22. – doi: 10.1111/j.1468-0254.2009.00242.x.

25. *Brennan B.* The career of Venantius Fortunatus // *Traditio*. – 1985. – V. 41. – P. 49–78. – doi: 10.1017/S0362152900006851.
26. *Moreira I.* Provisatrix optima: St. Radegund of Poitiers's relic petitions to the east // *J. Medieval Hist.* – 1993. – V. 19, No 4. – P. 285–305. – doi: 10.1016/0304-4181(93)90001-S.
27. *Cameron A.* The early religious policy of Justin II // *Stud. Church Hist.* – 1976. – V. 13. – P. 51–67. – doi: 10.1017/S0424208400006598.
28. *Garland L.* *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium AD 527–1204.* – New York; London: Routledge, 2002. – 368 p.

Поступила в редакцию 16.01.2023

Принята к публикации 22.03.2023

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и общественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 47–58

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.47-58

Poetry in the Service of Politics: The Casus with the Relic of the True Cross in the Context of Franco-Byzantine Relations during the 560s

N.Yu. Bikeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

Received January 16, 2023; Accepted March 22, 2023

Abstract

This article describes the events of the 560s, when the queen-nun Radegund acquired the relic of the True Cross for her convent in Poitiers. Her request for the major Christian shrine to the Byzantine Emperor Justin II and his wife Sophia was untimely: the foreign policy situation at that moment was very difficult – the Kingdom of the Franks was divided among the sons of King Chlothar I. Sigebert, the ruler of Austrasia, sought to strengthen his power and influence among the Franks and in the international scene. The conquests of the Lombards forced the Byzantines and the Franks to seek peace with each other. The obtained results show that both states took advantage of the situation with the relic to conclude a peace treaty without openly declaring their intentions. The roles of each participant in the organization of the embassy to the court of Justin II in 568 are considered. The ulterior motives of the poetic messages sent by Radegund to her relatives in Constantinople are analyzed. These events are a good example of how Sigebert, one of the Frankish kings, solved the foreign and domestic political tasks of that time. The casus with the relic of the True Cross reveals the “inside” of the political and diplomatic mechanics in Byzantium and the Frankish kingdoms.

Keywords: Franks, Austrasia, Byzantium, Radegund, Venantius Fortunatus, Sigebert, Justin II, relic of the True Cross, Poitiers

References

1. Lebecq S. *Proiskhozhdenie fraknov. V – IX veka* [The Origin of the Franks. 5th–9th Centuries]. Moscow, Skarabei, 1993. 352 p. (In Russian)
2. Dumézil B. *Koroleva Brungil'da* [Queen Brunhilda]. St. Petersburg, Evraziya, 2012. 560 p. (In Russian)
3. Moorhead J. The Byzantines in the West in the sixth century. In: Fouracre P. (Ed.) *Novaya Kembri-dzhskaya istoriya Srednikh vekov, 500–700 gg.* [The New Cambridge Medieval History, c. 500–c. 700]. Vol. 1, Pt. 1. Moscow, Klio, 2020, pp. 169–195. (In Russian)
4. Moorhead J. Ostrogothic Italy and the Lombard invasions. In: Fouracre P. (Ed.) *Novaya Kembri-dzhskaya istoriya Srednikh vekov, 500–700 gg.* [The New Cambridge Medieval History, c. 500–700]. Vol. 1, Pt. 1. Moscow, Klio, 2020, pp. 196–222. (In Russian)
5. Hancock B. *Studies in Austrasian politics and diplomacy from Theudebert I to Childebert II. Master's Thesis.* Montreal, 1990. 108 p. Available at: <https://spectrum.library.concordia.ca/id/eprint/5904/1/MM64638.pdf>.
6. Bikeeva N.Yu. Queen-nun: The Monastery of Sainte-Radegonde as a place of power. In: *Adam i Eva: Al'manakh gendernoi istorii* [Adam and Eve: An Almanac of Gender History]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2007, no. 13, pp. 7–17. (In Russian)
7. Mulder-Bakker A. (Ed.) *Sanctity and Motherhood: Essays on Holy Mothers in the Middle Ages.* New York, Routledge, 1995. 368 p.
8. Brown P. *Kul't svyatykh, ego stanovlenie i rol' v latinskom khristianstve* [The Cult of the Saints, Its Rise and Function in Latin Christianity]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 207 p. (In Russian)
9. Drijvers J.W. *Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross.* Leiden, Brill, 1992. 217 p.
10. Edwards J.C. Their cross to bear: Controversy and the relic of the True Cross in Poitiers. In: *Essays in Medieval Studies.* Morgantown, West Virginia Univ. Press, 2007, vol. 24, pp. 65–77.
11. Nazarov A.D. The Gothic War (535–554) and identity crisis of the barbarian community: German defectors and prisoners in Byzantium. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya "Istoricheskie Nauki"*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 99–107. (In Russian)
12. Zaitsev D.V. Venantius Fortunatus. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 7. Moscow, Tserk.-Nauchn. Tsentr "Pravoslavnyaya Entsikl.", 2009, pp. 550–551. (In Russian)
13. Bikeeva N.Yu. Private life of a holy woman in the Merovingian era: Radegund surrounded by people close to her. In: *Adam i Eva: Al'manakh gendernoi istorii* [Adam and Eve: An Almanac of Gender History]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2011, no. 19, pp. 98–118. (In Russian)
14. Williard H.D. *Friendship in the works of Venantius Fortunatus. PhD Thesis.* Leeds, 2016. x, 306 p. Available at: <https://etheses.whiterose.ac.uk/16383/1/Williard%20Friendship%20in%20the%20Works%20of%20Venantius%20Fortunatus%20Revised%20Version.pdf>.
15. Dronke P. *Women Writers of the Middle Ages: A Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete.* Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1984. 338 p.
16. McNamara J.A. *Sainted Women of the Dark Ages.* McNamara J.A., Halborg J.E., Whatley G. (Eds.). Durham, London, Duke Univ. Press, 1992. 369 p.
17. Cherewatuk K. Radegund and Epistolary Tradition. In: Cherewatuk K., Wiethaus U. (Eds.) *Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre.* Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1993, pp. 20–45.
18. Thiébaux M. *The Writings of Medieval Women: An Anthology.* New York, London, Garland Publ., 1994, pp. 85–124.
19. George J. *Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul.* Oxford, Clarendon Press, 1992. 234 p.
20. Shmarakov R.L. Fortunatus. In: *Venantius Fortunatus Izbrannye stikhotvoreniya* [Selected Poems]. Moscow, Vodolei, 2009, pp. 5–31. (In Russian)
21. Elliott D. *The Bride of Christ Goes to Hell: Metaphor and Embodiment in the Lives of Pious Women, 200–1500.* Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2012. 480 p.

22. Stevenson J. *Women Latin Poets: Language, Gender, and Authority, from Antiquity to the Eighteenth Century*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005. xiv, 659 p.
23. George J.W. Venantius Fortunatus: Panegyric in Merovingian Gaul. In: Whitby M. (Ed.) *The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity*. Leiden, Brill, 1998, pp. 225–246.
24. Widdowson M. Merovingian partitions: A ‘genealogical charter’? *Early Medieval Europe*, 2009, vol. 17, no. 1, pp. 1–22. doi: 10.1111/j.1468-0254.2009.00242.x.
25. Brennan B. The career of Venantius Fortunatus. *Traditio*, 1985, vol. 41, pp. 49–78. doi: 10.1017/S0362152900006851.
26. Moreira I. Provisatrix optima: St. Radegund of Poitiers’ relic petitions to the east. *Journal of Medieval History*, 1993, vol. 19, no. 4, pp. 285–305. doi: 10.1016/0304-4181(93)90001-S.
27. Cameron A. The early religious policy of Justin II. *Studies in Church History*, 1976, vol. 13, pp. 51–67. doi: 10.1017/S0424208400006598.
28. Garland L. *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium AD 527–1204*. New York, London, Routledge, 2002. 368 p.

Для цитирования: Бикеева Н.Ю. Поэзия на службе политики: казус с реликвией Святого Креста в контексте франкско-византийских отношений в 60-е годы VI века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 47–58. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.47-58

For citation: Bikeeva N.Yu. Poetry in the service of politics: The casus with the relic of the True Cross in the context of Franco-Byzantine relations during the 560s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 47–58. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.47-58. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (410)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.59-69

ОТНОШЕНИЯ АНГЛИИ С ФРАНЦИЕЙ И ИМПЕРИЕЙ ГАБСБУРГОВ В ПРАВЛЕНИЕ МАРИИ ТЮДОР (В ОЦЕНКЕ БРИТАНСКИХ ИСТОРИКОВ)

С.А. Миронова

*ОГАУК «Ленинский мемориал», г. Ульяновск, 432017, Россия
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

Статья посвящена внешней политике Англии в период правления Марии Тюдор, в частности отношениям Англии с Францией и империей Габсбургов, в оценке современных британских историков. Для внешней политики Англии в этот период большое значение имел брак королевы с наследником испанской империи Филиппом Габсбургом. Традиционно этот союз оценивался историками негативно. Считалось, что он был причиной ухудшения отношений с Францией, ужесточения внутренней религиозной политики. Однако в последние десятилетия британские ученые различных исследовательских направлений стали отстаивать новый тезис о том, что брак королевы Марии с Филиппом был успешным для Англии. Исследователи сходятся во мнении, что союз с самой сильной и богатой на тот момент страной в Европе был единственным выходом для находившейся в тяжелой экономической ситуации Англии. Война с Францией позволяла отвлечь внимание от религиозных разногласий в стране. Сделан вывод о том, что многие вопросы, связанные с изучением внешней политики Марии Тюдор, до сих пор остаются дискуссионными, поскольку в современной британской историографии сосуществуют различные исторические направления и подходы.

Ключевые слова: Англия, Франция, Габсбурги, Мария Тюдор, Филипп II, внешняя политика, нейтралитет

В 1553 г. правителем Англии впервые стала женщина – Мария Тюдор, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Период ее правления, как и вся история властвования Тюдоров, был важен для становления современной Великобритании. Религиозные проблемы стали в это время важнейшей составляющей общественной жизни и оказали большое влияние на все стороны внутренней и внешней политики страны. Не случайно к исследованию истории Англии XVI в. обращаются все новые и новые поколения британских историков. Однако по сравнению с эпохой Генриха VIII и Елизаветы I периоду правления Марии уделялось меньше внимания. Во многом подход британских историков к изучению времени, когда у власти была королева-католичка, обуславливался религиозными взглядами исследователей. В последние десятилетия наметилась тенденция рассматривать этот период без предвзятости, исходя из понимания социокультурной ситуации в Англии середины XVI в. и взглядов людей той эпохи.

В период правления Марии Тюдор, как считает Рене Вермейер, автор статьи «Чтобы принести хорошее согласие в христианский мир: Мартовская конференция (1555) и английский нейтралитет, 1553–1557», «элита Англии рассматривала свою страну как независимое государство, способное определять направление своей внешней политики без какого-либо вмешательства» [1, р. 681]. Исследователь опирается на мнение современника Марии Тюдор, правоведа Томаса Смита (*Thomas Smith*, 1513–1577), который в трактате «Об английском государстве» (*“De Republica Anglorum”*) писал: «Мы в Англии обыкновенно делим наших людей на четыре категории: джентльменов, горожан, йоменов, ремесленников или работников. Из джентльменов первыми и главными являются король, принц, герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны, и их называют знатью (*the nobility*), и все они именуются лордами и знатными людьми: за ними следуют рыцари, эс-квайры и простые джентльмены» [2, р. 31].

Поэтому, когда в 1554 г. королева Мария вышла замуж за Филиппа Габсбурга, сына и наследника Карла V – императора Священной Римской империи, правящие круги Англии были сильно обеспокоены. Страх того, что страна в результате этого союза станет частью габсбургской монархии, привел к тому, что Англия объявила о своем нейтралитете, а также о том, что брак Марии Тюдор с Филиппом Габсбургом не подразумевает никаких обязательств [3, р. 380–381]. Кроме того, англичане опасались, что Габсбурги обескровят их страну и погубят ее в войнах Карла V с Францией [4, р. 284]. Как писал Рене Вермейер, «необходимо также учитывать социально-экономическое положение: Англия была просто не в состоянии сражаться на равных с крупнейшими континентальными державами, и поэтому нейтралитет был целесообразен» [1, р. 684]. Однако в 1555 г. английская корона официально отказалась от своего нейтралитета, и 7 июня 1557 г. Англия объявила войну Франции.

Вопрос о причинах этого отказа рассматривался в трудах английских историков-«традиционалистов» второй половины XX в. Дж. Элтона, Дж. Ридли, А.Дж. Диккенса, американского исследователя Г. Маттингли и др. Работы исследователей XX в. по вопросам внешней политики были представлены двумя направлениями: начиная с 50-х годов XX в. – консервативным (традиционным) и с 80-х годов XX в. по 10-е годы XXI в. – ревизионистским. Большинство ученых консервативного направления занималось политической историей и политическими биографиями, а ревизионисты переосмысливали то, что было сделано ранее, и также выдвигали новые точки зрения. На переоценку истории, по мнению В.В. Миронова, оказывали влияние события XX в. [5]. Традиционалисты приписывали решение Англии давлению, которое оказывал Филипп на Марию и ее Тайный совет. Филипп, по их мнению, использовал свое положение, чтобы вовлечь Англию во франко-испанскую войну [6, р. 597]. В частности, Дж. Элтон утверждал, что участие Англии в войне можно объяснить супружеским обязательством, которое Мария выполняла по отношению к Филиппу [7, р. 221]. Этот тезис мы встречаем также у А.Дж. Диккенса [8] и Дж. Ридли [9]. Дж. Ридли в 1973 г. опубликовал монографию «Жизнь и времена Марии Тюдор», в которой утверждал, что испанский брак оказался ошибочным решением. По его мнению, политика возвращения папской власти и брак с испанским принцем пробудили националистические предрассудки и ксенофо-

бию среди английского народа. Мария Тюдор не смогла полностью справиться с инфляцией и ростом цен на продовольствие; она втянула Англию в неудачную войну и потеряла Кале. По этой причине, делает вывод автор, ее имя с ужасом вспоминали многие поколения англичан [9, р. 216]. Профессор европейской истории Колумбийского университета Г. Маттингли назвал Англию при Марии Тюдор «пешкой и возможной добычей» во франко-габсбургских отношениях [10, р. 175].

Некоторые современные британские историки не согласны с подобными выводами. Например, Дж. Ричардс утверждает, что брак Филиппа Габсбурга и Марии Тюдор был успешным для Англии, так как посредством этого союза были открыты новые рынки за рубежом [11].

Нидерландский историк Л. Сиккинг в своей работе «Нептун и Нидерланды: государство, экономика и война на море в эпоху Возрождения» утверждает, что еще до официального объявления о браке между Марией и Филиппом существовала внешняя угроза нейтралитету Англии [12, р. 334–335]. Речь идет о нападении в 1553 г. на Нормандский остров Сарк голландского пирата Адриана Кроула, одного из подданных Карла V. Это событие выявило трудное положение Англии. Габсбурги хотели передать остров английской короне, но остров Сарк с 1540 г. был французской территорией. Но, хотя остров был бы стратегически полезен как Габсбургам, так и Англии, «Лондон объявил, что остров доставил бы больше проблем, чем пользы» [12, р. 335]. Французы могли рассматривать нападение на остров как начало неофициального англо-габсбургского военного союза. По мнению историка династии Тюдоров А. Уайтлок, «такие подозрения уже витали в воздухе: в 1553 г. Антуан де Ноай заявил, что брак между Марией Тюдор и Филиппом положит начало конфликту между французами, их шотландскими союзниками и англичанами. По словам де Ноая, существовала даже вероятность начала гражданской войны в Англии» [13, р. 203]. И хотя во время вторжения А. Кроула на остров Сарк еще не шла речь о браке между Марией и Филиппом, политические связи между Тюдорами и Габсбургами были достаточной причиной для французов, чтобы усомниться в нейтралитете королевы и ее правительства.

В этом контексте важно понять, какую роль сыграл Тайный совет в формировании внутренней и внешней политики во время правления Марии Тюдор. Разногласия между видными членами Совета были характерны для английской внешней политики обозначенного периода. Американский автор историко-популярной литературы К. Эриксон приводит такой пример: однажды в разговоре с послом Испании С. Ренаром английская королева призналась, что «не перестает удивляться раздорам в Совете и отсутствию согласия... Советники все время пытаются взять верх один над другим и, чтобы защитить свою репутацию, непрерывно меняют мнения» [14, с. 404]. Объявление о возможном англо-габсбургском союзе сделало эти разногласия еще более глубокими. Основным конфликтом возник между лордом-канцлером Стивеном Гардинером и лордом-хранителем печати Уильямом Пейджетом, который поддерживал англо-габсбургский союз. Лорд-канцлер, напротив, выступал за брак королевы с Эдвардом Куртене, правнуком короля Англии Эдуарда IV, последним потомком по линии Плантагенетов. Современный британский историк Э. Вайкель в ста-

тье «Совет Марии», которая вышла в сборнике «Среднетюдоровское государство, 1540–1560 гг.», отмечала, что «сторонники этого “национального” брака с самого начала отвергли кандидатуру иностранного жениха Филиппа Испанского из-за страха, что Англия станет королевством-сателлитом империи Габсбургов и ввяжется в разорительные войны, которые Карл V вел на разных фронтах» [15, р. 72–73].

Последователь традиционного жанра политических биографий Д. Лоудс, один из ведущих британских специалистов по изучению периода правления Марии Тюдор, назвал споры между С. Гардинером и У. Пейджетом «полем битвы» [16, р. 152]. Противников испанского брака было много: парламент, треть Тайного совета, уже упомянутый лорд-канцлер С. Гардинер [17, с. 12]. Из-за страха войны был подготовлен брачный контракт, пункты которого определяли Марию как единственную королеву и были призваны гарантировать, что Англия ни в какой форме не станет инструментом политики Филиппа. В контракте оговаривалось, что Филипп будет одним из подданных Марии, и проводилось четкое различие между Марией как человеком и Марией как королевой. Как мы видим, автором брачного контракта С. Гардинером двигал страх, что Англия не сможет сохранить свою независимость.

В 2011 г. Дж. Эдвардс, исследователь английской и испанской истории, опубликовал монографию «Мария I, католическая королева Англии», в которой отмечал, что Карл V и Филипп не вполне совпадали во мнениях относительно цели англо-испанского союза. Карл V предвидел создание англоязычной ветви дома Габсбургов, чтобы укрепить влияние католицизма в Англии. Д. Эдвардс рассматривает «испанскую свадьбу» как необходимость для поддержания европейского равновесия того времени [18, р. 175–177]. Историк указывает, что Филипп намеревался фактически использовать Англию, чтобы добиться прорыва из военного тупика на континенте. Данная точка зрения становится все более распространенной, и не только среди английских историков. Например, как отмечает и российский историк Ю.И. Соусова: «Филипп использовал брак с Марией для ведения войны с давним своим противником – Францией. Таким образом, в январе 1557 г. Англия была уже почти втянута в войну» [19, с. 159]. Такого же мнения придерживается и российский специалист по истории международных отношений позднего Средневековья и раннего Нового времени Ю.Е. Ивонин. Он считал, что «этот брак явился сильным козырем в политической игре Карла V против Франции и германских князей. Император пытался с помощью брака между Марией и Филиппом изменить соотношение сил в свою пользу» [20, с. 44]. По мнению Ф. Постма, несогласие Филиппа со своим отцом Карлом V и его отказ принять ограничивающие пункты брачного контракта свидетельствуют, что еще не было ясно, какой будет политическая роль Англии [21, р. 73].

В начале правления Марии Тюдор Франция и Рим рассматривали королеву как потенциального посредника между Карлом V и французским королем Генрихом II. Но уже тогда большинство европейских правителей понимали, что Габсбурги не позволят своему потенциальному новому союзнику оставаться нейтральным. Правительство Англии оказалось в сложном положении. С одной стороны, Мария Тюдор отдавала предпочтение союзу с Габсбургами, но, с дру-

гой стороны, в Англии на тот момент еще не было достаточной политической поддержки, чтобы следовать линии Габсбургов и занять твердую позицию против Франции [1, р. 687].

Английские историки подчеркивают, что, несмотря на брачный контракт, Габсбурги стали вмешиваться не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику Англии. Это отметил В.Н. Ерохин, ссылаясь на исследования А.Дж. Диккенса. В частности, испанцы (доминиканцы из окружения королевы, исповедовавшие ее и связанные с инквизицией: Бартоломео Карранца, Хуан де Виллагарсия, Педро де Сото, Альфонсо-и-Кастро) могли повлиять на гонения на протестантов. Но при этом, делают вывод историки, испанцы скрывали свою роль в религиозных преследованиях во время пребывания в Англии [17, с. 15]. Весной 1555 г. по инициативе Англии была созвана мирная конференция, во время которой было предложено включить неофициального представителя интересов Габсбургов в состав английской делегации. Им стал Уильям Пейджет, сторонник брака между Марией и Филиппом. Он дал понять, что постарается извлечь из переговоров как можно больше выгоды для империи Габсбургов, например, добиться сокращения численности французских войск вдоль границы с Нидерландами [1, р. 689]. Этот шаг нанес серьезный удар по нейтралитету Англии. И вскоре стало очевидно, что брак и усилившееся влияние Габсбургов определили то, как Англия вела себя во время мирной конференции.

Мирная конференция в конечном счете провалилась из-за многочисленных политических разногласий, хотя от исхода переговоров зависело многое: улучшение англо-французских отношений, возможность Англии оказывать влияние на политику европейских государств, предотвращение новой войны, в которую Филипп пытался вовлечь Англию. К тому же эта конференция была одним из немногих самостоятельных действий Марии на международной арене [22, с. 78]. Тем не менее, несмотря на неудачный исход, усилия не были напрасными, так как конференция заложила основу для дальнейших мирных переговоров. Стороны четко сформулировали позиции, которые затем легли в основу Восельского перемирия, заключенного 15 февраля 1556 г. между Францией, Священной Римской империей и Испанией в ходе Итальянских войн. Конференция 1555 г. стала ключевым звеном в цепи переговоров, приведших к заключению мирного договора 1559 г. в Като-Камбрези.

Но в целом конференция была для Англии неудачной. Тогдашний посол Франции в Англии Луи Антуан де Ноай, будущий кардинал, публично поставил под сомнение нейтралитет Лондона и предположил, что английские политики «пляшут под дудку» Габсбургов. Мария Тюдор выразила ему свой гнев во время аудиенции. Венецианский посол в Лондоне Джованни Микель считал, что брак Марии Тюдор полностью связал ее с Филиппом и ее тестем Карлом V, тем самым лишив Англию возможности сохранять нейтралитет [1, р. 690]. По этому поводу Д. Лоудс пишет, что «ни одно решение, каким бы незначительным оно ни было, не принималось без окончательного одобрения ее кузена императора» [23, р. 219].

После неудачной мирной конференции объявленному нейтралитету Англии пришел конец. Этому также способствовала смерть Стивена Гардинера,

покровителя английского нейтралитета. Как отмечал Ф. Постма, «международная ситуация оставалась нестабильной после Воселя, и секретный договор, подписанный Генрихом II и Павлом IV, угрожал и без того хрупкому перемирию» [21, р. 106]. Франция стала искать союзников. Испания готовилась к войне с Францией, для чего Филипп стал использовать Государственный совет Англии. Историки отмечают, что «примерно в то же время герцог Альба рекомендовал Филиппу “господствовать над Англией”, назначив своих доверенных лиц на стратегические посты» [24, р. 253]. После смерти Стивена Гардинера Филипп приложил усилия, чтобы его место занял Уильям Пейджет, сторонник союза с Испанией. Разгорелся острый спор между «испанской» и «английской» фракциями в Тайном совете, и была найдена компромиссная фигура в лице Николаса Хита, архиепископа Йоркского. Британский историк Дж. Редворт отмечал, что тщательно подобранный Филиппом Государственный совет держал принца-консорта в курсе всех дел в Англии [6, р. 604]. Под давлением Габсбургов Англия официально отказалась от своего нейтралитета и 7 июня 1557 г. объявила войну, в результате которой был потерян Кале, последнее английское владение на территории Франции. Профессор университета Сорбонны Б. Хаан отмечал, что «взятие Кале имело в Европе почти такой же резонанс, как и битва при Сен-Кантене» [25, р. 64]. Испания в результате войны в 1557 г. в первый раз была объявлена банкротом [26, с. 156].

Еще до того, как Англия вступила в войну, стало очевидно, что королева будет поддерживать своего супруга, что бы ни случилось. В частности, для оказания финансовой помощи Филиппу в 1557 г. по приказу Марии в Англии активно распродавались не только земли, конфискованные у осужденных, но и принадлежащие короне и приносившие ей большой годовой доход [27, с. 83]. В этом контексте А. Уайтлок называла Марию «политически изолированной королевой, которая нарушила все правила, игнорируя своих советников, которые были против отказа от нейтралитета» [28, р. 331].

В 1557 г. между Испанией и Францией началась война, в которую была вовлечена и Англия из-за своего союза с Испанией. Традиционная историография рассматривала участие Англии в этой войне как величайшую военную и политическую неудачу Марии I. Историки-ревизионисты интерпретировали в своих работах внешнюю политику Англии раннего Нового времени как политику, обусловленную потребностями и «коммерческими интересами» государства, задачей обеспечения национальной безопасности. Так соперничество Англии с Францией представлялось необходимостью и даже средством самозащиты [29, с. 435]. Современный британский историк К. Дэвис предложил другую интерпретацию. По его мнению, участие Англии в войне с энтузиазмом восприняла значительная часть английской аристократии, которая получила возможность отвлечься от религиозных разногласий, возникших после восшествия на престол католички Марии Тюдор [30, р. 138].

Таким образом, мы видим, что в правление королевы Марии была предпринята попытка резкого разворота внешнеполитического курса страны. Это проявилось в возобновлении традиционного для Англии союза с Испанией (и династическом браке с Габсбургами) и начале новой войны с Францией [31, с.15]. Безоговорочная поддержка Филиппа Марией Тюдор, глубокие разногла-

сия между королевой и ее Тайным советом и растущая политическая разобщенность среди английской элиты – все это способствовало превращению Англии в союзника Габсбургов в борьбе против Франции.

Большинство историков до сих пор сходятся во мнении, что брак Марии Тюдор с Филиппом Габсбургом, в результате которого Англия потеряла Кале и чуть ли не стала государством-сателлитом Испании, был ошибочным и роковым. Однако в трудах современных британских исследователей наметилась другая точка зрения, что брак Марии с Филиппом был успешным замыслом, а война с Францией была инициативой английской аристократии, которая таким образом отвлекалась от религиозных разногласий в стране. Новая точка зрения появилась в 70–80-е годы XX в., когда в изучении английской истории заметным явлением стала научная деятельность представителей так называемого ревизионистского направления. С начала 2000-х гг. некоторые историки стали отстаивать тезис о том, что брак королевы Марии I с Филиппом был успешным для Англии, так как союз с самой сильной и богатой на тот момент страной в Европе был единственным выходом для находившейся в тяжелой экономической ситуации Англии.

В целом в современной британской историографии продолжается аналитическая работа по изучению правления Марии Тюдор, способствующая переосмыслению сделанного ранее, и также выдвигаются новые гипотезы, пересматривается понимание процесса функционирования власти, в частности роли женщин в истории и во властных структурах.

Литература

1. Vermeir R. "To bring good agreement and concord to Christendom." The Conference of Marck (1555) and English neutrality, 1553–1557 // *Revue du Nord*. – 2013. – V. 400–401, No 2–3. – P. 681–698. – doi: 10.3917/rdn.400.0681.
2. Smith Th. De Republica Anglorum. The Maner of Government or Policie of the Realme of England, Compiled by the Honorable Sir Thomas Smyth Knight, Doctor of Both the Lawes, and One of the Principal Secretaries unto the Two Most Worthy Princes, King Edward the Sixt, and Queene Elizabeth. – London: Printed by Henrie Middleton for Gregorie Seton, 1583. – 119 p. – URL: http://www.yorku.ca/comminel/courses/3020pdf/DE_REPVBLICA_ANGLORVM.pdf, свободный.
3. Rymer T. Foedera, Conventiones, Literae, Et Cujuscunque Generis Acta Publica, Inter Reges Angliae, Et Alios quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates, Ab Ineunte Saeculo Duodecimo, viz. ab Anno 1101, ad nostra usque Tempora, Habita aut Tractata; Ex Autographis, infra Secretiores Archivorum Regiorum Thesaurarias, per multa Saecula reconditis, fideliter Exscripta. V. 15. – London: Churchill, 1713. – 942 p. – URL: https://www.google.ru/books/edition/Foedera_Conventiones_Literae_Et_Cujuscun/U59SAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1, свободный.
4. The Act of the Marriage of Queen Mary to Philip of Spain, 1 Mar. Sess. 3 c. 2 (Published in G.B. Adams and H.M. Stephens, Select Documents). – New York, London: Macmillan, 1920. – P. 283–289.
5. Миронов В.В. Внешняя политика Тюдоров (1485–1603 гг.) в послевоенной англо-американской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1999. – 20 с.

6. *Redworth G.* 'Matters impertinent to women': Male and female monarchy under Philip and Mary // *Engl. Hist. Rev.* – 1997. – V. 112, No 447. – P. 597–613. – doi: 10.1093/ehr/CXII.447.597.
7. *Elton G.R.* England under the Tudors. – London: Routledge, 1991. – 522 p.
8. *Dickens A.G.* The English Reformation. – London: Batsford, 1964. – 374 p.
9. *Ridley J.* The Life and Times of Mary Tudor. – London: Book Club, 1973. – 224 p.
10. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. – Harmondsworth: Penguin Books, 1973. – 313 p.
11. *Richards J.* Reassessing Mary Tudor: Some concluding points // *Mary Tudor: Old and New Perspectives* / Doran S., Freeman T. (Eds.). – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2011. – P. 206–225.
12. *Sicking L.* Neptune and the Netherlands: State, Economy and War at Sea in the Netherlands. – Leiden: Brill, 2004. – 551 p. – doi: 10.1163/9789047405351.
13. *Whitelock A.* Mary Tudor: England's First Queen. – London: Bloomsbury, 2010. – 396 p.
14. *Эрикссон К.* Мария Кровавая. – М.: АСТ, 2001. – 637 с.
15. *Weikel A.* The Marian Council // *The Mid-Tudor Polity, 1540–1560* / Loach J., Tittler R. (Eds.). – London, Macmillan Press, 1980. – P. 53–73.
16. *Loades D.* Intrigue and Treason: The Tudor Court, 1547–1558. – Harlow: Pearson Longman, 2004. – 326 p.
17. *Ерохин В.Н.* Правление Марии Тюдор в истории английской реформации // *Вестн. Сев.-Вост. гос. ун-та. История.* – 2021. – Т. 2, №4. – С. 8–19.
18. *Edwards J.* Mary I, England's Catholic Queen. – London: Yale University Press, 2011. – 387 p.
19. *Соусова Ю.* Английская королева Мария Тюдор // *Вопросы истории.* – 2013. – № 4. – С. 152–160.
20. *Ивонин Ю.Е.* Филипп II Габсбург // *Вопросы истории.* – 2011. – № 12. – С. 41–57.
21. *Postma F.* Viglius van Aytta: de jaren met Granvelle, 1549–1564. – Zutphen: Walburg Press, 2000. – 360 p.
22. *Ларионов В.Л.* Правление Марии Тюдор – начало «английского матриархата» // *Гендерные исследования в гуманитарных науках: мат-лы VI межвуз. (с междунар. участием) науч.-практ. Интернет-конф., май-июнь 2009 г.* – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2009. – С. 73–78.
23. *Loades D.* Mary Tudor: The Tragical History of the First Queen of England. – London: National Archives, 2006. – 240 p.
24. *Samson A.W.S.* The marriage of Philip of Habsburg and Mary Tudor and anti-Spanish sentiment in England: Political economies and culture, 1553–1557: PhD Thesis. – London: Queen Mary Westfield Coll., 1999. – 307 p.
25. *Haan B.* Une paix pour l'éternité. La négociation du traité du Cateau-Cambrésis. – Madrid: Casa de Velázquez, 2010. – 292 p.
26. *Пшенова Ю.В., Цыб А.В.* Идеологическое сопровождение имперской политики Филиппа II Благоразумного // *Междунар. отношения и диалог культур.* – 2018. – № 6. – С. 150–164.
27. *Руденко О.А.* О контрреформации в Англии при Марии Тюдор // *Англия в эпоху абсолютизма* / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 69–103.
28. *Whitelock A.* A woman in a man's world: Mary I and political intimacy // *Women's Hist. Rev.* – 2007. – V. 16, No 3. – P. 323–334. – doi: 10.1080/09612020601022105.

29. *Зверева Г.И.* Историческое знание в Великобритании второй половины XX века: пути «новой социальной истории» // Историческая наука в XX веке. Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Дементьева, А.И. Патрушева. – М.: Простор, 2002. – С. 402–461.
30. *Davies C.S.L.* England and the French War, 1557–1559 // *The Mid-Tudor Polity*, с. 1540–1560 / Loach J., Tittler R. (Eds.). – London, Macmillan Press, 1980. – P. 137–156.
31. *Мазарчук Д.В.* Принципы или приоритеты: к вопросу об основаниях внешней политики первых Тюдоров // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2020. – № 2. – С. 14–18.

Поступила в редакцию 08.02.2023

Принята к публикации 11.04.2023

Миронова Светлана Анатольевна, научный сотрудник*, соискатель кафедры всеобщей и публичной истории**

*ОГАУК «Ленинский мемориал»

ул. Ленина, д. 1, г. Ульяновск, 432017, Россия

**Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: svkorol93@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 59–69

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.59-69

The Relations of England with France and the Habsburg Empire in the Reign of Mary Tudor (As Assessed by British Historians)

S.A. Mironova

RSACI "V.I. Lenin Memorial Museum", Ulyanovsk, 432017 Russia

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: svkorol93@mail.ru

Received February 8, 2023; Accepted April 11, 2023

Abstract

This article is devoted to the foreign policy of England during the reign of Mary Tudor. Based on the views of modern British historians, it considers in particular the relations that established between England and the Habsburg Empire. The results obtained show that England's foreign policy during that period was obviously defined by the marriage of the queen to Philip of Habsburg, the heir to the Spanish Empire. Traditionally, most historians, regardless of the direction of British historiography to which they belong, have assessed this marriage negatively, as it worsened the relations with France and tightened the domestic religious policy. In recent decades, however, many British historians representing different schools have argued that the union between Mary Tudor and Philip was beneficial to England. They agree that the alliance with the most powerful and richest country in Europe at that time was the only way out for England, which had fallen into a difficult economic situation. The war with France was a good way to divert attention from the religious strife in the country. Since different historical trends and approaches coexist in modern British historiography, many issues related to the study of the foreign policy pursued by Mary Tudor are still debatable and await further research and substantiation.

Keywords: England, France, Habsburgs, Mary Tudor, Philip II, foreign policy, neutrality

References

1. Vermeir R., De Meulenaere V. "To bring good agreement and concord to Christendom." The Conference of Marck (1555) and English neutrality, 1553–1557. *Revue du Nord*, 2013, vols. 400–401, nos. 2–3, pp. 681–698. doi: 10.3917/rdn.400.0681.
2. Smith Th. *De Republica Anglorum. The Maner of Government or Policie of the Realme of England, Compiled by the Honorable Sir Thomas Smyth Knight, Doctor of Both the Lawes, and One of the Principal Secretaries unto the Two Most Worthy Princes, King Edward the Sixt, and Queene Elizabeth*. London, Printed by Henrie Midleton for Gregorie Seton, 1583. 119 p. Available at: http://www.yorku.ca/commnel/courses/3020pdf/DE_REPVBLICA_ANGLORVM.pdf.
3. Rymer T. *Foedera, Conventiones, Literae, Et Cujuscunque Generis Acta Publica, Inter Reges Angliae, Et Alios quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates, Ab Ineunte Saeculo Duodecimo, viz. ab Anno 1101, ad nostra usque Tempora, Habita aut Tractata; Ex Autographis, infra Secretiores Archivorum Regionum Thesaurarias, per multa Saecula reconditis, fideliter Exscripta*. Vol. 15. London, Churchill, 1713. 942 p. Available at: https://www.google.ru/books/edition/Foedera_Conventiones_Literae_Et_Cujuscun/U59SAAAACAAJ?hl=ru&gbpv=1. (In Latin)
4. *The Act of the Marriage of Queen Mary to Philip of Spain, 1 Mar. Sess. 3 c. 2 (Published in G.B. Adams and H.M. Stephens, Select Documents)*. New York, London, Macmillan, 1920, pp. 283–289.
5. Mironov V.V. Foreign policy of the Tudors (1485–1603) in the post-war Anglo-American historiography. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Tomsk, 1999. 20 p. (In Russian)
6. Redworth G. 'Matters impertinent to women': Male and female monarchy under Philip and Mary. *English Historical Review*, 1997, vol. 112, no. 447, pp. 597–613. doi: 10.1093/ehr/CXII.447.597.
7. Elton G.R. *England under the Tudors*. London, Routledge, 1991. 522 p.
8. Dickens A.G. *The English Reformation*. London, Batsford, 1964. 374 p.
9. Ridley J. *The Life and Times of Mary Tudor*. London, Book Club, 1973. 224 p.
10. Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. Harmondsworth, Penguin Books, 1973. 313 p.
11. Richards J. Reassessing Mary Tudor: Some concluding points. In: Doran S., Freeman T. (Eds.) *Mary Tudor: Old and New Perspectives*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2011, pp. 206–225.
12. Sicking L. *Neptune and the Netherlands: State, Economy and War at Sea in the Netherlands*. Leiden, Brill, 2004. 551 p. doi: 10.1163/9789047405351.
13. Whitelock A. *Mary Tudor: England's First Queen*. London, Bloomsbury, 2010. 396 p.
14. Erickson C. *Mariya Krovavaya [Bloody Mary]*. Moscow, AST, 2001. 637 p. (In Russian)
15. Weikel A. The Marian Council. In: Loach J., Tittler R. (Eds.) *The Mid-Tudor Polity, 1540–1560*. London, Macmillan Press, 1980, pp. 53–73.
16. Loades D. *Intrigue and Treason: The Tudor Court, 1547–1558*. Harlow, Pearson Longman, 2004. 326 p.
17. Erokhin V.N. The rule of Mary Tudor in the history of the English Reformation. *Vestnik Severo-Vostochnogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istorija*, 2021, vol. 2, no. 4, pp. 8–19. (In Russian)
18. Edwards J. *Mary I, England's Catholic Queen*. London, Yale Univ. Press, 2011. 387 p.
19. Sousova Yu. Queen Mary Tudor of England. *Voprosy Istorii*, 2013, no. 4, pp. 152–160. (In Russian)
20. Ivonin Yu.E. Philip II Habsburg. *Voprosy Istorii*, 2011, no. 12, pp. 41–57. (In Russian)
21. Postma F. *Viglius van Aytta: de jaren met Granvelle, 1549–1564*. Zutphen, Walburg Press, 2000. 360 p. (In Frisian)
22. Larionov V.L. The reign of Maria Tudor – the beginning of the "English matriarchy". *Gendernye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh: mat-ly VI mezhdunar. uchastiem nauch.-prakt. Internet-konf., mai-iyun' 2009 g.* [Gender Studies in the Humanities: Proc. VI Interuniv. (with Int. Participation) Sci.-Pract. Online Conf., May–June 2009]. Yoshkar-Ola, Marii. Gos. Univ., 2009, pp. 73–78. (In Russian)

23. Loades D. *Mary Tudor: The Tragical History of the First Queen of England*. London, National Archives, 2006. 240 p.
24. Samson A.W.S. The marriage of Philip of Habsburg and Mary Tudor and anti-Spanish sentiment in England: Political economies and culture, 1553–1557. *PhD Thesis*. London, Queen Mary Westfield Coll., 1999. 307 p.
25. Haan B. *Une paix pour l'éternité. La négociation du traité du Cateau-Cambrésis*. Madrid, Casa de Velázquez, 2010. 292 p. (In French)
26. Pshenova Yu.V., Tsyb A.V. Ideological support of the imperial policy of Philip II the Prudent. *Mezhdunarodnye Otnosheniya i Dialog Kul'tur*, 2018, no. 6, pp. 150–164. (In Russian)
27. Rudenko O.A. On the Counter-Reformation in England under Mary Tudor. In: Saprykin Yu.M. (Ed.) *Angliya v epokhu absolyutizma* [England in the Age of Absolutism]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1984, pp. 69–103. (In Russian)
28. Whitelock A. A woman in a man's world: Mary I and political intimacy. *Women's History Review*, 2007, vol. 16, no. 3, pp. 323–334. doi: 10.1080/09612020601022105.
29. Zvereva G.I. Historical knowledge in Great Britain of the second half of the 20th century: The ways of the “new social history”. In: Dement'ev I.P., Patrushev A.I. (Eds.) *Istoricheskaya nauka v XX veke. Istoriografiya istorii novogo vremeni stran Evropy i Ameriki* [Historical Science in the 20th Century. Historiography of the history of the Modern Era in Europe and America]. Moscow, Prostor, 2002, pp. 402–461. (In Russian)
30. Davies C. England and the French War, 1557–1559. In: Loach J., Tittler R. (Eds.) *The Mid-Tudor Polity, c. 1540–1560*. London, Macmillan Press, 1980, pp. 137–156.
31. Mazarchuk D.V. Principles or priorities: Early Tudors' foreign policy foundations reconsidered. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, Filosofiya*, 2020, no. 2, pp. 14–18. (In Russian)

Для цитирования: Миронова С.А. Отношения Англии с Францией и империей Габсбургов в правление Марии Тюдор (в оценке британских историков) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 59–69. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.59-69.

For citation: Mironova S.A. The relations of England with France and the Habsburg Empire in the reign of Mary Tudor (as assessed by British historians). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 59–69. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.59-69. (In Russian)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.70-84

ГИГИЕНА ОДЕЖДЫ КОЧЕВНИКОВ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ XIII – XVI ВВ.

Л.Ф. Абзалов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одного из малоизученных аспектов истории кочевников Евразийских степей XIII – XVI вв. – гигиене одежды. Источниковую базу исследования составили сведения авторов различных эпох, характеризующих жизнь и быт кочевников Великой степи, данные археологических изысканий, этнографические материалы, а также данные отдельных областей медицины. Выделены объективные и субъективные факторы, обусловившие гигиеническую практику кочевников в отношении своей одежды. Костюм рядового степняка-скотовода соответствовал его образу жизни и в большинстве своем был шит из материалов собственного производства, затруднявших процесс его стирки: по этой и некоторым другим причинам кочевники носили свою одежду до полного износа, практикуя при этом методы сухой чистки. Одежда из хлопковых и льняных тканей подвергалась влажной очистке. Рассматриваемая практика верхов общества кочевников отличалась от таковой у рядовых его членов, прежде всего, частотой смены одеяния. Определенную роль в гигиене одежды играли духовно-мировоззренческие факторы, выражавшиеся в различных запретах, суевериях и приметах, требующих дальнейшего специального изучения.

Ключевые слова: кочевники, Великая степь, личная гигиена, гигиена одежды

Гигиена одежды является частью личной гигиены (о личной гигиене кочевников см. [1]). Костюм, как один из наиболее важных элементов материальной культуры, состоит из разных частей: головных уборов, верхней и нижней плечевой и поясной одежды, а также обуви. Основными видами одежды кочевников Великой степи в XIII – XVI вв. являлись рубахи, халаты, меховые шубы, полушубки, штаны, чулки, шапки различных форм, в том числе колпаки и бокки, сапоги (см. подробнее [2–5]; для сравнения [6–8] и др.). Одежда дополнялась всевозможными украшениями и аксессуарами (пояса и поясные принадлежности, пуговицы, зеркала, сумки и футляры). Костюм знати за некоторым исключением состоял из тех же основных элементов, что у рядовых кочевников. Социальные различия выражались в богатстве костюма и количестве надеваемых одежд, в материале, аксессуарах и украшениях [9, с. 15]. В целом костюм кочевников Евразийских степей различных этапов их развития имел много общих

черт, так как сформировался в сходных природно-климатических условиях и был удобен и комфортен для кочевника-скотовода.

При рассмотрении гигиены одежды важно учитывать материал, из которого она была сшита. В большинстве своем кочевники использовали текстильный материал животного происхождения, однако исследователями не отрицается использование ими текстиля и растительного происхождения, которому свойственна меньшая сохранность в археологических памятниках. Вильгельм де Рубрук (ок. 1215–1295) пишет об использовании хлопковых тканей и небогатыми представителями общества: «Об одеяниях и платье их знайте, что из Кайтаи и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. <...> Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой» (I, с. 97–98).

Большинство авторов, описывающих жизнь и быт номадов, упоминают о том, что кочевники носят одежду, сшитую из кожи и шерсти ((II, с. 168); см. также [10, с. 459–460; 11, с. 40 и др.]). На основе имеющихся источников можно говорить о преобладании деталей костюма из шерсти, войлока, меха и кожи, халаты знати могли шиться из полотна (конопля, хлопок), шелка и хорошо выделанной шерстяной ткани [2, с. 374]. В Codex Cumanicus (Куманская книга) содержатся сведения о самых различных видах ткани, встречавшихся в Золотой Орде. Кроме того, была распространена одежда с различными подбивками. Шерсть в основном применялась для пошива поясной одежды, тогда как войлок использовался при изготовлении головных уборов, теплой одежды и обуви. Материалом для шуб служили шкуры овец, коз и пушных зверей. Следует заметить, что не последнюю роль в плане распространения материалов для пошива одежды играла общая социально-экономическая и даже военно-политическая ситуация, определявшая характер обменных отношений между номадами и представителями оседло-земледельческих культур. Очевидно, рядовые кочевники испытывали дефицит в тканях, и тканая одежда зачастую была им недоступна, поэтому они были не в состоянии часто обновлять предметы своего гардероба, сшитые из материалов несобственного производства (хлопка, льна, шелка), что также определяло их бережное отношение к одежде.

У большинства кочевников одежда заменялась по мере ее изнашивания, что было свойственно традиционному обществу в целом. Известно, что причиной ее износа являлось влияние комплекса различных факторов, но основная – это стирание вследствие механического воздействия в процессе верховой езды (речь идет в первую очередь о поясной одежде). Помимо этого, на состояние тканей влияли физико-химические и биологические факторы. Например, в степи очень высок уровень инсоляции. Также следует упомянуть воздействие пота, процессов гниения, вызываемых развитием различных микроорганизмов, – всё это отрицательно сказывалось на состоянии одежды и способствовало быстрому ее износу. Ведение скотоводческого хозяйства также оставляло свой «след» на одежде кочевника, приводивший к ее быстрому засаливанию. В результате одежду приходилось относительно часто обновлять, по меньшей мере один-два раза в год [12, с. 103].

Обратимся к данным авторов различных эпох, описывающих жизнь кочевников Великой степи. Так, Ибн Фадлан, преподнесший в 922 г. в дар огузскому военачальнику одежду, пишет: «Он (Этрек, сын Катагана. – Л.А.) снял парчовую одежду, бывшую на нем, чтобы надеть упомянутые нами почетные подарки. И я увидел бывшую под ней куртку, – она распалась [лохмотьями] от грязи, так как правила их [таковы], что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыплется на куски» (III, с. 727)¹. Здесь следует отметить, что Ибн Фадлан находился у огузов во время сезонных холодов², которые, конечно же, не благоприятствовали стирке. Чжао Хун, посол Южно-Сунской империи, направленный в Монголию (1221), сообщает: «Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока [она] не износится» (V, с. 75). Об этом же пишет французский путешественник Вильгельм де Рубрук: «Платье они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры...» (I, с. 99). У визиря ильханов Рашид ад-Дина (ок. 1247–1317) читаем: «Обычай и порядок у монголов таковы, что весной и летом никто... не расстилает в степи вымытой одежды, так как, по их мнению, именно это бывает причиной сильного грома и молнии, а они [этого] очень боятся и обращаются в бегство» (VI, с. 49).

Факт использования номадами одежды до полного износа приводится и более поздними авторами. Российский синолог Н.Я. Бичурин (1777–1853), характеризуя монголов, отмечает: «...Рубаху и портки, надевши новые, обыкновенно до тех пор не снимают, пока они сами собой не истлеют от пота» [13, с. 177]. Российский монголист Г. Гомбоев (1822–1863) о современных ему монголах пишет: «Они... очень любят быть в сале. Выражая чувство благожелания, говорят: <...> “Да будет одежда твоя в сале и табуны многочисленны”. На этом основании, надевая новое платье, стараются, при первом случае, обтирать об него сальные руки. Одежда незасаленная считается несчастливою» [14, с. 255–256]. Г.Н. Потанин (1835–1920) о монголах конца XIX в. заметил: «Белье и верхнее платье не сменяется, пока не износится, и потому у бедных людей ежегодно осенью и весной делается полная замена старого изношенного за лето или за зиму до лоскутьев платья новым» [12, с. 103]. Академик И.М. Майский (1884–1975) дает следующее описание кочевника-монгола начала XX в.: «Платье, которое носит монгол, также не моется. Оно не снимается до тех пор, пока не развалится. К счастью, китайские материи, из которых монгол шьет себе одежду, не очень прочны и больше году, как правило, не выдерживают, так что, по крайней мере, раз в год смена рубашки и штанов все-таки происходит. Зато в обычное время платье монгола замаслено, засалено и продымлено до последней степени» [15, с. 36].

Следует прокомментировать бытовавший у кочевников запрет на стирку одежды во время грозы. Реальный страх перед громом и молнией был характерен для кочевников Великой степи, так как в условиях равнинного ландшафта

¹ Об этом свидетельствуют и более ранние авторы, в частности, византийский историк Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400) пишет о гуннах: «...Раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расплзется в лохмотья» (IV, с. 1214).

² Климат начала X в. характеризуется резким похолоданием.

молнии представляют серьезную опасность. В степи непросто укрыться, одиноко стоящая юрта или всадник и в особенности хорошо вооруженный воин могут притягивать молнию. Например, у Иоанна де Плано Карпини (ок. 1180–1252) читаем: «Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей» (VII, с. 32). Скорее всего, случаи гибели людей и скота от ударов молнии были достаточно частыми, что порождало страх перед этим природным явлением: «Когда [они] слышат гром, то пугаются и не смеют отправляться в поход. “Небо зовет!” – говорят они» (V, с. 79). Молния исходила из неба, а у кочевников, в том числе монголов, как известно, особо почитался бог Неба – Тенгри, проявлением гнева которого и считались удары молнии.

Папский легат Иоанн де Плано Карпини пишет о том, что запрет на стирку действует в сезон, когда случаются грозы, и, что немаловажно, именно во время грома: «Платья свои они также не моют и не дают мыть, а *особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время* (здесь и далее курсив наш. – Л.А.)» (VII, с. 42). Впрочем, мало кому придет в голову заниматься стиркой одежды во время раскатов грома, тем более в условиях равнинной местности. Тем не менее вышеуказанные запреты применительно к представителям других культур, очевидно, были не столь категоричны. У арабского автора XIV в. ал-Муфаддала содержатся такие же сведения, но с некоторым уточнением: «...Не есть снега и не мыть платья в орде, а *если уже случится мыть его, то делать это тайком*» (VIII, с. 193). Как видно из последнего сообщения, запрет на мытье одежды распространялся только на территорию орды или ставки и в первую очередь на самих кочевников, причем если мытье производилось не демонстративно, то было допустимо (VI, с. 49). Очевидно, у кочевников существовали и другие нормы, поверья и запреты, так или иначе связанные с гигиеной одежды, о чем могут свидетельствовать этнографические материалы (см. [16]).

Существовавшие среди степняков-кочевников ограничения в плане стирки одежды могут быть вызваны и объективными обстоятельствами. В силу того что предметы верхней одежды шились из шерсти или кожи, были подбиты мехом и различными тканями, стирать их было тяжело или совсем невозможно. В результате стирки могли пострадать их внешний вид и свойства (одежда могла растянуться, сесть, потерять свою мягкость или цвет и т. д.). Также необходимо отметить, что для подобной стирки требовалось много воды и специальных моющих средств. Относительно шерстяных тканей следует иметь в виду и то, что они в меньшей степени подвержены загрязнению, в связи с тем что из них быстро выветриваются запахи пота, еды и дыма. Из сказанного закономерен вывод, что кочевники должны были практиковать своеобразную сухую чистку без применения воды, которая, как было уже указано, деформировала материал: шерстяные и иные вещи вытряхивали, чтобы отбить пыль, высушивали, проветривали, чтобы отбить запахи, а грязные пятна счищали щеткой. По всей видимости, кочевники также практиковали выморозку белья и одежды.

Вполне естественно, что стирка в степи была, но являлась не частым явлением (помимо этого, следует помнить о том, что шерсть для изготовления тканей требует предварительной чистки и мытья). Вернее всего, большая стирка

проводилась в теплое время года, когда номады располагались близко к источнику воды. Стирке подвергалась одежда, сшитая из определенных материалов, стирались в первую очередь нательная одежда, детские вещи. В эпосе «Идегей» говорится о полоскании белья в водах Волги: «Керем-коңым юган йорт (Здесь полоскали мое белье)» (IX, б. 128) – в данном случае речь идет о стирке детской одежды. Белье сушили, разложив на предварительно расстеленном войлочном или ином покрытии, для того чтобы одежда не потеряла форму. Ярким свидетельством подобных действий номадов являются изобразительные источники – фотографии из жизни и быта казахов конца XIX в., сделанные С.М. Дудиным (1863–1929) (см. рис. 1). Можно предположить, что и кочевники XIII – XVI вв. стирали таким же образом. В качестве моющих средств могли использовать как мыло (IX, б. 100), так и другие средства растительного и минерального происхождения.

Рис. 1. Стирка белья. Фото С.М. Дудина. Казахстан, Семипалатинская область. 1899 г. (Кунсткамера. Коллекции онлайн. Фотоколлекция. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/89260?query=Дудин&index=29>)

Гигиенические процедуры, в том числе среди номадов, могут отражать и языковые материалы «Свода тюркских слов» (“Диван Лугат ат-Тюрк”, 70-е гг. XI в.) Махмуда Кашгари (X). По данным Т.А. Аникеевой: «Довольно значительную группу составляет лексика, связанная со стиркой одежды: сами понятия стирки и загрязнения, наименования растений и минералов, которые использовались для стирки и очистки одежды, сюда можно включить также и названия веществ, применявшихся для беления ткани: “йунгук” يۇنغۇق – “поташ”... Это [слово] обозначает то, что используется для стирки одежды»; «кас كا س – “кусочек глины (или др.), используемый для удаления грязи”»;

«шав شاق – “растение, похожее на мыльный корень, растущее в Уж, им стирают одежду”»); «тукймак تقيماق – “колотушка белильщика ткани”» [17, с. 199].

Лексика, приведенная Махмудом Кашгари, свидетельствует о том, что чистка и стирка одежды была обыденным явлением, что, впрочем, вполне естественно. Для наглядности приведем некоторые примеры: *ул сувда тунин йайнди* / ‘он сам полоскал одежду в воде’ (X, с. 804); *ул тунин сувда йайтурди* / ‘он приказал, чтобы его одежду прополоскали в воде’ (то же о полоскании или встряхивании любой вещи) (X, с. 813); *ул тун кубиди* / ‘он вытряс одежду’ (X, с. 929); *ар тун йуди* / ‘человек стирал одежду’ (X, с. 792); *ул тун йуди* / ‘он постирал одежду’ (X, с. 929); *ул тунин йаңилади* / ‘он обновил одежду’ (X, с. 1045).

Грязная одежда могла стать местом концентрации всевозможных паразитов, о чем свидетельствуют очевидцы. У Иоанна де Плано Карпини читаем: «Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: “Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?”» (VII, с. 41). Подобное же явление наблюдал Ибн Фадлан у кочевников-башкир еще в X в. (III, с. 729). На это указывают и более поздние авторы, описывающие жизнь и быт кочевников Великой степи [18, с. 43; 19, с. 35; 15, с. 36]. Как известно, на человеке могут паразитировать три вида вшей: головная, платяная и лобковая. Вошь является облигатным эктопаразитом [20, с. 16]. Головная и платяная – переносчики возбудителей возвратного тифа (заражение происходит при раздавливании вши и попадании гемолимфы в ранку от укуса или в расчесы), возбудителей сыпного тифа (заражение происходит при втирании фекалий насекомого в ранку от укуса или в расчесы и ссадины на теле) и др. [21, с. 233–235]. Для лучшего уяснения природы данного явления следует отметить, что платяная вошь погибает, если в течение определенного времени (от нескольких до 10 суток) она не питается. При этом их гниды (яйца) сохраняют жизнеспособность до нескольких недель при температуре +4...+45°C [22, с. 152]. Помимо педикулеза, к числу поверхностных паразитозов кожи человека относится чесотка, вызываемая клещом – чесоточным зуднем; она проявляется сильным зудом и поражает людей вне зависимости от их статуса в обществе [20, с. 10].

Неслучайно в связи с широким распространением в рассматриваемую эпоху педикулеза весьма востребованным материалом для шитья нательной одежды был шелк. Как известно, платяные вши и блохи с трудом прикрепляются к шелковой ткани и не могут на ней долго удерживаться. Имеются данные о популярности предметов одежды из шелка среди золотоордынской элиты. Как отмечает З.В. Доде: «Государственный интерес к шелку в Монгольской империи был основан не только на его высокой стоимости и атрактивности, но также на его гигиенических свойствах. Шелковые ткани несовместимы с жизнедеятельностью платяных вшей, которые являются наиболее опасным возбудителем, вызывающим эпидемии сыпного тифа и других массовых заболеваний. Очевидно, этим свойством шелка объясняется его широкое использование не только в костюме, но и в дворцовых интерьерах, изготовлении постельных принадлежностей, предназначенных как для ханских покоев, так и для постоялых дворов на почтовых станциях» [23, с. 50–51]. Помимо шелка исходя из соображений престижности и гигиенических свойств для шитья одежды использовали меха. Известный купец и путешественник Ибн Баттута пишет: «Одна из

особенностей этих шкур (автор имеет в виду шкурки горностая и соболя. — Л.А.) та, что в них не забираются вши» (VIII, с. 298).

И все же наличие сведений об эктопаразитах не позволяет говорить о степени их распространенности. Так же как и на современном этапе, номады старались избавиться от назойливых паразитов, прежде всего соблюдая личную гигиену. Поэтому представлять одежду каждого номада кишасей паразитами было бы неверно. Так же, как и сегодня, у отдельных лиц, грубо нарушавших нормы личной гигиены или заразившихся чесоткой, они должны были встречаться чаще. Следует отметить, что в рассматриваемый период активизируется процесс исламизации номадов, а у мусульманских врачей имелись действенные средства для борьбы с вышеуказанными эктопаразитами (XI, с. 575; XII, с. 86); помимо всего прочего, исламизация оказывала влияние и на гигиеническую культуру кочевников Великой степи [24].

Вероятно, таких понятий, как уличная или домашняя (сменная) одежда, у кочевников не существовало, один и тот же костюм носили весь день. Также у номадов не было особой ночной одежды, ее функции могла выполнять нательная одежда, впрочем, многое зависело от времени года. При этом у части общества могла быть праздничная, парадная, особо ценная одежда [25, с. 226], которая, видимо, никогда не стиралась. В случае загрязнения она могла просушиваться и вычищаться щеткой, после чего ее хранили в сундуках, при этом время от времени вынимали для просушивания, развешивая в юрте или на улице в дневное время [16, с. 155]. В целом у номадов гардероб был скромным, у них не было большого количества одежды, что объясняется не только имущественным положением кочевников, но и условиями жизни и бытовавшими традициями. В частности, большое количество одежд создает лишние трудности в условиях ведения кочевого образа жизни, в то же время одежда сакрально связана с ее владельцем, представляя собой частицу его души [16]. Следует также учесть, что при сохранении древних языческих традиций знатных кочевников погребали, облачая их в ту же одежду, которую они носили при жизни [6, с. 134], помимо этого в могилу могли помещать по несколько комплектов одежды, в том числе носимых в разные сезоны года [26, с. 175].

Естественно, что гигиена одежды верхов общества имела некоторые, но не столь существенные отличия от таковой у рядовых кочевников. Зажиточные, богатые представители аристократии, очевидно, использовали одежду не до полного износа, а до тех пор, пока она не теряла вида, соответствующего статусу носившего ее человека [25, с. 226]. И все-таки значительная часть знати должна была руководствоваться общепринятыми у номадов правилами ношения одежды, что, возможно, было более актуальным для нательной одежды. Подтверждением этого служат данные Ибн Фадлана, который пишет об огузском военачальнике Этреке (III, с. 727). Очевидно, в таком случае можно было отличить знатного человека по богатству убранства деталей его одежды.

Зачастую удобство и практичность предметов одежды являлись определяющими факторами при их использовании, и на это обращали внимание не только рядовые номады, но и представители верхов ордынского общества. Так, Георгий Пахимер (1242 – ок. 1310) вкладывает в уста темника Ногая следующую

щие слова: «Но что касается разных калиптр³ и одежд (ибо и такие вещи присланы были ему от царя (Михаила VIII Палеолога. – Л.А.) в подарок), то отодвигая их руками, он (Ногай. – Л.А.) спрашивал принесшего: полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такою калиптрою был непоражим? А эти драгоценные платья избавят ли члены моего тела от утомления?» (XIII, с. 319–320). Тот же автор о непритязательности кочевников в одежде пишет: «Кто случайно найдет кусок ветхой одежды, тот сейчас пришьет его к своему платью, нужна ли будет такая пришивка или не нужна, – все равно (цель та, чтобы делая это без нужды, тохарцы⁴ не стыдились к ветхим одеждам пришивать старые заплатки, когда бы настала необходимость)» (XIII, с. 318). Здесь также следует заметить, что в Монгольской империи и Золотой Орде, как, впрочем, и в других средневековых государствах, одежда имела символическое значение, как правильно заметил А.Г. Юрченко: «Вопреки мнению Георгия Пахимера, старший ногай Ногай не рядился в собачьи и бараньи шубы. Многоцветью византийских одежд Ногай противопоставил “халат власти”» [27, с. 107].

Следует отметить, что вышеприведенный факт также может свидетельствовать о бережном отношении номадов к одежде и служит очередным доказательством того, что они носили одежду до полного износа, из-за чего приходилось ее штопать и пришивать заплатки⁵ (поэтому практически у каждого номада были необходимые средства для шитья). Тканая одежда ценилась номадами во все времена [6, с. 139]; даже одежда, практически полностью утратившая свои свойства, не выбрасывалась, из ее лоскутков могли шить одежду для новорожденных, так как ко всему прочему считалось, что такие ткани могли обладать некоторыми магическими свойствами, оберегавшими ребенка от сглаза [6, с. 140].

В жаркую погоду рядовые кочевники могли ходить без рубах; впрочем, внутренней плечевой нательной одежды у них попросту могло не быть. В теплое время года они обнажали одно плечо или совсем снимали халат, оставаясь в штанах и рубахе, а бедняки только в штанах [18, с. 13; 28, с. 135; 29, с. 165]. Отсутствие внутренней нательной одежды может объясняться не только бедностью рядовых номадов или слабой доступностью тканых одежд, но и существовавшей привычкой и традицией ношения.

Шерстяные чулки, очевидно, могли стираться, но чаще всего их просушивали. Рашид ад-Дин, описывая монгольское племя урянкат, пишет: «Если кто-нибудь снимет с ноги войлочный чулок [уг] и захочет высушить [его] на солнце, то случится та же самая упомянутая беда (ударит молния. – Л.А.). Поэтому, когда они сушат [свои] войлочные чулки, то закрывают верхушку шатра [харгах] и сушат [их] в шатре» (XIV, с. 157). В словаре Махмуда Кашгари также упоминаются некие обмотки для ног – видимо, речь идет о своего рода портянках, которые могли использоваться и в рассматриваемую нами эпоху (X, с. 825).

³ Калиптра, *греч.* – женское покрывало, шарф.

⁴ Георгий Пахимер отождествляет татар с древними тохарами.

⁵ Для сравнения можно привести языковые материалы из словаря Махмуда Кашгари: *йамагу* – *бу тун ул йамагу* / ‘это одежда, подлежащая починке’ (X, с. 768); *йамаглиг тун* / ‘починенная одежда’ (X, с. 779); *ар тунин йаманди* / ‘[человек] сам латал свою одежду’ (X, с. 803) и др.

Вполне естественно, что обувь не стиралась и также использовалась до полного износа. В случае загрязнения ее можно было обсушить и вычистить, к тому же, кожаная и войлочная обувь достаточно быстро изнашивалась. Износу также способствовало и то, что в привычке многих кочевников-монголов было вытирать жирные руки о голенище сапога (V, с. 75; VII, с. 41–42; 13, с. 177). Также не стирались головные уборы.

Очевидно, ордынская аристократия весьма активно пользовалась различными ароматическими средствами, наносимыми на одежду. Косвенным доказательством этого могут служить многочисленные сфероконусы, встречающиеся на золотоордынских памятниках, – они, как известно, могли применяться в том числе и для хранения всевозможных благовоний⁶.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы о гигиене одежды номадов Великой степи XIII – XVI вв.

1. Одежда номадов соответствовала образу жизни кочевника-скотовода, по большей части была сшита из текстильных материалов собственного производства (шерсть, войлок, кожа, мех и др.).

2. Для рядового номада одежда из тканей, в особенности несобственного производства, была достаточно дорогой, что определяло бережное отношение к ней.

3. Гардероб рядового номада был небогат и состоял в большинстве своем из той одежды, которая была на нем.

4. Одежду, как правило, использовали до полного износа, заменяя ее не реже одного-двух раз в год.

5. Ношение одежды до полного износа в отдельных случаях могло приводить к возникновению некоторых инфекционных заболеваний, в частности чесотки и педикулеза, для противодействия распространению которых, помимо соблюдения норм личной гигиены, по всей вероятности, использовали выморожку и инсоляцию предметов гардероба, а также шелковые ткани.

6. Гигиена одежды зависела также от социального статуса номада и его индивидуальных привычек.

7. Стирка в среде номадов была нечастым явлением в связи с сезонными ограничениями в холодное время года, специфическим характером текстильных материалов животного происхождения, делающим процесс стирки весьма трудоемким или даже невозможным, приводящим к порче предметов гардероба.

8. Материал одежды позволял высушивать, проветривать и вычищать одежду сухим методом.

9. Стирке могли подвергаться отдельные виды одежды, прежде всего нательная плечевая и поясная одежда, детские вещи, сшитые из льна, хлопка и шелка.

10. У кочевников Великой степи существовали определенные запреты на стирку белья, связанные с их религиозными представлениями и выразившиеся в страхе перед молниями, являвшимися достаточно частым явлением в равнинной местности степей.

⁶ Для сравнения можно снова обратиться к языковым материалам Махмуда Кашгари, у которого читаем: *йуктур* – каузатив от ‘брызгать, втирать’; *ул аник туниңа нибар йуктурди* / ‘он велел побрызгать, втереть мускус в его одежду’ (X, с. 811).

Таким образом, гигиена одежды кочевников в XIII – XVI вв. обуславливалась объективными условиями их жизнедеятельности и рядом факторов духовно-мировоззренческого характера – именно они определяли основные виды предметов одежды и их гигиену. В завершение следует отметить, что по причине слабой изученности рассматриваемого аспекта личной гигиены кочевников некоторые наши выводы могут носить дискуссионный характер, что, хочется надеяться, может способствовать положительной динамике исследований в области традиционной культуры жизнеобеспечения кочевников евразийских степей.

Благодарности. Автор выражает огромную благодарность археологу, реставратору Татьяне Николаевне Крупа за консультацию и ценные советы относительно сохранности материалов, из которых шился костюм кочевников рассматриваемого периода.

Источники

- I – Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны // История монголов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло / Вступ. ст., комм. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 88–189.
- II – Челеби Э. Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века): в 2 вып. – М.: Наука, 1979. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – 288 с.
- III – Ибн Фадлан. Рисала // История татар: в 7 т. – Казань: РухИЛ, 2006. – Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – С. 714–744.
- IV – Великая Степь в античных и византийских источниках: Сб. материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы: Баур, 2005. – 1304 с.
- V – Чжао Хун. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит. Н.Ц. Мункуева. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
- VI – Рашид ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.
- VII – Плано К.Дж. дель. История монголов // История монголов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло / Вступ. ст., комм. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 30–85.
- VIII – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / [Соч.] В.Г. Тизенгаузена. – СПб.: Изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. – Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – IV, XVI, 564 с.
- IX – Идегэй: Татар халык дастаны. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 255 б.
- X – Махмуд ал-Кашигарй. Диван Лугат ат-Турк / Пер., предисл. и комм. З.-А.М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
- XI – Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки: в 5 кн. – Ташкент: Фан, 1980. – Кн. 4. – 736 с.
- XII – Ибн Кайим Аль-Джаузия. Пророческая медицина / Пер. с араб. Ибрахим Малик. – Казань: Идел-Пресс, 2006. – 368 с.
- XIII – Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки, переведенные с греческого при Петербургской Духовной академии. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1862. – Т. 1 – XXI, 525 с.
- XIV – Рашид ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 1. – 222 с.

Литература

1. Абзалов Л.Ф. Гигиеническая культура номадов евразийских степей XIII – XV вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 22–34.
2. Хрипунов Н.В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золото-ордынская цивилизация: Сб. ст. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – Вып. 5. – С. 363–393.
3. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.
4. Ямилова Р.Р. Головные уборы кочевников Золотой Орды // Изв. Рос. гос. педагог. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 89. – С. 118–124.
5. Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. – Westport; London: Greenwood Press, 2006. – 312 p.
6. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио, 2001. – 337 с.
7. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2005. – 400 с.
8. Усова И.А. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2012. – 24 с.
9. Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука. 1989. – С. 5–38.
10. Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: в 3 ч. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1773. –1788. – Ч. 1. – 657, 116 с.
11. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 382 с.
12. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению ИРГО: Вып. 1–4. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881. – Вып. 2. – 182 с.
13. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии: в 2 т. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828. – Т. 1. – 231 с.
14. Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Вост. отд. ИРАО. – 1859. – Ч. 4. – С. 236–256.
15. Майский И.М. Современная Монголия: отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской Конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ «Центросоюз». – Иркутск: Б.и., 1921. – 333 с.
16. Содномпилова М.М. Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2. – С. 152–165.
17. Аникеева Т.А. Представления о чистоте у тюрок Центральной Азии XI – XII вв. // Восток (Oriens). – 2020. – № 5. – С. 196–204.
18. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 т. – СПб., 1799. – Т. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. – 385 с.

19. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского: в 2 т. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. – Т. 1 с маршрутной съемкой путешествия. – 383 с.
20. Делягин В.М., Румянцев А.Г., Шугурин Е.Г. Чесотка и педикулез: старые проблемы в новом времени // Лечебное дело. – № 4. – 2007. – С. 10–19.
21. Мусыргалина Ф.Ф. Медицинская паразитология. – Уфа: Изд-во БГМУ Минздрава РФ, 2018. – 279 с.
22. Мяндина Г.И., Тарасенко Е.В. Медицинская паразитология. – М.: Практическая медицина, 2013. – 256 с.
23. Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII – XVII вв. (реконструкция этносоциальной истории): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2007. – 62 с.
24. Абзалов Л.Ф. Мусульманская гигиена у кочевников евразийских степей XIII – XVI вв. // Тюркологические исследования. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 21–33.
25. Башкуев В.Ю., Башкуева Е.Ю., Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М., Башкуева У.В. Геомедицина и политика здравоохранения в Байкальском регионе: история и современность. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 306 с.
26. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. – № 2. – 2013. – С. 171–178.
27. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – 432 с.
28. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
29. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

Поступила в редакцию 22.02.2023

Принята к публикации 28.03.2023

Абзалов Ленар Фиргатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: len_afzal@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 70–84

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.70-84

Clothing Hygiene of the Nomads of the Great Steppe in the 13th–16th Centuries

L.F. Abzalov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: len_afzal@mail.ru

Received February 22, 2023; Accepted March 28, 2023

Abstract

This article considers the clothing hygiene of the nomads who lived in the Eurasian steppes during the 13th to 16th centuries. The analysis is based on the written sources from various epochs describing the life of the nomads in the Great Steppe, as well as on the data from archaeological surveys, ethnographic materials, and certain areas of medicine. The objective and subjective factors that determined the hygienic practices of the nomads in caring for their clothes are identified. The nomadic costume was designed to meet the needs of the nomadic life: it was practical and comfortable. Most garments were made of natural materials of animal origin and were therefore difficult to wash. For this and some other reasons, the nomads wore their clothes until they were completely worn out and cleaned them using drying, airing, shaking out, and freezing. The clothing hygiene of the noble nomads differed from that of the ordinary ones, mainly in how often they changed garments. Spiritual and ideological factors (prohibitions, superstitions, and omens) also played a certain role, but this needs to be explored in more detail. Since little is known about personal hygiene habits of the nomads, some of the conclusions made here may be controversial, which in turn will fuel further research on the traditional culture of life support among the nomads of the Eurasian steppes.

Keywords: nomads, Great Steppe, personal hygiene, clothing hygiene

Acknowledgments. A special thanks to the archaeologist and art restorer Tat'yana Nikolaevna Krupa for useful discussions and valuable advice on the preservation of the materials used by the nomads to sew their clothes during the period under study.

Figure Captions

Fig. 1. Laundry. Photo by S.M. Dudin. Kazakhstan, Semipalatinsk district. 1899 (Kunstkamera. Online collections. Photo collection. Available at: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/89260?query=Дудин&index=29>).

References

1. Abzalov L.F. Hygiene culture of nomads in the Eurasian steppes during the 13th–15th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 22–34. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.22-34. (In Russian)
2. Khripunov N.V. Clothing of the nobility of the Great Mongol Empire in 1207–1266. In: *Zolotoordynskaya Tsivilizatsiya: Sb. st. [The Golden Horde Civilization: Collected Articles]*. Kazan, Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2012, no. 5, pp. 363–393. (In Russian)
3. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksesuary kostyuma kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)* [Elements of Decoration and Accessories of the Golden Horde Nomads Costume (Typology and Sociocultural Interpretation)]. Kazan, Inst. Ist. Sh. Mardzhani Akad. Nauk RT, 2013. 212 p. (In Russian)
4. Yamilova R.R. Hats of the nomads of the Golden Horde. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 89, pp. 118–124. (In Russian)
5. Lane G. *Daily Life in the Mongol Empire*. Westport, London, Greenwood Press, 2006. 312 p.
6. Polos'mak N.V. *Vsadniki Ukoka* [Riders of the Ukok]. Novosibirsk, Infolio, 2001. 337 p. (In Russian)
7. Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on the Materials of Funerary Monuments)]. Novosibirsk, Izd. Inst. Arkheol. Etnogr. Sib. Otd. Ross. Akad. Nauk, 2005. 400 p. (In Russian)
8. Usova I.A. The nomadic costume of Southern Siberia and adjacent territories in late antiquity and the early Middle Ages. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Barnaul, 2012. 24 p. (In Russian)
9. Lobacheva N.P. About some features of regional community in the traditional costume of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. In: *Traditsionnaya odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Folk Costume of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, Nauka. 1989, pp. 5–38. (In Russian)
10. Pallas P.-S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva* [Travel to Different Provinces of the Russian State]. Pt. 1. St. Petersburg, Izd. Imp. Akad. Nauk, 1773–1788. 657, 116 p. (In Russian)

11. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [A Collection of Information on the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1950. 382 p. (In Russian)
12. Potanin G.N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniyu IRGO* [Essays of Northwestern Mongolia. The Results of the Travel Arranged in 1876–1877 by the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1881, no. 2. 182 p. (In Russian)
13. Bichurin N.Ya. *Zapiski o Mongolii* [Notes about Mongolia]. Vol. 1. St. Petersburg, Tip. Karla Kraiya, 1828. 231 p. (In Russian)
14. Gomboev G. About the ancient Mongolian customs and superstitions. *Trudy Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*, 1859, pt. 4, pp. 236–256. (In Russian)
15. Maiskii I.M. *Sovremennaya Mongoliya: otchet Mongol'skoi ekspeditsii, snaryazhennoi Irkutskoi Kontoroi Vserossiiskogo Tsentral'nogo Soyuza Potrebitel'nykh Obshchestv "Tsentrosoyuz"* [Modern Mongolia: The Report of the Irkutsk Branch of the All-Russian Central Union of Consumer Societies "Centrosoyuz"]. Irkutsk, s.n., 1921. 333 p. (In Russian)
16. Sodnompilova M.M. Traditional clothing of the Mongolian peoples in ritual and as a tool of socialization. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2013, no. 2, pp. 152–165. (In Russian)
17. Anikeeva T.A. The ideas of purity among the Turks of Central Asia in the 11th–12th centuries. *Vostok* (Oriens), 2020, no. 5, pp. 196–204. (In Russian)
18. Georgi I.G. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugih dostopamyatnostei* [Description of All Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Houses, Activities, Games, Faith, and Other Memorable Characters]. Vol. 4: About the Mongols, Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles, and the ruling Russians, with all the names of the Cossacks, and the story of Little Russia, as well as Courland and Lithuania. St. Petersburg, 1799. 385 p. (In Russian)
19. Przheval'skii N.M. *Mongoliya i strana tangutov. Trekhletnee puteshestvie v Vostochnoi Nagornoj Azii N. Przheval'skogo* [Mongolia and the Tangut Country. Three Years of N. Przheval'skii's Travel in Eastern Highland Asia]. Vol. 1: With route survey. St. Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1875. 383 p. (In Russian)
20. Delyagin V.M., Rumyantsev A.G., Shugurina E.G. Scabies and pediculosis: Old problems in the new time. *Lechebnoe Delo*, 2007, no. 4, pp. 10–19. (In Russian)
21. Musyrgalina F.F. *Meditinskaya parazitologiya* [Medical Parasitology]. Ufa, Izd. BGMU Minzdrava RF, 2018. 279 p. (In Russian)
22. Myandina G.I., Tarasenko E.V. *Meditinskaya parazitologiya* [Medical Parasitology]. Moscow, Prakt. Med., 2013. 256 p. (In Russian)
23. Dode Z.V. The costume of the North Caucasian peoples of the 7th–17th centuries (a reconstruction of ethnosocial history). *Extended Abstract of Doct. Hist. Diss.* Moscow, 2007. 62 p. (In Russian)
24. Abzalov L.F. Muslim hygiene among the nomads of the Eurasian steppes of the 13th–16th centuries. *Tyurkologicheskie Issledovaniya*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 21–33. (In Russian)
25. Bashkuev V.Yu., Bashkueva E.Yu., Nanzatov B.Z., Sodnompilova M.M., Bashkueva U.V. *Geomeditsina i politika zdravookhraneniya v Baikal'skom regione: istoriya i sovremennost'* [Geomedicine and Health Policy in the Baikal Region: History and Modernity]. Irkutsk, Ottisk, 2016. 306 p. (In Russian)
26. Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A. Reflection of social stratification in the funeral ceremonialism of nomads of steppe Ciscaucasia in the Golden Horde time: Discussion continuation. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2013, no. 2, pp. 171–178. (In Russian)
27. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoi imperii: vremya prazdnikov, vremya kaznei* [The Elite of the Mongol Empire: The Time of Celebrations, the Time of Executions]. St. Petersburg, Evraziya, 2012. 432 p. (In Russian)
28. Radlov V.V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary Pages]. Moscow, Nauka, 1989. 749 p. (In Russian)

29. Vainshtein S.I. *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The Nomadic World of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1991. 296 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Абзалов Л.Ф. Гигиена одежды кочевников Великой степи XIII – XVI вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 70–84. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.70-84. ⟩

⟨ **For citation:** Abzalov L.F. Clothing hygiene of the nomads of the Great Steppe in the 13th–16th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 70–84. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.70-84. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.23(044.4)(47)“1653”

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.85-97

**К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ДАННЫХ
О КОЛИЧЕСТВЕ КРЕПОСТНЫХ ДВОРОВ В «СКАЗКАХ»
СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «СКАЗОК» СТЯПЧИХ
ИЮНЯ 1653 Г. И РОСПИСИ КРЕСТЬЯНСКИХ
И БОБЫЛЬСКИХ ДВОРОВ В ПОМЕСТЬЯХ И ВОТЧИНАХ
СТЯПЧИХ СЕРЕДИНЫ ИЮЛЯ 1653 Г.)**

М.Р. Белоусов

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, 420111, Россия*

Аннотация

В статье исследована достоверность данных о количестве крепостных дворов в «сказках» стряпчих, поданных на конном смотре служилых людей московских чинов в июне 1653 г. Для установления степени достоверности указанных сведений был привлечен официальный документ – роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих, составленная в Поместном приказе в середине июля 1653 г. на основании переписных, отказных и отдельных книг, а также «сказок» служилых людей. Все исследуемые в статье документы отложились в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Установлено, что степень достоверности данных о количестве крепостных дворов в «сказках» стряпчих довольно высокая. Однако отдельные расхождения между «сказками» и росписью в количестве крепостных дворов, вызванные особенностями их учета в документации Поместного приказа, имеются. При наличии расхождений данных Поместного приказа со сведениями письменной «сказки» служилый человек давал пояснения «у справки» – устную «сказку». Таким образом, в статье уточняется значение слова «сказка», под которым в источнике имеются в виду и собственно рукописная «сказка», и пояснения стряпчих «у справки» в Поместном приказе. Статья адресована специалистам по истории Государева двора, социальной истории, истории государственного управления, источниковедению делопроизводственных документов.

Ключевые слова: Разрядный приказ, Поместный приказ, служилые люди, стряпчие, «сказки», роспись крестьянских и бобыльских дворов, боярские списки

Известно, что с 13 по 28 июня 7161 (1653) г. проходил конный смотр служилых людей московских чинов: «Июня в 13 день государь... за городом, на Девичье поле, изволил смотреть свой государев двор, столников, и стряпчих, и дворян московских, и жилцов, со всею их службою... Июня в 28 день... пошел государь с Девичья поля к Москве»¹ (ДР, стб. 355–357). В историографии этот

¹ Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация источников сохранены.

смотр упоминается в связи с подготовкой России к «борьбе за Украину» (см. [1, с. 327, 334]).

Стряпчие, как и другие служилые люди, на этом смотре подали «сказки» о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о числе «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии у них поместий и вотчин, в редких случаях – о «кормовом» обеспечении (Ск6, л. 1–38; Ск7, л. 1–20). Всего в двух столбцах сохранилось 57 «сказок» стряпчих (на начало проведения конного смотра насчитывалось 338 стряпчих (БС4, л. 27–47; БС34, л. 473, 458–466, 471, 502–512; БС27, л. 277, 276, 278–290, 294, 293, 292, 308, 307, 306), из которых в смотре участвовало 275 чел. (См1, л. 76); следовательно, стряпчими на смотре было подано около 275 «сказок»).

Роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих по переписным и прочим книгам и по «сказкам» (название документу дано автором статьи) (Дв1, л. 2–253) справлена подьячим Поместного приказа С. Несветаевым (Дв1, л. 253 об.), скреплена дьяком Поместного приказа И. Хрипковым (Дв1, л. 216 об.–217 об., 253). Роспись, таким образом, была составлена в Поместном приказе. Цель составления росписи крепостных дворов – проверка достоверности сведений о количестве крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии поместья и вотчины в поданных стряпчими на конном смотре в середине июня 1653 г. «сказках» на основе их сопоставления с количеством дворов, «сысканных» за каждым стряпчим в переписных, отказных, отдельных книгах. Количество крепостных дворов указывалось в росписи и «сказках» стряпчих с целью определения в зависимости от этого количества возлагаемого на каждого служилого человека объема работ по «земляному валовому делу» (см. [2, с. 275]).

Роспись датируется по содержанию серединой (после 10-го числа) июля 1653 г.: о не зарегистрированной в Поместном приказе купленной вотчине Е.Н. Неелова сообщается, что о ее записи «и челобитья ево нынешняго, 161-го, году июля по 10 день не бывало» (Дв1, л. 197); иначе говоря, работа с документацией по составлению росписи крепостных дворов велась по 10 июля 1653 г. Видимо, роспись не могла быть составлена и позже 21 июля 1653 г., поскольку в помете на обороте поданной на смотре «сказки» дворянина московского князя И.А. Голицына указано: «Скаска дворянские. 161-го июль в 21 день принес в Розряд ис Помесново приказу подьячей Григорей Козлов» (Ск1, л. 2 об.). «Сказки» стряпчих, как и «сказки» дворян московских (а также роспись крепостных дворов), отложились в фонде Разрядного приказа, а следовательно, были возвращены в этот приказ из Поместного вместе с составленной в последнем росписью крепостных дворов. Вероятно, передача «сказок» стряпчих и росписи в Разряд состоялась тогда же, когда и возвращение «сказок» дворян московских, во всяком случае, примерно 21 июля 1653 г.

В основу перечней стряпчих, составляющих роспись крепостных дворов (стряпчие (начало с заголовком перечня утрачено; Дв1, л. 2–216), стряпчие «больные» (Дв1, л. 216–222), стряпчие «в нетех» (заголовок отсутствует; Дв1, л. 223–224), стряпчие «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску» (Дв1, л. 224–235), стряпчие в рейтарской службе (Дв1, л. 235–248),

«стряпчие ж, а за ними в Поместном приказе поместей и вотчин не сыскано» (Дв1, л. 249–253, в том числе: основная часть перечня, Дв1, л. 249–252; стряпчие «в нетех», Дв1, л. 252; стряпчие в городах с отцами, в отсылке, в воеводах (общий для всех лиц подзаголовков отсутствует), Дв1, л. 252–253; стряпчие в рейтарской службе, Дв1, л. 253)), кроме перечня беспоместных и безвотчинных стряпчих (Дв1, л. 249–253), были положены перечни стряпчих «половинного» боярского списка июня 7161 (1653) г. (БС27). Перечень беспоместных и безвотчинных стряпчих был составлен, видимо, на основании какого-то списка стряпчих, в котором были указаны лишь дворы, принадлежащие им по переписным книгам.

Для оценки степени достоверности данных о количестве крепостных дворов в «сказках» стряпчих сопоставим их со сведениями росписи крестьянских и бобыльских дворов².

В «сказке» И.М. Глебова говорится, что «государева жалованья, поместья и вотчины в пяти городех, девеносто четыре двора крестьянских и бобыльских, и с теми, што после переписных книг прибыло» (Ск6, л. 17). В росписи же крепостных дворов указано, что «помесья за ним на Коломне по книгам переписи Федора Неелова 154-го году в Большом Микулине стану жеребей в селе Микулском крестьянских и бобыльских дватцать дворов. Да за ним же помесья в Мещоску по книгам переписи Ивана Франзбекова 154-го году в Сухинитцком стану в селе Беликове крестьянских и бобыльских шесть дворов. Да за ним же вотчины в Пошехонье в Ухорском стану в деревне Таргимине з деревнями, а в них по переписным книгам Ивана Вельяминова 154-го году написано крестьянских и бобыльских дватцать восемь дворов; да в Веретейской волости деревня Кузминская з деревнями крестьянских и бобыльских дватцать дворов. Да по скаске Ивана Моисеева сына Глебова помесья ж, де, за ним на Резани, что ему дано во 158-м году брата ево, Степанова помесья Моисеева сына Глебова, деревня Омосово пять дворов крестьянских. Да за ним же по той же даче вотчины в Касимове жеребей села Копонова десять дворов. И всего за Иваном Глебовым в городех в помесьях и в вотчинах девеносто четыре двора крестьянских и бобыльских. Да по ево ж скаске в том ево, Иванове, помесье прибыло после переписных книг пять дворов». Затем другим почерком в тексте сделана приписка: «И у справки сказал то ж» (Дв1, л. 29–30). Таким образом, роспись подтверждает данные «сказки» о наличии у И.М. Глебова поместий и вотчин в пяти уездах, причем вызов стряпчего «к справке» был обусловлен тем, что в Поместном приказе не имелось сведений о «даче» 7158 г. и «прибылых» после переписных книг дворах. В росписи обращает на себя внимание подробное перечисление по «сказке» И.М. Глебова его владений в Рязани, Касимове и «прибылых» дворов, хотя, как можно убедиться, в тексте «сказки» об этом ничего не говорится. Очевидно, в росписи крепостных дворов под «сказкой» имеются в виду и собственно рукописная «сказка», и пояснения, данные И.М. Глебовым в Поместном приказе «у справки».

² В силу ограниченного объема статьи привлекаются сведения не всех 57 «сказок», а лишь наиболее типичных с точки зрения отражения в них сведений о численности дворов.

Такое понимание слова «сказка» является правильным и в том случае, когда в росписи не говорится о нахождении служилого человека «у справки». Так, в своей «сказке» Н.А. Самарин указал, что «в вочинишке в приданой... по даче 159-го году крестьянских шесть дворишков, а помтейца [sic] нет ни единые четии» (Ск7, л. 1). В росписи дворов о его владениях сообщается: «Вотчины за ним приданые по записным вотчинным книгам 160-го году, что ему дал шурин ево, Борис Айгустов, за сестрою своею в приданые в Луховском уезде в Хрулеве слободе деревня Верейно по переписным книгам князь Семена Клубкова Мосалского 154-го году пять дворов крестьянских. Да по ево, Микифорове, скаске прибыл двор крестьянской, был в бегах, а дал, де, ему шурин же ево» (Дв1, л. 56–57).

В «сказке» П.Б. Бартенева говорится, что за ним «государево жалованье... в поместье и в вотчин<ах> в розных городех крестьянских и бобыльских сто ше<ст>десят пять дворов» (Ск7, л. 18). В росписи же крепостных дворов указано, что «помесья за ним отца ево по даче 156-го году на Балахне деревня Федосеевская, а в ней по переписным книгам Микифора Нармоцкого 154-го году написано крестьянских и бобыльских двенатцать дворов. Да за ним же помесья отца ево в Козелску в Луганском стану половина деревни Речищи з деревнями, а в них по переписным книгам Микиты Беглецова 154-го году крестьянских и бобыльских тритцать девять дворов. Да на Коломне по переписным книгам Федора Неелова 154-го году в Большом Микулине стану деревня Пяхово крестьянских два двора. Да в Володимере по переписным книгам Микиты Бобарыкина 154-го году в Ерополческом стану деревня Ларионово з деревнями крестьянских дватцать два двора. Да на Резани по переписным книгам Федора Ловчикова 154-го году в Перевитцком стану жеребей села Мотыри крестьянских и бобыльских семь дворов. Да в Серпейску по переписным книгам Микиты Беглецова 154-го году в Фонитцком стану половина деревни Олсей крестьянских и бобыльских одиннатцать дворов. Да в Верее по переписным книгам князь Давыда Щербатого 154-го году в Глинском стану написано в вотчине за отцом ево селцо Катерининское, Елманово тож, крестьянских и бобыльских пять дворов да двор люцкой. Да в Нижнем, что ему дано девки Полагеи Гавриловы дочери Приклонского по даче и по отказным книгам отказу сотника стрелецкого Савина Комарова 156-го году, в Березополском стану деревня Куколево двор крестьянской. Да вотчины за ним в Нижнем же в том же стану в селце Поляне по переписным книгам князя Ивана Шеховского 154-го году крестьянских и бобыльских пятнатцать дворов. Да за ним же вотчины по даче 160-го году отца ево в Галиче в Каликинской волости деревня Осеево з деревнями, а в них по переписным книгам Ондreja Сонины 156-го году крестьянских и бобыльских пятдесят дворов. Всего за Петром Бартевым [sic] в вотчинах и в поместьях в городех сто шездесят пять дворов да двор люцкой. А по ево, Петрове, скаске в поместье и в вотчине то ж написано» (Дв1, л. 30–32). Таким образом, как следует из сведений росписи, за П.Б. Бартеневым числилось сто шестьдесят четыре крестьянских и бобыльских двора и один двор людской. В «сказке» стряпчего указаны сто шестьдесят пять дворов, тогда как итоговое число дворов в росписи неверно (при подсчете приписали лишний двор).

В «сказке» И.А. Воейкова сообщается, что «в вотчине... крестьянских и бобыльских дворишков по переписным книгам девять дворишков, а нынеча три дворишка, а шесть дворишков побежала, а живут в... государеве в Комарицкой волости. А в поместье... в Карачеве адин двор крестьянской <да> в Кромах... шесть дворишков крестьянских по отказным книгам, и я... тем кромским поместьем не владею, потому што завладели тем поместьем насилством Василей да Осип Михайловы дети Бакшеевы» (Ск6, л. 19). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Вотчины за ним в Козелску по книгам переписи Микиты Беглецова 154-го году в Подгородном стану жеребей селца Трошны крестьянских и бобыльских девять дворов. А по ево, Иванове, скаске написано то ж. Да по ево ж, Иванове, скаске Воейкова за ним же в поместье в Карачеве двор крестьянской да в Кромах шесть дворов, а тем, де, кромским поместьем не владеет, а владеют насилством Василей да Осип Бакшеевы» (Дв1, л. 34–35). Таким образом, в росписи не указываются шесть беглых из козельской вотчины И.А. Воейкова дворов, живущих в государевой Комарицкой волости. Это можно объяснить тем, что по Соборному уложению 1649 г. владелец имел возможность вернуть их в тот населенный пункт, в котором они значились по переписным книгам.

Н.П. Давыдов в своей «сказке» пишет: «А паместья за мною... в Арзамаском уезде было восемь дворишков крестьянских и бабыльских, а ныне всево шесть, а два збежали, а живут в Синбирском в казаках, а вотчин никаких н<е>т ни одной четверти» (Ск6, л. 20). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Поместья за ним в Орзамасе по даче и по отказным книгам 156-го году в селе Новом Шумове восм дворов крестьянских. В скаске ево написано то ж» (Дв1, л. 63). Таким образом, в росписи не указываются два беглых из арзамасского поместья Н.П. Давыдова двора, живущих в казаках в Симбирске.

В своей «сказке» Л.П. Воейков говорит, что «в поместье крестьянских и бобыльских четырнатцать дворов. И половину тово поместья отделил отец мой брату моему Ивану, а в то место пожаловал мне своей выслуги поместья и вотчины четырнатцать дворов. И всево... за мною крестьянских и бобыльских дватцать 7 дворов» (Ск6, л. 21). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Поместья за ним в Переславле Залеском по переписным книгам столника князя Юрья Морткина 154-го году в Борисоглебском стану деревня Санина з деревнею крестьянских и бобыльских четырнатцать дворов. А в скаске ево написано дватцать один двор. А по скаске у справки Луки Воейкова ис того, де, поместья половину отделил брату ево, Ивану, отец ево, а, де, в то число из своих поместей и вотчин дал в Белеве в селе Семеновском десять дворов да в селе Болоте пять дворов, обоево пятнатцать дворов, а в Поместном, де, приказе за ними не росписано» (Дв1, л. 73). Таким образом, в росписи под «сказкой» имеются в виду и собственно рукописная «сказка» («а в скаске ево написано»), и пояснения, данные служилым человеком в Поместном приказе «у справки» («а по скаске у справки»).

В «сказке» И.С. Толстого говорится, что «поместья и в вотчине крестьянских и бобыльских сто три двора» (Ск7, л. 10). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Помесья за ним в Суздоле по книгам Степана Пушкина 154-го году в Ополском стану в Назарьевской волости деревня Кула-

кова да треть деревни Сагалиновы крестьянских и бобыльских два двора. Да за ним же поместья в Нижнем по книгам переписи князя Ивана Шеховского 154-го году в Закудемском стану в селе Егорьевском, в селе Низовке да в деревне Грязновке крестьянских и бобыльских восемьдесят сем дворов. Да за ним же вотчины в Суздоле в Назарьевской волости село Клементьево з деревнями крестьянских и бобыльских девять дворов да двор люцкой. Всего за Ильею в поместье и в вотчине крестьянских и бобыльских девяноста восемь дворов да двор люцкой. А в ево писменной скаске написано сто три двора. А сам у справки не был» (Дв1, л. 92). В росписи обращает на себя внимание словосочетание «писменная скаска». Очевидно, помимо письменной существовала и устная «сказка», которая в документе называется «скаской у справки» (Дв1, л. 73).

В своей «сказке» князь И.И. Гагарин указывает: «В поместье крестьянских и бо<был>ских тритцать девять дворов» (Ск7, л. 3). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Поместья за ним в Галиче в волости въ Егорьевских починках село Егорьевское по книгам переписи Андрея Сонины 155-го году крестьянских и бобыльских семдесят один двор. А по скаске князя Ивана Болшого Гагарина то поместье после отца ево дано ему в опче з братом ево, со князем Иваном же Меншим Гагариным, а в переписных книгах написали переписики за одним за ним, не ведая. На ево, князь Иванову Болшого Гагарина, половину тритцать пять дворов с полудвором. Да за ним же поместья по даче 157-го году в опче ж з братом ево, со князем Иваном Меншим Гагариным, на Резани в Моржевском стану селцо Мишинское да селцо Белское, Левонтьевское тож, да в Старорезанском стану две трети деревни Владычки, Черного Яр тож. А по отказным книгам михайловского сотника стрелецкого Микиты Солового 158-го году в полуселце Машинском на князь Иванов жеребей Болшого крестьянских и бобыльских четыре двора, в дву третях деревни Владычки, Черного Яр тож, три двора крестьянских. И всего за князь Иваном Гагариным Болшим в поместье тритцать девять дворов крестьянских и бобыльских. По ево скаске то ж» (Дв1, л. 97–98). Таким образом, судя по росписи, за князем И.И. Гагариным числилось сорок два крепостных двора с полудвором. Итоговое же число его дворов в росписи, совпадающее с их количеством в «сказке», видимо, ошибочно.

Е.М. Лодыженский в своей «сказке» говорит: «А... жалованья за мною... вотчинка приданая в Шатцком уезде, пять дворов крестьянских да пять бобыльских, а поместья нет» (Ск7, л. 9). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Поместья за ним в Шацком по книгам переписи князя Василья Волконского 154-го году в Подлесном стану в селе Юрине крестьянских и бобыльских десять дворов. А по ево скаске то ж» (Дв1, л. 104). Таким образом, в росписи отмечается, что владение Е.М. Лодыженского является поместьем, а согласно его «сказке» – это приданая вотчина.

В «сказке» П.С. Дашкова сообщается: «А... жалованья за мною, ...поместейца в розных городех, дватцет шесть дворов крестьянских и бобыльских. И с тово... моево поместьца выбежало тринацетъ крестьянинов, и те дворы крестьянские и ныне пусты» (Ск7, л. 7). В росписи крепостных дворов П.С. Дашков записан дважды: в основном перечне («Поместье за ним в Шуе в опче з братом ево, с Ондреем, по переписным книгам князя Семена Клубкова

Мосалского 154-го году в Борисоглебской волости деревня Олешево без жеребья з деревнями крестьянских дватцать шесть дворов, на Петрову половину тринацать дворов. Помесья ж в опче з братом ево, с Ондреем, в Суздале жь по книгам переписи 154-го году в Ополском стану в Назарьевской волости селцо Борисцово з деревнями крестьянских и бобыльских дватцать пять дворов, на Петрову половину двенатцать дворов с полудвором. И всего за Петром Дашковым в поместье крестьянских и бобыльских на Петрову половину дватцать пять дворов с полудвором. А по ево скаске написано то ж» (Дв1, л. 106–107)), а также в перечне нетчиков («Помесья за ним в Суздале в опче с матерью ево, со вдово<ю> Настасьєю, да з братом, с Ондреем, по переписным книгам Степана Пушкина 154-го году селцо Борисцово з деревнями крестьянских и бобыльских дватцать пять дворов в Ополском стану в Назарьевской волости, на ево, Петрову, половину иметца от брата ево двенатцать дворов с полудвором. А выше тово за ним, Петром, то поместье писано ж» (Дв1, л. 224)). Таким образом, в «сказке» П.С. Дашкова и росписи приводится одна и та же численность его крепостных дворов (в «сказке» количество дворов округлено до целого в большую сторону), однако в росписи не указываются тринадцать беглых из владений П.С. Дашкова дворов.

В своей «сказке» князь М.И. Гагарин говорит: «Жалованья за мною... была четьыря двора крестьян, и три двора збежали, топерво [sic] адин дворишко» (Ск7, л. 5). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Помесья за ним на Резани по книгам переписи Федора Ловчикова 154-го году в Ростиславском стану жеребей села Трасны четьыре двора крестьянских и бобыльских. Да за ним же поместье на Резани ж по отказным книгам 157-го году, что ему дано тетки ево вдовино княгинино Аннино князь Семеновские жены Гагарина прожиточное поместье в Окологородном стану половина деревни Романцовы крестьянских и бобыльских дватцать дворов. Всего за князь Михайлом княж Ивановым сыном Гагариным помесья в городех крестьянских и бобыльских дватцать четьыре двора. А в скаске ево написано четьыре двора крестьянских, и с того числа три двора в бегах [слова «и с того числа три двора в бегах» зачеркнуты. – М.Б.]. А к справке в Помесной приказ сам не бывал» (Дв1, л. 116–117). Таким образом, в росписи указано записанное за князем М.И. Гагариным прожиточное поместье его тетки, которое стряпчий не упомянул в своей «сказке», видимо, потому что фактически им не владел. Кроме того, копируя в росписи текст «сказки», подьячий воспроизвел фразу о трех беглых дворах. Однако затем эта фраза была вычеркнута, поскольку по общему правилу беглые дворы в этом учетно-справочном документе не фиксировались.

В «сказке» Х.Г. Шанского указывается: «Жалованья, поместейца и вотчинки, за мною... в Галицком уезде пядьдесят дворов крестьянских и бобыльских. Да ис тово же поместейца бьет челом тебе, государю, сноха моя, а болшова брата моего жена, з дочерью на прожиток» (Ск7, л. 2). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Поместья за ним в Галиче по даче и по отказным книгам городского приказщика Первого Тарширова 158-го году в Карелской волости полселца Шишляева, а Марково тожь, три двора крестьянских. Да за ним же поместья в Ногатине стану три чети села Богороцкого з деревнями по книгам переписи Ондreja Сони́на 154-го году крестьянских и бобыльских трит-

цать два двора. А по ево скаске ис тово, де, ево поместья выбежали три двора крестьянских. Да вотчины за ним отца ево по даче 156-го году в Ликурской волости и в ыных волостях селцо Ковалево з деревнями по книгам переписи Ондreja Сони́на 154-го году крестьянских и бобыльских осмнатцать дворов. Все-го за Христофором Шанским в поместьях и в вотчине крестьянских и бобыльских пятьдесят три двора. А по ево скаске за ним пятьдесят дворов» (Дв1, л. 128–129). Таким образом, в росписи со ссылкой на «сказку» Х.Г. Шанского сообщается о трех беглых крестьянских дворах. Однако в его письменной «сказке» об этом не говорится. Следовательно, стряпчий был «у справки» в Поместном приказе и пояснил, почему в его письменной «сказке» указаны пятьдесят дворов, тогда как по переписным и отказным книгам за ним «сыскано» пятьдесят три крепостных двора. Кроме того, в росписи не упомянута челобитная снохи и племянницы Х.Г. Шанского о прожиточном поместье, которое они просили выделить им из его галицкого поместья.

В своей «сказке» Е.А. Отму́стов пишет: «Жалованья, поместья и вотчинки, за мною нет ни единой четверти. Идет мне... государево жалованья, месечной корм, по два рубли по дватцати по шти алтин по четыре денги на месяц да конского корму на одну лошадь по дватцети алтин на указы месяцы» (Ск6, л. 27). В росписи крепостных дворов Е.А. Отму́стов записан дважды: в основном перечне («В живущем за ним не сыскано. А по ево скаске написано: поместья и вотчины за ним нет нигде, а емлет, де, он корм по два рубли по дватцати по шти алтын по четыре денги на месяц да конского корму по дватцати алтын на месяц» (Дв1, л. 144)) и в перечне под заголовком «Стряпчие ж, а за ними в Поместном приказе поместей и вотчин не сыскано» и подзаголовком «В нетех» (Дв1, л. 252).

В «сказке» И.И. Чаадаева указывается: «Жалованья в поместьях и в вотчинах за отцом моим и за мною крестьянских и бобыльских сто шездесят дворов» (Ск6, л. 11). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Поместья за ним в Нижнем по даче 159-го году в Закудемском стану в деревне Уткине, а по книгам переписи князь Ивана Шевского [sic] 154-го году крестьянских и бобыльских дватцать три двора. Да за ним же поместья в Орзамасе по той же даче в селе Свобоярском да в деревне Вацкой, а по переписным книгам пятьдесят пять дворов. А по скаске Ивана Иванава сына Чаадаева, что, де, за отцом ево вотчины в Муроме в Унженском стану в селе Стригине з деревнями да в селце Дубцах з деревнями, крестьянских и бобыльских по переписным книгам семьдесят восемь дворов. Да за ним же вотчина пополам с отцом ево в Московском уезде в Сурожском стану в селце Дорне по переписным книгам восемь дворов. Всего за отцом ево и за ним в поместьях и в вотчинах по переписным книгам крестьянских и бобыльских сто шездесят четыре двора. А в скаске, де, он своей написал за собою и за отцом своим сто шездесят дворов, потому что, де, после переписных книг четыре двора выбежали, а отцовы, де, вотчины он, Иван, писал в скаске своей, потому что он один сын. Да к той скаске Иван Чаадаев и руку приложил. Всего за Иваном Чаадаевым крестьянских и бобыльских семьдесят восемь дворов» (Дв1, л. 146–147). Таким образом, в росписи подсчитано количество крепостных дворов, числившихся и в общем за И.И. Чаадаевым и его отцом (отставным дворянином московским И.А. Чаадаевым), и от-

дельно за И.И. Чаадаевым, в то время как в «сказке» стряпчего приводится лишь их общая численность. Кроме того, судя по росписи, И.И. Чаадаев был «у справки» в Поместном приказе, где дал пояснения о причине расхождения числа дворов в своей письменной «сказке» и «сысканных» по переписным книгам и о причине указания в «сказке» общего количества дворов, числившихся за ним и его отцом. Представляется также, что в росписи приводится неверная численность крепостных дворов самого И.И. Чаадаева – семьдесят восемь. Очевидно, при подсчете упустили из виду дворы в подмосковной вотчине И.А. и И.И. Чаадаевых, которой они владели пополам. Следовательно, за стряпчим числилось на четыре двора больше – восемьдесят два.

Я.А. Лыков в своей «сказке» отмечает: «А поместья за нами, ...за двумя братьями, ...по переписным книгам крестьянских [sic] и бобыльских трицать дворов, а с тово поместья [sic] тебе, государю, три брата служим» (Скб, л. 25). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Помесья за ним в Пошехонье по переписным книгам Ивана Вельяминова 154-го году в Белоселской волости в опче з братом ево, с Прокофьем, селцо Пронино Пожня четырнатцать дворов крестьянских и бобыльских. Да в Волской волости две трети деревни Шишеловы шесть дворов крестьянских и бобыльских [sic], на ево половину десять [sic!] дворов. Да за ним же помесья в Галиче по даче и по отказным книгам отказу усолского розсылщика Куземки Мослова 160-го год<u> в Коружской волости, что ему дано Иваново поместье Петлина и дочери ево вдовы Марьи Григорьевской жены Сипягина, деревня Калинино, Калютино тожь, крестьянских девять дворов. Всего за ним в поместье девятнатцать дворов. А по скаске ево написано зе [sic] тремя братья в опче тритцать дворов. А к справке в Поместной приказ не бывал» (Дв1, л. 155–156). Таким образом, в росписи указано неверное число дворов Я.А. Лыкова в деревне Шишеловой – десять; очевидно, на его половину приходится три двора. В то же время общая численность крепостных дворов стряпчего – девятнадцать – подсчитана исходя из этого количества дворов в деревне Шишеловой. Если принять во внимание, что брат Я.А. Лыкова, Прокофий, владел половиной дворов сельца Пронино Пожня и деревни Шишеловой, то есть десятью дворами, то вместе братья Лыковы имели двадцать девять крепостных дворов. Вероятно, у Прокофия Лыкова был во владении еще один двор.

В своей «сказке» И.К. Кузьмин сообщает: «Жалованья за мною, ...приданово поместейца в Ярославском уезде, пять дворов крестьян и бобылей, а в дачех сорок четьи» (Скб, л. 9). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Помесья за ним по даче 157-го году, что ему дано князь Ондреево поместье княж Степанова сына Шеховского, въ Ярославском уезде в Ухорской волости жеребей села Петровского з деревнями, а по переписным книгам Иева Собакина 154-го году крестьянских и бобыльских шесть дворов. А по скаске ево написано пять дворов. А к справке не бывал» (Дв1, л. 156). Таким образом, стряпчий И.К. Кузьмин в 7157 (1648/49) г. получил в Ярославском уезде поместье князя А.С. Шаховского, видимо своего тестя. Однако в «сказке» он не указал количество дворов по переписным книгам и не пояснил, имеются ли среди них пустые дворы.

С.Н. Чириков в своей «сказке» пишет: «Жалованья в поместье за мною... крестьянских и бобыльских тринадцать дворов, а вотчинки не<т>» (Ск6, л. 26). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Помесья за ним в Ярославле по переписным книгам Тимофея Собакина 154-го году в волости Черенке селцо Чертищево з деревнями крестьянских и бобыльских семь дворов. Да за Степаном Киприяновым сыном Чириковым помесья в Ярославле по переписным книгам Иева Собакина 154-го году в Гороцком стану полдеревни Малговы крестьянских два двора. Да за ним же помесья по даче 160-го году, что он выменил у Бориса Змеева на ярославское свое поместье, в Таруском уезде жеребей деревни Максимовой, а в ней по отдельным книгам серпуховского губного старосты Клементья Родионова 154-го году крестьянских три двора. А в списке написан Степан Назимов сын Чириков. И всего за Степаном Чириковым в поместье крестьянских и бобыльских двенадцать дворов. А в скаске ево написано тринадцать двора [sic]. А к справке не бывал» (Дв1, л. 163). Таким образом, в росписи с отсылкой к переписным книгам указано крестильное имя отца стряпчего Степана Назимова сына Чирикова – Киприян. В своей «сказке» С.Н. Чириков не приводит сведений о количестве принадлежащих ему по переписным книгам крепостных дворов (говорит лишь об их фактической численности) и не сообщает, имеются ли вновь прибывшие после переписи дворы.

В своей «сказке» князь М.И. Вяземский указывает: «Жалованья за мною... в приданой моей вотчинной деревнишке крестьянских и бобыльских семь дворов, а поместейца за мною... нет нигде ни одной четверти, а живу я... у отца сво<е>го» (Ск6, л. 34). В росписи крепостных дворов князь М.И. Вяземский записан дважды: в основном перечне («Вотчины за ним по записным вотчинным книгам 159-го году на Кошире, что ему дал в приданые за дочерью своею Петр Федоров сын Ильин, в Растовском стану деревня Ожерельево, а в ней семь дворов крестьянских [sic] и бобыльских. А в скаске ево написано то ж. И у справки сказал то ж, что за ним опричь той вотчины нет нигде» (Дв1, л. 178)) и в перечне под заголовком «Стряпчие ж, а за ними в Помесном приказе поместей и вотчин не сыскано» (Дв1, л. 251). Таким образом, «сказка» князя М.И. Вяземского и основной перечень стряпчих росписи согласны в численности его крепостных дворов. Включение имени князя М.И. Вяземского в перечень беспоместных и безвотчинных стряпчих явно ошибочно и вызвано, вероятно, тем, что за ним не значилось имений по переписным книгам.

И.Я. Меньшой Ильин в своей «сказке» говорит: «Жалованья за мною... на помесной земли в Коширском уезде крестьянских и бобыльских девять дворов» (Ск6, л. 36). В росписи крепостных дворов о его владениях сообщается: «Помесья за ним отца ево на Кошире по даче 157-го году в опче з братьями ево, с Иваном Болшим да с Михайлом, в Растовском стану половина деревни Нефедьевы да деревня Облязова да в Туровском стану слободка Рожественная, а по переписным книгам Федора Неелова 154-го году написано в Растовском стану за Иваном Болшим да за Иваном Меньшим Яковлевыми детми Ильина жеребей деревни Нефедьевы крестьянских и бобыльских тринадцать дворов. Да в Туровском стану за Иваном Болшим да за Иваном Меньшим Яковлевыми детми Ильина Рожественная слободка, что на Старой Кошире, девять дворов крестьянских. Да за Иваном Меньшим Ильиным вотчины отца ево на Кошире ж по

даче 157-го году в опче з братьями, с Ывыном [sic] Болшим да с Михайлом, во Мстисловском стану жеребей села Владычня, а по переписным книгам Федора Неелова 154-го году за Иваном Болшим да за Иваном Меншим вотчины деревня Владычня двор бобылской. И всего за ними крестьянских и бобылских дватцать три двора, на Иванову треть иметца восемь дворов без трети двора. А по ево, Иванове, скаске от тех, де, дворов отделился девятой двор» (Дв1, л. 189–190). Таким образом, в своей письменной «сказке» Иван Меньшой Ильин не приводит сведений о количестве принадлежащих ему по переписным книгам крепостных дворов (говорит лишь о фактической их численности) и не сообщает, имеются ли вновь прибывшие после переписи дворы, а также не упоминает о вотчине. Из росписи явствует, что в «сказке у справки» в Поместном приказе И.Я. Меньшой Ильин сообщил о вновь отделившемся после составления переписных книг крепостном дворе.

Таким образом, как следует из представленных материалов, степень достоверности данных о количестве крепостных дворов в «сказках» стряпчих довольно высокая. Однако имеются и отдельные расхождения в количестве крепостных дворов между «сказками» и росписью, вызванные как особенностями их учета в документации Поместного приказа, так и неточностью имевшихся у стряпчих сведений об их собственном дворовладении. Так, в росписи крепостных дворов по общему правилу не сообщалось о беглых дворах, в то время как в «сказках» стряпчие обычно указывали их численность. Некоторые служилые люди не приводили в «сказках» сведений о количестве принадлежащих им по переписным книгам крепостных дворов (говорили лишь о фактической их численности) и не сообщали, имеются ли вновь прибывшие после переписи дворы. При наличии расхождений данных Поместного приказа со сведениями письменной «сказки» служилый человек давал пояснения «у справки» – устную «сказку». Взятые в совокупности, охарактеризованные в статье материалы позволяют составить довольно полное представление об обеспеченности стряпчих крепостными дворами в середине XVII в.

Источники

- БС4 – РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9 (Столбцы Московского стола). Ед. хр. 1133. Столпик 3. Л. 1–133. Боярский список «подлинный» 7161 г.
- БС27 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 233. Л. 240–385. Боярский список «половинный» июня 7161 г.
- БС34 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 234. Л. 458–579. Боярский список «половинный» мая 7161 г.
- Дв1 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1088. Столпик 2. Л. 2–253. Роспись крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих по переписным и прочим книгам и по сказкам, 7161 г.
- ДР – Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной е. и. в. канцелярии. – СПб.: Типография II отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1852. – Т. III. – VI с., 1656 стб.
- Ск1 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 234. Л. 1–454. Сказки служилых людей 7161 г.

Ск6 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1081. Столпик 5. Л. 1–38. Сказки служилых людей 7161 г.

Ск7 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1081. Столпик 7. Л. 1–20. Сказки служилых людей 7161 г.

См1 – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1135. Столпик 1. Л. 1–138. Смотренный список конного смотра служилых людей, 7161 г.

Литература

1. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI – XVII вв. – М.: Наука, 1978. – 418 с.
2. *Новохатко О.В.* Работа Разрядного приказа с челобитными служилых людей // *Novogardia*. – 2020. – № 1 (5). – С. 261–279.

Поступила в редакцию 15.02.2023

Принята к публикации 18.04.2023

Белоусов Максим Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

ул. Батурина, д. 7а, г. Казань, 420111, Россия

E-mail: vonrheineck@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 85–97

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.85-97

On the Reliability of the Data on the Number of Serf Households in the “Registers” of Military Servicemen (Based on the Materials of the “Registers” of Scriveners from June 1653 and the Inventory of Peasant and Cottar Households in the Estates and Votchinas of Scriveners from Mid-July 1653)

M.R. Belousov

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, 420111 Russia

E-mail: vonrheineck@gmail.com

Received February 15, 2023; Accepted April 18, 2023

Abstract

This article evaluates the reliability of the data on the number of serf households in the “registers” of scriveners on the occasion of the equestrian review of military servicemen in the Moscow ranks that took place in June 1653. The analysis draws on the following official documents: the inventory of peasant and cottar households in the estates and votchinas of scriveners compiled in mid-July 1653 in the Pomestny Prikaz and based on the perepisnye, otkaznye, and otdelnye books; the “registers” of military servicemen. The documents studied were deposited in the collection of the Razryadny Prikaz of the Russian State Archives of Ancient Documents (RSAAD). The results obtained show that the numbers of serf households in the “registers” of scriveners are quite credible. However, there are some discrepancies in the number of serf households between the “registers” and the inventory, which is due to the specific way they were recorded in the documentation of the Pomestny Prikaz. If the data of the

Pomestny Prikaz differed from those of the handwritten “register”, the serviceman gave explanations “at the reference” – an oral “register”. Thus, in the considered historical sources, the “registers” refer both to the actual handwritten “registers” and the explanations given by scribes “at the reference” in the Pomestny Prikaz. The findings may be useful for specialists in the history of the Sovereign’s Court, social history, history of public administration, and source studies of clerical documents.

Keywords: Razryadny Prikaz, Pomestny Prikaz, military servicemen, scribes, “registers”, inventory of peasant and cottar households, boyar lists

References

1. Cherepnin L.V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI – XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th–17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1978. 418 p. (In Russian)
2. Novokhatko O.V. The work of the Razryadny Prikaz with the petitions of the military servicemen. *Novogardia*, 2020, no. 1 (5), pp. 261–279. (In Russian)

Для цитирования: Белоусов М.Р. К вопросу о достоверности данных о количестве крепостных дворов в «сказках» служилых людей (на материале «сказок» стряпчих июня 1653 г. и росписи крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих середины июля 1653 г.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. Т. 165, кн. 1–2. – С. 85–97. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.85-97.

For citation: Belousov M.R. On the reliability of the data on the number of serf households in the “registers” of military servicemen (based on the materials of the “registers” of scribes from June 1653 and the inventory of peasant and cottar households in the estates and votchinas of scribes from mid-July 1653). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 85–97. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.85-97. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 801.73:397

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108

**«ХИЩНЫЕ НАРОДЫ» – ОТВЕРЖЕННЫЕ ИЛИ ИЗБРАННЫЕ?
О НЕТИПИЧНОМ «ЧУЖОМ» ДРЕВНЕРУССКИХ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Д.В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, 426004, Россия*

Аннотация

Присутствующее в этнографическом введении «Повести временных лет» сравнение славянских племен, окружающих полян, с живущими в лесу зверьми часто рассматривается исследователями как яркий пример конструирования образа «чужого», свидетельство грубого этноцентризма автора-киевлянина. Такая оценка слабо согласуется с общеславянским патриотизмом автора этого текста. С другой стороны, на Руси существовала традиция трактовки Книги пророка Осии, в которой союз ветхозаветных евреев с дикими зверьми трактовался как пророчество крещения языческих народов. Встречающиеся совпадения «Повести временных лет» с текстами этой традиции позволяют пересмотреть утвердившееся в историографии представление об однозначно негативных, уничижительных коннотациях противопоставления славянских племен полянам. Вставка о нравах разных народов, обнаруживаемая в летописи, лишь подчеркивала идею особого значения предков киевлян в распространении христианства на окрестные территории. При этом племена, на которые будет распространяться новая вера, мыслились не только как дикие язычники, но одновременно как избранные для спасения люди.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», Библия, экзегетика, христианизация, поляне, древляне, хазары, славянские племена, животные, дикая местность

В этнографическом введении «Повести временных лет» есть один эпизод, который современными людьми автоматически «считывается» как очевидный пример дегуманизации некоторых восточнославянских племен прошлого. Христианские народы в этом фрагменте противопоставляются народам, живущим по закону отцов, среди которых выделяются как благочестивые, так и имеющие нрав домашних животных. Кроме того, мудрые и «смысленные» поляне противопоставляются древлянам. Описание последних сочетает в себе характеристики скота и диких зверей. Сообщая о нравах радимичей, вятичей и северян, летописец рисует картины живущих в лесу, подобно зверям, диких людей. Именно в этом фрагменте описываются наиболее подробно конкретные славянские языческие обряды. Впрочем, благодаря строкам летописи: «Си же творяху обычая Кривичи. [и] прочии погании. Не вѣдуше закона Божия. Но творяще сами собѣ законъ» (ЛЛ, стб. 14), – эту характеристику можно распространять и на любое, за исключением полян, славянское племя.

Этнографическому введению давно было найдено множество параллелей в средневековой литературе (как очевидных, так и сомнительных). Один из источников своих рассуждений – Хронику Амартола – раскрыл сам автор сочинения (ЛЛ, стб. 14). Разные исследователи отмечают, что на «Повесть временных лет» также могли повлиять: Хронограф по великому изложению, Летописец вскоре патриарха Никифора, извлечения из «Книги Юбилеев» [1, с. 173], несохранившиеся западнославянские источники [2, с. 77, 79], общий с «Иосипоном» источник [3, с. 87, 221–222], «Диалоги» Псевдо-Кесария [4, с. 29], 3-я книга Ездры и Послания апостола Павла [5, с. 235], Книга Иисуса Навина [6, с. 546], 1-я книга Паралипоменон [7, с. 16–17], древнерусские «Толковые пророки» [8, с. 214–215] и др. А после популяризации методик выявления «памяти контекста» данные параллели начинают влиять и на интерпретации заложенных в текст книжником смыслов. Но вопросы «зверскости» и лесного быта остаются на периферии подобных реконструкций. Чаще всего исследователи не разграничивают «скотские» и «зверские» характеристики.

На наличие различий обратил внимание А.С. Дёмин. Для «скотских» исследователь находит параллели в Хронике Амартола, «Речи философа» и «Откровении» Мефодия Патарского. «Зверский» же, «хищный» образ жизни славянских племен, по мысли А.С. Дёмина, – плод самостоятельного творчества летописца [9, с. 107–108]. Конечно, знаменитый литературовед не мог пройти мимо сообщения Илариона, где прошлое недавно крещёного населения Древней Руси сравнивается с жизнью зверей и скота, не знающих слова Божьего и пекущихся не о небесном, а только о земном. А.С. Дёмин, в свою очередь, считал летописное сообщение слишком непохожим на рассуждения Илариона, так как «Иларион, в отличие от летописца, имел в виду идейное невежество язычников» [9, с. 107].

Однако сообщение Илариона (СЗБ, с. 40) достойно отдельного внимания, прежде всего благодаря открытой ссылке на Писание (см. табл. 1), а именно на Книгу пророка Осии (Ос. 2:18, 23). Анализ таких фрагментов вызывает закономерный вопрос: насколько современный человек способен правильно находить скрытые отсылки к библейским текстам, если перед ним нет очевидных цитат. Смогли бы мы верно определить эпизод Библии, который Иларион использовал как шаблон, если бы он не указал источник своего сравнения людей с животными? В Книге пророка Осии нет никакого ясного указания на то, что за зверьми скрываются народы, подлежащие обращению. Этот эпизод современный человек скорее истолковал бы в духе подчинения природы людям, к тому же ранее эти самые звери приносили вред богоизбранному народу. А «союз» с животными упоминается в том же стихе, что и обещание избавления от войн. Фраза же «и реку не людем моимъ: „Людие мои вы“» может быть отнесена все к тому же богоизбранному народу, который ранее, согласно пророчеству, отпадет от Бога. Текст Илариона может подтвердить наши сомнения еще и потому, что некоторые исследователи игнорируют раскрывающуюся довольно прямолинейно идею. Это проявилось в трудах И.Н. Данилевского в контексте истолкования все тех же описаний «скотских» и «зверских» нравов «Повести временных лет».

Исследователь полностью игнорирует самую оригинальную на первый взгляд часть летописи и цепляется за слова «скотский» и «закон». Вердикт исследователя: «Подобные характеристики едва ли не связаны с текстом 3 книги

Ездры: “Не погубляй тех, которые *жили по-скотски*, но воззри на тех, которые ясно учили *закону Твоему* (курсив И. Данилевского)”» [5, с. 235].

Табл. 1

Параллели описанию хищных народов из этнографического введения
в «Толковых пророках» и «Слове о Законе и Благодати»

«Повесть временных лет» (ЛЛ, стб. 13–14)	«Толковые пророки» (КПТ, л. 5)	«Слово о Законе и Благо- дати» (СЗБ, с. 40)
а Древляне живяху звѣриньскимъ обра- зомъ. жиюще скоть- ски... и Радимичи и Вятичи. и Сѣверь. одинъ обычаи имяху живяху в лѣсѣ. якоже [и] всякий звѣрь. ядуще все нечисто... не вѣдуще закона Божия. но творяще сами собѣ законъ	Завѣтъ глаголетъ Богъ. не ко звѣремъ завѣщати. но къ человекомъ. живущимъ правомъ звѣрьскимъ и ядѣ имоущемъ гадъ земных. все бѣ беззаконны . посем же паки отбѣщаваеъ имъ гобино вся...	И прѣжде бывшемъ намъ яко звѣремъ и скотомъ , не разумѣющемъ десницѣ и шюицѣ и земельных прилежащемъ, и ни мала о небесныхъ попекущемся, посла Господь и къ намъ заповѣди, ведущаа въ жизнь вѣчную, по <i>про- рочеству Иосиину</i> : «И будетъ въ день онъ, гла- голетъ Господь, завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесными и звѣрьми земными и реку не людem моимъ: «людие мои вы», и ти ми рекутъ: «Господь Богъ нашъ еси ты»

Это «едва ли» звучит странно, потому что в данной книге нет ничего (сравнение со **скотом** и акцент на отсутствие у языческих народов «**закона**»), что летописец не мог бы заимствовать у Амартала (КВО, с. 143–144). А в специальной сноске сам И.Н. Данилевский признает, что греческий и славянский тексты 3-й книги Ездры на Руси не были известны. Но косвенным свидетельством того, что содержание этой книги всё же могли знать, исследователь считает сообщение Ипатьевской летописи об установке столпа с многоголовым орлом в Холме (в 3-й книге Ездры упоминается трехглавый орел) [5, с. 235–236].

В той же сноске исследователь приводит сообщение Илариона как близкое к тексту 3-й книги Ездры [5, с. 236]. Здесь мы видим, как два противоположных подхода оказываются совершенно невосприимчивыми к информации, которая действительно много говорит о способах мышления Другого. С одной стороны, И.Н. Данилевский заимствует архаичный метод сравнения, где через сложные символические соответствия можно сравнивать далекие друг от друга вещи, но приписывает ему способность к научной верификации и надеется с его помощью открыть заложенные автором в произведение тайные смыслы. С другой стороны, А.С. Дёмин уже книжникам древности приписывает современный способ выстраивания смысловых параллелей, в которых несопоставимые вещи не должны сравниваться (как будто мы знаем, что считал сопоставимым средневековый книжник). Но оба автора при этом не замечают того, как сам Иларион объясняет сравнение бывших язычников со зверьми и скотом.

Вот и И.Н. Данилевский, проигнорировав открытую ссылку на Книгу пророка Осии, вспомнил 3-ю книгу Ездры. Но что важного пропустил тогда А.С. Дёмин? Если нестрогий метод символического толкования не расшифровать как строгую кодировку, какой смысл вообще заниматься расшифровкой таких вещей? Это все так, но в данном случае мы имеем поразительное свидетельство того, что суждения автора этнографического введения и Илариона для средневековых людей были не столь и далеки. Еще в начале XX в. В.Н. Перетц предположил, что описание звериного нрава славянских народов в «Повести временных лет» возникло под влиянием «Толковых пророков», которые должны были быть известны в то время на Руси [8, с. 214]. Конкретно речь идет о еще одном толковании того же самого эпизода из Осии (параллель в «Слове о законе и благодати» исследователь не отметил). Впрочем, смысл такой сентенции автор неоправданно свел к уничижению древлян, не заметив, что сходной характеристикой были награждены и радимичи, вятичи и северяне. Но рисовать образ враждебного «чужого», используя отсылку к отмеченному толкованию Осии, было бы странно, так как в этих толкованиях бывшими зверьми называются ни больше ни меньше – будущие христианские народы, которые уверуют «въ сынъ божии послѣди. сиа бо поя себѣ в вѣкъ по правдѣ» (КПТ, л. 5).

Но сама параллель крайне любопытна (см. табл. 1). Славянский текст «Толковых пророков», о которых идет речь, должен был быть известен уже ко времени творчества Илариона. Примерно в то же время их переписывал поп Упырь Лихой. По одной из версий новгородский переписчик работал в Киеве [10, с. 7]. Первый русский митрополит местного происхождения, вероятно, знал эти толкования. Но важно другое: «Толковые пророки» совпадают со «Словом» в интерпретации того, кто скрывается за животными в Книге пророка Осии, в то время как с «Повестью временных лет» их роднит сопоставление язычников с дикими животными именно по линии поведения и игнорирования норм истинной веры, а не в том плане, что животные не могут заботиться о жизни вечной (как это трактовал Иларион).

То, что в летописи «звериные» коннотации были взяты из Осии, вряд ли когда-нибудь удастся доказать. Важно другое: А.С. Дёмин рассуждает как современный человек. Это с нашей точки зрения слова «бывшемъ намъ яко звѣремъ и скотомъ, не разумѣющемъ десницѣ и шюицѣ и земельныхъ прилежащемъ, и ни мала о небесныхъ попекущемся» (СЗБ, с. 40) говорят об идейном невежестве, но никак не о нравах и моральном облике. Но в средневековом христианстве, где человек может оставаться по-настоящему человеком только в рамках христианского учения, смысл фразы должен был иметь совсем иной оттенок. По Илариону, жизнь только земными благами, отсутствие заботы о благах небесных – это характеристика, не такая и далекая от изображения народов, подчиненных материи, имеющих грубый приземленный нрав, обычаи, закрывающие путь на небеса.

Звериный нрав и беззаконие язычников – не единственные совпадения, которые связывают «Толковые пророки» с этнографическим введением. В Книге пророка Осии и ее толкованиях обнаруживаются параллели к описанию обид, которые причиняли полянам окрестные племена (ЛЛ, стб. 16–17), и полевым коннотациям этимологии этнонима «поляне». Наконец, в такой перспективе можно было бы снять противоречие: поляне, несмотря на свою миссию, на мо-

мент событий, описанных в этнографическом введении, еще не были в числе «правовверных». В толковании Пророков и Книге Осии (Ос. 2:12) полевые звери и небесные птицы едят подарки блудницы (которая, по всей видимости, ассоциируется с *павшим от идолопоклонства* богоизбранным народом). Потом Бог отводит блудницу в «поляноу ахроовоу» (КПТ, л. 4 об.), где она приходит к смирению, вновь обретает Бога (этот период и в толкованиях, и в Библии сопоставляется с выходом из **египетского плена**), после чего и идет заключение завета богоизбранного народа с полевыми зверьми, небесными птицами и земными гадами, что толкователь интерпретирует как распространение веры на христианские народы. Подобный мессианский подтекст теоретически мог быть воспринят летописцем, но тогда логичнее было составить окружение полян из зверей полевых. В синодальном переводе Библии подарки блудницы не только едят звери, но и часть их превращается в лес (Ос. 2:12). Но едва ли близкий перевод был известен на Руси.

Возникают проблемы и при определении этапа, на котором в летописи появились «хищные» коннотации племен, окружающих полян. Если следовать шахматовской гипотезе, эта часть летописи, тесно связанная с почерпнутыми из Хроники Амартола идеями, не могла содержаться в Начальном своде [11, с. 282]. С другой стороны, В.Я. Петрухин высказывал весьма аргументированное предположение, что в Начальной летописи существовало некое «космографическое введение», впоследствии сокращенное новгородцем [3, с. 64, 210]. Как бы то ни было, сообщение о нравах различных народов в «Повести временных лет» похоже на вставку. Сразу после нее и следует фраза о притеснении полян другими племенами и хазарами: «По сихъ же лѣтъхъ по смерти братьѣ сея быша обидимы...» (ЛЛ, стб. 16). Речь в данном случае, видимо, идет о братьях Кие, Щеке и Хориве (ЛЛ, стб. 9), о которых сообщается до развернутого пассажа о нравах различных народов. Но явно не содержит первоначальный текст и новгородское летописание. Сведения о Кие, Щеке и Хориве и притеснениях полян здесь неорганично разрываются фразой: «Бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» (которая на этот раз характеризует уже полян), – и сообщением о нашествии Руси на Царьград при византийском императоре Михаиле¹, когда христиан спасла от бесчинств язычников буря, вызванная, по мнению книжников, омовением в море ризы святой Богородицы (НПЛ, с. 105). В Новгородской первой летописи, помимо прочего, эта информация предшествует повествованию о призвании варягов: о том, кто возглавлял воинов-язычников, ничего не говорится. В то же время Лаврентьевская летопись явно связывает поход на Византию с деятельностью уже варяжских князей – Аскольда и Дира (ЛЛ, стб. 21–22).

Вероятно, объяснение притеснения полян, приведенное в первоначальном варианте, сохранилось впоследствии в обоих сводах: гегемония в регионе перейдет от хазар к русским князьям. Такое освобождение полян вызывало у летописца ассоциации с выводом Моисеем евреев из **египетского плена** (ЛЛ, стб. 17; НПЛ, с. 105–106). Дальше развитие сюжета шло двумя разными путями. Книжник-киевлянин усилил акцент на особом положении полян, подчеркивая сакральную значимость киевских территорий. На этом этапе могли использоваться «Толковые пророки», дополненные пространственной игрой, восхо-

¹ То, что эти сюжеты носят характер вставки, отмечал еще А.А. Шахматов [11, с. 77]. Вместе с тем исследователь приписывал данные вставки «перу» автора Начального свода.

дящей к Книге Иисуса Навина (о возможной связи этой книги с летописной семантикой лесных пространств см. [12, с. 34–38]). Новгородец же поставил перед информацией о притеснении полян сюжет о походе Руси на Византию, в котором было убито много греков-христиан, что размывало проводимую ранее идею о несправедливых обидах, причиненных полянам, и, соответственно, несколько нивелировало признаки избранности этого племени по сравнению с другими славянами. Все эти предположения, конечно, в значительной степени гипотетичны.

Открывающиеся соответствия позволяют иначе взглянуть на противопоставление полян другим племенам. Мало кто в настоящий момент оспаривает положение, согласно которому поляне сопоставлялись в этнографическом введении с ветхозаветными евреями, и им приписывалась роль центра славянского мира, а территории Киева мыслились как место, с которого на другие восточнославянские племена будет распространяться спасительная вера. Очевиден и общеславянский патриотизм книжника в первой части этнографического введения. Однако переходя к анализу звериных метафор неполянских племен, исследователи рисовали довольно жесткое противопоставление полян другим славянским племенам по принципу свой/чужой. Очевидный панславянский патриотизм книжника-киевлянина резко переходил в не менее очевидный грубый и примитивный полянский шовинизм, не брезговавший даже таким приемом, как «дегуманизация», казалось бы, родственных этносов.

Разрешить этот конфликт попробовал Н.И. Солнцев, считавший, что такие противоречия возникли потому, что, описывая расселение полян, летопись подражает библейскому сюжету расселения колен Израилевых, а затем подводит мотив завоевания полянами окрестных племен под покорение ветхозаветными евреями Ханаана, на основании чего неполянские племена сопоставляются с «автохтонным» населением Земли обетованной – библейскими хананеями [6, с. 547]. Тем не менее и подобная интерпретация не объясняет, как должен был оцениваться древнерусским населением столь резкий переход: родственные, столь же богоизбранные, как и поляне, славянские племена превращаются в ужасных «чужих», рабов, покоренных с особой жестокостью. «Окружающим же племенам уже самой логикой божественного провидения предписывалось: “возьмите в руки ваши хлеба на дорогу и пойдите навстречу им и скажите им: “мы *рабы ваши*”; итак, заключите с нами союз”» (Иис. Навин 9:11). Можно предположить, что именно на такое противопоставление “своих” и “чужих” указывает летописец, характеризуя *абсолютно чужие* для полян окрестные племена, самим провидением обреченные быть в повиновении Киеву (курсив наш. – Д.П.)» [6, с. 548]. В такой перспективе «завет» полян с неполянскими территориями мыслится как безусловное рабство и подчинение последних. Христианский и славянский универсализмы растворялись в задачах государственного (если не сказать имперского) строительства².

Таким образом, даже попытка анализа этнографического введения в рамках методик, близких И.Н. Данилевскому, когда предпочтение отдавалось конструированию далеких от очевидного смысла интерпретаций, не вела к переоценке характера противопоставления полян другим племенам. Трактровка самого И.Н. Данилевского фактически свелась к тому, что летописец как бы го-

² Мы считаем, что если книжник и использовал, помимо прочего, Книгу Иисуса Навина, то с хананеями сопоставлялись не столько подлежащие покорению неполянские племена, сколько хазары [12, с. 36].

ворит: учитесь у праведных, а не у нечестивцев. Обнаруживший параллели в «Толковых пророках» В.Н. Перетц также не стал пересматривать сложившуюся традицию, сведя смысл сопоставления отдельных племен с животными к полянскому шовинизму. Но наиболее драматичный характер противостояние полян с окрестными племенами приобретает в трудах авторов, не имеющих должной подготовки для изучения древнерусских текстов. Например, В.С. Киселев, специализирующийся на изучении русской литературы *Нового времени*³, рассматривал негативное описание «звериных» нравов как идеологию оправдания насильственной и жестокой «колонизации и ассимиляции» (как будто Русь ничем не отличалась от капиталистических централизованных империй ни политически, ни идеологически) [13, с. 32].

На наш взгляд, сравнение некоторых славянских племен с дикими животными лишь подчеркивало общую мессианскую идею этнографического введения и далеко выходило за пределы дихотомии «свой/чужой». Книжник, безусловно, ставит полян выше всех славянских племен, но и последние не теряют черт богоизбранности. Наиболее выраженным маркером «чужого» в такой перспективе становится скорее сопоставление с домашними животными: с ними сравниваются народы, информацию о которых книжник берет у Амартола. Характеристики диких и домашних животных сочетает описание древлян (ЛЛ, стб. 13), именно с этим племенем наиболее драматично складывались отношения у полян. Поляне и древляне к тому же явно противопоставляются друг другу в этнографическом введении. Но сообщения о живущих в лесу, подобно диким животным, народах относятся только к славянам. При этом данная конструкция усложняется еще и тем, что наиболее четко характеристика живущих в лесу, подобно зверям, язычников относится к радимичам, вятичам и северянам – бывшим данниками иудеев-хазар (ЛЛ, стб. 24, 65). А последние, помимо прочего, прямо сопоставлены в летописи с притеснителями богоизбранного народа – египтянами. В этом отношении аллюзии на толкования Осии могли порождать весьма богатые смыслы у разных интерпретаторов.

Однако, даже если мы ошибаемся в своих трактовках, мы все равно должны прилагать некоторые усилия, для того чтобы распознать и отбросить давление нашей собственной культуры, которая видит в сравнениях со зверьми утверждение об отсутствии всякой культуры у того или иного этноса, расизм, противопоставление дикости и цивилизации. В Средние века зверьми людей делало не отсутствие культуры, а грехи, искажающие «образ Божий» [14, с. 131]. «Словесная» часть души, отличавшая человека от животного и уподоблявшая его бестелесным ангелам, в немалой степени связывалась с восприятием норм истинной веры: «Еллини словесни соуще. и не съхранише словесное» (ПМН, с. 62). При этом обитание в диком локусе могло быть как атрибутом злого язычника, так и праведника-отшельника. Интересно, что в Хронике

³ Степень осведомленности исследователя о древнерусских реалиях, к сожалению, оставляет желать лучшего. Особенно много ошибок В.С. Киселев делает, анализируя так называемое «восстание волхвов», описанное в летописи под 1071 г. Из-за непонимания языка и особенностей социальной структуры Древней Руси исследователь путает поведение и социальный статус самих волхвов и убиваемых ими «лучших жен» [13, с. 29, 36–37], а также серьезно искажает содержание ст. 33 Краткой редакции Русской правды. Эти искажения ведут к серьезным для общей концепции автора последствиям, ведь расправа над *пришлыми* из района ярославщины магическими специалистами, *смердами* [ЛЛ, стб. 175] (категория несвободного населения) по социальному статусу, трактуется как отказ «центральной власти рассматривать “лучших людей” племени как сколько-нибудь самостоятельную общественную силу», что якобы «выступало залогом растворения любой национальной культуры в суперэтнической государственно-религиозной общности» [13, с. 29].

Амартола в лесу, скрывая листьями свою наготу, живут благочестивые брахманы (КВО, с. 393). Звериный нрав едва ли маркирует исключительно отсутствие культуры и цивилизации. Не свидетельствует сравнение с животными и о природной неполноценности (Бог создал человека совершенным [14, с. 131]).

Поэтому и воспринимать это сравнение в древности должны были мягче. «Повесть временных лет» переписывалась и в региональных центрах, но лишь новгородский книжник стал изменять идейный посыл этнографического введения⁴. Когда летописцу Северо-Западной Руси понадобится подчеркнуть особый сакральный статус своей земли, он предпочтет намекнуть на потерю Киевом святости, а не подвергнуть ревизии киевоцентричную историческую интерпретацию. И здесь вновь появятся аллюзии на историю богоизбранного народа, только на этот раз речь пойдет об обстоятельствах его падения [15, с. 362–365]. Какой бы этноцентричной ни была описанная в этнографическом введении «Повести временных лет» этническая предыстория древнерусского государства, она одновременно была достаточно универсальна, чтобы сохраняться как общая идеологема даже в условиях центробежных тенденций⁵. Автор же этого введения, вероятнее всего, был гораздо более тонким идеологом, чем это кажется на первый взгляд.

Источники

- ЛЛ – Полное собрание русских летописей. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 496 с.
- СЗБ – Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 1: XI – XII века. – С. 26–61.
- КПТ – РГБ. Отдел рукописей. Ф. 304. I. Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 90. Книги 16 Пророков толковые. – 463 л. – URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-90>, свободный.
- КВО – Матвиенко В.А., Щеголева Л.И. Книги временные и образные Георгия Монаха: в 2 т. – М.: Наука, 2006. – Т. 1, ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи. – 634 с.
- НПЛ – Полное собрание русских летописей. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – V – XII, 720 с.
- ПМН – Послания Митрополита Никифора / Пер. Г.С. Баранкова; Отв. ред-сост. В.В. Мильков. – М.: Ин-т филос. РАН, 2000. – 125 с.

Литература

1. Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 760 с.
2. Никольский Н.К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 110 с.

⁴ Этот аспект, во всяком случае, позволяет усомниться в политическом значении превозношения киевских территорий в том виде, в котором это представляют исследователи. Столица такой аморфной политической структуры, как Киевская Русь, могла претендовать только на относительное лидерство среди других восточнославянских территорий. Сложно представить и наличие в таких условиях общерусской идеологии имперского типа.

⁵ Пospopить с ней могли только новгородцы, также игравшие важную роль в процессе зарождения нового христианского народа.

3. *Петрухин В.Я.* Русь в IX – X веках. От призвания варягов до выбора веры. – М.: Форум: Неолит, 2014. – 464 с.
4. *Андрейчева М.Ю.* Образы иноверцев в Повести временных лет. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 184 с.
5. *Данилевский И.Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. – 448 с.
6. *Солнцев Н.И.* Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет» // *Via in tempore. История. Политология.* – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 541–551. – doi: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551.
7. *Ричка В.М.* «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. – 180 с.
8. *Перетц В.* До питання про літературні джерела давнього українського літопису // *Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського.* – Київ: Б.и., 1928. – № 76, ч. 2. – С. 213–219.
9. *Дёмин А.* Изображение «зверскости» злодеев в древнерусской литературе // *Развитие личности.* – 2012. – № 4. – С. 106–125.
10. *Калугин В.В.* Записи попа Упыря Лихого в Толковых пророчествах 1047 года // *Славяноведение.* – 2018. – № 2. – С. 3–11.
11. *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. – М.: Акад. Проект; Жуковский: Кучково поле, 2001. – 880 с.
12. *Пузанов Д.В.* Дикие народы и дикая местность в домонгольском летописании // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского.* – 2022. – № 1. – С. 32–40. – doi: 10.52452/19931778_2022_1_32.
13. *Киселев В.С.* Формы колониального дискурса в раннем русском летописании (к постановке проблемы) // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* – 2009. – № 2 (6). – С. 23–40.
14. *Ужанков А.Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. – М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2011. – 512 с.
15. *Пузанов Д.В.* Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX – XIII вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. – 480 с.

Поступила в редакцию 15.02.2023

Принята к публикации 18.04.2023

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

ул. Ломоносова, д. 4, г. Ижевск, 426004, Россия

E-mail: lpdmor@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 98–108

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108

**“Bestial Peoples” – the Rejected or the Chosen Ones?
About the Atypical “Foe” in the Old Russian Written Sources**

D.V. Puzanov

*Udmurt Institute of History, Language, and Literature, UdmFRC, Ural Branch, Russian Academy
of Sciences, Izhevsk, 426004 Russia
E-mail: lpdmor@gmail.com*

Received February 15, 2023; Accepted April 18, 2023

Abstract

In the ethnographic introduction of the Primary Chronicle, the Slavic tribes living around the Polans are compared to forest animals, which is often regarded by researchers as a vivid example of the construction of a “foe” image and a clear evidence of the blatant ethnocentrism of the Kievan author. This is in stark contrast to the author’s general Slavic patriotism. According to the traditional interpretation of the Book of Hosea in Old Rus’, however, the Jews of the Old Testament were in league with animals as the prophecy that the pagan peoples would be baptized. The overlaps in the texts of the Primary Chronicle and other written sources following the above tradition suggest that the long-established idea, supported by many historiographers, about the unambiguously negative and pejorative juxtaposition of the Slavic tribes with the Polans should be revised. The fragment about the customs of different peoples found in the Primary Chronicle only emphasizes the special role played by the ancestors of the Kievans in the spread of Christianity in the surrounding territories. Furthermore, it was believed that the tribes that would adopt the new faith were not only savage pagans, but also those chosen for salvation.

Keywords: Primary Chronicle, Bible, exegesis, Christianization, Polans, Drevlians, Khazars, Slavic tribes, animals, wilderness

References

1. Zhivov V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research on the History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2002. 760 p. (In Russian)
2. Nikolsky N.K. *Povest' vremennykh let, kak istochnik dlya istorii nachal'nogo perioda russkoi pis'mennosti i kul'tury* [The Primary Chronicle as a Source for the History of the Early Development of Russian Writing and Culture]. Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1930. 110 p. (In Russian)
3. Petrukhin V.Ya. *Rus' v IX – X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus' in the 9th–10th Centuries. From the Calling of the Varangians to the Choice of Faith]. Moscow, Forum, Neolit, 2014. 464 p. (In Russian)
4. Andreicheva M.Yu. *Obrazy inovertsev v Povesti vremennykh let* [Images of the Gentiles in the Primary Chronicle]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019. 184 p. (In Russian)
5. Danilevskii I.N. *Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let* [Hermeneutical Foundations for Studying Chronicle Texts. The Primary Chronicle]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2019. 448 p. (In Russian)

6. Solntsev N.I. The characteristic features of describing “friends” and “foes” in the cosmographic introduction to the Primary Chronicle. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 2020, vol. 47, no. 3, pp. 541–551. doi: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-541-551. (In Russian)
7. Rychka V.M. “*Vsya korolivs’ka rat*” (*Vlada Kyivs’koi Rusi*) [“All the King’s Men” (The Government of Kievan Rus’)]. Kyiv, Inst. Ist. Ukr. NAN Ukr., 2009. 180 p. (In Ukrainian)
8. Perets V. On the literary sources of the Old Ukrainian chronicles. In: *Zbirnyk Istorychno-filolohichnoho viddilu UAN. Yuvileinyi zbirnyk na poshanu akad. M.S. Hrushevs’koho* [A Collection of Articles of the Historical and Philological Department of the Ukrainian Academy of Sciences. A Jubilee Collection Articles Dedicated to Academician M.S. Hrushevsky]. Kyiv, n. p., 1928, no. 76, pt. 2, pp. 213–219. (In Ukrainian)
9. Demin A. Depicting the “bestiality” of villains in Old Russian literature. *Razvitie Lichnosti*, 2012, no. 4, pp. 106–125. (In Russian)
10. Kalugin V.V. Notes made by the priest Upyr Likhoi in the Explanatory Prophecies of 1047. *Slavyanovedenie*, 2018, no. 2, pp. 3–11. (In Russian)
11. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o russkikh letopisyakh* [Research on Russian Chronicles]. Moscow, Akad. Proekt; Zhukovskii, Kuchkovo Pole, 2001. 880 p. (In Russian)
12. Puzanov D.V. Wild peoples and wild lands in pre-Mongol Rus chronicles. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2022, no. 1, pp. 32–40. doi: 10.52452/19931778_2022_1_32. (In Russian)
13. Kiselev V.S. The forms of colonial discourse in the early Russian chronicle writing (on defining the problem). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2009, no. 2 (6), pp. 23–40. (In Russian)
14. Uzhanov A.N. *Istoricheskaya poetika drevnerusskoi slovesnosti. Genezis literaturnykh formatsii* [Historical Poetics of Old Russian Literature. Genesis of Literary Formations]. Moscow, Izd. Lit. Inst. im. A.M. Gor’kogo, 2011. 512 p. (In Russian)
15. Puzanov D.V. *Prirodnye yavleniya v sakral’noi kartine mira narodov Vostochnoi Evropy. Drevnyaya Rus’ i ee sosedi: IX – XIII vv.* [Natural Phenomena in the Sacral Worldview of the East European Peoples. Old Rus’ and Its Neighbors: 9th–13th Centuries]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2018. 480 p. (In Russian)

Для цитирования: Пузанов Д.В. «Хищные народы» – отверженные или избранные? О нетипичном «чужом» древнерусских письменных источников // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 98–108. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108.

For citation: Puzanov D.V. “Bestial peoples” – the rejected or the chosen ones? About the atypical “foe” in the Old Russian written sources. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 98–108. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.98-108. (In Russian)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.109-118

РЕТРОСПЕКЦИЯ В АНТИЧНОСТЬ ПРИ НАДЕЛЕНИИ ПЕТРА I ТИТУЛАМИ ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРА И ВЕЛИКОГО

В.В. Дементьева

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, 150003, Россия*

Аннотация

В статье проанализированы отсылки к Античности в «Прошении сенаторов царю Петру I о принятии им титула “Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого”» (21/22 октября 1721 г.) и в «Речи Петра I, написанной им самим и произнесенной в соборе Пресвятыя Троицы в Петербурге после прочтения трактата о заключении мира со Швецией» (22 октября 1721 г., когда он принимал указанные титулы). Приведены латинские написания данных титулов в 20-х годах XVIII в. (на примере публикации речи А.Ф. Сигизмунди по поводу подписания Ништадтского мира). Внимание акцентировано на ретроспективном взгляде современников событий на античную историю – рассматриваются исторические представления о римской древности П.Н. Крёкшина (сподвижника Петра I) в сочетании с его взглядами на славяно-российскую историю. Античные общественно значимые ценности (героическое служение Отечеству, патриотизм, доблесть, мужество) в сочетании с политической ориентацией на образ Римской державы укрепляли социально-идеологические опоры российской государственности. Сделан вывод о том, что в России XVIII в. создатели империи стремились придать ей дополнительную устойчивость, осознанно и целенаправленно, как свидетельствуют источники, осуществляя ретроспекцию в Античность.

Ключевые слова: Российская империя, Античность, Римская держава, Петр I, титулы, *imperator*, *pater Patriae*, *Magnus*

Первая четверть XVIII в. – период, когда российская государственность приобретает отчетливый имперский характер. При этом создатели Российской империи опирались не только на собственную политическую традицию, но и на опыт Римской державы, ее государственно-правовые формы, а также и на достижения античной эпохи в целом. В это время восприятие Античности в России вышло на новый уровень, вошло в политический обиход: в период петровских реформ начинают явно звучать отсылки к античным политическим институтам и традициям (название государственного органа – Сенат,

название столицы по имени правителя, внимание царя к переводам античных авторов и т. д.).

Новая титулатура монарха – «Император», «Отец отечества», добавление «Великий» к личному имени, принятые Петром I на торжествах по поводу заключения Ништадтского мира 1721 г., свидетельствуют о том, что обращение к античному опыту не просто подразумевалось современниками Петра I и им самим, оно было ими четко артикулировано и письменно зафиксировано. В самом «Прошении сенаторов царю Петру I о принятии им титула “Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого”» подчеркивалось именно обращение к античному примеру:

«...Помыслили мы, | с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов, дерзновение восприть, в день торжества і обявления заключенного оными В. В. трудами всей Росіи толь славного і благополучного мира, по прочитаніи трактата оного в церкви, по нашем всеподданнѣйшемъ благодареніи за исходатайствование оного мира, принесть свое прошение к Вам публично, дабы ізволили принять от насъ, яко от вѣрныхъ своихъ подданныхъ, во благодарение титул [Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого], какъ обыкновенно от Римского Сената за знатные дѣла імператоровъ ихъ | такие титулы публично имъ в даръ приношены і на статуахъ для памяти в вѣчные роды подписываны.

Святѣйшій Синод в томъ с нами согласенъ.

І тако токмо ожидаемъ обще от В. В. милостивого намъ невозбранения.

Александръ Меншиковъ.
Канцлеръ граФ Головкинъ.
К. Григорей Долгорукой.
Князь Дмитріе Кантемир.
Баронъ Петръ ШаФиров.
1721 году.

Адмиралъ граФ Апраксин.
Князь Дмитрей Галицынъ.
Петръ Тальстой.
Андрей Матвеовъ.

Арх. Мин. Ин. дел., II, 1722 г., кн. 11. Подлинное “Представление Правит. Сената имп. Петру I титулов Отца отечества и Великого”, лл. 1 и 2. Подлинный переписан писцом и подписан сенаторами; дата секретарская.

То же в копии – Сен. Арх., кн. 18 Подл. им. выс. ук. и пов., лл. 151 и 152, – с пометой: I то подписанное послано ко двору Ц. В., и датой: Октября 21 дня 1721 года пополудни в 1 часу» (цит. по (Зак. ак. III, с. 155–156))¹.

Обратим внимание на то, что античная ретроспектива содержалась в полном виде и в черновике «Прошения», – при переписывании набело только улучшали стиль (в частности, «даваны» заменено на «в дар приношены») и правописание. Следовательно, при составлении прошения «римские» акценты уже были расставлены – в отношении и того, от кого исходит обращение, и того, что воспроизводится римская норма. Специалисты по отечественной истории не заостряли внимание на том, что сенаторы действовали «с прикладу

¹ С. 155 – беловой текст, с. 156 – черновик; цитируется беловой текст.

древних» и стремились воспроизвести римскую процедуру, но Николай Иванович Павленко отмечал: «Все девять сенаторов подписали обращение к царю с просьбой принять этот титул» [1, с. 178]. Исследователи подчеркивают, что инициатива о даровании новых титулов исходила от Синода (и, заметим, ничто не мешало эту инициативу от имени Синода реализовать), но тот факт, что в итоге просьба принять эти титулы была оформлена от лица именно сенаторов, а не Синода, свидетельствует о желании правившей элиты имитировать собственно римскую последовательность действий и об осуществлении этого желания на практике.

События происходили следующим образом: «22 октября Петр вместе с вельможами присутствовал на обедне в Троицком соборе. После обедни был зачитан мирный договор, а затем Феофан Прокопович в честь заключения мира произносит проповедь, в которой рассказывает о всех знаменитых делах Петра, достойных присвоения ему титула Великого и императора всероссийского. В заключение к царю обратился с речью старейший из сенаторов, канцлер Головкин» [1, с. 178]. Следовательно, как и положено было у римлян, старший по возрасту сенатор выступил в самый ответственный момент.

Не менее интересно, чем «Прошение...» сенаторов, в рассматриваемом ракурсе и ответное слово Петра. В «Речи Петра I, написанной им самим и произнесенной в соборе Пресвятыя Троицы в Петербурге после прочтения трактата о заключении мира со Швецией» (когда он принимал указанные титулы), говорилось:

«По поздравлении.

1. Зѣло желаю, чтоб нашъ весь народъ прямо узнал, что Господъ Богъ прошедшею войною і заключением сего мира намъ здѣлалъ.

2. Надлежитъ Бога всѣю крѣпостию благодаритъ, аднакожъ, надѣяс на миръ, не надлежитъ ослабѣватъ в воінскомъ дѣлѣ, дабы с нами не такъ сталасъ, какъ (з г(р)еками)² с манархиєю греческою.

3. Надлежитъ трудитца о ползѣ і прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предочи кладетъ какъ внутрь, такъ і вьнѣ, от чего облехченъ будетъ народъ.

Рѣчь октября 22 дня 1721 года.

Записать в книгу.

Сен. Арх., кн. 18 Подл. им. выс. ук. и пов., лл. 132 и 133. Подлинный написан Петром I, подписи его не имеет. Помета с датой обер-секр. Сената Позднякова» (цит. по (Зак. ак. III, с. 156)).

Как видим, Петр зачеркнул «с греками» (чтобы не так стало с нами, как это произошло с греками, надо не ослабевать в воинском деле) и исправил зачеркнутый текст на «с монархией греческою», делая тем самым уточненную отсылку к державе Александра Македонского. И, видимо, сделал это неспроста: он принимает наименование Великого, его уподобляют Александру Великому (Ἀλέξανδρος ὁ Μέγας), но он подчеркивает, что будет трудиться, чтобы его империя не повторила судьбу державы Александра.

В.В. Мавродин датировал событие наделения Петра I тремя новыми титулами с античной коннотацией 20 октября 1721 г. [2, с. 250], но эта дата, как

² Зачеркнуто. (Примечание издателя: Зачерк.).

можем убедиться по публикации источников, ошибочна. Иногда в литературе встречается утверждение, что титул «Отца отечества» был дарован Петру позднее, в 1724 г., но это тоже, судя по приведенным документам, заблуждение. Все три составляющих нового обращения к монарху, являвшиеся рецепцией Античности, были даны одновременно, и произошло это 22 октября 1721 г.

Как современники обозначали новые, восходящие к римской древности, титулы Петра на латинском языке? Нам интересно именно начало 20-х гг. XVIII в., время подписания Ништадтского мира. Синхронным текстом является сохранившаяся в печатном варианте речь профессора Ревельской гимназии Адольфа Флориана Сигизмунди³, преподававшего древние языки (PG). Она посвящена Ништадтскому миру (по которому Ревель отошел к Российскому государству), охарактеризованному А.Ф. Сигизмунди как *pax gloriosissima*, «преславный мир, который был счастливо заключен между светлейшим и могущественнейшим императором и государем, господином Петром Великим, всея Руси самодержцем, Отцом отечества, и светлейшим и могущественнейшим королем Швеции, готов и вендов Фредриком I»⁴ (PG, р. 1). При этом весьма симптоматично, что воспроизводит он латинские элементы титулатуры в их базовом римском варианте: *imperator, pater Patriae, Magnus*; обозначение «государь» передает понятием *dominus* (господин, как именовали себя императоры поздней Римской империи, начиная с Диоклетиана), а статус «самодержец» – *autocrator* (восходящим к греческому αὐτοκράτωρ – «автократор»).

Воспроизведение латинского *pater Patriae* в российской политической мысли и практике как «Отец отечества» отражало патерналистское представление о верховной власти. В римском государстве титул *pater Patriae* давался сенатом в качестве аналога *pater familias* в семье – с огромной властью над ее членами, но и с необходимостью заботиться о них. Этого титула удостаивались Цицерон, Цезарь, Октавиан Август, от которых ожидалось проявление таких качеств, как справедливость (*iustitia*), милосердие (*clementia*), благочестие (*pietas*), мужество (*virtus*).

Как воспринимали ретроспекции в Античность современники Петра I, русские люди из числа его подчиненных, во многом – сподвижники, но не относившиеся к верхушке правившей элиты? Как преломлялись в их обыденно-историческом восприятии элементы античного наследия и российского прошлого? Показательным в этом отношении является пример новгородского дворянина Петра Никифоровича Крёкшина (1684–1763), оставившего немалое количество трудов, дающих для ответов на поставленные вопросы вполне репрезентативный материал.

П.Н. Крёкшин при Петре I выполнял обязанности смотрителя работ в Кронштадте, затем был обвинен в растрате казенного имущества и сослан, но впоследствии восстановлен на службе. После смерти Петра он занимался собиранием документов, получил возможность разбирать его бумаги, оставшиеся в Кабинете монарха. В.О. Ключевский называл его «младшим современником Петра, лет 30 трудолюбиво, но довольно неразборчиво собиравшим всякие из-

³ Об А.Ф. Сигизмунди см. [3, с. 373–375].

⁴ Перевод с латинского языка наш. – В.Д.

вестия, бумаги, слухи и предания о благоговейно чтимом им преобразователе» [4, с. 6]. Иван Иванович Голиков, пытавшийся в конце XVIII в. дать (как историк) обобщенную характеристику петровских реформ, приводит сведения, касающиеся биографии П.Н. Крёкшина: «...Служил у Петра Великого на собственной его шлюбке квартирмейстером, был при Его Величестве в разных походах, потом пожалован комиссаром ранга капитанского» [5, с. 152–153]. Современный историк Павел Александрович Кротов резонно замечает по данному поводу, что эти сведения восходят, «надо думать, к словам самого Петра Никифоровича» [6, с. 36]. П.А. Кротов атрибутировал рукопись об основании Санкт-Петербурга, автор которой в самом ее тексте не обозначен, как принадлежащую П.Н. Крёкшину, приведя необходимую аргументацию [6, с. 22–35]. С ней мы полностью согласны, так как ранее имели возможность знакомиться с другими рукописями последнего.

Так, П.Н. Крёкшин написал «Повесть (Сказание) о зачатии и рождении Петра Великого» (Крёкш1), «Краткое описание славных и достопамятных дел великого государя-императора Петра Великого...» (Крёкш2), которые использовал В.О. Ключевский в начале четвертой части «Курса русской истории» [4, с. 6–8, коммент.: с. 352–354], а также ряд других сочинений. Как отмечает П.А. Кротов, П.Н. Крёкшин «развивал темы сходства деяний императоров Константина I Великого (306–337) и Петра I Великого» [6, с. 33], постоянно проводя «сравнение деяний Петра Великого и императора Константина» [6, с. 74].

В сочинении «О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга...» П.Н. Крёкшин писал, непосредственно обращаясь к ситуации наделения Петра I римскими титулами: «В 1721-м году октября в II день⁵ по упрощению всенародному Царское Величество изволил принять титул императорской и в церкви Живоначальной Троицы от лика святительскаго, и генералитета, и всех чинов поздравлен великим императором, Отцом Отечества и от всех коронованных государей чрез послов и грамоты императором поздравлен и Его Императорским Величеством. Начало восприяла четвертая монархия – Северная, то есть Российская империя», которую далее он встраивал в ряд крупнейших из существовавших ранее, означив их как «восточную, полуденную, западную и северную» с примечанием на полях: «Под Север никаких государств и народов, кроме державы Российский, не обретается», а в основном тексте пояснив: «Первую глаголют Восточную, вторую – Греческую, третью – Римскую, четвертую – Северную, в которой всегда разные и великие процветали владычества»⁶. П.Н. Крёкшин выражал уверенность, что Российская империя, обогатившись всеми добродетелями и науками, совершит еще более великие дела, чем три предшествовавших ей монархии.

Представления П.Н. Крёкшина о римской истории наиболее подробно отразились в его рукописи 1762 г. «Критика на новонапечатанную книгу 1761 г. о начале Рима и действиях народов тоя монархии» (Крёкш3), написанной по поводу первого тома «Римской истории» Шарля Роллена (изданной в переводе Ва-

⁵ Примечание издателя на с. 150 в сноске 107: «В ркп. ошибка, следует: 22».

⁶ О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга в лето от первого дни Адама 7211. По Рождестве Иисус Христове 1703. Л. 10 об.–11 об. Цит. по [6, с. 150–151].

силия Кирилловича Тредиаковского)⁷. Сквозной мыслью этого труда П.Н. Крёкшина было утверждение, что Рим не был непобедимым, ему наносили поражение славяне, русские: «В кесарствование кесаря Августа готы славяне разорили области ближние, подлежащие державству римскому» (КрёкшЗ, л. 9 об.); «Атилла, царь гунский, нарицаемый бич божий из русския страны..» (КрёкшЗ, л. 14 об.); «Одоакр, царь российский, Италию возобладал» (КрёкшЗ, л. 17). Причем представления об «этногенезе» и названии славяно-русского народа у П.Н. Крёкшина выглядели следующим образом: «Народ словенский – это народ московский (по князе Мосохе именован)», это народ российский («по князе Россее именован»), «онные же народы по князе Скифе нарицаемы скифами», «по князе Сармате писаны сарматами», «свышеописанные народы писаны готами по князе Готте», «означенные народы писаны вандалами», «онные же народы писаны варягами и многие другие народы есть не кто иной, как вышеописанный словенский российский народ» (КрёкшЗ, л. 3–6). Эти представления во многом отражали состояние научных знаний того времени. К первой четверти XVIII в. сформировалось мнение, что прямыми предками славян были скифы и сарматы. Связывал скифов с происхождением русского народа Готлиб Зигфрид Байер, предками славян называл скифов и сарматов Василий Никитич Татищев. Славянским народом считал скифов В.К. Тредиаковский, полагавший, что они были вообще прародителями европейских народов в целом. Сарматов относил к славянам Михаил Васильевич Ломоносов, но скифов он к славянам не причислял (так же как готов и вандалов – в отличие от П.Н. Крёкшина). В «Кратком описании славных и достопамятных дел императора Петра Великого...» в сюжете «разговора в царстве мертвых» императора Петра с Александром Великим П.Н. Крёкшин опять-таки подчеркивал, что победителями над Августом, западными и восточными римскими кесарями всегда были «северные народы», «скифы», «россияне», «мо́сквичи» (Крёкш2, с. 100); подробнее см. [7]).

Где же в исторических представлениях П.Н. Крёкшина была связующая нить между римской и российской историей, которая прочно их соединяла? Почему в его восприятии не было между ними разрыва во времени? Ведь очевидно, что он «перекидывал мостик» между эпохами не только через причисление к славянам скифов и сарматов, нужна была и хронологическая привязка, удревняющая бытование «скифов-славян». Нам не удавалось установить это связующее звено в трактовках новгородского историка-любителя, пока в исследовании П.А. Кротова не обнаружился примечательный факт, который и позволил ответить на этот вопрос. «В 1735 г. П.Н. Крёкшин подал в Санкт-Петербургскую Академию наук “предложение”, в котором утверждал, что изначальную историю “рода славенскаго” следует излагать в соответствии со “Сказанием о граде Славенске”» [6, с. 22], содержащимся в Новгородской третьей летописи⁸. «Историк-самоучка настаивал на том, что принадлежащую

⁷ *Роллен III*. Римская история от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание республики / Пер. с фр. В.К. Тредиаковского. СПб., 1761. Т. 1. [10], 32, XLVIII, 338 с.

⁸ Датировку позднего новгородского летописания и его состав см. [8]. Легендарную часть НШЛ составляют главы «О Словене и Русе», «О зачале Великаго Словенска и о Волхове и Волховце», «О князех русских, бывших при Александре Македонском», «Послание Александра Македонскаго русским князем», «О князех

позднему новгородскому летописанию историю о приходе в 3099 г. от сотворения мира (то есть в 2409 г. до н. э.) скифских князей Словяна и Русса на Ильмень-озеро и основании ими там града Великий Словянск следует полагать как “всей славянской истории истинный фундамент”» [6, с. 45]. П.Н. Крёкшин, ссылаясь на местные предания, утверждал, что местом этого града являлось городище напротив Юрьева монастыря (которое называется в наше время Рюриковым городищем). Датировка основания Великого Словенска в легендарной части Новгородской третьей летописи, сказания в ней об одновременном существовании Александра Македонского и русских князей, к тому же состоявших в переписке с ним, – все это и позволило П.Н. Крёкшину, принимавшему за историческую истину такую информацию, выстроить свои историко-хронологические заключения. Интересно, что, судя по всему, когда при Екатерине II двум городам на юге России было дано название «Славянск», имелась в виду своеобразная преемственность с упомянутым в новгородском летописании «великим градом», поскольку сюжет «Сказания...» о нем был известен не в последнюю очередь благодаря популяризации его П.Н. Крёкшиным.

Таким образом, обыденно-историческое сознание современников Петра I очень прочно вписывало петровскую реальность в античный контекст: с одной стороны, славяне, русские не подчинялись Риму, они равны ему в величии, с другой – они сами стали новым Римом, новой, под стать Риму, Северной державой, что подчеркивала новообетенная титулатура монарха и способ наделения ею.

В системе общественно значимых ценностей античных государств стержневыми являлись героическое служение Отечеству, патриотизм, доблесть, мужество. Как писал Георгий Степанович Кнабе, изучая античное наследие в русской культуре, «принесение себя и своих интересов в жертву родине – *источник героической нормы*, одна из важнейших черт античного мира» [9, с. 15]. При перерастании России в мощную империю эти античные устои вместе с политической ориентацией на образ Римской державы усиливали, наслаиваясь на славяно-русский архетип защитника, социально-идеологические опоры российской государственности соответственно ее увеличившимся масштабам. В России XVIII в. создатели империи стремились получить дополнительную ее устойчивость, осознанно и целенаправленно, как видим по источникам, бросая ретроспективный взгляд в Античность и протягивая к ней историко-политическую нить.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (проект VIP-018).

Источники

Зак. ак. III – *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Под ред. Б.И. Сыромятникова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – Т. 1: Акты о высших государственных установлениях. – XLIV, 602 с.

русских Халоха и Лахерна», «О запусении Великаго Словенска и о поставлении и зачале Великаго Новаграда», «О пространстве земли Руския и о княжении князя Гостомысла» [8, с. 243].

- Прош. сен. – Прошение сенаторов царю Петру I о принятии им титула «Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» (21/22 октября 1721 г.) // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. / Под общей ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1986. – Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. – С. 179.
- PG – Pax gloriosissima, quae inter serenissimum et potentissimum imperatorem ac dominum, dominum Petrum Magnum, totius Russiae autocratorem, Patriae patrem, et serenissimum ac potentissimum Suecorum Goth. et Vand. regem Friedericum I-mum, Neostadii, III. Calend. Sept. an praet. feliciter-convenit, uti fructus moderationis imperatoriae, in Gymnasio Reveliensi in frequenti auditorio IV. Calend. Febr. publice exposita ab A.F. Sigismundi, Gymn. Reval. prof. jur. et philos. – Revaliae Tallinn: Typis Joh. Köhleri, 1722. – 20 p.
- Крёкш1 – *Крёкшин П.Н.* Сказание о зачатии и рождении Петра I [Рукопись]. – Б.м., середина XVIII в. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 194. № 49. – Л. 3–16. – URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/194/f-194-49/>, свободный.
- Крёкш2 – *Крёкшин П.Н.* Краткое описание славных и достопамятных дел великого государя-императора Петра Великого, его знаменитых побед и путешествий в разные европейския государства: Со многими важными и любопытства достойными произшествиями: Представленное разговорами в царстве мертвых генерал-фельдмаршала и кавалера российских и Малтийскаго орденов графа Бориса Петровича Шереметева, боярина Федора Алексеевича Головина и самага сего великаго императора с российским царем Иоанном Васильевичем, с шведским королем Карлом XII, израильским царем Соломоном и греческим царем Александром. – СПб.: Имп. тип., 1788. – 104 с. Репринт: *Крёкшин П.Н.* Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого. – М., 2013. – 106 с.
- Крёкш3 – *Крёкшин П.Н.* Критика на новонапечатанную книгу 1761 г. о начале Рима и действах народов тоя монархии. Рукопись 1762 г. // Государственный архив Ярославской области. Коллекция рукописей. № 43 (431) – 47 л.

Литература

1. *Павленко Н.И.* Петр Первый. – М.: Мол. гвардия, 1975. – 384 с.
2. *Мавродин В.* Петр Первый. – Л.: Мол. гвардия, 1948. – 480 с.
3. *Дементьева В.В.* Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense: преподавание классической филологии и древней истории // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманит. науки. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 370–393. – doi: 10.18255/1996-5648-2022-3-370-393.
4. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – Ч. 4. Т. 4: Курс русской истории. – 398 с.
5. *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого»: в 18 т. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. – Т. 15: ...содержащее полное описание славных Полтавския победы и предшествовавшия измены Мазепы. – XIX, 400, [1] с.
6. *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. – СПб.: Истор. иллюстрация, 2006. – 159 с.
7. *Дементьева В.В.* «Римская история» Шарля Роллена, прочитанная русским дворянином // Вестн. древней истории. – 1991. – № 4. – С. 117–123.
8. *Азбелев С.Н.* Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения) // Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 12. – С. 236–262.

9. Кнабе Г.С. Русская Античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – М.: РГГУ, 2000. – 238 с.

Поступила в редакцию 18.01.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения, профессор кафедры всеобщей истории

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150003, Россия

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 109–118

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.109-118

**A Retrospect of Antiquity While Proclaiming Peter I the Father of His Homeland,
Emperor, and Great**

V.V. Dementieva

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, 150003 Russia

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

Received January 18, 2023; Accepted March 6, 2023

Abstract

This article analyzes the references to Antiquity in “The Petition of the Senators to Tsar Peter I for the Adoption of the Title of Peter the Great, the Father of His Homeland and the Emperor of All Russians” (on October 21/22, 1721) and in “The Speech Written and Delivered by Peter I at the Old Trinity Cathedral of St. Petersburg after He Had Read Out the Peace Treaty with Sweden” (on October 22, 1721), when he adopted the above titles). The Latin spellings of these titles in the texts of the 1720s were examined (based on the published version of A.F. Sigismundi’s speech on signing the Treaty of Nystad). The retrospective look of the contemporaries of the studied events at the history of Antiquity was discussed: particular attention was paid to the historical ideas about the ancient Roman state expressed by P.N. Kriokshin, an associate of Peter I, along with his views on the Slavic–Russian history. The commitment to the values of ancient societies (heroic service to the Homeland, patriotism, valor, and courage) along with the political focus on the image of the Roman state strengthened the socio-ideological background of the Russian statehood. It was concluded that the great figures who shaped the Russian empire in the 18th century were concerned, consciously and purposefully, with providing additional stability to the whole system and thus relied on the past experience of Antiquity.

Keywords: Russian Empire, Antiquity, Roman power, Peter I, titles, imperator, pater Patriae, Magnus

Acknowledgements. This study was supported by the P.G. Demidov Yaroslavl State University (project VIP-018).

References

1. Pavlenko N.I. *Petr Pervyi* [Peter I]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1975. 384 p. (In Russian)

2. Mavrodin V. *Petr Pervyi* [Peter I]. Leningrad, Molodaya Gvardiya, 1948. 480 p. (In Russian)
3. Demytyeva V.V. Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense: Teaching classical philology and ancient history. *Vestnik Yaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 370–393. doi: 10.18255/1996-5648-2022-3-370-393. (In Russian)
4. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya* [Writings]. Pt. 4. Vol. 4: The course of Russian history. Yanin V.L. (Ed.). Moscow, Mysl', 1989. 389 p. (In Russian)
5. Golikov I.I. *Dopolnenie k "Deyaniyam" Petra Velikogo* [The Supplement to the Deeds of Peter the Great]. Vol. 15: ... with a complete description of the glorious Poltava victory and the previous treasons of Mazepa. Moscow, Univ. Tip., u Ridigera i Klaudiya, 1795. XIX, 400, [1] p. (In Russian)
6. Krotov P.A. *Osnovanie Sankt-Peterburga: Zagadki starinnoi rukopisi* [The Foundation of Saint Petersburg: Riddles of the Ancient Manuscript]. St. Petersburg, Ist. Illus., 2006. 159 p. (In Russian)
7. Demytyeva V.V. "A Roman History" by Charles Rollin according to a Russian nobleman. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1991, no. 4, pp. 117–123. (In Russian)
8. Azbelev S.N. The Novgorod Third Chronicle (Time and conditions of its writing). In: *Tr. Otd. drevnerus. lit. Inst. russ. lit.* [Proceedings of the Old Russian Literature Department of the Institute of Russian Literature]. Vol. 12. Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1956, pp. 236–262. (In Russian)
9. Knabe G.S. *Russkaya Antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* [Russian Antiquity. Subject Matter, Role, and Destiny of Antique Heritage in Russian Culture]. Moscow, Ros. Gos. Gumanit. Univ., 2000. 238 p. (In Russian)

Для цитирования: Дементьева В.В. Ретроспекция в Античность при наделении Петра I титулами Отца отечества, императора и Великого // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. Т. 165, кн. 1–2. – С. 109–118. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.109-118.

For citation: Demytyeva V.V. A retrospect of Antiquity while proclaiming Peter I the father of his Homeland, emperor, and great. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 109–118. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.109-118. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(41/99)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.119-131

РАБОЧИЙ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОСЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.Д. ОБЛЕУХОВА

В.В. Шахматов

Институт российской истории РАН, г. Москва, 117292, Россия

Аннотация

В исследовании рассматривается опыт трансляции и продвижения в народные массы свойственных русской консервативной мысли начала XX в. воззрений по острым социальным проблемам, включая рабочий и крестьянский вопросы, на примере статьи Н.Д. Облеухова «Царское Самодержавие, как оплот народной свободы и равенства», опубликованной в трех выпусках ежедневной право-монархической газеты «Русское знамя» в декабре 1915 г. Рассматриваемый источник наглядно демонстрирует наличие выраженных демократических идей в корпусе воззрений представителей русского правомонархического движения, которые имели специфическое выражение в виде требования широкого народного самоуправления в рамках развития и создания новых внутренних сословных организаций, в том числе для рабочих и крестьян, а также упразднения привилегий правящего класса. «Царское Самодержавие» в этой системе представляется единственной силой, способной действительно защитить интересы трудового народа, в противоположность сторонникам конституции, включая социал-демократов, прямо или косвенно действующих в интересах буржуазии.

Ключевые слова: Н.Д. Облеухов, «Русское знамя», Союз русского народа, правомонархическое движение, Черная сотня, монархисты-народники, народная монархия, «Царское Самодержавие», рабочий вопрос, крестьянский вопрос

Современному российскому обществу присущи одновременно активный поиск идентичности, который в числе прочего сопровождается живым интересом к идеологическому наследию русских консерваторов XIX – начала XX в., и запрос на социальную справедливость, который укрепляется на фоне усугубляющегося имущественного неравенства населения.

В данном контексте возрастает актуальность изучения опыта трансляции ключевых положений русской консервативной мысли, в том числе по острым общественно-политическим проблемам, включая рабочий и крестьянский вопросы, ведущими правомонархическими газетами в период участия Российской империи в Первой мировой войне.

За последние 30 лет деятельность и идеологическое наследие русских правомонархических организаций в начале XX в. получили широкое освещение в отечественной историографии. Стоит упомянуть труды Ю.И. Кирьянова [1], А.В. Репникова [2–4], А.А. Иванова [5; 6], Д.И. Стогова [7], С.А. Степанова [8], А.Д. Степанова [9], выход энциклопедий под редакцией В.В. Шелохаева [10] и О.А. Платонова [11]. Действиям правых в Государственной думе в годы Пер-

вой мировой войны посвящены монографии А.А. Иванова [5; 6], совместные работы А.В. Репникова и А.А. Иванова [12], исследование Ю.И. Кирьянова [13]. Опыт изучения отношения русских консерваторов к социальным проблемам российского общества предпринял А.В. Репников [14].

В то же время в обозначенных исследованиях акцент преимущественно делается на анализе партийных документов, мемуарного наследия, сохранившейся переписки представителей правомонархического движения. При этом такой вид источников, как периодическая печать правомонархических партий, в российской историографии до сих пор остается недостаточно изученным, хотя именно периодика может продемонстрировать динамику настроений и политических воззрений сторонников правомонархических идей, а также их актуальное состояние в конкретный момент времени. Среди исследований, непосредственно касавшихся освещения рабочего и крестьянского вопросов в право-монархической прессе, следует отметить статьи М.В. Лыкосова [15] и Д.И. Стогова [16].

В указанном исследовании М.В. Лыкосова кратко упоминается статья Н.Д. Облеухова¹ под названием «Царское Самодержавие, как оплот народной свободы и равенства» (Р31; Р32; Р33), опубликованная им под псевдонимом П. Ухтубужский в трех выпусках ежедневной правомонархической газеты «Русское знамя» в декабре 1915 г. М.В. Лыкосов приводит ее сугубо в качестве доказательства незначительного места антисемитизма в антибуржуазных взглядах Н.Д. Облеухова [15, с. 19]. Однако, по нашему мнению, данный материал является одним из наиболее ярких примеров обращения к широким слоям населения с целью продвижения и одновременно защиты монархической идеологии и может быть использован для развернутого анализа взглядов видного представителя правомонархического движения в России начала XX в. на острые общественно-политические вопросы, в том числе рабочий и крестьянский. С учетом недостаточного освещения данного источника в литературе считаем целесообразным посвятить его изучению настоящее исследование.

В рассматриваемый период Николай Дмитриевич Облеухов являлся одним из лидеров русских монархистов, выступая в качестве фактического руководителя «Русского собрания» [17, с. 696] и «Русского народного союза им. Михаила Архангела» (РНСМА), председатель которого, В.М. Пуришкевич, в это время пребывал на фронте [11, с. 360]. Несмотря на наличие разногласий между различными монархическими организациями, Н.Д. Облеухов сохранял авторитет и за пределами РНСМА, о чем говорят согласие редактора газеты «Русское знамя», руководителя Всероссийского Дубровинского Союза русского народа А.И. Дубровина выступить в качестве издателя его масштабной статьи, а также положительные оценки Н.Д. Облеухова со стороны председателя Астраханской народной монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого [11, с. 360].

¹ Облеухов Николай Дмитриевич (? – не ранее 1917) – писатель и журналист, активный участник правомонархического движения, товарищ председателя Главной Палаты Русского Народного союза им. Михаила Архангела [11, с. 359].

Статья публиковалась после серьезных неудач на фронте, решения Николая II лично возглавить армию [18, с. 16] и в условиях напряженной внутривнутриполитической борьбы, проявившейся в Государственной думе IV созыва (Мил., с. 375). Последовавшие затем кризисные явления в Российской империи, а также осознание резкого роста популярности конституционалистских идей в самых массовых слоях русского общества подвигли Н.Д. Облеухова написать по сути программную статью, направленную на апологию монархического строя как гаранта обеспечения защиты широких народных масс от угрозы их эксплуатации буржуазией среди «крестьян, рабочих, ремесленников и другого трудящегося народа» на фоне распространения «в последние годы» среди них «учения, по которому образ правления России должен быть изменен»² (РЗ1, с. 2). При этом автор разделяет рабочих и крестьян как в своих оценках уровня их симпатий к конституционному строю, так и в подходе к продвижению среди них монархических взглядов.

В частности, он отмечает, что «особенно много развелось противников Царской Власти» среди рабочих и что многие из них «называют себя социалистами или социал-демократами». Учение последних он сводит к отвержению «всякой Царской Власти» и объявлению «самым лучшим порядком правления... республиканского образа правления» (РЗ1, с. 2).

Автор заявляет, что особенно на монархистов клеветают «перед народом, уверяя трудящихся людей, что монархисты идут против народа, что они хотят сохранить плохие порядки и притеснить народ». И это приносит свои плоды: «Сбитые с толку врагами Царской Власти, некоторые крестьяне и многие рабочие смотрят на нас недоверчиво и на фабриках и заводах “черносотенцев” всячески преследуют и притесняют» (РЗ1, с. 2).

Однако признанием сложного положения монархистов Н.Д. Облеухов хочет отнюдь не оправдать неудачи, но, напротив, призвать к дальнейшей борьбе. В то же время он говорит и об определенном прогрессе в продвижении монархической идеологии в народных массах: «Наши монархические убеждения и взгляды стали распространяться в народе только за последние десять лет. Число монархистов в народе значительно выросло. В России насчитывается несколько отделов монархических союзов и партий, причем члены этих союзов принадлежат в огромном большинстве к крестьянству, рабочему классу, мелким торговцам, сельскому духовенству и пр.» (РЗ1, с. 2).

Стержневую проблему, обусловившую наиболее острые противоречия русского государства и общества, публицист видит в том, что «высшие сословия (буржуазия) стали между Царем и народом и препятствуют естественному обновлению жизни страны (РЗ2, с. 2).

Такое положение дел, согласно Н.Д. Облеухову, стало следствием «150 лет рабства», в котором находился русский народ со времен Петра I³ до отмены крепостного права Александром II. Пагубное влияние крепостного права

² Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация источников сохранены.

³ Н.Д. Облеухов поясняет: «Крепостное право в его самом ужасном виде началось не при Борисе Годунове, отменившем “Юрьев День”, а при Петре I, который введением подушной подати и сопутствующими мерами превратил свободный дотоле (несмотря даже на крепостное право) народ в рабов, по примеру тогдашней Европы» (РЗ2, с. 2).

распространялось не только на крестьян, но «на все трудящиеся сословия – мещан, свободных ремесленников и пр.». Как результат, «привыкший к опеке помещиков и чиновников народ утратил свою способность к самоуправлению» (РЗ2, с. 2).

Обретенное при Александре II общественное самоуправление было «по необходимости суженное» из-за отсутствия у крестьян в нем опыта, что вынуждало власти «прибегать к опеке государственными чинами». Тем не менее автор признает, что на уровне волостей крестьяне получили действительное «сословное самоуправление», а вот на уровне уездных и губернских земств их влияние «оказалось гораздо меньшим». Там решительное преобладание получили крупные землевладельцы: «дворяне и лица других сословий, скупившие за истекшие 50-летие более трети дворянских земель» (РЗ2, с. 2).

Схожая ситуация, по его мнению, сложилась и в городах, где «самоуправление перешло в руки богатых купцов и домовладельцев», а мещанские и ремесленные сословные учреждения «серьезного значения не имеют и скорее влачат существование» (РЗ2, с. 2).

Н.Д. Облеухов заключает, что «самоуправление в широком смысле было передано крупным землевладельцам, торговцам, домовладельцам и вообще сильным в денежном отношении людям, т. е. тем именно сословиям, из которых к началу XX столетия создалась наша конституционная буржуазия, помогающая теперь так настойчиво государственной власти». Это ни много ни мало привело к гибели императора Александра II, который «пал кровавой жертвой этих домогательств» (РЗ2, с. 2).

В таких условиях «главным преобразованием», которое требуется «политически», Н.Д. Облеухов считает «демократизацию местной жизни». Этому способствуют два обстоятельства: во-первых, «народ наш за 50 слишком лет уже успел привыкнуть к свободе и управлять своими делами», о чем свидетельствует пример крестьянских кооперативов, а, во-вторых, «правлящее сословие выродилось нравственно... стремление к бескорыстному служению Царю и народу сменилось корыстным стремлением ограничить власть Царя и захватить власть над народом». Автор допускает и более радикальное утверждение: «Привилегии правящего класса, в интересах народа и Самодержавной Монархии, должны быть мало-по-малу упразднены» (РЗ2, с. 2).

В этом контексте критике подвергается идея о создании «мелкой земской единицы» или «всесословной волости», которое, с его точки зрения, есть не что иное, как «внедрение интеллигенции (т. е. земской буржуазии и ее служителей) в крестьянскую жизнь». Оно приведет к «замене теперешнего (хотя и неважного) крестьянского самоуправления правлением земской интеллигенции, которая будет распоряжаться не только земскими, но и волостными делами»; иными словами, «под видом демократизации буржуазия стремится распространить свое влияние на крестьянское самоуправление и забрать его в свои руки» (РЗ2, с. 2). При этом автор все аргументы сторонников этой идеи про облегчение бремени крестьян после упразднения сугубо крестьянской волости и в целом разрушения границ между сословиями считает необоснованными, так как на фоне предоставления крестьянам равных прав с другими сословиями надобность в уничтожении крестьянского сословия отпадает. «Вся суть в том только,

чтобы сословие крестьян было поставлено в почетные условия жизни, а это и делается», – заключает он (РЗ2, с. 2).

Монархисты, согласно Н.Д. Облеухову, полагают, что «демократизация местного управления должна идти иным путем», что «надо расширить права подлинного, существующего крестьянского сословия, права уже существующих крестьянских учреждений», поскольку для такого расширения «крестьянство не только созрело, но можно даже наперед сказать, что эта демократизация крайне желательна» (РЗ2, с. 2).

В подтверждение своих слов публицист приводит критику организации «содержания начальных земских школ» и «нового продовольственного устава», введенного П.А. Столыпиным, которые отдали эти сферы жизни крестьян в руки земств, что вызвало рост затрат на два обозначенных института и понизило их эффективность. Так земства «начали посылать в деревню безбожных и безнравственных учителей и учительниц, которые вместо того, чтобы воспитывать крестьянских детей, их портят», а в продовольственном вопросе «много казенных миллионов ухлопано на кормление голодных мужичков» (РЗ2, с. 3).

Для решения этих проблем предлагается принять жесткие меры: «Отобрать у земств и передать его⁴ волостям, при которых учредить особые школьные советы из крестьян-же... надо при этом отобрать у земств и те денежные средства, которые они расходуют на школы и передать эти деньги волостям, по расчету численности населения в каждой из них» (РЗ2, с. 2–3).

Подобным же образом предлагается решить продовольственный вопрос: предоставить крестьянам «право ходатайствовать о выдаче ссуд (натурой или деньгами, временных и безвозвратных)... Разумеется, для выяснения степени нужды в продовольствии могут быть привлекаемы и правительственные чиновники, и чины земств, и другой народ, но ясно, что казна и нуждающиеся крестьяне в самом главном должны сноситься прямо, без посредников» (РЗ2, с. 3).

На этих двух примерах автор стремится продемонстрировать «широту и народность монархической программы», а также заявить о выдвигаемом монархистами требовании «широкого крестьянского самоуправления». Главная же его задача – «показать, что Царское Самодержавие есть самая выгодная для крестьянства и трудящегося народа вообще форма правления и что искренними непритворными друзьями крестьянства и народа являются только монархисты т. е. люди, отстаивающие незыблемость неограниченной Царской Власти». Проповедники же конституционных начал являются, напротив, «злейшими врагами... рабочего народа и стремятся его подчинить власти денежной буржуазии» (РЗ2, с. 3).

«Надлежащий отпор этим вредным стремлениям должен дать сам народ, – считает Н.Д. Облеухов, – для этого у него есть прямые и вполне законные пути. Главный из этих путей – объединение вокруг знамени монархизма, тесный живой союз между монархией и народом» (РЗ2, с. 3).

Согласно Н.Д. Облеухову, русские люди должны «для себя и своих детей бороться с этими поползновениями буржуазии на Царскую Власть» (РЗ1, с. 3).

⁴ Н.Д. Облеухов имеет в виду «школьное дело».

Однако он отмечает, что такая борьба «должна производиться, разумеется, дозволенными и вполне законными путями», и подчеркивает: «Да, в вооруженной борьбе надобности нет». Подобная позиция объясняется уверенностью в том, что «как только мы, монархисты, откроем глаза всему народу и он поймет, что всякий враг Царского Самодержавия есть его враг, то всякая борьба буржуазии против Царской Власти должна будет прекратиться». И, соответственно, «когда буржуазия увидит, что весь русский народ не только стоит за Царское Самодержавие, но и открыто и гласно об этом заявляет, то ей волей-неволей придется усмириться и занять подобающее ей место» (Р31, с. 3).

Н.Д. Облеухов считает самым действенным средством борьбы «трудящихся русских людей», как рабочих, так и крестьян, за «Царское Самодержавие» «присоединение к монархическим союзам и партиям – там, где они имеются, или же основание своих собственных монархических союзов и партий» (Р33). Важность вступления в такие союзы, по его мнению, заключается в публичном заявлении себя «защитником Царского Самодержавия» (Р33).

Образование же новых союзов должно происходить «с разрешения властей» и при условии отражения в уставе организации в качестве цели «охранения Самодержавной Царской Власти». Однако автор делает существенную ремарку о необходимости соблюдения осторожности при создании союза или вступлении в него. Он подчеркивает, что монархисты действуют в достаточно агрессивной среде и нередко подвергаются «всяческим гонениям». Это обусловлено буквально тем, что «влиятельные люди сочувствуют конституционной буржуазии и ненавидят монархистов». Поэтому Н.Д. Облеухов рекомендует своим сторонникам действовать осторожно и открывать монархические отделы «только после того», как сумеют обеспечить себе большинство в конкретной местности. В противном случае высок риск подвергнуться травле и преследованиям, за которыми последуют распад организации или торможение количественного роста членов союза (Р33).

Заключительные рекомендации касаются преимущественно крестьянства. Таким образом, автор статьи выделяет две тактики распространения монархической идеологии среди трудового народа: первую – рассчитанную на крестьян, вторую – на рабочих.

Крестьянам до получения большинства на местности и создания монархических союзов рекомендуется собираться «между знакомыми и разъясняя, что сохранение Царского Самодержавия необходимо для блага трудового крестьянства и что обещаниям конституционалистов улучшить положение крестьянства верить не следует». Также предлагается «поднимать это обсуждение, где можно, на волостных и земских сходах и при выборах уполномоченных от крестьян в государственную думу и в земство». Центральным аргументом должно служить то, что «после ограничения Царского Самодержавия» крестьянин попадет в «безвыходную кабалу к денежной буржуазии». Также Н.Д. Облеухов одобрительно высказывается о формате телеграмм от волостных и сельских сходов «с ходатайством о засвидетельствовании ими своих верноподданнических чувств» на имя губернаторов и отмечает, что «для крестьян, вообще, есть много способов заявлять открыто и прямо о своей преданности Царскому Самодержавию» (Р33).

Формула успеха борьбы за монархические идеалы в крестьянской среде сводится к следующему:

1) крестьянин должен «понять важность Царского Самодержавия и необходимость неограниченной Царской Власти для крестьянства»;

2) крестьянин должен «знать, что среди буржуазии ведется неограниченной Царской Власти крамола, причем, буржуазия ссылается на народ и крестьянство, уверяя, будто ограничение Царской Власти нужно народу и крестьянству»;

3) «крестьяне, понявшие это, должны пользоваться всяким случаем о том, чтобы открыто заявить о своей приверженности к Царскому Самодержавию».

Автор убежден, что при выполнении указанных требований «этим одним всякая буржуазная крамола будет разрушена» (РЗЗ).

Тактика защиты «Царского Самодержавия» среди фабрично-заводских рабочих и ремесленников, с одной стороны, тесно связана с работой в крестьянской среде, с другой – имеет и специфические черты. Поскольку в русских рабочих Н.Д. Облеухов в первую очередь видит «молодых сыновей крестьян», он возлагает большие надежды на профилактические беседы «крестьян-отцов» по «разъяснению истинной подоплеку бунтов против Царской Власти» и строгому внушению с их стороны «в этих бунтах участия не принимать» (РЗЗ).

Относительно специфики работы монархистов в рабочей среде публицист отмечает, что, во-первых, среди них «орудуют главным образом социал-демократы», а, во-вторых, «конституционная»⁵ пропаганда в народе развита более всего по фабрикам и заводам, что объясняется отчасти молодостью русских рабочих (подавляющее большинство русских рабочих – молодежь), отчасти особыми условиями фабрично-заводского труда» (РЗЗ).

Тем не менее Н.Д. Облеухов на основании проведенного монархистами «подробного расследования положения дел» утверждает, что «русский рабочий народ в громадном своем большинстве бунтам и крамоле не сочувствует». Представление о господстве среди рабочих социал-демократических и конституционных идей он объясняет неумением «верной Отечеству и честной рабочей массы» защищать свои права: «Единения между честными рабочими нет, и они все равно как стадо овец. Как бы ни велико было это стадо, защищаться оно от волка не может, хотя бы волк был один, а овца – две сотни». Этим активно пользуются социал-демократы, главным инструментом которых, по мнению автора, является насилие. Он красочно описывает практику социал-демократического меньшинства по запугиванию и физическому принуждению рабочих к участию в забастовках, при этом пропорцию сторонников революционных идей представляет примерно как одну сотню среди трех тысяч рабочих завода. Целью деятельности социал-демократов Н.Д. Облеухов видит не «улучшение положения рабочих в настоящем, а революционирование рабочего класса». Этим объясняется намеренное предъявление к собственникам произ-

⁵ Н.Д. Облеухов снабжает следующей сноской термин «конституционная пропаганда»: «По вышеуказанным причинам мы конституционализма и социал-демократизма, несмотря на их наружную вражду между собою, не различаем. На практике и тот и другой идут к одной цели» (РЗЗ). Это утверждение позволяет сделать вывод о том, что представление о взаимосвязи и даже подчиненности социал-демократии буржуазии играет важную роль в его воззрениях.

водств «непомерных требований», приводящих к безрезультатности забастовок, их жестоким разгонам и даже жертвам среди рабочих, что еще более озлобляет и радикализует последних (Р33).

Противодействие социал-демократам в рабочей среде осложняется, с точки зрения автора, покровительством самих «хозяев фабрик и их служащих», разделяющих «стремления конституционной буржуазии» (Р33).

Таким образом, «для оздоровления рабочих сословий от зловредного влияния социал-демократии» Н.Д. Облеухов предлагает вести просветительскую работу, которая должна привести к тому, чтобы «русские рабочие поняли “хитрую механику” революционной пропаганды в рабочей среде» и усвоили мысль, что «рабочий класс для буржуазии является лишь сильным орудием, при помощи которого она стремится захватить власть» (Р33). При этом он не отказывает рабочим в праве бороться за свои права и в обоснованности их притязаний. Его основная идея заключается в том, чтобы рабочий класс не становился заложником в руках буржуазии, но имел возможность самостоятельно отстаивать собственные права законным путем. Решением данной задачи представляется создание «внутренней сословной организации, чтобы у рабочих каждого большого предприятия и целого района были свои надежные представители, облеченные в силу закона определенными полномочиями и ответственные за порядок в предприятиях и районе». Подобные «органы рабочего класса» могли бы обеспечивать законное взаимодействие как с государственными и общественными учреждениями, так и с предпринимателями: «Полагаем, что внутренняя организация рабочего класса значительно содействовала бы упорядочению рабочего вопроса. Многие забастовки и беспорядки, вызываемые социалистической пропагандой или жадностью предпринимателей не могли бы иметь места» (Р33).

В целом автор в своих высказываниях всеми силами пытается донести до читателя следующую мысль: «Монархисты не только не идут против крестьян и рабочих, но совершенно напротив, главная цель монархических союзов и партий в том именно заключается, чтобы поставить крестьянство, рабочий класс и все трудящиеся сословия земли русской в наилучшие условия развития». Однако монархисты «решительно не верят в то, чтобы улучшение быта трудящихся слоев русского народа могло быть достигнуто теми путями, которые указываются конституционно-буржуазными или социал-демократическими программами». Напротив, они утверждают, что «для блага трудящегося русского народа должно быть прежде всего сохранено Царское Самодержавие и что только при сохранении Самодержавия могут быть совершены изменения и преобразования, имеющие своей целью улучшение быта трудящихся людей» (Р32, с. 2).

Таким образом, «рабочий народ должен уяснить себе, что из двух наличных сил – Самодержавия и буржуазии он должен держаться первого. При известном положении сила Самодержавия Царского может быть согласована с интересами трудящегося народа настолько хорошо, что рост Самодержавия будет сопровождаться и улучшением духовного и экономического быта трудового народа». И ровно напротив, «интересы буржуазии во многом настолько противоположны интересам трудового большинства народа, что государственную власть вручать ей нельзя ни под каким видом» (Р32, с. 2).

Итак, рассматриваемый материал демонстрирует, что русские монархисты накануне революции, с одной стороны, противопоставляли себя действующей административной власти и правящей верхушке, с другой – становились чуждыми простому народу, увлекаемому радикальной революционной идеологией. В воззрениях автора драматично сочетаются стремления к коренным изменениям в организации русского общества с верноподданническим отношением к императору Николаю II, не позволяющим предпринимать решительных действий по достижению этих стремлений. Так, категоричный лозунг про ограничение привилегий правящего класса сопровождается неопределенным наречием «мало-по-малу», а предлагаемые сословные преобразования могут быть претворены только высшей государственной властью, которая, согласно самому публицисту, далеко не всегда на стороне монархистов.

Статья наглядно показывает наличие выраженных демократических взглядов, присущих русским правомонархистам. Николай Дмитриевич прямо называет демократизацию «крайне желательной». Эту черту монархической идеологии одним из первых отметил В.И. Ленин, указавший на «мужицкий демократизм» как на «чрезвычайно оригинальную и чрезвычайно важную черту» русских крайне правых монархистов [19, с. 18]. Не исключено, что резко негативное восприятие буржуазии, антипатия к «денежным людям», стремление к ликвидации привилегий правящего класса и широкой демократизации народной жизни совместно с идеалом мощной единоличной власти, находившие свое отражение в риторике сторонников правомонархического движения, были присущи широким массам русского народа (на своем пике в 1908 г. число сторонников правомонархических организаций достигало по оценке Ю.И. Кирьянова примерно 400 тыс. членов, причем преимущественно из простого народа) [20, с. 34], чьи настроения транслировали русские крайне правые монархисты, в том числе Н.Д. Облеухов. Также нельзя исключать и вероятность того, что подобного рода общественные настроения стали в некоторой степени «плодородной почвой» для установления в России власти большевиков с присущей им ярко выраженной ролью личности в управлении государством.

Источники

- Мил. – *Милюков П.Н.* Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
- Р31 – *Облеухов Н.Д. (Ухтубужский П.)* Царское самодержавие, как оплот народной свободы и равенства // Русское знамя: [ежедн. газ.]. – 1915. – 17 дек., № 279. – С. 2–3.
- Р32 – *Облеухов Н.Д. (Ухтубужский П.)* Царское самодержавие, как оплот народной свободы и равенства // Русское знамя: [ежедн. газ.]. – 1915. – 24 дек., № 285. – С. 2–4.
- Р33 – *Облеухов Н.Д. (Ухтубужский П.)* Царское самодержавие, как оплот народной свободы и равенства // Русское знамя: [ежедн. газ.]. – 1915. – 19 дек., № 281. – С. 2.

Литература

1. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
2. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. – М.: Academia, 2007. – 519 с.

3. *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. – М.: РОССПЭН, 2014. – 527 с.
4. *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – М.: Готика: Московский гос. обл. ун-т, 2006. – 424 с.
5. *Иванов А.А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 204 с.
6. *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – 518 с.
7. *Стогов Д.И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. – 672 с.
8. *Степанов С.А.* Черная сотня: что они сделали для величия России. – М.: Яуза-пресс, 2013. – 669 с.
9. *Степанов А.Д.* Черная сотня: взгляд через столетие. – СПб.: Царское дело, 2000. – 144 с.
10. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энцикл. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. – 637 с.
11. Черная сотня: Истор. энцикл. 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 640 с.
12. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. / Сост.: А.В. Репников, А.А. Иванов. – М.: Полит. энцикл., 2014. – Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. – 652 с.
13. *Кирьянов Ю.И.* Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 годах // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума, 1–5 июня 1998 г. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 216–229.
14. *Репников А.В.* Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX века // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России: Сб. ст. К 60-летию профессора, доктора исторических наук В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН: РНИСиНП, 2001. – С. 202–220.
15. *Лыкосов М.В.* Антибуржуазная кампания в русской консервативной печати периода Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 6. – С. 17–22.
16. *Стогов Д.И.* Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. «История». – 2011. – № 1. – С. 83–91.
17. *Иванов А. А., Степанов А. Д.* Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. – СПб.: Царское дело, 2015. – 733 с.
18. *Емелина М.А.* Кризис Верховного Главнокомандования и «бунт министров» летом 1915 года // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 14–23.
19. *Ленин В.И.* О черносотенстве // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. – Т. 24. – С. 18–19.
20. *Кирьянов Ю.И.* Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. – 1999. – № 5. – С. 29–43.

Поступила в редакцию 26.01.2023

Принята к публикации 21.03.2023

Шахматов Виктор Валерьевич, аспирант Центра «История России XIX – начала XX в.»
 Институт российской истории РАН
 ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия
 E-mail: vvshakhmatov@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
 ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
 (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 119–131

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.119-131

Worker and Peasant Questions in the Journalistic Legacy of N.D. Obleukhov

V.V. Shakhmatov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117292 Russia
 E-mail: vvshakhmatov@gmail.com

Received January 26, 2023; Accepted March 21, 2023

Abstract

This article summarizes the experience in the broadcasting and promoting among the general population the views expressed by the Russian conservative thought during the early 20th century on acute social problems, including the worker and peasant questions. As one of the most striking examples, N.D. Obleukhov's article "Tsarist autocracy as a bulwark of public freedom and equality", which was published in December 1915 in three issues of the right-wing daily newspaper "Russkoe Znamya" ('Russian Banner'), is analyzed. The obtained results reveal that the beliefs of the right-wing Russian monarchists were based to a certain degree on democratic ideas, such as the demand for extensive public self-government to control the establishment and development of new internal class organizations, particularly those for workers and peasants, as well as for the abolition of the privileges of the ruling class. According to this system, the "tsarist autocracy" appears to be the only force capable of truly protecting the interests of the working people, while the proponents of the constitution, including social democrats, directly or indirectly promote the interests of the bourgeoisie. Furthermore, N.D. Obleukhov proposed some tactics to preserve and further advance monarchical ideas among workers and peasants – they were limited to "permissible and quite legitimate ways" without armed struggle. N.D. Obleukhov's article thus shows that the Russian monarchists held a controversial position on the eve of the revolution: on the one hand, they opposed the administrative authorities and the ruling elite of that time, but, on the other hand, they grew distant from the common people because of their radical revolutionary ideology.

Keywords: N.D. Obleukhov, "Russian Banner", Union of the Russian People, right-wing monarchist movement, The Black Hundred, populist monarchists, populist monarchy, "Tsarist autocracy", worker question, peasant question

References

1. Kir'yanov Yu.I. *Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg.* [Right-Wing Parties in Russia. 1911–1917]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 464 p. (In Russian)
2. Repnikov A.V. *Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii* [Conservative Concepts of the Reconstruction of Russia]. Moscow, Academia, 2007. 519 p. (In Russian)
3. Repnikov A.V. *Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti* [Conservative Models of the Russian Statehood]. Moscow, ROSSPEN, 2014. 527 p. (In Russian)
4. Repnikov A.V. *Konservativnye predstavleniya o pereustroistve Rossii (konets XIX – nachalo XX vekov)* [Conservative Ideas about the Reconstruction of Russia (Late 19th–Early 20th Centuries)]. Moscow, Gotika, Mosk. Gos. Obl. Univ., 2006. 424 p. (In Russian)

5. Ivanov A.A. *Poslednie zashchitniki monarkhii. Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral' 1917)* [The Last Defenders of the Monarchy. The Right Faction of the IV State Duma during the First World War (1914–February 1917)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006. 204 p. (In Russian)
6. Ivanov A.A. *Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917)* [The Right Wingers in the Russian Parliament: From Crisis to Collapse (1914–1917)]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2013. 518 p. (In Russian)
7. Stogov D.I. *Chernosotensy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [The Black Hundreds: Life and Death for Great Russia]. Moscow, Inst. Russ. Tsiviliz., 2012. 672 p. (In Russian)
8. Stepanov S.A. *Chernaya sotnya: chto oni sdelali dlya velichiya Rossii* [The Black Hundred: What They Did for the Greatness of Russia]. Moscow, Yauza-Press, 2013. 669 p. (In Russian)
9. Stepanov A.D. *Chernaya sotnya: vzglyad cherez stoletie* [The Black Hundred: A Look through a Century]. St. Petersburg, Tsarskoe Delo, 2000. 144 p. (In Russian)
10. *Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsikl.* [Russian Conservatism in the Middle of the 18th–Early 20th Centuries: An Encyclopedia]. Shelokhaev V.V. (Ed.). Moscow, ROSSPEN, 2010. 637 p. (In Russian)
11. Stepanov A.D., Ivanov A.A. *Chernaya sotnya: Istor. entsikl. 1900–1917* [The Black Hundred: A Historical Encyclopedia. 1900–1917]. Moscow, Inst. Russ. Tsiviliz., 2008. 640 p. (In Russian)
12. Repnikov A.V., Ivanov A.A. *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiiskoe obshchestvo. 1914–1918* [The First World War as Viewed by Contemporaries: The Government and Russian Society. 1914–1918]. Vol. 2: Conservatives: Great disappointments and great lessons. Moscow, Polit. Entsikl., 2014. 652 p. (In Russian)
13. Kir'yanov Yu.I. The size and composition of the right-wing parties in Russia during 1914–1917. *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: Materialy mezhdunar. nauch. kollokviuma, 1–5 iyunya 1998 g.* [Russia and the First World War: Proc. Int. Sci. Colloq., June 1–5, 1998]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1999, pp. 216–229. (In Russian)
14. Repnikov A.V. Social problems in the works of Russian conservatives during the early 20th century. In: *Prizvanie istorika. Problemy dukhovnoi i politicheskoi zhizni Rossii: Sb. st. K 60-letiyu professora, doktora istoricheskikh nauk V.V. Shelokhayeva* [The Historian's Vocation. Problems of the Spiritual and Political Life in Russia: A Collection of Articles Dedicated to the 60th Birth Anniversary of Professor, Doctor of Historical Sciences V.V. Shelokhaev]. Moscow, ROSSPEN, RNIS-iNP, 2001, pp. 202–220. (In Russian)
15. Lykosov M.V. Anti-bourgeois campaign in the conservative Russian press during the First World War (July 1914–February 1917). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2011, vol. 10, no. 6, pp. 17–22. (In Russian)
16. Stogov D.I. Right-wing Russian periodicals during the First World War. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya "Istoriya"*, 2011, no. 1, pp. 83–91. (In Russian)
17. Ivanov A.A., Stepanov A.D. *Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala XX veka* [Right-Wing Russia. Biographies of the Russian Monarchists of the Early 20th Century]. St. Petersburg, Tsarskoe Delo, 2015. 733 p. (In Russian)
18. Emelina M. A. The crisis of the Supreme High Command and the revolt of the ministers in the summer of 1915. *Voенно-Istoricheskii Zhurnal*, 2019, no. 2, pp. 14–23. (In Russian)
19. Lenin V.I. About the Black Hundreds. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 24. Moscow, Gos. Izd. Polit. Lit., 1973, pp. 18–19. (In Russian)
20. Kir'yanov Yu.I. The size and composition of the right-wing parties in Russia (1905–1907): Trends and causes of change. *Otechestvennaya Istoriya*, 1999, no. 5, pp. 29–43. (In Russian)

Для цитирования: Шахматов В.В. Рабочий и крестьянский вопросы в публицистическом наследии Н.Д. Облеухова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 119–131. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.119-131.

For citation: Shakhmatov V.V. Worker and peasant questions in the journalistic legacy of N.D. Obleukhov. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 119–131. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.119-131. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 371.213.3

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.132-142

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ О РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ 40–50-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Н.Г. Козина

*Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, 420088, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены особенности методов преподавания в российской школе XIX в. Проанализировано понятие «идеальный Учитель» в воспоминаниях историков, выделены основные черты этого образа в разные исторические периоды XIX столетия, дано объяснение причинам его трансформации и эволюции. Среди воспоминаний о школе 40–50-х годов XIX в. есть мемуары, написанные в 60–70-е годы того же столетия, а также воспоминания, опубликованные на рубеже XIX – XX вв. В мемуарах первой группы основным становится противопоставление «старых» и «новых» учителей истории, которые отличались «методой преподавания», своими нравственными убеждениями и отношением к преподавательской деятельности. В воспоминаниях второй группы оценки авторами «старых» педагогов и их методов потеряли негативную стилистическую окраску, появились критические отзывы и о «молодых» педагогах. В целом образ «идеального Учителя истории» характеризуется мемуаристами такими новыми личными и профессиональными качествами, как гуманность, нравственность, «ученость» (то есть высокий научный уровень знаний педагога), стремление заинтересовать учащихся своим преподаванием, а также способствовать развитию у них самостоятельной мыслительной деятельности.

Ключевые слова: российская школа, учитель, методы преподавания, воспоминания, историки XIX в.

Настоящая статья продолжает исследования автора, посвященные широкой и комплексной проблеме «Образ идеального Учителя в воспоминаниях российских историков XIX века». Предметом изучения выступает образ учителя истории российской средней школы (учителя гимназии) 40–50-х годов XIX в.¹ В публикации [3] предложена классификация, обозначены особенности мемуарной литературы по данной тематике², выделены этапы в формировании и

¹ Тема формирования образа идеального Учителя истории – вузовского преподавателя, ученого – требует специального объемного рассмотрения, и отдельные исследования уже проведены (см. [1; 2]).

² Это воспоминания историков и преподавателей (то есть тех, чья профессиональная деятельность связана с системой образования) и воспоминания «не историков», «не педагогов», которые не связали свою жизнь с образовательной и научной сферой. Основной особенностью первой группы мемуарных упоминаний об образовательной системе второй четверти XIX в. является их критико-аналитическая направленность в широком смысле этого слова. В воспоминаниях мемуаристов, не связанных с педагогической деятельностью (а таковых абсолютное большинство), и в частности с историческим образованием, напротив, практически отсутствуют категорические отзывы об особенностях преподавания истории в средней школе.

развитии представлений об идеальном учителе истории, охарактеризованы черты «образа идеального Учителя истории» на основании мемуарной литературы 20–30-х годов XIX в. Обращаясь к воспоминаниям о школе 40–50-х годов³, нельзя не заметить, что они составляют две качественно различные группы: первую образуют мемуары, написанные в 60–70-е годы XIX в., вторую – опубликованные в последней трети и на рубеже XIX – XX столетий. Не претендуя на полный охват всего корпуса источников по данному периоду, проанализируем их некоторые особенности.

К первой группе относятся, среди прочих, свидетельства историка, профессора Московского университета С.М. Соловьева (1820–1879), фольклориста А.Н. Афанасьева (1826–1871), беллетриста, сотрудника «Русского вестника» 60-х годов XIX в. Г.М. Лосева. В этих воспоминаниях, временной промежуток между написанием которых и излагаемыми в них событиями сравнительно невелик, основной темой становится противопоставление «старых» и «новых» учителей истории. Причины, по-видимому, следует искать в качественном изменении научного уровня подготовки будущих педагогов на университетской скамье.

Дело в том, что во второй половине 30–40-х годов XIX в. лекционные курсы в Московском и Петербургском университетах будущим учителям читают известные ученые. В целом в российских университетах середины XIX – начала XX вв., «по существу, вырабатывалась модель “идеального профессора”, вокруг которого и вырастали научные школы, шире, росли круги отечественной интеллигенции» [1, с. 102]. Теоретическая подготовленность студентов и качество полученных исторических знаний существенно возрастают [4, с. 30], идейные убеждения выпускников и их педагогические взгляды кристаллизуются: «Наши учителя (учителя 50-х годов XIX века. – *Н.К.*) были по большей части люди 40-х годов, вынесшие из стен университетов те гуманные идеи, которыми впоследствии характеризовали целое поколение» (Авс., с. 712). Этому благоприятствует и изменение общественно-политической ситуации, а вслед за ним и состояния образования. «С 1856 года, как и все в России, и наша *alma mater* немножко поочеловечилась: гувернеры... перестали драться... порка совсем прекратилась; поступило несколько новых учителей, обращавшихся с учениками более гуманно и старавшихся заинтересовать своим преподаванием...», – вспоминал В.П. Острогорский (Остр., с. 75).

Поэтому в 40–50-е годы XIX в. «старый учитель был синонимом негодного учителя; чем моложе был учитель, тем более ценился; он недавно еще слышал в университете новые лекции, последнее слово науки» (Сол., с. 169). Важно подчеркнуть, что разведение на разные, диаметрально противоположные полюса всех педагогов по указанному принципу с легкой руки публицистов-современников привело именно в 40-е годы XIX в. к «навешиванию ярлыков» и чрезмерному обобщению, то есть, по сути, упрощению реальной картины школьного исторического образования в изучаемый период.

Дело в том, что «метода» обучения «старых» педагогов ассоциировалась исключительно с чем-то монолитным, консервативным и подводилась под одну

³ Хронологические рамки периода также объясняются изменением государственного образовательного вектора: речь идет о том «коротком периоде, который отделял уваровскую классическую школу от гимназий по уставу 1863 года» (Пант., с. 115).

единственную категорию – «зубрежка» – термин, ставший на многие годы и даже десятилетия универсальным и определивший, в свою очередь, складывание новых стереотипов мышления и, следовательно, оценивания любых последующих предреформенных образовательных моделей обучения в средней школе; термин, оказавшийся синонимом всего отжившего и косного в дореволюционном образовании. И в этом отношении оценки мемуаристов весьма категоричны и соответственно оформлены стилистически:

– «Толковать нам *никогда* не толковали, а отмеривали ногтем от такого-то слова до такого-то и *заставляли* учить наизусть, слово в слово, что на техническом языке школьников называлось зубрить урок. Сидя все в одной комнате..., мы зубрили вслух... и зубрили очень часто, не понимая *ни слова* (курсив наш. – Н.К.) из хитрых фраз наших учебников» (Аф., с. 203–204);

– «Прежде был учитель Цветаев, который заставлял зубрить книгу слово в слово и спрашивал урок всегда по книге...» (Аф., с. 215);

– «...Что касается до методов преподавания, то... они были преимущественно *зубрильные*. *Придирка* (курсив наш. – Н.К.) к букве и фразе у некоторых старых педагогов доходила до крайней нелепости» (Лос., с. 319).

Между тем «новые» педагоги ассоциировались и с новыми приемами обучения, диаметрально отличавшимися от старых:

– «...Новые учителя позволяли *всегда* (курсив наш. – Н.К.) рассказывать исторический урок своими словами и даже объясняли (хотя и не всегда) урок наперед» (Аф., с. 215);

– «...Молодые учителя, напротив, *не только не гнались за буквой, но даже требовали* (курсив наш. – Н.К.), чтоб ученики отвечали им своими словами. Господа эти хотели подействовать на развитие мысли, приучить к самостоятельному труду... сделать добросовестных, сознательно учившихся людей» (Лос., с. 320).

Помимо различий в используемых методах преподавания истории, «новые» учителя отличались от «старых», в изображении мемуаристов, своими нравственными убеждениями и отношением к преподавательской деятельности:

– «Ученик Грановского и Кудрявцева, он (новый учитель Сончаков. – Н.К.) связывал наше поколение с их незабвенными именами и, как мне теперь кажется, *сразу, точно чудом*, превращал нас из противных зверенышей в маленьких, но уже почти воспитанных детей» (ПМГ, с. 19);

– «...Учительство для него было не чиновничьей службой и не ремеслом, а *светлым, великим делом и подвигом* (курсив наш. – Н.К.)» (ПМГ, с. 19).

«Снять» эти ярлыки попытались некоторые мемуаристы уже спустя два десятилетия, начиная с 60-х годов XIX в. и особенно в последующее время *рубежа столетий* (это вторая большая группа мемуарной литературы о школе 40–50-х гг. XIX в.), хотя это им удавалось далеко не полностью и отнюдь не всем и не всегда.

Во-первых, оценки «старых» педагогов и их методов потеряли в мемуарах резко негативную стилистическую окраску. Показательным примером может служить отзыв К.П. Яновского о своем соратнике по педагогической деятель-

ности, историке С.Я. Хашинском⁴, который в характеристике мемуариста предстает простым заложником прежних методов обучения, не сумевшим приспособиться к новым условиям работы и педагогическим требованиям и поэтому вызывающим исключительно жалость и сочувствие, но никак не озлобление.

Во-вторых, начали исчезать четкие связи «новый – хороший» и «старый – плохой», присущие мемуарам (о школе 40–50-х годов) более раннего периода. Учителя разных поколений в мемуарах характеризуются более комплексно, и их деятельность оценивается не за иллюзорную прогрессивность, а за профессионализм. Новые термины являются обоснованием положительной оценки⁵ и подтверждаются характеристикой *методов обучения истории в школе*: «Учителем... был до VII-го класса Василий Алексеевич Модестов... человек очень умный и ученый и специалист по всеобщей истории, особенно средних веков. <...> В.А. Модестов рассказывал очень хорошо, но слишком трудно для большинства учеников... Только в V-м классе многие стали понимать В.А. Модестова, внимательно слушать его прекрасные *лекции* и увлекаться историей. <...> В VII-м классе... поступил новый учитель И.И. Красов. Это был также знающий и дельный человек, специалист по русской истории... Он заставлял всех *работать, много спрашивал, задавал большие уроки по учебникам* (курсив наш. – Н.К.)» (Сент-Илер, с. 47).

У неизвестного автора, вспоминавшего о своем обучении в 1-й Московской гимназии в 50-е годы, «старый» учитель изображен тем не менее «энергичным и преданным... преподавателем», «метода» которого «приносила хорошие плоды», а «новый» педагог, который «не только не пропускал ни одного урока и готовился к каждому из них, как только мог лучше... в классе не терял ни одной минуты и *работал неустанно* (курсив наш. – Н.К.)», тем не менее «не был особенно талантлив, говорил... не очень красиво» (ПМГ, с. 193).

«В учительском персонале почти не было... так называемых “любимых” учителей, – вспоминал о годах обучения в Саратовской гимназии (1842–1849) А.Н. Пыпин, – хотя между ними бывали люди довольно знающие и желавшие исправно вести свое дело... некоторые бывали и плохо знавшие свой предмет» (Пыпин, с. 14–15). Хотя возможно, что А.Н. Пыпин не сравнивал «старых» и «новых» педагогов, так как обучался в одной из провинциальных гимназий, в учительском составе которых молодые выпускники столичных университетов, носители тех самых «новых веяний», были еще редкостью.

⁴ «Он каждый свой урок *спрашивал* учеников, которые должны были (курсив наш. – Н.К.; сравни с термином “заставлял”) отвечать заданное по книге слово в слово, не пропуская и не изменяя в нем ничего. Он, бедный, так привык к буквальному изучению учебника (сравни с термином “зубрить”, “зубрение”, “зубрежка”. – Н.К.) не только им, учителем, но и учениками, что только в знании слов книги и видел знание истории. Вследствие такого убеждения (мы уважительно относимся к наличию собственных взглядов у школьного учителя. – Н.К.) он считал и обязанностью своею выучивать слово в слово (сравни с термином “зубрить”. – Н.К.) каждый новый учебник, вводимый начальством... Вследствие такого преподавания Хашинским истории и изучения ее учениками в виде слов и фраз, а не мыслей, ученики притуплялись в умственном отношении, а учитель был уже так притуплен (пассивная форма глагола, сравни с “отупел”. – Н.К.), что не в состоянии был предложить (пассивная форма глагола, сравни с “не мог”, “не умел”. – Н.К.) никакого самостоятельного вопроса из выученного» (Янов., с. 733).

⁵ Интересно упоминание Л.Ф. Пантелеева о том, что «у нас, школьников, одной из любимых тем для разговора было – кто из учителей учнее другого, и как далеко идет их ученость» (Пант., с. 124).

Похожая причина, вероятно, определила отсутствие подобного разделения педагогов на группы и у В.Г. фон-Бооля, описывавшего свое обучение в Санкт-Петербургском кадетском корпусе в первой половине 50-х годов XIX в. Однако поскольку речь идет о среднем учебном заведении военного профиля, в котором преподавание «гражданских» предметов было строго регламентировано, а самостоятельность учителя в выборе содержания преподавания – ограничена («Преподавание истории происходило по литографированным запискам, рассылавшимся по корпусам через главный штаб военно-учебных заведений» (фон-Бооль, с. 220–221)), требования к методам обучения и, соответственно, их оценка мемуаристом были иными: «Историю преподавал у нас в средних классах Твелькмейер, а в старших В.П. Макин. Твелькмейер был *ленив*, уроки пропускал часто, никогда к ним *не готовился*, а пока воспитанник отвечает, он брал записки и прочитывал по ним то, что ему надо было *объяснить* нам к следующему уроку. В.П. Макин, наоборот, был очень *усерден* и хорошо нам *читал* новую историю» (фон-Бооль, с. 220–221). Хороший учитель здесь – прежде всего не столько знающий профессионал, сколько усердный исполнитель, правильно и доступно объясняющий новый материал.

В.Г. Авсеенко, вспоминая о годах своего обучения в 1-й Петербургской гимназии (1852–1863), также не разделяет учителей на группы: «Преподаватели были разные, молодые и старые, годные и негодные, но все они были гуманные, в большинстве очень симпатичные люди, и я не сомневаюсь, что из моих товарищей никто не сохранил ни к одному из них никакого недоброго чувства. Они стояли решительно вне общего направления и скорее сами подвергались его давлению, чем давили нас» (Авс., с. 712). Однако необходимо учитывать, что мемуарист повествует о привилегированной школе для потомственных дворян⁶, где преподаватели были также «элитные».

И наконец, в-третьих, в мемуарах появились *критические отзывы и о «молодых» педагогах*: «...И не было никому нужды, что он сам еще ребенок, до такой степени неопытный, что пред учениками гимназии готов был выкладывать эти университетские лекции, иногда дурно записанные и все более и более забывающиеся» (Сол., с. 169). Речь идет прежде всего о непродуманных и неразработанных, не апробированных педагогических *приемах* обучения, которые чрезмерно усложняли содержание материала, даже делали его непонятным школьникам, в погоне учителя за эфемерной целью «мышление-то развивать – вот что главное» (Лос., с. 321). Иногда последствия такой «методы», когда учитель с благородной целью «поддержать живость, интерес преподавания, поддержать расположение к себе учеников» пускался в «либеральничанье, позволял себе насмешки над казенными выражениями учебника и подрывал доверие учеников к источнику их знания» (Сол., с. 170), бывали более серьезные, а именно – получение школьниками заведомо неверных знаний: «...Прочтя урывком какую-нибудь журнальную статью, учитель с важ-

⁶ «Преобразованная из бывшего благородного пансиона при петербургском университете, она оставалась закрытым учебным заведением и в некоторых отношениях сохраняла еще прежний характер привилегированной школы. В нее принимались только дети потомственных дворян, в обстановке воспитания замечалось стремление к чему-то более порядочному... и плата за воспитанников в ней была положена значительно высшая» (Авс., с. 707).

ным видом возвещает о новом взгляде на предмет, тогда как новый взгляд – сущий вздор» (Сол., с. 170).

Однако если оценки С.М. Соловьева критичны с резко негативным оттенком, то мнение на этот счет Н. Златовратского, мемуары которого были опубликованы в «Вестнике воспитания» в начале XX в., представлено в более смягченной форме: «Многие из них (“новых” педагогов. – *Н.К.*), особенно юные и еще неопытные, часто делали педагогические “промахи” на своих уроках и предавались по этому поводу искреннему самобичеванию и покаянию. Мне особенно вспоминается учитель истории... почти еще юноша... *Лектор* он был превосходный, когда он *рассказывал* урок, самые шаловливые школяры слушали его с увлечением; но он горько жаловался, что совсем не умеет *задавать* уроки, *спрашивать их и оценивать* познание своих слушателей, что он не умеет *дисциплинировать их...* (курсив наш. – *Н.К.*)» (Злат., с. 48).

В этом отношении мемуары Н. Златовратского – яркий пример того, как на рубеже столетий в обществе закрепляется стереотип относительно системы образования – «новое как молодое и прогрессивное», «старое как отжившее и консервативное». Глава VII его воспоминаний называется «Новая гимназия и “совсем новые” педагоги. Их “нечто”, подрывавшее корни системы». Чтобы развести полюса – «старая» и «новая» гимназии, «старые» и «новые» учителя, автор прибегает к такому стилистическому приему, как *антитеза*, причем усиленному эмоционально-окрашенными, понятными читателю начала XX в., устоявшимися за предшествовавшие десятилетия толстовско-дедяновского периода в образовательной политике «тяжелыми» «ярлыками»: «Не помню, чтобы новая гимназия сразу поразила меня чем-нибудь особенно выдающимся. В ней, конечно, царила все та же *пресловутая система схоластического формализма*, как и везде еще, но я не мог не *чувствовать*, что в этом формализме существовала здесь довольно значительная *бреши*. <...> “Нечто” это прежде всего заключалось в том, что они (новые, молодые педагоги. – *Н.К.*) стремились во всем поступать *просто*, “*по-человечески*”, *отметая все мертвенно-сухое, холодное и жестокое*, что лежало в корне системы. Конечно, изменить всю систему, со всем ее *несуразно-тяжелым аппаратом* (курсив наш. – *Н.К.*), они не могли и мечтать, но личными отношениями они создавали все же атмосферу более терпимую, чем в разных тогдашних бурсах» (Злат., с. 46–47). Противопоставляются Н. Златовратским также «новый» «любимый... учитель юноша-историк, с капелькой на носу» и «старый, весь пропахнувший нюхательным табаком “брюзга”, душивший нас хронологией разных битв и походов» (Злат., с. 72). Яркостью образов автор демонстрирует свой талант публициста. И в подкрепление созданной антитезы мемуарист явно оправдывает некоторые педагогические ошибки «новых» педагогов, чем, с одной стороны, высказывает свое положительное отношение к ним, а с другой – подчеркивает важную педагогическую роль молодых учителей в деле создания «новой» школы: «В то время еще не существовало не только мало-мальски сносных учебников и пособий, но, по-видимому, не были выработаны даже и самые методы рационального преподавания. “Новым” педагогам *приходилось* (курсив наш. – *Н.К.*) все это вырабатывать самолично... опытным путем» (Злат., с. 48–49).

Стереотипы настоящего (по отношению к моменту написания мемуаров) времени относительно восприятия прошлого полувековой давности, по-видимому, повлияли и на В.П. Острогорского, который писал о последнем годе своего пребывания в гимназии (1857–1858): «...Вспоминаю с удовольствием. Всеобщее пробуждение России к новой жизни пахло свежим воздухом и на нашу гимназию. Поступило несколько молодых преподавателей, заговоривших совсем новым языком (курсив наш. – Н.К.), даже старые как-то подтянулись и стали менее педантичны и придирчивы» (Остр., с. 84). Об этом свидетельствует *метафоричность* стиля, характерная для мемуарных свидетельств рубежа XIX – XX вв. Более того, автор сравнивает прошлое и настоящее, с позиций достижений и недостатков настоящего оценивает «тогдашнее русское образование» (Остр., с. 87), в котором были и положительные моменты, впоследствии утраченные, о чем «можно искренне пожалеть» (Остр., с. 87).

Таким образом, в отдельных мемуарах конца XIX – начала XX в. основным сюжетом о школьном образовании 50-х годов является противопоставление «старых» и «новых» педагогов. Другие авторы, напротив, отказываются от жесткого разделения учителей на группы и более сдержанны в оценке метода преподавания истории в школе, действующих учебников, по крайней мере, их воспоминания более фактографичны и менее эмоционально насыщены⁷. Причем выявить четкую зависимость между социальным положением мемуариста, его профессией на момент написания воспоминаний и характером описания педагогического персонала школ не представляется возможным. Вероятно, подбор учителей и особенности их преподавания зависели от характера учебного заведения (гимназия, кадетский корпус, столичные или провинциальные учебные заведения).

В любом случае «всплеск» мемуарной литературы об этом периоде на рубеже столетий был вызван, вероятно, активизацией общественных настроений в связи с распространяющимися сведениями и слухами о реформировании образования, о чем свидетельствует Л.Ф. Пантелеев: «...Если верить газетным известиям, мы как будто накануне реставрации давно забытого опыта, по крайней мере в некоторых частях его» (Пант., с. 115). Мемуаристами руководило желание извлечь практическую пользу из уроков прошлого, проанализировать опыт преподавания.

Интересно, что по сути «метода» обучения истории мало изменилась с предшествовавшего периода 30-х годов XIX в., практически осталась прежней – это «лекции» учителя, который, однако, во многих мемуарах представлен теперь как «знающий» и умный. Об этом свидетельствуют частые употребления терминов, даже когда речь идет о «новых» педагогах: «лектор», «рассказывал» (Злат., с. 48), не говоря уже о «старом» педагоге, который изображается,

⁷ Достаточно сравнить, например, высказывания В.П. Острогорского: «Убита была совершенно в гимназии и история, особенно всеобщая... И точно для того, чтобы нагляднее показать нам всю незначительность и придавленность такого предмета, как история, и преподаватель был у нас какой-то необыкновенно загнанный... Что ему была история, и что он для истории?» (Остр., с. 78) или «Знания наши были... самые жалкие, отрывочные, не освещенные никакой общей мыслью, целью... чисто формальные, так сказать, школьные, улетучивавшиеся безвозвратно тотчас после экзамена... ни греческий язык, ни история... не существовали, для меня по крайней мере, вовсе» (Остр., с. 86] – и К.П. Яновского, приведенные выше (см. прим. 4) (Янов., с. 733).

например, В.П. Острогорским, как «задававший... по книге отсюда до сюда или очень редко... *рассказывавший* своими словами почти то же самое, что стояло в учебнике» (Остр., с. 78). Даже встречающееся упоминание: «Учителя, хотя далеко не все, *объясняли* (курсив наш. – Н.К.) задаваемые уроки», – по-видимому, означает «рассказывали текст учебника», ибо те же учителя «не особенно при этом интересовались – усваивали ли мы объясняемое», а «переспрос очень часто вызывал замечание: «А ты слушай внимательнее, тогда и будешь понимать» (Пант., с. 128).

Итак, учитель истории рассказывает урок, задает «на дом» по учебнику, проверяет знания, спрашивая учащихся. «Во время урока объяснения, беседы играли самую незначительную роль и все преподавание ограничивалось спрашиванием и раздачей наказаний», – вспоминал Л.Н. Модзалевский (Модз., с. 51). Причем по-прежнему важное значение в усвоении знаний отводится частому повторению изученного.

С.М. Соловьев считал: причины того, что «и молодой учитель скоро делается *старым задавателем* (курсив наш. – Н.К.) и спрашивателем по учебнику» (Сол., с. 170), заключаются в перегруженности учителей работой, из-за чего они не обновляют и не развивают «прежнего образования... чтением»⁸.

Но были среди общей массы ординарных учителей и исключения. О таком учителе повествовал Л.Ф. Пантелеев: «Это был человек, знавший свой предмет, при *объяснении* уроков не довольствовался пересказом того, что было в учебнике, а старался *выяснить внутренний смысл событий* (курсив наш. – Н.К.)» (Пант., с. 123). Каким образом реализовывалась эта сложная и – главное – новаторская и прогрессивная для середины XIX в. образовательная задача учителем истории, в мемуарах, к сожалению, не говорится.

Неизвестный автор вспоминал о педагоге Зенгбуше, известном в Москве в 50-е годы XIX в. и воскресившем «довольно удачно... полузабытый *метод Язвинского*, по которому всякий подлежащий запоминанию факт должен быть связан с каким-нибудь *изображением*... По истории этот способ сосредоточивал дело на хронологии: в класс вносилась разграфленная доска, изображавшая из себя 20 столетий» (ПМГ, с. 192). Однако учащимися изучались в основном отрывочные факты и события, поэтому «историей этого нельзя было назвать» (ПМГ, с. 192).

В заключение обозначим основные черты «образа идеального Учителя истории» на основании мемуарной литературы о школе 40–50-х гг. XIX в.

В указанные десятилетия в школу впервые приходят педагоги, проходившие в студенчестве обучение у известных российских ученых – историков Московского и Петербургского университетов. Это касается прежде всего столичных гимназий (особенно привилегированных, «элитных»), которые первые ощутили новые «научные веяния» в образовательном процессе, в отличие от

⁸ По мнению С.М. Соловьева, эта общая особенность образованных людей российского общества («У нас все люди с высшим образованием очень мало читают») является оборотной стороной университетского обучения, по завершении которого выпускник «сам считает себя образованным и другие считают его таким, а между тем из прежнего образования, не обновляемого и не развиваемого чтением, у него остались только какие-то смутные понятия» (Сол., с. 169).

провинциальных средних учебных заведений, где пока еще мало что изменилось в сравнении с предшествующим периодом.

Образ этого «идеального Учителя истории» отличается в описании мемуаристов такими новыми личными и профессиональными качествами, как гуманность, нравственность, «ученость» (то есть высокий научный уровень знаний педагога), стремление заинтересовать учащихся своим преподаванием, а также способствовать развитию у них самостоятельной мыслительной деятельности.

Вместе с тем авторы мемуаров, в первую очередь профессиональные историки рубежа XIX – XX столетий, подчеркивают, что педагогам в школе 40–50-х годов, особенно молодым, при высокой научной подготовленности зачастую не хватало педагогического опыта и собственной проверенной «методы» преподавания. То есть образ идеального Учителя включил в себя в качестве отдельной важной составляющей и такую характеристику, как высокий уровень педагогического мастерства, владение методами качественного преподавания.

Таким образом, анализ мемуарной литературы позволяет сделать вывод, что в 40–50-е годы XIX в. по-прежнему (как и в более ранний период 20–40-х гг. XIX в.) именно учитель истории занимает ключевое место и играет важнейшую роль в историческом среднем образовании. В «образе идеального Учителя истории» все четче и ярче начинают «прорисовываться» отдельные группы качеств и черт – это (1) личные и (2) профессиональные, которые, в свою очередь, включают в себя две важные составляющие: научную и педагогическую.

Источники

- Пант. – *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний о гимназии 50-х годов // Русское богатство. – 1901. – № 6. – С. 115–131.
- Авс. – *Авсеенко В.Г.* Школьные годы: Отрывки из воспоминаний (1852–1863) // Исторический вестник. – 1881. – Т. IV. – С. 707–734.
- Остр. – *Острогорский В.П.* Из воспоминаний // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. – Пг.: 13-я Сов. труд. школа, 1923. – С. 74–88.
- Сол. – *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. – СПб.: Тип. Н.Н. Михайлова, [Б.г.]. – 174 с.
- Аф. – *Афанасьев А.Н.* Из воспоминаний: До гимназии и в гимназии // Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 203–231.
- Лос. – *Лосев Г.М.* Очерки. – Гимназии сороковых годов // Русский вестник. – 1863. – Т. 45. – С. 300–321.
- ПМГ – [Б.а.] Первая Московская гимназия в 50-х годах (Отрывок из воспоминаний) // Русская старина. – 1904. – Т. 119, № 7. – С. 167–199.
- Янов. – *Яновский К.П.* Воспоминания и мысли // Русский вестник. – 1902. – Т. 279, кн. 8. – С. 721–755.
- Сент-Илер – *Сент-Илер К.К.* Из воспоминаний о третьей СПб. гимназии // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. – Пг.: 13-я Сов. труд. школа, 1923. – С. 28–49.
- Пыпин – *Пытин А.Н.* Мои заметки / Под ред. В.А. Ляцкой. – М.: Тип. Л.Э. Бухгейм, 1910. – IV, 312 с.
- фон-Бооль – *фон-Бооль В.Г.* Воспоминания педагога // Русская старина. – 1904. – Т. 119, № 7. – С. 213–227.

Злат. – Златовратский Н. Детские и школьные годы (Очерки былого) // Вестн. воспитания. – 1908. – № 2. – С. 23–76.

Модз. – Модзалевский Л.Н. Из педагогической автобиографии // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. – Пг.: 13-я Сов. труд. школа, 1923. – С. 50–52.

Литература

1. Мягков Г.П. Феномен «идеального учителя» в русской исторической науке // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции: Материалы межвуз. науч. конф. – Казань: Форт Диалог, 1996. – С. 102–105.
2. Хамматов Ш.С. Образ идеального Учителя в воспоминаниях о казанских историках 2-й половины XIX века // Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи: Сб. ст. и сообщ. / Сост. и отв. ред.: Л.П. Репина, Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2022. – С. 190–199.
3. Пфаненштиль Н.Г. Образ идеального Учителя в воспоминаниях российских историков XIX века // Ученые записки. Том XVIII: Сб. ст. преподавателей Казан. филиала ФГБОУВО «РГУП». – Казань: Отечество, 2021. – С. 324–337.
4. Мягков Г.П. Всеобщая история Т.Н. Грановского: научные и идейные горизонты // Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории: Статьи. Тексты / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 29–42.

Поступила в редакцию 20.03.2023

Принята к публикации 09.06.2023

Козина Надежда Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

ул. 2-я Азинская, д. 7а, г. Казань, 420088, Россия

E-mail: nfedorova83@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1-2, pp. 132–142

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.132-142

The Image of an Ideal History Teacher from the Recollections about the Russian School in the 1840s and 1850s

N.G. Kozina

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, 420088 Russia

E-mail: nfedorova83@mail.ru

Received March 20, 2023; Accepted June 9, 2023

Abstract

This article discusses the teaching methods that shaped the Russian school in the 19th century. The image of an “ideal teacher” is analyzed based on the recollections of historians of that period. The dynamics of its features is explored on a historical time scale. The factors that forced its transformation and evolution are considered. The sources used include memoirs written between the 1860s and 1870s,

as well as those published at the turn of the 19th–20th centuries. The first group of memoirs is characterized by the juxtaposition of the “old” and “new” history teachers who differed in their preferred “teaching methods”, moral beliefs, and attitudes to teaching. In the second group of memoirs, the trend to a negative view of the “old” teachers and the effectiveness of their methods is rejected, while the “young” teachers are criticized. The obtained results show that an “ideal history teacher” was endowed by the memoirists of the 1840s and 1850s with such new personal and professional qualities as: humanity, morality, “expertise” (a high level of scientific knowledge), as well as a sincere desire to awake students’ interest in what they are being taught and to help them become self-reliant in their reasoning.

Keywords: Russian school, teacher, teaching methods, memoirs, historians of the 19th century

References

1. Myagkov G.P. The phenomenon of an “ideal teacher” in Russian historical science. *Istoricheskaya nauka v Tatarstane: issledovatel'skie i pedagogicheskie traditsii: Materialy mezhvuz. nauch. konf.* [Historical Science in Tatarstan: Research and Pedagogical Traditions: Proc. Interuniv. Sci. Conf.]. Kazan, Fort Dialog, 1996, pp. 102–105. (In Russian)
2. Khammatov Sh.S. The image of an ideal teacher in the memoirs about Kazan historians of the second half of the 19th century. In: *Mogushchestvo pamyati: vsemirnaya istoriya i ee issledovateli: Sb. st. i soobshch.* [The Power of Memory: World History and Its Researchers: A Collection of Articles and Brief Communications]. Repina L.P., Myagkov G.P. (Eds.). Kazan, Izd. Kazan Univ., 2022, pp. 191–199. (In Russian)
3. Pfanenstil N.G. The image of an ideal teacher in the memoirs of Russian historians of the 19th century. In: *Uchenye zapiski: Sb. st. prepodavatelei Kazan. filiala FGBOUVO “RGUP”* [Scientific Proceedings: A Collection of Articles by Lecturers of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice]. Vol. XVIII. Kazan, Otechestvo, 2021, pp. 324–337. (In Russian)
4. Myagkov G.P. T.N. Granovsky’s global history: Research and ideological horizons. In: Repina L.P. (Ed.) *Timofei Nikolaevich Granovskii: Ideya vseobshchei istorii: Stat'i. Teksty* [Timofei Nikolaevich Granovsky: An Idea of World History: Articles. Texts]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2006, pp. 29–42. (In Russian)

Для цитирования: Козина Н.Г. Образ идеального учителя истории в воспоминаниях о российской школе 40–50-х годов XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. Т. 165, кн. 1–2. – С. 132–142. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.132-142.

For citation: Kozina N.G. The image of an ideal history teacher from the recollections about the Russian school in the 1840s and 1850s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 132–142. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.132-142. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2+304.2

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.143-154

ТРЕТЬЯ МОСКОВСКАЯ ГИМНАЗИЯ, НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ И АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ЖИВАГО

Ю.А. Мартынова, Д.Е. Мартынов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются воспоминания московского врача А.В. Живаго (1860–1940), посвященные годам его пребывания в Третьей московской мужской гимназии. А.В. Живаго принадлежал к рязанско-московскому купеческому семейству, которое отличалось высокой культурой, было связано с семейством Алексеевых (до конца жизни А.В. Живаго дружил с К.С. Станиславским), младшая сестра А.В. Живаго была замужем за лечащим врачом А.П. Чехова в Германии. В 1873–1877 и 1878–1879 гг. учителем истории гимназиста А. Живаго был Н.И. Кареев (1850–1931). Именно методические установки и обаяние личности последнего привили сыну купца глубокое уважение к историческому прошлому, стремление разбираться в вещественных источниках. Начиная с 90-х годов XIX в. врач А.В. Живаго занимался коллекционированием предметов античного и древнеегипетского искусства, что позволило ему в 1919 г. перейти на работу в Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Его свидетельства о Н.И. Карееве полностью подтверждаются мемуарами и педагогическими публикациями самого ученого, который, в свою очередь, никогда не упоминал об А.В. Живаго.

Ключевые слова: интеллектуальная история, всеобщая история, история России XIX в., историческое образование, А.В. Живаго, Н.И. Кареев

Два Живаго: литературный персонаж и «человек второго ряда»

Литературоцентричность русской культуры и истории XIX – XX вв. в некоторых случаях может быть подтверждена буквально. Ярким примером является жизнь и судьба Александра Васильевича Живаго (1860–1940) – успешного московского врача и разностороннего дилетанта¹, который увлекался фотографией и коллекционированием предметов искусства Древнего Египта. А.В. Живаго мы можем с полным правом назвать эталонным «человеком второго ряда», ибо, имея практически идеальные стартовые условия, включая происхождение, он так и не приобрел статус гения ни в одной из интеллектуальных областей, которыми живо интересовался, притом что, в силу пережитых

¹ Данное определение следует понимать в его первоначальном смысле: ренессансное понятие *dilettante* (синонимичное *virtuoso*) обозначало любителей древностей и искусства, людей, которые стремились путешествовать и коллекционировать, «чтобы насладиться прикосновением к древней классике – к прекрасному и образцовому» (Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб., 2011. Т. 1. С. 116).

страной и обществом в 10–20-х годах XX в. тектонических сдвигов, хобби А.В. Живаго сделалось его профессией.

Живаго – литературный персонаж, источники фамилии. Тем более примечательно совпадение фамилии и профессии Александра Васильевича с таковыми персонажа эпопеи Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Совпадение было отмечено сразу после возвращения романа к русскому читателю, но, судя по разысканиям В.А. Бессонова, являлось одновременно случайным и закономерным. Закономерным, поскольку писатель с детских лет сталкивался в центре Москвы с банками, мануфактурами и магазинами, принадлежавшими разветвленному купеческому семейству. И с тех же ранних лет, судя по свидетельству В.Т. Шаламова, Б.Л. Пастернак был заворочен молитвой «Ты еси во истину Христос, сын Бога живаго». В детском восприятии после слова «Бога» следовала запятая и образовывалось имя Христа «Живаго». «Подпочвой» выбора стало стремление назвать этим именем героя романа (Ш.В., с. 317–318). В.А. Бессонов отмечал, что далее В.Т. Шаламов ставил эту фамилию в один ряд с Мертваго и Веселаго, которые также встречались в биографии и дневнике Александра Живаго². Более того, в наметках Б.Л. Пастернака 30-х годов XX в., которые стали своего рода «соединительным звеном» между всеми предыдущими попытками начать большой роман, действовал персонаж по фамилии Живульт. Между тем С.О. Живульт являлся в 80-е годы XIX в. старшим врачом по венерическим болезням Голицынской больницы и был коллегой А.В. Живаго; оба специалиста участвовали в написании текста к юбилейному изданию «Сто лет Голицынской больницы в Москве. 1802–1902»³ [1, с. 62–63]. Лишь зимой 1952 г. (когда работа над первой книгой романа была завершена) литературовед С.Н. Дурьин сообщил Б.Л. Пастернаку о существовании врача А.В. Живаго. В неопубликованном письме от 23 февраля 1952 г. писатель сообщал, что «действительный, невымышленный» доктор Живаго был ему «неведом» [1, с. 59].

Рязанско-московский купеческий род Живаго. Александр Васильевич Живаго около 1914 г. приступил к написанию воспоминаний, посвященных племяннику Василию (1889–1937)⁴. Изложение начинается с генеалогии, из которой следует, что семейство происходило из Переяславля-Рязанского, в документах упоминалось с конца XVI в. и в сословном отношении принадлежало к посадским людям (А.Ж., с. 22–23). В екатерининскую эпоху Андрей Михайлович Живаго дослужился до рязанского бургомистра, а его сын купец Афанасий Андреевич (1764–1840) владел собственным домом и избирался городским головой (А.Ж., с. 24). Вторым его сыном – Сергей Афанасьевич (1794–1866) – переехал в Москву и в 1822 г. основал первый в Москве военно-офицерский магазин и фабрику золотого шитья. Дело пошло хорошо и размещалось в доме купцов Алексеевых, занятых тем же ремеслом (А.Ж., с. 27–28).

² «Удивительное совпадение: у матери женихом одно время был полковник Мертваго, вышла она замуж за Живаго, а фамилия первого лакея отца, Алексея, была Веселаго» (А.Ж., с. 45).

³ Сто лет Голицынской больницы в Москве. 1802 – 22/VII 1902 / [Сост. гл. доктором и врачами больницы под ред. действительного чл. О-ва истории и древностей российских Семена Осиповича Долгова]. М.: Изд. князя С.М. Голицына, 1902. IV, 249 с.

⁴ В последние годы жизни Василий Романович Живаго заведовал фотографической комнатой московского музея В.И. Ленина, что не уберегло его от ареста и гибели в годы Большого террора.

А.В. Живаго, видимо, не придавал значения факту, что именно С.А. Живаго сделался первым русским деловым партнером Генриха Шлимана, который после 1842 г. работал в амстердамской фирме Шрёдеров. Сам Сергей Афанасьевич в 30-е годы XIX в. сделал «золотопрядильную, мишурную, канительную фабрику» процветающим предприятием, приносящим до 10 тыс. руб. в год. С 1834 г. С.А. Живаго являлся старостой купцов 2-й гильдии и регулярно избирался на разные должности в городской думе, был заседателем гражданского суда. С торговым домом Шрёдеров он регулярно работал с 1844 г. и сразу же столкнулся с Г. Шлиманом, который, изучая русский язык, служил переводчиком хозяев фирмы. Личное знакомство произошло в начале сентября 1845 г., когда С.А. Живаго, направляясь в Италию, заглянул в Голландию [2, с. 67–68]. Выявленная И.А. Богдановым переписка двух купцов свидетельствует, что С.А. Живаго сыграл большую роль в принятии Г. Шлиманом решения переселиться в Россию и вести дела именно в этой стране [2, с. 78]. Из переписки следует, что Сергей Афанасьевич работал с фирмой Владимира Семеновича Алексева (1795–1862), внуком которого был Константин Сергеевич Алексеев, более известный под своим артистическим псевдонимом «Станиславский» [2, с. 82]⁵.

Учеником С.А. Живаго в торговых делах стал его 18-летний племянник Василий Иванович Живаго (1828–1889). После Крымской войны дело дяди полностью перешло племяннику (А.Ж., с. 28–29). В браке с Евдокией Родионовной Востряковой (1838–1912) у Василия Ивановича родились пятеро сыновей и три дочери, которые так или иначе проявили незаурядные способности. Достаточно упомянуть старшего сына Романа Васильевича (1858–1918), который сделался директором Московского торгово-промышленного товарищества (и главой Московского филармонического общества), увлекался музыкой и собрал коллекцию редких смычковых инструментов, после национализации в 1918 г. сделавшуюся основой Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов. Младшая сестра Елизавета (р. 1874) стала женой лейб-медика великого герцога Баденского Й. Швёрера, в доме которого скончался А.П. Чехов и много лет отдыхал и лечился К.С. Станиславский. На одной из своих уникальных скрипок Р.В. Живаго играл на церемонии открытия памятника Чехову в Баденвейлере в 1908 г. [1, с. 67–68].

От врача – к египтологу. Второй сын Василия Ивановича – Александр Живаго – не проявил наследственного дара предпринимателя и в 1886 г. получил звание лекаря, окончив Московский Императорский университет. Его жизнь до 1918 г. была связана с медицинской профессией, в которой он немало преуспел, сделавшись среди прочего членом правления Голицынской больницы и помощником главного врача. А.В. Живаго дослужился до чина статского советника, был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степеней и Св. Владимира 4-й степени. Александр Васильевич состоял в Пироговском обществе русских врачей, а также в совете рязанского родильного дома и детского приюта, основанных его двоюродным дедом С.А. Живаго. Доктор А.В. Живаго

⁵ Жены С.А. Живаго и В.С. Алексева были родными сестрами – соответственно Екатерина Александровна и Елизавета Александровна Москвины (А.Ж., с. 28).

представлял русскую медицину на XIII и XIV международных медицинских конгрессах (в 1900 и 1904 гг.), а на Парижской всемирной выставке 1900 г. был делегатом от Русского фотографического общества [1, с. 62, 78].

Существенную часть жизни А.В. Живаго, который так и не обзавелся собственным семейством и потомками, составляли туризм и фотография. После 1897 г. практически в каждый отпускной сезон он совершал поездки по России (первое путешествие было посвящено Крыму) и с 1900 г. по Европе, а после завершения XIV медицинского конгресса в Мадриде предпринял путешествие по Северной Африке. Все жизненные события фиксировались на фотопластинки; особенно он любил делать стереопары, вошедшие тогда в моду, которые от обычной любительской съемки отличались тем, что каждое фото снабжалось аннотацией с указанием предмета, даты и места съемки. Образовывалось своего рода «окно в прошлое», которое, по-видимому, много значило для автора. Путешествия постепенно привели к увлечению египтологией, собиранию библиотеки и коллекции произведений искусства [3, с. 41–44]. Страну пирамид Александру Васильевичу удалось посетить только в 1909 г. в сопровождении друзей из купеческого круга: предпринимателя Ф.Н. Щербачева и владельца суконной мануфактуры А.В. Иокиша (П.Н., с. 12–14). А.В. Живаго воспринимал это путешествие как востоковедческую экспедицию, вел подробный дневник и собирал материалы для монографии о мумиях, консультировался с известным востоковедом Б.А. Тураевым⁶. Путешествие явилось для Александра Васильевича важным событием, он несколько раз выступал с публичными лекциями и постепенно стал осознавать изучение искусства Египта как профессиональное занятие. В 1915 г. директор Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина) В.К. Мальмберг в первый раз предложил ему занять пост ученого секретаря музея (П.Н., с. 21–23).

После изгнания в 1918 г. «представителя старого режима» из Голицынской больницы А.В. Живаго оказался без средств к существованию. Семейный доходный дом был национализирован, после уплотнения от просторной квартиры остались две комнаты, одна из которых была занята библиотекой и коллекцией произведений древнего искусства. В феврале 1919 г. в дневнике зафиксировано, что Александр Васильевич «сильно ослаб и исхудал (ноги плохо слушались, и это в 59-летнем возрасте!), денег не было, жил на продажу кое-чего из вещей, скудно питаюсь» (цит. по [3, с. 46–47]). 14 февраля 1919 г. в буквальном смысле слова умиравшего от голода А.В. Живаго вновь посетили

⁶ Борис Александрович Тураев (1868–1920) – основатель российской школы истории Древнего Востока, востоковед-универсал, основоположник русской египтологии (наряду с В.С. Голенищевым). Учитель В.В. Струве (1889–1965). Окончил Санкт-Петербургский университет, магистерская диссертация была посвящена древнеегипетскому богу письма и мудрости Тоту (1898). Докторскую диссертацию посвятил агиографической эфиопской литературе как историческому источнику. С 1910 г. ординарный профессор кафедры всеобщей истории Петербургского ун-та. Курсы по истории Древнего Востока и египетскому языку читал с 1896 г. С 1912 г. – хранитель собрания египетских древностей Музея изящных искусств, в котором разбирал и атрибутировал коллекцию В.С. Голенищева. Основатель журнала «Христианский Восток», главный редактор научной серии «Культурно-исторические памятники Древнего Востока». В 1918 г. избран действительным академиком РАН. Скончался от онкологического заболевания, усугубленного разрухой, вызванной Гражданской войной. Фундаментальный двухтомный труд «История Древнего Востока» (1911) в 1916 г. был удостоен большой золотой медали Русского археологического общества, переиздавался в 1924, 1935, 2002, 2021 гг.

В.К. Мальмберг и Б.А. Тураев, убедив его перейти в Музей изящных искусств, находившийся в то время в ведомственной принадлежности Московского университета. Совет университета избрал А.В. Живаго на штатную должность ученого секретаря музея [1, с. 79; 3, с. 47]. После реорганизации музея в течение пятнадцати лет (1923–1938) А.В. Живаго служил лектором – руководителем Отдела классического Востока⁷. В качестве музейного сотрудника и путешественника-очевидца он был признан в научном сообществе и даже приглашен на Всероссийский съезд египтологов, состоявшийся в Москве 17–20 августа 1922 г., что удостоверено сохранившимся в фондах ГМИИ членским билетом. В дневнике фиксируется шумиха вокруг открытия гробницы Тутанхамона и обозначено открытие в 1925 г. гробницы матери фараона IV династии Хеопса – царицы Хетепхерес (П.Н., с. 25, 705). Лектор А.В. Живаго в 20–30-е годы XX в. обладал уникальным статусом, так как не только был наделен даром общения с неподготовленной аудиторией рабочих и крестьян, но и иллюстрировал свои программы собственными фотографиями, обеспечивая «эффект присутствия» и дополняя его опытом очевидца.

После революции А.В. Живаго по возможности стремился поддерживать тот же круг знакомств и те же артистические и эстетические устремления, которые сложились в молодые годы. Периодически он встречался с дальним родственником К.С. Станиславским [3, с. 47]. В 1934–1935 гг. Александр Васильевич сотрудничал с Клинским домом-музеем П.И. Чайковского и даже помогал оформлять экспозицию [1, с. 79–80]. Общась с учеными и художниками, работавшими в ГМИИ (в их числе был П.Д. Корин), А.В. Живаго предпринимал поездки к историческим памятникам и музеям Ленинграда и Нижнего Новгорода, неоднократно совершал однодневные экскурсии по окрестностям Москвы (например, в Коломенское), тогда еще не освоенным досужими посетителями [4, с. 66–69]. Однако из-за резкого ухудшения здоровья с 1 января 1938 г. он был отправлен на пенсию. Еще в декабре 1933 г. А.В. Живаго оформил завещание, по которому все собственные коллекции и архив передавал ГМИИ. Из домашнего собрания туда поступили 6 тыс. томов книг (включая библиографические редкости, как, например, «Описание Египта») и более 500 подлинных археологических артефактов. Театральный дневник, который велся с 14-летнего возраста, коллекция афиш и книг по театральному искусству поступили в Театральный музей им. А.А. Бахрушина (с которым А.В. Живаго дружил до самой кончины основателя музея) [3, с. 47; 4, с. 79–81].

«Переоткрытие» имени А.В. Живаго исподволь наметилось в первой половине 90-х годов XX в., в 1998 г. было начато описание его архивных фондов в ГМИИ. Далее увидели свет его воспоминания, театральный дневник и большой труд о путешествии в Египет, а также альбом фотоснимков, включающий несколько сот изображений.

⁷ В справочнике «Научные работники Москвы» (1930) Александр Васильевич Живаго значился заведующим культурно-просветительским бюро Государственного музея изящных искусств, а сферой его интересов были названы история классического Востока и египтология.

**Воспоминания А.В. Живаго – источник сведений о времени
пребывания учителя Н.И. Кареева в Третьей московской гимназии**

В биографии интеллектуала годы учения – и школьного, и университетского – неизбежно будут занимать особое место. Касается это и сферы саморефлексий (косвенно данное обстоятельство привело к созданию субжанра художественной литературы, который в советские времена носил название «школьной повести»). Учитывая относительно узкий круг пишущих интеллектуалов в России XIX в., пересечения – подчас причудливые – были неизбежны. Достаточно вспомнить казус 1889 г. в Елецкой гимназии, когда учитель географии В.В. Розанов способствовал исключению с «волчьим билетом» 15-летнего М.М. Пришвина, или факт, что полутора десятилетиями ранее учителем А.П. Чехова по математике в Таганрогской гимназии был Эдмунд Иосифович Держинский – отец будущего основателя ВЧК.

В стенах Третьей московской гимназии в 70-е годы XIX в. пересеклись на некоторое время интеллектуальные пути Александра Васильевича Живаго и его учителя истории – Николая Ивановича Кареева (1850–1931). В книге воспоминаний Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» периоду работы в гимназии посвящена отдельная, шестая глава (П.И.П., с. 134–144)⁸, основное содержание которой, впрочем, касается подготовки к магистерским промоциям и написания диссертации, то есть, собственно, процесса вхождения в ученую среду. Он откровенно писал: «...Учительство для меня было как бы только временным и побочным занятием» (П.И.П., с. 135). В мемуарах мало имен, связанных с гимназией. Проживая на казенной квартире, расположенной прямо в гимназическом здании, Н.И. Кареев пытался практиковать неформальные отношения с учениками: «Приглашал к себе лучших учеников старших классов, но особенного ничего из этого не вышло» (П.И.П., с. 135). Упоминаются имена А.Н. Филиппова⁹ и учеников других гимназий: Д.А. Соколова («младший брат Соколова, впоследствии известный детский врач»)¹⁰, Н.Н. Баженова¹¹ и М.С. Корелина¹²: «С Баженовым, с которым я впоследствии поддерживал свя-

⁸ «Учительствовал я в 3-й гимназии четыре года подряд (1873–1877), да еще год после возвращения из заграничной командировки (1878–1879)» (П.И.П., с. 135). Педагогическим достижениям Н.И. Кареева посвятил специальное исследование В.А. Филимонов [5].

⁹ Редакторы издания 1990 г. указали неверное отчество «Николаевич». В действительности Н.И. Кареев писал о будущем правоведе Александре Никитиче Филиппове (1853? – 1927). После окончания гимназии в 1875 г. А.Н. Филиппов учился в Московском университете, был удостоен серебряной медали за сочинение на заданную тему. Изучал историю права в Гейдельберге, Берлине и Праге, в 1885–1892 гг. – приват-доцент Московского ун-та по кафедре истории русского права. В 1892 г. перевелся в Дерпт профессором государственного права, в 1901–1903 гг. был ректором Юрьевского ун-та. В 1903–1916 гг. вновь профессор Московского ун-та, с 1914 г. член-корреспондент Императорской академии наук. Лауреат Уваровской премии (1912).

¹⁰ Дмитрий Александрович Соколов (1866–1915) – основатель и первый главный врач Городской детской больницы в Петербурге, основатель и главный редактор журнала «Педиатрия».

¹¹ Николай Николаевич Баженов (1857–1923) – организатор системы психиатрического патронажа в России. После окончания Московского университета стажировался за границей, в том числе у известного психиатра Ж.М. Шарко. Из-за обвинений в связях с «Народной волей» в 1886–1889 гг. практиковал в Рязани, где возглавил земскую психиатрическую лечебницу, которую глубоко реформировал. Кавалер французского Ордена почетного легиона (1916).

¹² Михаил Сергеевич Корелин (1855–1899). В 1892 г. за диссертацию «Ранний итальянский гуманизм и его историография» удостоен сразу степени доктора всеобщей истории, минув степень магистра, и звания

зи, я часто препирался, оспаривая материализм как метафизическую гипотезу, а с Корелиным у меня завязалась тесная дружба, не прекращавшаяся до самой его преждевременной смерти» (П.И.П., с. 136).

Иными были гимназические впечатления А.В. Живаго, который не упоминался Н.И. Кареевым. Юный Александр начал образование в десятилетнем возрасте в 1870 г. в пансионе при реформатской церкви, куда его приняли сразу во второй класс (А.Ж., с. 82–83), в 1872 г. перешел в частную гимназию Ф.И. Креймана, откуда был исключен уже в апреле 1873 г. (А.Ж., с. 95–96). Между прочим, в тот год учителем истории в гимназии Ф.И. Креймана был П.П. Мельгунов¹³ (А.Ж., с. 99), но недостаток места не позволяет остановиться на этом предмете подробнее. Восемь следующих лет А. Живаго провел в стенах Третьей гимназии, описание которых вводилось специальным очерком постановки среднего образования в России после введения «толстовского классицизма»¹⁴. Примечательным в данном контексте является чуть ли не дословное совпадение некоторых впечатлений, в том числе от личностей преподавателей, у Н.И. Кареева и А.В. Живаго, несмотря на возрастную и социальную разницу и различное положение в гимназической иерархии. Так, нелицеприятные строки посвящены в мемуарах А.В. Живаго латинисту-чеху Ю.Ю. Ходобаю, известному тогда составителю грамматик и словарей: «Из двоек я никак не мог у него выйти, хотя долбил с испуга задаваемые им уроки на совесть. Проклятые “идийоты” – немцы, с их подлыми стихами, они возбудили в суровом чехе его старые антипатии и ошеломили меня!» (А.Ж., с. 108). В кареевском «Прожитом и пережитом» уточняются многие оценки младшего современника: «...Толстовская гимназическая реформа, введшая в России строжайший классицизм с латинским языком с первого курса, с греческим – с третьего, с преобладанием этих предметов над всеми остальными, кроме математики, и с полным изгнанием естествознания из числа преподаваемых предметов, с призывом учителей из Австрии (чехов и галичан), с удлинением на год времени учения, письменными испытаниями зрелости, для которых темы по древним и по русскому языкам и по всем четырем отделам математики присылались попечителем учебного округа в запечатанных конвертах и т. п. Было реформировано и преподавание истории, и явились новые учебники, найденные мною уже в ходу. Один из них, учебник Беллярминова¹⁵ для младших классов даже сделался притчей во языцех. Например, Французская революция в нем была передана в трех-четырёх строках: безбожные-де французы, развращенные ложными уче-

ординарного профессора кафедры всеобщей истории Московского университета. Замечательные материалы о повседневности ученого обобщены Д.А. Цыганковым [6].

¹³ Петр Павлович Мельгунов (1847–1894) – русский педагог, известный также как ботаник и зоолог, Председатель комиссии по исследованию фауны Московской губернии, за сочинение о московской фауне удостоен Обществом любителей естествознания золотой медали.

¹⁴ «Школа теперь стоит ближе к семьям учащихся и приемы воздействия на питомцев смягчены и облагорожены, а в некоторых учебных заведениях почти с полным правом могут быть названы гуманными» (А.Ж., с. 100).

¹⁵ Иван Иванович Беллярминов (1837–1917) – русский педагог. Окончил Саратовскую духовную семинарию и Петербургский Главный педагогический институт, после упразднения которого год доучивался в Санкт-Петербургском ун-те. В 1861–1881 гг. преподавал в столичных гимназиях и Историко-филологическом ин-те, совершил зарубежную командировку. В 1870–1908 гг. состоял членом ученого комитета Министерства народного просвещения. «Элементарный курс всеобщей и русской истории» выдержал к 1905 г. тридцать три издания.

ниями, возмутились против своего благодушного короля и низложили его, после чего чуть не тотчас же явился Наполеон, с полным умолчанием о казни Людовика XVI» (П.И.П., с. 137). Ю.Ю. Ходобая Н.И. Кареев характеризовал как «непорядочного угроруса»¹⁶ и описывал их стычку на директорском совещании, где обсуждался вопрос о выборе отрывков из Тита Ливия для чтения с учениками. Ю.Ю. Ходобай тогда не позволил принять фрагмент о борьбе патрициев с плебеями, аргументируя тем, что это приведет к росту революционных настроений в среде учеников (П.И.П., с. 137–138).

Характеристику Н.И. Кареева в восприятии А.В. Живаго лучше всего привести в оригинале: «Весьма многим я обязан своему преподавателю истории, Николаю Ивановичу Карееву. Он пристрастил меня к занятиям и заставил меня полюбить изучение истории. Талантливый преподаватель, а таким я знал его в течение 6 лет, связанный в деле преподавания жалкими, но рекомендованными министерством учебниками “знаменитого” нашего историка Дмитрия Михайловича Иловайского, нажившего себе громадное состояние своей исторической макулатурой»¹⁷, Николай Иванович много времени на уроках истории отдавал нам как в младших, так и в особенности, в старших классах, на освещение исторических вопросов, суммируя и обобщая исторические материалы, иллюстрируя свои рассказы и пояснения довольно художественными набросками на классной доске и постоянно рекомендуя нам для чтения те или другие в то время весьма скудные пособия из переводной исторической литературы. Читая, например, “зарождение культуры у древних народов”, он знакомил нас и с историей развития искусства» (А.Ж., с. 109). Поскольку Александр Васильевич очень рано проявил художественный дар (пригодившийся впоследствии на музейной работе), он особо подчеркивал стимулирующее воздействие Н.И. Кареева и в этом отношении.

Александр Живаго отмечал, что Н.И. Кареев «с особой любовью выделял из среды своих учеников тех, которые казались ему наиболее заинтересованными его уроками, с ними он подолгу беседовал как в гимназии, так и собирая их для интересных бесед в экскурсии, которые часто назначал для воспитанников старших классов в воскресенье» (А.Ж., с. 109). В число избранных входил и сам Александр Живаго. Он вспоминал об экскурсии на Воробьевы горы, во время которой Николай Иванович рассказывал о захвате французами Москвы в 1812 г., а также водил гимназистов в еще не достроенный храм Христа Спа-

¹⁶ Юрий Ходобай был словаком из Венгерского королевства – составной части Австро-Венгерской империи. В качестве славянского стипендиата он был приглашен Министерством народного просвещения, сдал экзамен по русскому языку и получил право преподавания в русских гимназиях (1868). Преподаватель классических языков в Третьей гимназии на Лубянке (с 1869) и в Лицее памяти цесаревича Николая (Катковском) в Москве. Автор неоднократно издаваемых русских переработок немецких пособий, словарей и хрестоматий по латинской грамматике, на гонорары от которых в 70-е годы XIX в. приобрел имение Титово (ныне Ферзиковский р-н Калужской обл.). Дослужился до статского советника (см. [7, с. 192]).

¹⁷ Почти дословные параллели можно найти у Н.И. Кареева: «Я нашел нужным переменить учебники, но сразу этого сделать было нельзя. Потом я переменял. Конечно, о Вебере, внушившем мне отвращение к истории в гимназии, я и не подумал, но когда в педагогическом совете предложил прекрасный учебник Шульгина, по справке оказалось, что он не был разрешен ученым комитетом и чуть ли не запрещен особым циркуляром. Пришлось взять Иловайского, в то время начавшего царить в школах. Тогда мне в голову и пришла впервые мысль о написании своего учебника, осуществленная только четверть века спустя. Прелестна в своем роде была и официальная объяснительная записка к программам истории, рекомендовавшая, например, не останавливаться на мрачных сторонах отечественной истории» (П.И.П., с. 137).

сителя («указывал нам на достоинства фресковой живописи блестящих художников, заканчивавших в то время работы по росписи храма») (А.Ж., с. 109). Попала в мемуарное повествование и история декабря 1875 г., когда А. Живаго грозило исключение из гимназии и заступничество ряда учителей, включая Н.И. Кареева, привело «всего лишь» к оставлению его на второй год (А.Ж., с. 116).

Тональность воспоминаний А.В. Живаго изменилась, когда он описывал последний гимназический год Н.И. Кареева – 1879-й. На выпускном экзамене по истории (в шестом классе) Александр получил отметку «отлично», но ответ пришлось держать перед директором гимназии В.И. Малиновским, который Н.И. Кареева похвалил с успехом ученика, слывшего «проблемным»¹⁸. Николай Иванович тогда перешел на работу в Варшавский университет, и А.В. Живаго не удержался от выпада по адресу либеральных политических взглядов бывшего учителя: «К сожалению, увлекшись идеями освобождения и не сумев удержаться, несмотря на свой почтенный возраст, в пределах возможного, он с юношеской экспансивностью стал приветствовать без разбора всех борцов за это освобождение и, ударившись в чрезмерный космополитизм, отличился малоосмысленной для современности фразой о “ненужности и упразднении даже самого слова “Россия”...”» (А.Ж., с. 130). В примечании к этому пассажу пересказан анекдот, как Н.И. Кареев уронил свою шляпу в толпу, приветствуя депутатов Первой Государственной думы с балкона клуба партии кадетов (А.Ж., с. 130). Впрочем, продолжения в мемуарах А.В. Живаго эта линия не нашла¹⁹.

Завершая обзор, имеет смысл обратиться к методическим «Заметкам о преподавании истории в средней школе» Н.И. Кареева, выпущенным в свет через 11 лет после ухода его из гимназии. Дневник доктора А.В. Живаго ясно свидетельствует о правоте ученого, который писал, что русским обществом «значение исторического образования... сознается уже в достаточной степени» (К.З., с. 1). Нисколько не изменилась за минувшие сто с лишним лет и иная коллизия: школьное образование способно лишь дать «более или менее солидный фундамент исторического образования, поселить... прочный интерес к истории». «...Из средней школы слишком часто выходят молодые люди, почти совершенно лишенные исторических знаний, если не считать за таковые разных обрывков и анекдотов, собственных имен и хронологических дат» (К.З., с. 2). Еще чаще встречается «прямое отвращение» к предмету истории, полное его непонимание, слишком редко компенсируемое по мере накопления жизненного опыта. Александр Васильевич Живаго, исходя из школьного опыта Н.И. Кареева, относился к первой, счастливой категории. Исторический пере-

¹⁸ А.В. Живаго дважды оставляли на второй год, что, согласно его дневнику, положительно сказывалось на успеваемости.

¹⁹ Судя по опубликованным дневниковым записям, политические взгляды А.В. Живаго можно обозначить как аморфно-патриотические. В дневниках до 1917 г. он неизменно в полной форме выписывал титулатуру царствующих особ и ехидно проходил по адресу «господ социал-демократов». Ему явно не нравился снос церквей и исторических зданий в Москве, но в 30-е годы XX в. суждения по вопросам внутренней политики становятся в дневниковых записях лапидарными (последняя объемная запись в дневнике была сделана на Пасху 1937 г.). Готовя дневник к передаче в архив ГМИИ, Александр Васильевич вырезал два десятка страниц, описывавших события осени 1917 – весны 1918 гг., а часть имен заменил инициалами. В то же время суждения по вопросам внешней политики многочисленны и пространны и в основном повторяют газетный официоз того времени [4, с. 79–80].

лом, настигший все российское общество в 10-е годы XX в., принудил А.В. Живаго превратиться из образованного дилетанта в профессионала музейного дела, тогда как «солидный фундамент» исторического знания мы должны считать всецело заслугой Н.И. Кареева.

Источники

- А.Ж. – А.В. Живаго – врач, коллекционер, египтолог / Сост.: Н. Живаго, П. Горшунов. – М.: АО «ЭКОС», 1998. – 181 с.
- П.Н. – *Живаго А.В.* Путешествие по Нилу до 22° северной широты: Дневник путешествия в Египет в 1909–1910 гг. / Сост.: Н.В. Лаврентьева, А.М. Беляева, Е.А. Зиничева. – М.: Индрик, 2020. – 816 с.
- К.З. – *Кареев Н.* Заметки о преподавании истории в средней школе. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. – 78 с.
- П.И.П. – *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1990. – 384 с.
- Ш.В. – *Шаламов В.Т.* Воспоминания. – М.: Олимп: Астрель, 2001. – 384 с.

Литература

1. *Бессонов В.А.* Жилище, дневник, эпоха... О доме Живаго в Москве и его обитателях // Московский журнал. История государства Российского. – 2018. – № 12. – С. 58–82.
2. *Богданов И.А.* Генрих Шлиман. Русская авантюра. – М.: АСТ: Олимп, 2008. – 415 с.
3. *Зиничева Е.А., Беляева А.М.* Александр Васильевич Живаго (1860–1940). Врач, путешественник, коллекционер, фотограф // Московский журнал. – 2018. – № 8. – С. 40–48.
4. *Бессонов В.А.* Жилище, дневник, эпоха... О доме Живаго в Москве и его обитателях // Московский журнал. – 2019. – № 1 (337). – С. 62–91.
5. *Филимонов В.А.* Н.И. Кареев как гимназический преподаватель: постижение профессии и коммуникативные практики // Историческое произведение как феномен культуры: Сб. науч. ст. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. – Вып. 7. – С. 66–80.
6. *Цыганков Д.А.* Университетская повседневность на страницах дневника Михаила Корелина // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. – 2016. – Вып. 3. – С. 120–134.
7. *Варнеке Б.А.* Старые филологи (Публикация И.В. Тункиной) // Вестн. древней истории. – 2013. – № 3. – С. 191–201.

Поступила в редакцию 16.01.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Мартынова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: juliemartynova82@gmail.com

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры китайского и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 143–154

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.143-154

**The Third Moscow Gymnasium,
Nikolay Ivanovich Kareev and Alexander Vasilievich Zhivago**

Yu.A. Martynova *, *D.E. Martynov* **

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *juliemartynova82@gmail.com, **dmitrymartynov80@mail.ru

Received January 16, 2023; Accepted March 6, 2023

Abstract

This article deals with the memoirs of A.V. Zhivago (1860–1940), a famous Moscow doctor, about the years he spent at the Third Moscow Men's Gymnasium. He came from the highly cultured Ryazan-Moscow merchant family and was related to the Alekseev family (Zhivago was a lifelong friend of K.S. Stanislavsky). Zhivago's younger sister was married to A.P. Chekhov's attending physician in Germany. His great uncle was the first Russian business partner of Heinrich Schliemann, the future archaeologist. In 1873–1877 and 1878–1879, N.I. Kareev (1850–1931), a distinguished historian, taught history to Zhivago at the gymnasium. Kareev's methodical attitude and the charm of his personality instilled in Zhivago a deep respect for the historical past and a desire to understand the material sources: his pedagogical method assumed the involvement of older students in scientific activities, as well as the use of illustrative materials and additional literature; he also argued that political and cultural history is inseparable from the history of art. Zhivago's solid education in the field of historical and museum disciplines is thus to Kareev's credit. This background enabled him to work as a lecturer at the Department of Coptology and Ancient Egypt of the Moscow Museum of Fine Arts (now the Pushkin State Museum of Fine Arts) from 1919 to 1937.

Keywords: intellectual history, world history, history of 19th-century Russia, historical education, A.V. Zhivago, N.I. Kareev

References

1. Bessonov V.A. A residence, diary, and epoch... About Zhivago's house and those who lived in it. *Moskovskii Zhurnal. Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo*, 2018, no. 12, pp. 58–82. (In Russian)
2. Bogdanov I.A. *Genrikh Shliman. Russkaya avantюра* [Heinrich Schliemann. The Russian Adventure]. Moscow, AST, Olimp, 2008. 415 p. (In Russian)
3. Zincheva E.A., Belyaeva A.M. Alexander Vasilievich Zhivago (1860–1940). A doctor, traveler, collector, and photographer. *Moskovskii Zhurnal*, 2018, no. 8, pp. 40–48. (In Russian)
4. Bessonov V.A. A residence, diary, and epoch... About Zhivago's house and those who lived in it. *Moskovskii Zhurnal*, 2019, no. 1 (337), pp. 62–91. (In Russian)
5. Filimonov V.A. N.I. Kareev as a gymnasium teacher: Understanding the profession and engaging in communicative practices. In: *Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury: Sb. nauch. st.*

- [Historical Writing as a Cultural Phenomenon: A Collection of Articles]. Syktyvkar, Komi Pedinst., 2012, no. 7, pp. 66–80. (In Russian)
6. Tsygankov D.A. Daily university life on the pages of Mikhail Korelin's diary. *Vestnik SPbGU. Seriya 2: Istoriya*, 2016, no. 3, pp. 120–134. (In Russian)
 7. Varneke B.A. Old philologists (I.V. Tunkina's publication). *Vestnik Drevnei Istorii*, 2013, no. 3, pp. 191–201. (In Russian)

Для цитирования: Мартынова Ю.А., Мартынов Д.Е. Третья московская гимназия, Николай Иванович Кареев и Александр Васильевич Живаго // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 143–154. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.143-154.

For citation: Martynova Yu.A., Martynov D.E. The Third Moscow Gymnasium, Nikolay Ivanovich Kareev and Alexander Vasilievich Zhivago. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 143–154. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.143-154. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.155-167

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Г.В. Ибнеева, П.А. Майоров

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье представлены результаты изучения материального быта студентов Императорской Казанской духовной академии в 1914–1917 гг. Исследована динамика таких аспектов повседневности, как пространство и время, а также материальная культура. На основе анализа архивных материалов установлены основные локации, посещаемые студентами в изучаемый период, их распорядок дня, внешний вид и примерный рацион питания. Изучение документов позволило сделать вывод об исключительном положении студентов академии в 1914–1916 гг., что объясняется пансионным типом содержания большинства академистов. Благодаря этому обеспечивались необходимые для обучения базовые потребности большинства студентов. С 1917 г. повседневная жизнь студентов претерпевает значительные изменения, что было связано с утратой большей части учебных и жилых площадей академии. Результатом двух русских революций стало катастрофическое положение академии, сложившееся к началу 1918 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Казанская духовная академия, повседневная жизнь, студенчество

Вступление Российской империи в Первую мировую войну в июле 1914 г. не стало неожиданностью для большей части населения Европы. Предшествовавшие войне десятилетия неоднократно демонстрировали желание России укрепить свое влияние на Балканском полуострове, особенно в отношении славянских народов, боровшихся за независимость от европейских держав. Хорошо известно, какую поддержку в российском обществе получил опубликованный императором Николаем II манифест о вступлении в войну с Германией. В первые месяцы войны отмечался невиданный ранее уровень консолидации населения, примирения политических партий и единодушного согласия с действиями правительства.

Для большинства населения Российской империи, однако, ключевым критерием восприятия войны стали изменения в повседневной жизни. В этом отношении начало войны пришлось на чрезвычайно благоприятный период развития страны. Неслучайно 1913 г. вошел в историю как пик экономического расцвета дореволюционной России. Производство зерновых, технологическая модернизация, привлекательность для иностранного капитала достигли в этот период самых высоких показателей. Именно это обстоятельство оказало наибольшее влияние на сохранение привычного уклада жизни населения в пер-

вые годы войны – комфорт повседневной жизни по инерции подпитывался накопленными в довоенный период ресурсами [1, с. 137].

На повседневность городского населения в первые месяцы войны воздействовали как реалии военного положения, так и специальные инициативы императора. Хотя первая всеобщая мобилизация в Российской империи привела к уходу на фронт значительной части трудоспособного населения, доля убывшего городского населения практически полностью компенсировалась постоянно прибывающими в города беженцами и переселенцами с западных окраин империи. Условно стабильную категорию новоприбывших составляли также раненые солдаты и военнопленные. Наиболее часто упоминаемым решением правительства в данный период является введение «сухого закона», которое временно снизило количество преступлений, повысило производительность труда и общую безопасность на улицах городов [2, с. 46].

Особую категорию городского населения Российской империи составляли студенты. Политическое и экономическое положение студенчества всегда оставалось крайне нестабильным, а период Первой мировой войны внес в их жизнь еще больше поводов для тревог и беспокойства. Для большинства студентов многократно возросла ценность отсрочки от военной службы. В условиях постепенного роста цен на еду и предметы обихода обеспеченность студента все более зависела от собственной инициативы, нежели от стагнирующей казенной стипендии [3, с. 179].

Целью настоящего исследования является рассмотрение влияния экономических, социокультурных и иных процессов, порожденных Первой мировой войной, на повседневную жизнь студентов отдельно взятого учебного заведения – Императорской Казанской духовной академии. Специфический характер обучения и жизненного уклада в академии не позволяет ставить ее в один ряд с другими вузами Казани, но вместе с тем позволяет увидеть черты студенческой повседневности, характерной для всего российского студенчества в военный период.

Источниковую базу исследования составили документы Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), а именно фонда Казанской духовной академии (ГА РТ1). Журналы Правления академии, переписка с канцелярией казанского губернатора, различные отчеты и ведомости позволили отразить динамику изменений в повседневной жизни студентов академии за период 1914–1917 гг. Наиболее ценным для исследования документом следует считать «Летопись студентов...» (ГА РТ2), составленную студентами 3-го курса академии в 1915 г. Несмотря на то что содержащиеся в ней записи относятся к конкретному году, они, тем не менее, позволили выявить основную специфику быта и досуга академистов в изучаемый период.

Настоящее исследование сосредоточено на таких традиционных аспектах повседневности, как пространство, время и материальный мир, поскольку именно эти категории составляют основу информации в исторических источниках. К сожалению, отражение внутреннего мира в источниках носит эпизодический и субъективный характер, а потому не позволяет составить беспристрастную картину.

Говоря о пространстве повседневности, мы в первую очередь определяем основные локации, в которых территориально протекала жизнь студентов духовной академии. Центральное место в их повседневной жизни занимало главное здание Императорской Казанской духовной академии, которое было открыто в 1848 г. и располагалось на Арском поле – в то время на окраине города. Это хорошо вписывалось в общую концепцию образования будущих священнослужителей, которым мирская суeta и увеселения приносили скорее вред, чем пользу. Ключевое понятие в понимании повседневности казанских академистов – пансионное содержание. Поступающие на первый курс академии получали полное обеспечение, позволявшее спокойно сосредоточиться на учебе и научных исследованиях. Исключение составляли немногочисленные вольнослушатели и взрослые священники, посещавшие академию во время лекций. Для всех остальных здание академии на четыре года становилось новым домом. По утвержденным в 1843 г. чертежам еще не построенной академии (ГА РТЗ, л. 1) можно увидеть, что, помимо собственной церкви, столовой и библиотеки, в здании также располагались отдельный лазарет, пекарня и квасная. Со временем здание обзавелось функциональными пристройками, в результате чего академия получила отдельное больничное крыло и жилой студенческий блок с множеством комнат. К началу XX в. Казанская духовная академия превратилась в самодостаточное высшее учебное заведение, позволявшее студентам не покидать своих стен в течение всего учебного года.

Благодаря пансиону воспитанники академии имели все необходимое для успешного обучения по программе духовных академий Российской империи. Помимо одежды, еды и спального места, студенты получали доступ к обширной библиотеке, в которой могли заказывать для приобретения различную богословскую и научную литературу. На уличной территории академии располагался каток, бывший излюбленным местом обитателей академии в зимний период (ГА РТЗ, л. 4). Сложившийся «закрытый» тип учреждения сформировал достаточно специфический жизненный уклад и повседневную культуру.

Что касается внутреннего пространства повседневности, особенно стоит отметить место и роль жилых комнат, которые студенты называли студиями. В каждой из таких студий проживало по меньшей мере 12 человек. Это были не тесные кельи с полатами, а полноценные комнаты с высокими потолками, необходимой мебелью и гарнитурами. Именно здесь в основном протекала повседневная жизнь студентов академии. Несмотря на относительно комфортные условия, плотность расселения студентов по комнатам накладывала отпечаток на их быт и жилищные условия. В первую очередь это сказывалось на формировании специфической корпоративной культуры. Поскольку число студентов на каждом курсе составляло около 30 человек, академия зачастую делила однокурсников на две равные части и расселяла их в соседних помещениях [4, с. 171]. Студенты, жившие в одной комнате, формировали свой коллектив, в котором распределение излишков еды, а также книг и газет носило коммунальный характер.

За период Первой мировой войны здание Казанской духовной академии пережило множество испытаний. Так, в 1915 г. начался масштабный ремонт главного здания академии, в результате чего уже 1 мая студенты I – III курсов

закончили обучение раньше срока, а студенты IV курса были размещены в здании академической больницы. Основные работы по ремонту главного здания были окончены 1 октября (ГА РТ1, д. 11354, л. 33). Таким образом, каникулы академистов в 1915 г. продлились целых 5 месяцев. После окончания учебного года большинство из них направлялось на отдых обратно в свои земства – таких в академии насчитывалось более 90%. Не имеющим возможности покинуть общежитие обычно предоставлялась возможность остаться на время каникул в академии. Однако в упомянутом 1915 г. по причине ремонта главного здания шестеро студентов были направлены на отдых в монастырь, получив при этом по 30 рублей содержания (ГА РТ1, д. 11354, л. 116).

Наиболее тяжелым для академии стал 1917 г. В отчете Правления о состоянии учебного заведения, составленном в 1918 г., подробно описаны все лишения, выпавшие на долю профессуры и студентов. С середины мая Исполнительное Бюро Казанского Военно-окружного Комитета начало постепенно занимать помещения академии для своих нужд. Заявления Бюро в Правление академии с просьбой предоставить все новые площади носили безальтернативный характер. Именно в этот период пространство студенческой повседневности начинает неумолимо сужаться. В августе того же года по распоряжению казанского губернского комиссара здание академии было отведено под размещение псковского кадетского корпуса (ГА РТ1, д. 11421, л. 8). Фактически это ставило под угрозу продолжение нормального функционирования академии как высшего учебного заведения. Достаточно болезненно была воспринята новость о самоустранении Святейшего Синода от проблем академии – профессура и студенты были вынуждены самостоятельно искать способы выживания. Началась изнурительная борьба за каждую аудиторию, квартиру и помещение. Несмотря на критическое положение, Совет академии принял решение открыть новый учебный год в октябре. Оставшиеся во владении академии комнаты было решено переоборудовать под учебные аудитории, а в случае недостатка мест было предложено разделить обучение на 2 смены.

Преосвященный ректор академии Анатолий Грисюк, осознавая плачевное состояние предстоящего учебного процесса, предоставил просторный зал в своей квартире для чтения лекций как днем, так и вечером. Примеру ректора последовали многие служащие академии, разместив в своих казенных квартирах лишившихся крова сослуживцев и студентов. Большая же часть студентов была размещена в оставшихся помещениях больничного корпуса и актовом зале академии, который был возвращен ввиду исключительно тяжелого состояния академии. Именно в таких беспрецедентных условиях Казанская духовная академия встретила новый учебный год (ГА РТ1, д. 11421, л. 9).

Октябрьская революция также наложила серьезный отпечаток на материальное состояние академии. Артиллерийский обстрел, устроенный восставшими 24–25 октября 1917 г., нанес значительный урон помещениям академии. Снарядами были пробиты крыша и потолок квартиры ректора, большая часть учебных аудиторий пришла в негодность из-за выбитых в результате обстрела стекол. В панике этих дней некоторые студенты бежали из Казани, даже не спросив отпускных билетов. В последующие дни Совет академии принял решение отпустить по домам студентов, лишившихся возможности продолжать

учебную деятельность. К концу 1917 г. из 300 числившихся в академии студентов в Казани осталось только 142 человека, большая часть которых размещалась в казенных квартирах (ГА РТ1, д. 11421, л. 6 об.).

Здание академии имело определяющее значение в повседневной жизни студентов, поскольку оно предоставляло им кров. Здесь студенты питались и получали медицинскую помощь. Однако воспитанники академии, несмотря на специфический характер учебного заведения, оставались прежде всего студентами – молодыми людьми мужского пола, не лишенными всех тех качеств, которые составляли облик студента в Российской империи. По этой причине и пространство повседневности никогда не ограничивалось территорией академии.

В период Первой мировой войны город оставался для студентов академии основной локацией для гуляний, досуга и увеселительных предприятий. И все-таки военный период внес в их повседневность немало нового. Прежде всего, речь идет о помощи раненым и эвакуированным. К началу войны Казань, отличавшаяся удобной инфраструктурой, являлась медицинским центром с медицинским факультетом в университете и именно поэтому стала одной из крупных госпитальных баз. При Казанской общине сестер милосердия Общества Красного Креста был создан лазарет с 12 отделениями, а кроме этого – более ста госпиталей различных размеров (от 10 до 300 коек) [5, с. 278]. Своей задачей как заведения, готовящего будущих священнослужителей, духовная академия считала моральную поддержку раненых. По этой причине в лазареты на добровольной основе регулярно направлялись ее студенты. Основными их занятиями было чтение молитв, пение молебнов и всяческая духовная поддержка солдат. В отчете Правления академии о благотворительной деятельности за 1914 г. отмечалось, что студенты, не удовлетворяясь устройством всенощных и бесед на религиозные темы, шли к раненым специально в целях их развлечения, особенно в святочные дни, для чего в первые дни святок образовался «литературно-музыкально-вокальный кружок по устройству развлечений для раненых» (ГАРТ1, д. 11243, л. 39).

В этих мероприятиях охотно участвовали практически все студенты академии, поскольку работа в лазаретах предоставляла несколько уникальных возможностей. Во-первых, по окончании службы лазарет обеспечивал студентов питанием – чаем, выпечкой, – которое всегда стояло на первом месте в их материальных потребностях. Во-вторых, посещение лазаретов и госпиталей неминуемо вело к встречам с противоположным полом – сестрами милосердия, общение с которыми занимало у студентов особое место. Желая показать себя с лучшей стороны, студенты в лазаретах также часто читали стихи, рассказывали анекдоты, обменивались с солдатами продуктами и вещами. Впоследствии некоторые сестры милосердия становились гостями в академии.

Посещение публичных домов студентами Казани, по мнению С.Ю. Малышевой, было официально разрешенной, но публично табуированной формой мужского досуга; в нее были вовлечены различные социальные группы, значительную часть которых составляли студенты [6, с. 108]. О наличии подобной формы досуга у воспитанников академии можно судить преимущественно по содержанию «Летописи...». В ней неоднократно упоминается «ин-

ститут на Песках» (ГАРТ2, л. 23, 45, 52). В дореволюционной Казани улица Пески располагалась в Суконной слободе и еще с 40-х годов XIX в. была известна как одно из мест сосредоточения недорогих публичных домов. Под «институтом» студенты академии, как правило, подразумевали конкретное заведение – дом некой Надежды Ивановны Воронцовой, пользовавшийся наибольшей популярностью у академистов. Разумеется, стоит отметить, что непосредственно услугами данных заведений пользовались далеко не все студенты духовной академии. Значительная часть завсегдатаев этих домов в первую очередь искали компании для общения, а также возможности недорого поесть.

При описании повседневной жизни различных социальных групп ключевым критерием становится цикличность, то есть повторяемость тех или иных событий. В основе цикличности повседневной жизни студентов академии всегда стоял распорядок дня, который содержался в Правилах Казанской духовной академии, составляемых Правлением и утверждаемых действующим архиепископом Казанским и Свияжским. В крупнейшем исследовании дореволюционной истории академии, составленном П.В. Знаменским в 1892 г. [7], подробно описан распорядок дня студентов, действовавший до 70-х годов XIX в. Эволюцию изменений в распорядке дня мы также можем проследить благодаря Правилам, составленным Правлением академии в 1888 и 1910 гг. соответственно. При этом наибольшие изменения претерпели Правила 1888 г. под влиянием новых Уставов высших учебных заведений.

Будничный день студентов академии в 10-е годы XX в. начинался в 7 ч. утра, когда по общежитию проходил коридорный служитель, будивший студентов звоном. Иногда обход общежития сопровождал инспектор студентов (в изучаемый период – архимандрит Гурий). До половины восьмого утра студенты должны были посетить умывальную и гардеробную, где одевались в униформу. Ношение неуставной формы допускалось лишь в исключительных случаях. До изменений в академических уставах 1905–1906 гг. строгим оставалось и отношение к прическам, однако в изучаемый период основным требованием осталась общая опрятность. К половине восьмого утра все студенты должны были собраться в церкви на утреннюю молитву. Они занимали места группами, по курсам и комнатам так, чтобы присутствовавший инспектор сразу мог увидеть отсутствующих. После молитвы все направлялись на завтрак в столовую. В праздничные дни, когда завтракать и пить чай запрещалось до обедни, некоторые студенты нередко спускались прямо на кухню к повару [7, с. 167].

В 9 ч. утра начинались лекции. Старший по комнате запирал жилое помещение на ключ и был ответственным за присутствие всех обитателей комнаты на занятиях. После первых двух лекций начинался получасовой перерыв, а после окончания всех лекций в 14 ч. следовал обед. Места за столами студенты занимали так же, как и в церкви, – по курсам и комнатам; по знаку инспектора читали «Отче наш» и приступали к обеду. По звонку менялись блюда на столе. Младшие студенты во время обеда постоянно читали дневные Четьи-Минеи, по очереди сменяя друг друга. Время с 15 до 18 ч. считалось свободным временем для отдыха, прогулок и чаепитий в столовой. Значительная часть студентов проводила это время в своих комнатах и не покидала стен академии. Ис-

ключение составляли ясные дни, когда можно было спокойно гулять по территории академии, а в зимний период функционировал каток. В комнатах разрешались музыка и рукоделие, но запрещались светские песни и романсы, хмельные напитки, карты и табак. Время с 18 до 21 ч. студенты должны были посвящать самостоятельному образованию в отдельных комнатах – за порядком и наличием студентов в это время следил инспектор. В 9 ч. вечера начинался ужин, за которым следовала вечерняя молитва. На отход ко сну отводилось время, оставшееся до полуночи (Прав. и инстр. 1888 г., с. 3).

Перечисленные временные рамки были актуальны и в изучаемый период, поскольку практически полностью были продублированы и в Правилах 1910 г. Основным отличием новых Правил служили многочисленные апелляции к христианскому благочинию, что отражало специфический характер обучения в академии. Это полностью согласовывалось с доктринальным характером Устава духовных учреждений 1910 г., провозгласившего основной целью академий подготовку образованных священнослужителей, долженствовавших вытеснить с кафедр светских преподавателей [8, с. 144]. Применительно же к студентам изменения в Правилах были незначительны. Например, окончательно был решен вопрос с отношением к курению. Как отмечал П.В. Знаменский, употребление табака в академии, несмотря на строгость запрета, неуклонно росло в течение всего XIX в. Своеобразная бессмысленность борьбы с вредной привычкой привела к появлению в Казанской духовной академии отдельного помещения для курения, которое было открыто в свободное от лекций и занятий время (Прав. и инстр. 1910 г., с. 12).

Привычный распорядок дня менялся в праздничные дни, когда студентам разрешалось встать попозже, но обязательным было присутствие на обедне. Менялась продолжительность лекций (не более двух), а также увеличивалось свободное время. На рубеже XIX – XX вв. затворнический образ жизни студентов академии начал меняться в сторону открытия все новых городских пространств. Для того чтобы покинуть территорию академии, студенты должны были добиться согласия и распоряжения инспектора, записаться в специальной книге и в обязательном порядке вернуться к вечерней молитве. О постепенном «открытии» академии свидетельствуют также правила, касающиеся приема гостей. В изучаемый период гостями академистов могли быть не только родственники, но и прочие знакомые. Разумеется, для этого необходимо было получить разрешение руководства, соблюдать правила приличия, а кроме того, принимать гостей только в специально отведенной приемной (Правила 1910 г., с. 17).

Стоит также упомянуть об обстоятельствах, которые частично или полностью меняли привычный повседневный уклад студенчества. Касательно периода Первой мировой войны таким обстоятельством в первую очередь служил призыв на военную службу. Большинство студентов академии могли воспользоваться отсрочкой при предъявлении заявления, заверенного руководством духовной академии. За редким исключением такую отсрочку получали все казеннокоштные студенты каждый новый учебный год. Так, в 1915 г. отсрочку получили все 29 студентов 3 курса (ГАРП1, д. 11234, л. 26). Кардинальным образом менялся образ жизни студентов после пострижения в монахи. Большин-

ство студентов не рассматривали столь ответственное решение как способ избежать призыва, однако сам факт военнообязанного положения мог стать препятствием для пострижения. Например, в письме председателя Калужского уездного военного присутствия ректору Казанской духовной академии сообщалось о невозможности пострижения в монашество студента Николая Рогозина, поскольку он пользуется отсрочкой лишь до конца образования, после окончания которого должен вступить на действительную военную службу (ГАРТ1, д. 11385, л. 1).

Таким образом, пространство и время повседневности для студентов Казанской духовной академии в период Первой мировой войны не были строго ограничены по сравнению с XIX в. Реалии военного времени нашли наибольшее отражение в участии студентов в деятельности госпиталей и лазаретов, значительно расширивших число посещаемых городских зон и локаций. Военный призыв не затронул большинство стипендиальных студентов, поскольку те получали отсрочку до конца обучения.

Переходя к вопросу о материальном быте студентов академии, необходимо отметить ряд принципиальных особенностей. В промежуток с 1914 по конец 1916 г. значительная часть бытовых потребностей академистов оставалась бременем самой академии, поскольку уже упомянутый пансион предоставлял казеннокоштным студентам определенный набор удобств: еду, одежду, лечение и т. д. Однако подобное содержание, как правило, полностью оплачивалось из казенной стипендии, выделяемой на каждого студента. В этой связи необходимо остановиться на вопросе материальных средств студентов.

На 1915/1916 учебный год в распоряжении академии состояли 120 казенных стипендий по 210 рублей в год каждая (по 30 стипендий на каждый из четырех курсов); 8 миссионерских стипендий Святейшего Синода по 190 рублей для лучших студентов миссионерского отделения академии; 17 частных стипендий (от 100 до 500 рублей на студента) (ГА РТ1, д. 11354, л. 52). К концу 1917 г. размер казенной стипендии был увеличен до 240 рублей. Каждый год (в сентябре и январе) казенные стипендиаты обязывались внести в Правление оклад в размере базовой стипендии. Дополнительные средства, таким образом, оставались лишь на руках получателей дополнительных стипендий, а таковые составляли меньшинство. Со времен открытия академии в 1848 г. и до ее закрытия в 1921 г. отличительной чертой студентов духовной академии была бедность. Несмотря на пансионное содержание, большинство академистов испытывали нужду в питании, одежде и уж тем более в средствах на досуговую сферу. Поиски средств к существованию и их добыча составляли значительную часть их повседневной жизни.

Основным источником карманных средств для большей части студентов оставались деньги, присылаемые родственниками. До 70-х годов XIX в. большой удачей для студента считалось получить от семьи хотя бы 30 рублей в год, и таких студентов насчитывалось не более 20% [7, с. 194]. Традиционной для российского студенчества начала XX в. считалась подработка репетитором учащихся гимназий. В период каникул многие из них могли заработать до 150 рублей [9, с. 273]. В «Летописи...» академистов действительно можно встретить упоминания того, как некоторые студенты брались за работу по написа-

нию сочинений для курсисток. Впрочем, подобный заработок едва ли мог удовлетворить все потребности молодых людей.

Период военного времени также отразился на наличных средствах студентов академии, поскольку те достаточно активно занимались пожертвованиями на военные нужды. Инициатива подобных сборов, как правило, исходила от самих студентов и носила сугубо добровольный характер. Так, в марте 1915 г. Страховой отдел Казанской губернской земской управы принял от студентов 62 рубля для доставления в действующую армию в качестве пасхального подарка (ГАРП2, л. 36).

В ведении академии в течение всего периода ее существования оставались одежда и питание воспитанников. Не случайно в большинстве исследований повседневности именно одежда зачастую выступает на первый план. Университетская (или же в данном случае академическая) форма по большей части выступала предметом гордости студентов. В целом фасон и внешний вид казенной формы более чем устраивал подавляющее большинство воспитанников духовной академии. В то же время узнаваемый крой одежды нередко позволял безошибочно выявить академистов среди толпы молодежи, если речь шла о поздних прогулках и увеселениях.

Ежегодно (по крайней мере, если говорить о периоде 1914–1917 гг.) на заседании Правления академии заключался контракт с Портновской школой Царско-Народного Русского Общества Казани. Материалы (трико, прюнель, сатин) закупались на московской фабрике Карякина (ГА РТ1, д. 11354, л. 36). В академии всячески поощрялось бережное отношение к казенной форме. Нередки были случаи, когда студентам удавалось сохранять презентабельный вид формы в течение всего срока обучения.

По материалам «Летописи...» известно, что студенты достаточно бурно отреагировали на отчет Портновской школы, в котором говорилось, что «студенты академики – большие франты и являются весьма требовательными в отношении фасона мундиров, брюк, плащей и тужурок». Автор заметки был не так далек от правды, если учесть, что достаточно частым явлением было посещение академии швеей для снятия мерок, уточнения фасонов, а также переделывания готовой одежды (ГА РТ2, л. 2). Ежеквартально (по мере необходимости) студентам академии выдавались на руки деньги для покупки сезонной обуви: калош, сапог и ботинок. Как показывают различные документы, обувь была самым изнашиваемым элементом гардероба.

Питание, являясь базовой потребностью любого человека, занимало первое место в повседневной культуре российского студента. Пансионный тип содержания академистов всегда (даже в период Первой мировой войны) исключал из еды утилитарную функцию собственно насыщения организма. Разумеется, большую часть будних дней рацион питания в академической столовой составляли хлеб, каши, постные супы и кисель. Мясо, рыба, яйца, икра и сыры были редким явлением и чаще всего были приурочены к праздничным дням и иным знаменательным датам. Стоит также отметить строгое соблюдение всех постов в течение года, и в первую очередь – Великого поста перед Пасхой. Перед академистами действительно не стояла проблема голода, однако нельзя также говорить об обильном или сбалансированном питании.

Возможно, по упомянутой причине (и это особенно заметно по содержанию «Летописи...») поискам и употреблению нетривиальной пищи была посвящена огромная часть свободного времени академистов. Как уже было отмечено, комнаты студентов, в каждой из которых обитало от 10 до 13 человек, представляли собой средоточие повседневной жизни, поэтому не удивительно, что в них получили распространение элементы коммунального быта – прежде всего закупка и распределение еды. Как это часто бывает, в комнатах всегда находились наиболее предприимчивые и состоятельные студенты, которые брали на себя почетную роль «снабженцев». Благодаря им на столах академистов нередко оказывались: халва и помадка, рыба и икра, сыры и колбасы. Рост цен на основные продукты мало сказывался на рационе питания в академической столовой. Мало того, с весны 1915 г. у студентов даже выросла норма выдачи хлеба (ГА РТ2, л. 13). Совсем другое дело – угощения, добытые на рынке в условиях военного времени. Зачастую подобные яства старались придержать для удобного повода – именин, дня рождения.

Ситуация в корне изменилась в 1917 г. С августа, когда здания учебного заведения были частично заняты кадетским корпусом, академия лишилась погреба, кладовой, кухни, пекарни и столовой. В связи с этим Правление постановило выдавать стипендию студентам на руки. Исходя из размера ее годового капитала в 240 рублей ежемесячно студенты получали всего лишь 20 рублей. С учетом полного прекращения функционирования академического пансиона эту сумму приходилось тратить на еду, одежду, баню и все остальное. И хотя Правлению удавалось добиться некоторых удобств для студентов за счет казны, однако рост цен на хлеб (с 20 до 40 коп. за фунт) в конце 1917 г. начал угрожать студентам и преподавателям голодом, в связи с чем учебный год было решено закончить в феврале 1918 г. и всех студентов (кроме последнего курса) распустить по домам.

Повседневная жизнь академистов в Период первой мировой войны изменилась до неузнаваемости. В начале войны студенты академии были одеты, накормлены и имели ряд иных преимуществ перед студентами других вузов Казани. Постепенный рост цен на продукты в 1915–1916 гг. мало отразился на привычном функционировании академии, поскольку закупка продуктов в столовую проводилась преимущественно по твердым ценам. Однако уже с лета 1917 г. студенты академии столкнулись с многочисленными стеснениями, полностью нарушившими их повседневный быт. Результатом этих ограничений стали практически полная утрата учебного пространства и резкое уменьшение числа студентов.

Источники

- ГА РТ1 – Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 10: Казанская Духовная академия. Оп. 1. Д. 11234. 39 л.; Д. 11243. 109 л.; Д. 11354. 547 л.; Д. 11385. 13 л.; Д. 11421. – 20 л.
- ГА РТ2 – ГА РТ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 514: Летопись студентов 3 курса Казанской Духовной академии – 78 л.
- ГА РТ3 – ГА РТ. Ф. 408. Оп. 4. Д. 29: Проект на постройку Духовной академии в г. Казани. – 2 л.

- Прав. и инстр. 1888 г. – Правила и инструкции, составленные Правлением Казанской духовной академии и утвержденные его высокопреосвященством Святейшего Правительствующего Синода членом высокопреосвященнейшим Павлом, архиепископом Казанским и Свияжским. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1888. – 31 с.
- Прав. и инстр. 1910 г. – Правила и инструкции, составленные Правлением Казанской духовной академии применительно к уставу православных духовных академий, утвержденному 2 апреля 1910 года, и утвержденные высокопреосвященнейшим Никанором, архиепископом Казанским и Свияжским. – Казань: Центральная тип., 1910. – 28 с.

Литература

1. Орлов А.С., Фролов А.Г. Экономическая политика Российской империи накануне Первой мировой войны и в ходе ее // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 2 (87). – С. 136–137.
2. Парамонов В.Н. Качество жизни россиян в военный период 1914–1918 гг.: историографический аспект // Вестн. ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 5. – С. 39–51.
3. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2010. – 360 с.
4. Терновский С.А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – 652 с.
5. Федотова О.В. Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны (1914–1917) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – 2014. – № 2. – С. 276–284.
6. Мальшева С.Ю. «Профессионалки», «арфистки», «любительницы»: публичные дома и проститутки в Казани во второй половине XIX – начале XX века. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 188 с.
7. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы): в 3 т. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – Т. 3. – 467 с.
8. Хабибуллин М.З., Шайдуллин Р.В., Батыришин Р.Р. Деятельность миссионерских отделений в Казанской духовной академии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестн. Екатеринбургского института. – 2014. – № 4 (28). – С. 141–144.
9. Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 498 с.

Поступила в редакцию 06.02.2023

Принята к публикации 11.04.2023

Ибнеева Гузель Вазыховна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

Майоров Павел Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: morowwin@yandex.ru

**Everyday Life of Students of the Kazan Theological Academy
during the First World War**

G.V. Ibneyeva*, P.A. Mayorov**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *Guzel.Ibneyeva@yandex.ru, **morowwin@yandex.ru

Received February 6, 2023; Accepted April 11, 2023

Abstract

This article summarizes the results of a study on the daily life of students at the Kazan Imperial Theological Academy in 1914–1917 when the life of civilians was severely affected by the First World War. Through the analysis of archival materials and literary sources, a close look is taken at such major constituents of everyday activities as space and time, material means, as well as clothing and dietary habits. During that period, most students resided in boarding houses, which also determined their living conditions: state-paid students received food, sleeping and working space, clothes, treatment, etc. The life of all students of the Academy revolved around the main building on the Arsk Field of Kazan. They spent most of their time there but were occasionally allowed to make short-term trips into the city. When the First World War broke out, the students started visiting more places. They went to the infirmaries and hospitals to take part in religious sermons and entertainment events. Many of them fell into a poor financial situation because the annual basic scholarship was only enough to pay for staying at the boarding house. The canteen no longer served sufficient meals, especially during the fast, so the students were malnourished and forced to seek out other sources of food. They were offered nutritious food only on holidays. The statutory clothes (raincoats, uniforms, jackets, trousers, and shoes) supplied by the Academy were of little use to keep warm in the cold seasons. In 1917, the biggest changes occurred. The premises of the Academy were gradually militarized. By the end of the year, due to the social upheavals and the economic crisis, only 142 out of 300 students continued their education. They were mainly accommodated in government apartments, and the classes were held either in the assembly hall or in the rector's apartment.

Keywords: First World War, Kazan Theological Academy, daily life, students**References**

1. Orlov A.S., Frolov A.G. Economic policy of the Russian Empire on the eve of the First World War and during it. *Uchenye Zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 2020, no. 2 (87), pp. 136–137. (In Russian)
2. Paramonov V.N. The quality of life of Russians in the war period of 1914–1918: A historiographical aspect. *Vestnik VolGU. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2014, no. 5, pp. 39–51. (In Russian)
3. Ivanov A.E. *Mir rossiiskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [The World of Russian Students. From the Late 19th to the Early 20th Century]. Moscow, Nov. Khronogr., 2010. 360 p. (In Russian)
4. Ternovskiy S.A. *Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Kazanskoi dukhovnoi akademii posle ee preobrazovaniya. 1870–1892* [A Historical Note on the State of the Kazan Theological Academy after Its Transformation. 1870–1892]. Kazan, Imp. Univ., 1892. 652 p. (In Russian)
5. Fedotova O.V. Charity and compassion in Kazan during the First World War (1914–1917). *XX Vek i Rossiya: Obshchestvo, Reformy, Revolyutsii*, 2014, no. 2, pp. 276–284. (In Russian)

6. Malysheva S.Yu. *“Professionalki”, “aferistki”, “lyubitel’nitsy”: publichnye doma i prostitutki v Kazani vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [“Professionals”, “Swindlers”, and “Amateurs”: Brothels and Prostitutes in Kazan during the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Kazan, Kazan. Univ., 2014. 188 p. (In Russian)
7. Znamensky P.V. *Istoriya Kazanskoi dukhovnoi akademii za pervyi (doreformennyi) period ee sushchestvovaniya (1842–1870 gody)* [History of the Kazan Theological Academy in the First (Pre-Reform) Period of Its Existence (1842–1870)]. Vol. 3. Kazan, Tip. Imp. Univ., 1892. 467 p. (In Russian)
8. Khabibullin M.Z., Shaidullin R.V., Batyrshin R.R. The activity of missionary departments of the Kazan Theological Academy (the second half of the 19th–early 20th centuries). *Vestnik Ekaterinskogo Instituta*, 2014, no. 4 (28), pp. 141–144. (In Russian)
9. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal’nikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul’tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two Centuries of the University Culture in Kazan]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2005. 498 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Ибнеева Г.В., Майоров П.А. Повседневная жизнь студентов Казанской духовной академии в годы Первой мировой войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 155–167. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.155-167. ⟩

⟨ **For citation:** Ibneyeva G.V., Mayorov P.A. Everyday life of students of the Kazan Theological Academy during the First World War. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 155–167. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.155-167. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-6

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.168-180

ПЕРЕПИСКА М. ГОРЬКОГО С КАЗАНСКИМИ ДЕТЬМИ

Е.В. Кудрина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
г. Москва, 121069, Россия*

Аннотация

Статья, приуроченная к 155-летию со дня рождения А.М. Горького и к году педагога и наставника, посвящена переписке писателя с детьми Казани. На примере нескольких сохранившихся в московском Архиве А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (АГ ИМЛИ РАН) детских писем из Казани показана роль М. Горького-наставника и рассмотрены типичные образы корреспондентов писателя, создающие коллективный портрет советских детей. Представлены детские письма, которые демонстрируют опыт подрастающего поколения, отражают переживания, показывают устремления школьников 20–30-х годов XX в. А.М. Горький обогатил понятие наставничества участливым отношением к творчеству начинающих авторов, вниманием к нуждам детей, применением новых педагогических приемов. Исследование проведено на основе впервые вводимых в научный оборот документов из фондов АГ ИМЛИ РАН, представляющих исторический, краеведческий, филологический, текстологический, социологический, культурологический интересы.

Ключевые слова: М. Горький, наставничество, дети, переписка, Казань, 20–30-е годы XX в.

В 2023 г. исполняется 155 лет со дня рождения Алексея Максимовича Горького. Также этот год Президентом России объявлен годом педагога и наставника, поэтому особенно хочется подчеркнуть роль М. Горького как наставника поколений.

Внимание писателя к воспитанию детей всегда было самым пристальным. На протяжении всей жизни Алексей Максимович вел переписку с детьми [1], интересовался их развитием и образованием, а детской книге сумел придать статус дела государственной важности, приняв самое активное участие в организации детского издательства «Детгиз» [2]. Своим личным участием в воспитании новых граждан Советского государства писатель обогатил понятие наставничества, при котором опыт и знания передаются на практике от более сведущего к менее сведущему. В 20–30-е годы XX в. в массовом сознании советских граждан М. Горький, регулярно обращавшийся со страниц газет и журналов к своей аудитории, представал «всесоюзным дедушкой», старцем-защитником, отзывчивость и участливость которого обрастала легендами.

А.М. Горький не являлся педагогом, но его публицистические заявления и воспитательные программы влияли на развитие педагогической мысли, задава-

ли нужный идеологический тон. Напомним о самых значительных программных выступлениях М. Горького-наставника.

В 1910 г. в Брюсселе состоялся Третий Международный конгресс семейного воспитания, на котором писатель обратился к участникам с открытым письмом, получившим название «Сказка жизни». В нем он впервые сформулировал программу воспитания, которая будет последовательно реализовываться им до 1936 г. Она выражена кратко и четко: «...Уважать труд, сострадать мукам прошлого и понимать ошибки, и – прощать» (ГоДЛ1, с. 70).

Спустя 7 лет, в 1917 г., по инициативе М. Горького была создана «Лига социального воспитания», в её задачи входили разработка и проведение в жизнь планов новой социальной школы. Доклад «Дети и современность» был прочитан на специальном публичном заседании 25 июня в Михайловском театре с целью популяризации среди населения идей «Лиги» и был идейно связан с просветительской программой 1910 г. В нем содержалось несколько основных задач: создание организаций по охране детей от тлетворного влияния улицы, развитие социального воспитания, формирование нового характера и нового отношения к труду («жизнь и труд – наслаждение, а не жертва и подвиг» (ГоДЛ2, с. 79), «трудовое начало – основа жизни» (ГоДЛ2, с. 82)), охрана культуры и преподавание её истории, всестороннее развитие самостоятельности детей. Главная же цель, по мнению М. Горького, – «воспитать из наших детей новое человечество» (ГоДЛ2, с. 85). Он выделил три цели воспитания: «...Насыщение человека знаниями о нем самом и о мире, окружающем его; формирование характера и развитие воли; формирование и развитие способностей» (ГоДЛ2, с. 81). И добавил, что «Лига» «стремится вводить детей как можно более всесторонне в работу на самих себя, для своего образования» (ГоДЛ2, с. 84). Только активное включение детей в социальные процессы, мудрое тактичное руководство, поощрение инициативы и трудовое воспитание, по мнению писателя, позволят ребенку гармонично развиваться и «встретить сложные запросы действительности спокойно и умело» (ГоДЛ2, с. 82). Понимая утопичность многих своих идей, М. Горький не переставал верить в торжество разума, а труд и творчество признавал высшей деятельностью и ценностью человека.

В публицистических статьях, письмах, высказываниях, организационной работе А.М. Горький следовал своим воспитательным принципам. Как писатель, издатель и организатор поддерживал детское художественное творчество, участвовал в литературной деятельности детских коллективов, ратовал за всестороннее развитие и просвещение детей, за доступность образования, за ликвидацию неграмотности. Дидактический характер его писем детям в 20–30-е годы XX в., публицистические статьи и выступления подтверждают неустанное внимание к проблемам воспитания.

М. Горький применил новый подход в подготовке писательских кадров, став поистине всенародным учителем. Его обращения к деткам, рабкам и селькам, призыв ударников в литературу всколыхнули творческих людей по всему Советскому Союзу. Обращаясь к детям через центральные газеты, М. Горький вовлекал в литературное творчество молодые кадры, способствовал развитию советской литературы. В июле 1933 г., когда намечался план из-

дания литературы для детей, М. Горький через открытое письмо, помещенное в центральных газетах, обратился ко всем детям Советского Союза с вопросом, что они читают и какие книги хотели бы прочесть¹. Новаторский прием – простой и очень эффективный – помог взрослым писателям услышать своего читателя и оперативно откликнуться на его пожелания. Заинтересованность взрослых в ответах и предложениях детей не только формировала новые подходы к детскому книгоизданию, но и помогала в воспитании нового читателя, а затем и нового писателя. Благодаря стараниям А.М. Горького усиленно стало развиваться низовое литературное движение. Повсеместно открывались детские литературные кружки и литконсультации для молодых авторов. Дети и молодежь начали пробовать свои силы в писательстве. М. Горькому же чрезвычайно важно было следить за культурным ростом граждан страны и знать потребности советских детей.

Выдающийся методист-словесник М.А. Рыбникова, занимавшаяся в 20-е годы XX в. детским творчеством и техникой классной работы с сочинениями учащихся, в статье «От маленького писателя – к большому читателю» приходит к выводу, что словесное творчество детей можно и нужно использовать в методической работе, но у детей еще необходимо «пробудить охоту писать» (МПБЧ, с. 89). Как это сделать, она, к сожалению, в статье не сформулировала. М. Горький как раз и занимался этим «пробуждением». Он как литературный советник и художественный наставник писательских кадров, знающий, каким образом привлечь в литературу талантливых авторов, и М.А. Рыбникова, разрабатывающая для учителей методику обучения письму через школьные сочинения, шли рука об руку в деле воспитания нового поколения читателей и писателей.

В.А. Никольский, ученик М.А. Рыбниковой, уделил параграф литературно-педагогическому наследству М. Горького и методике школьного сочинения в книге «Сочинения в средней школе». Взглянув на творчество писателя с высоты своего времени, ученый пришел к мысли о прозорливости многих его оценок и их ценности для педагогической науки. Анализируя статьи, посвященные детям и литературному мастерству, автор книги отметил исключительную серьезность оценок и пропаганду детского литературного опыта и при этом «почти “толстовскую” мысль» Алексея Максимовича о том, что «детей надо не только учить, но и учиться у них» [3, с. 19].

Не каждый из наставляемых М. Горьким стал писателем, литературным работником или связал свою жизнь с искусством слова, но каждый стал читателем, внимательным, вдумчивым, участливым.

Итак, на примере переписки А.М. Горького с казанскими детьми, которая не становилась ранее предметом научных исследований, покажем М. Горького-наставника и рассмотрим типичные образы корреспондентов писателя.

В Архиве А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (АГ ИМЛИ РАН) сохранилось 12 писем детей из Казани (7 индивидуальных и 5 коллективных). Возможно, писем из Казани больше, поскольку дети часто забывали указывать обратный адрес, не всегда стави-

¹ Пионерская правда. 1933. № 76. 13 июля. С. 1; Правда. 1933. № 192. 14 июля. С. 1.

ли дату написания и даже могли оставить свое письмо без подписи (в архиве сохранился большой пласт писем неустановленных лиц).

Письма казанских детей охватывают период с 1928 по 1936 г. – годы наивысшего расцвета переписки писателя с детьми. Написаны они в основном школьниками средних классов и руководителем детского кружка краеведения Николаем Филипповичем Калининым (1888–1959) – одним из первых исследователей темы «Горький и Казань», автором путеводителя «Горький в Казани» (1940)².

13 февраля 1928 г. Н.Ф. Калинин и его подопечные написали М. Горькому письмо, в котором рассказывали о деятельности кружка краеведения при школе № 3, сообщали, как изменился город за последние десятилетия, посылали самодельную карту Казани и просили писателя поделиться воспоминаниями о его жизни в городе (АГ, ДПГ-29-55-1) (фото 1 и 2).

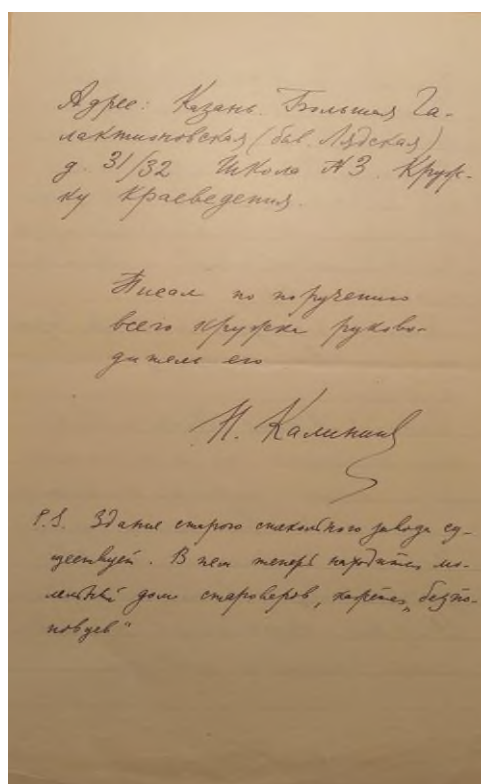
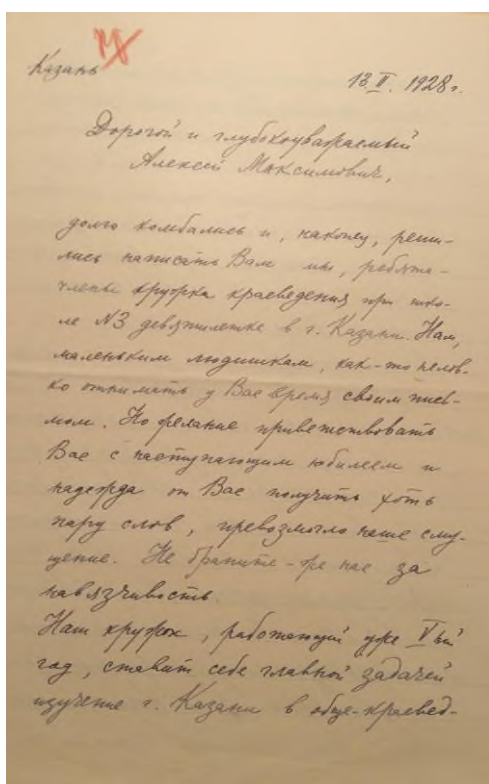

Фото 1 и 2. Письмо Н.Ф. Калинина А.М. Горькому (первая и последняя страницы).

13 февраля 1928 г. Фото из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН. ДПГ-29-55-1

Письмо «казанолубов» представляет интерес для историков, краеведов, музейных работников, поскольку содержит точные сведения о географии и истории города. Подробнее об этом письме говорится в [4, с. 95–97]. Здесь же напечатана карта Казани, отправленная Алексею Максимовичу

² В АГ ИМЛИ РАН сохранилась машинопись Н.Ф. Калинина на 36 листах «А.М. Горький в Казани в 1928 году» (1948) (АГ, ФЭП-Рав-2-9-1).

Н.Ф. Калинин и возвращенная кружка с письмом и пометами М. Горького [4, с. 96]. Это письмо заинтересовало писателя, и он 25 февраля из Сорренто написал его авторам ответ, в котором были такие слова: «Вы, краеведы, по всей России работаете так прекрасно, что очень хотелось бы чем-то поблагодарить Вас от души» (ПСС17, с. 218). Именно о таких своих читателях и корреспондентах М. Горький писал в статье «Переписка с читателями» (1930): «...Я очень много получаю писем от бодрых и скромных маленьких “великих” людей, которые неутомимой работой своею создали атмосферу, понуждающую людей “подниматься к жизни”» (ПЧ, с. 221). Большая часть его корреспондентов, действительно, были неутомимыми скромными тружениками, работающими на благо страны и своего края.

Следующее – коллективное – письмо, сохраненное в Архиве (полная противоположность первому), – это казанский вариант письма двух безграмотных пензенских школьников, отправленного А.М. Горькому 10 сентября 1935 г. Письмо содержало множество орфографических ошибок, хотя, надо отдать должное ребятам, писали они его старательно, каллиграфическим почерком. М. Горький, пораженный безграмотностью учеников, опубликовал послание пензенцев 6 октября 1935 г. в центральных газетах. Письмо получило широкую огласку. Однако 29 октября 1935 г., то есть через 3 недели после «проработки» письма из Пензы всеми школами СССР, Галя Ерикляева, Валя Капарулина и Коля Колобзаров, ученики 5 класса из какой-то казанской школы (номер неразборчив), написали письмо, в котором превзошли своих предшественников в неряшливости и безграмотности (фото 3).

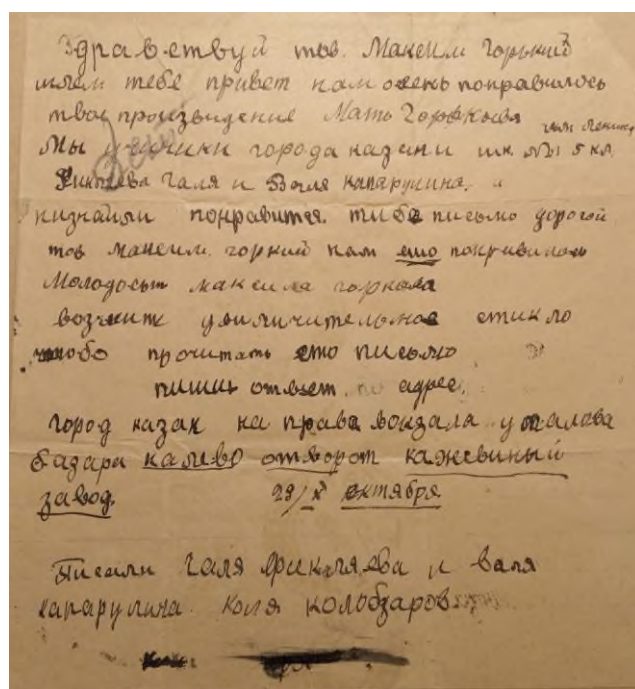

Фото 3. Письмо Г. Ерикляевой, В. Капарулиной и Н. Колобзарова М. Горькому. 29 октября 1935 г. Фото из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН. ДпГ-5-58-1

Свой опус они заканчивали словами: «Возмите увеличительное стикло чтобо прочитать ето письмо. пиши ответ. адрес. город казан на права вокзала у

талова базара налево отворот кажевиный завод. 29/X октября»³ (АГ, ДПГ-5-58-1). Здесь и детскость, и хулиганская натура пишущих, и стремление выделиться, и определенная смелость.

Два приведенных письма показательны тем, что представляют самых разных корреспондентов А.М. Горького. Вдумчивые, серьезные письма соседствовали с письмами легкомысленными, небрежными, хулиганскими. Писатель всерьез воспринял первое и ответил на него, второе – вполне заслуженно – оставил без внимания. Между тем дерзкое письмо казанских учеников – пример по-настоящему детского сочинения, которого не коснулась редакторская правка, и в этом его особое очарование и ценность.

Всё многообразие типажей и интересов сложно представить на примере нескольких писем, однако следующие дают представление о типичных адресатах М. Горького, они формируют коллективный портрет детского поколения и эпохи в целом.

Предположительно, в 1928 г. М. Горький получил недатированное письмо от Лёни Васильевича Баженова, который слал ему «свой сердечный привет», а затем жаловался на родителей, не дающих учиться, и спрашивал совета, что же делать. Писатель подчеркнул в его письме фразу: «Хотел уйти на улицу, не знай на какую». И далее: «Хотел познакомиться с беспризорниками, с тем, чтобы попасть с ними в трудколонию, не умею с ними работать. Если остаться мне дома, то меня научат только вино пить, ругаться да нянкой быть, а что научить работать или учиться, то это у них нет, не даром, что отец уже работает двадцать шесть лет» (АГ, ДПГ-2-16-1). Проблемы доступности и качества школьного образования, беспризорности и семейного быта волновали М. Горького. Примечательно, что в 1928 г. он активно включается в помощь колонии под руководством А.С. Макаренко, получает письма от колонистов. В начале статьи «О детях» (1930) упоминается письмо некоего деткора Андрюши, сообщавшего о своих мытарствах после побега из дома, по памяти цитируются строчки из его письма, которое, как признается писатель, он потерял. Приводимые А.М. Горьким факты биографии Андрюши, сопоставление их с текстом письма казанского мальчика Лёни, говорят о схожести этих детей – типичных представителей своего поколения. Таким образом, и Андрюша, и Лёня, и многие другие безымянные мальчики, напоминающие Алёшу Пешкова, мечтающие читать и учиться, уставшие от «скучной жизни», когда «ничего нельзя сделать и никуда нельзя попроситься», произвели на Алексея Максимовича сильное впечатление, и их образы отразились в публицистике 30-х годов XX в.

Коллективные казанские письма, адресованные А.М. Горькому, показывали осведомленность учеников в исторических событиях, демонстрировали увлеченность, серьезность пишущих. 2 апреля 1928 г. писателя поздравляли с шестидесятилетием ученики третьего класса (36 человек) казанской школы-девятилетки. Делились с ним своими успехами, сообщали, что изучают тему «Культурная жизнь нашего города», и давали обещание брать с него пример:

³ Орфография и пунктуация источника сохранены. – Е.К.

«Мы знаем, что и Вы всю жизнь стремились к знанию и достигли его, несмотря на все препятствия» (АГ, ДПГ-15-47-1) (фото 4).

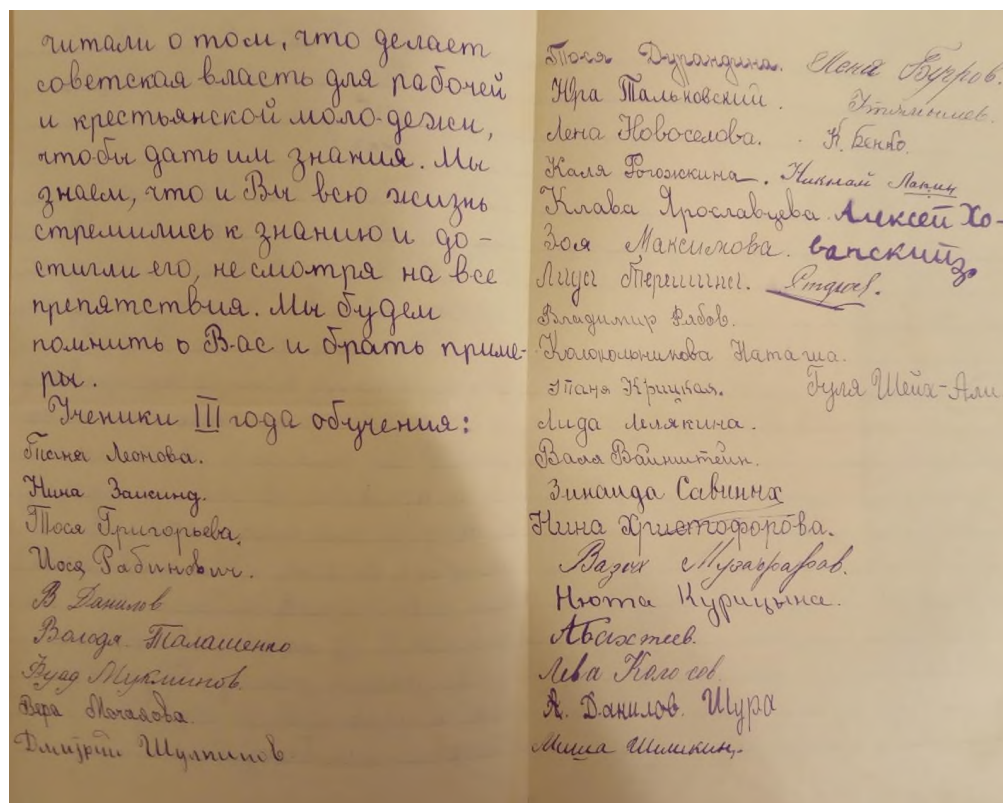

Фото 4. Письмо учеников казанской школы-девятилетки № 15 М. Горькому.
2 апреля 1928 г. Фото из Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН. ДПГ-15-47-1

Слушатели Казанского техкомбината, учащиеся группы, носящей имя А.М. Горького, в недатированном письме, предположительно 1932–1933 гг., приветствовали писателя и рассказывали, что применяют в своей работе социалистические методы труда и на деле убеждаются, что «генеральная линия партии – правильна» (АГ, ДПГ-15-111-1).

Ученики Буинской школы 1 ступени Татарской республики в сентябре 1932 г. поздравляли М. Горького с сорокалетием литературной деятельности, выражали свою признательность и почтение, а также сообщали о присвоении школе имени писателя (АГ, ДПГ-15-12-1).

Писали из Казани и начинающие авторы. Таково письмо Юрия Потоцкого от 10 июня 1933 г. Он просил дать отзыв о рассказе «Три недели на лодке», написанном в соавторстве с товарищем два года назад. Рассказ о путешествии в архиве писателя отсутствует, поскольку был возвращен адресату, о чем свидетельствует секретарская пометка (АГ, ДПГ-11-12-1). Известен ответ писателя другим путешественникам – ученикам средней школы города Иваново В.В. Зеленину и Л.К. Маклашину. В сохранившемся черновом автографе пись-

ма школьникам есть такие слова о рассказе двух друзей: «Рассказ ваш имеет одно весьма определенное достоинство: он написан грамотно. Если я не ошибаюсь – у вас как будто заметна способность к литературной работе, но сказать это решительно – не могу, потому что рассказ не дает мне этого права. Дело в том, что вам “обоим по 17-ти лет”, а в этом возрасте у подростков ломается голос и трудно определить – баритоном или басом запоют они года через три, лет через пяток?» (ПСС19-1, с. 216). Вполне вероятно, что М. Горький мог подобным образом ответить и казанским ребятам.

28 февраля 1934 г. к А.М. Горькому с предложением прислать материал из школьно-пионерской жизни обратилась энергичная казанская девушка-комсомолка Мария Семеновна Захарова, ученица 9 класса Ленинской школы № 4⁴: «С малых лет я пристрастилась к письму да к чтению, но это пристрастие не осталось без последствий. Я хорошо владею русским языком и интересуюсь литературой. И этот интерес выразился в том, что я с 14 лет начала сочинять стихи, сначала неудачные, “нескладные”, но через 3 года творчества, уже напрактиковавшись, могу сочинить порядочное стихотворение. Но этого мало. Я хочу написать большой рассказ или повесть». И далее она, трезво оценив свои силы и найдя, что её жизненный опыт по-своему уникален и поэтому интересен массам, смело предлагала Алексею Максимовичу творческое сотрудничество. Писатель должен был написать рассказ, основу которого составили бы присланные ею наблюдения за сверстниками: «Вы опытный и славный писатель – Вы лучше моего можете изложить материал» (АГ, ДПГ-16-13-1). В качестве основного лица рассказа девушка предлагала себя: «Общественные, личные интересы, романтика, приключения – все переплетется вместе. Да при том же тут вложатся мои наблюдения над окружающими меня сверстниками, жизнь которых тоже сходна с моей. А если, тов. Горький, я сама буду писать, то ничего, наверное, не выйдет: отсутствие бумаги, времени, плохое еще развитие мыслей, плохое, узкое понимание – все это положит яркий отпечаток на мой рассказ, и, пожалуй, его испортит. Лучше уж я Вам буду помогать» (АГ, ДПГ-16-13-1).

М. Горький молчаливо отверг это предложение. Были и другие письма, в которых дети делились своими планами, спрашивали совета и просили о помощи. Таково следующее письмо казанского мальчика.

16 мая 1934 г. Н. Полетаев, отучившийся в школе три года, спрашивал совета, куда направить написанные им стихи: «Здравствуйте, добрейший Алексей Максимович. Решил написать лично Вам и попросить совета. Дело в том, что я занимаюсь немного литературой, пишу стихи и сочинения. Учился в школе я всего три года. Окончил I ступень и имею желание писать книги. Но дело в том, не знаю, что делать дальше и кому отдать напечатать мои сочинения и стихи» (АГ, ДПГ-10-89-1).

Осознавая свою наставническую миссию как необходимую, М. Горький в статье «О возвеличенных и “начинающих”» (1928) писал: «Я получаю десятки писем от рабселькоров, от провинциальных литкружков, от “начинающих” писателей. Они единогласно требуют: “Поделитесь вашим опытом, научите

⁴ Подробнее об этой школе см. [5, с. 197].

писать художественно”. Они имеют законнейшее право требовать от старого писателя ознакомления их с техникой работы. К сожалению, я не умею учить, а могу только рассказать, как сам учился» (ОВН, с. 360), – и рассказывал молодым о литературной технике в публицистических статьях «О том, как я учился писать», «Беседы о ремесле», «Письма начинающим литераторам», «О литературной технике», «О пользе грамотности», «О возвеличенных и “начинающих”», «О начинающих писателях» и др., объединенных в 1934 г. в книгу «О литературе» (см. (Гол)).

Из-за обилия однотипных, подобных письму Н. Полетаева писем А.М. Горький не имел возможности отвечать всем просящим, поэтому часто ограничивался краткой пометкой для секретаря. Так он поступил и с данным письмом, сделав в нем 20 мая помету: «Послать», – что означало: «Отправить адресату недавно вышедшую книгу “О литературе”». 22 июня 1934 г. Н. Полетаев благодарил за присланную книгу и сообщал, что ее получение подняло настроение (АГ, ДПГ-10-90-1). Диалог с великим писателем (даже такой молчаливый), конечно, поднимал у корреспондентов настроение. Книга, присланная М. Горьким, могла изменить судьбу человека, возвысить его в собственных глазах, сделать грамотнее, наконец – простой факт переписки с великим писателем делал человека особенным, выдающимся.

В октябре 1935 г. из Казани пришло очень эмоциональное письмо от ученицы 7 группы Тома Жуковой, в котором та делилась своими впечатлениями о документальной кинокартине «Счастливая юность» (1935) и показанном в ней физкультурном параде на Красной площади, в кадрах которого был запечатлен М. Горький. Девочка признавалась: «...Я всецело была занята Вами и картины совершенно не видела». Затем она писала о повести «Мать», об экранизации, о предстоящей «проработке» этой книги в школе. Приведем отрывок из её письма: «...Нет, я не могу выразить до чего потрясло меня это произведение. “Мать”. Мать... милая мать, бедная беззащитная женщина, когда я увидела эту картину в кино (у меня стала вдруг какая-то слабость) форменным образом стала плакать, уткнувшись в воротник пальто. Но читая эту повесть, когда не было никого дома, я начала рыдать, я и сейчас чуть не плачу, вспоминая о ней. Но всё это было и прошло, а сейчас мы все, а особенно мы – дети, – так счастливы, что хочется петь и веселиться без конца. Скоро мы, т. е. ученицы и ученики, будем проходить Ваше произведение “Мать”, о это большое счастье! Я очень и очень много читала Ваших произведений, но всех лучше, конечно, милая “Мать”. Я ужасно люблю читать, читаю, всё, что найду. В библиотеке я не записана, т. к. все книги я перечитала и мне не интересно. Читаю в день по 500–460 стр. иногда, а это случается часто мне нечего читать, хотя бы 100–200 стр. Нет ничего. Я скучаю. Очень хочу новых Московских книг» (АГ, ДПГ-5-73-1). Тома Жукова затронула в письме весьма существенную проблему тех лет: книжный голод. Многие корреспонденты жаловались писателю на отсутствие книг и библиотек. Особенный дефицит был на хорошие детские издания.

В своем письме девочка упомянула папу, который участвовал в велопробеге бойцов и курсантов РККА на 15 тыс. километров, и выражала надежду, что папа пожмет Алексею Максимовичу руку в Москве. Этот отраженный в письме факт не только расширил наши представления об адресате,

историческом моменте, но и помог установить приблизительную дату отправки недатированного письма.

Наконец, 2 июня 1936 г. ученик 7 класса школы № 6 Бауманского района города Казани, «отличник учебы, редактор стенной газеты» Михаил Левин писал М. Горькому о литературной работе над произведением «Два залпа» и повестью о жизни и работе комсомольцев в Одессе в 1919 г. Он просил М. Горького как редактора «Истории гражданской войны» помочь ему документами о ходе войны, материалами о А.И. Деникине и его помощниках: «Я, надеясь на свои силы и на Вашу помощь, думаю, что свое дело я выполню с честью». Затем мальчик делился с писателем мыслями об учебе: «Из всех предметов для меня лучшим является литература». Писал о том, что живет на ул. Баумана в доме 43; писал об отце, который умер в 1932 г., о больной матери, о семье, в которой «все надежды – на меня». В конце письма школьник желал М. Горькому «здоровья и счастья, долгих лет на страх врагам и на благо нашей родины» (АГ, ДПГ-8-28-1). В июне 1936 г. тяжелобольной писатель уже не мог прочитать это замечательное письмо четырнадцатилетнего мальчика и тем более помочь ему историческими материалами. Письмо, к сожалению, осталось без ответа.

Такие разные, непосредственные, интересные письма казанских корреспондентов – своеобразный срез детского общества по географическому признаку – расширяют наши представления о времени, о городе Казани, о поколении, дают повод для научных размышлений, добавляют новые штрихи к портрету А.М. Горького.

Дети Казани, как, впрочем, и другие советские дети, демонстрировали писателю свою увлеченность краеведением, историей малой и большой Родины, посвящали его в свои сокровенные мысли, делились яркими впечатлениями, просили о помощи, присылали на отзыв свои произведения.

Ответы М. Горького школьникам становились событиями. Однако не менее говорящим могло быть и молчание: что он мог ответить, например, неряшливым корреспондентам? Практиковал писатель и другой «молчаливый» ответ: на многочисленные письма-просьбы юных сочинителей о помощи в литературных начинаниях отправлял по указанному адресу «учебные материалы» – книги, художественные и публицистические; секретариат вел журнал таких отправлений. Отправка нужной книги в качестве ответа на письмо – новый штрих к наставничеству, новый педагогический прием – передача своего жизненного практического опыта, закрепленного на бумаге.

М. Горький считал редакторскую и наставническую работу одной из важнейших для себя. В 1930 г. он отвечал литературному критику Д.А. Лутохину на его замечание о непростительной растрате времени «на “репетирование” неграмотных графоманов»: «“Графоманами” Вы поименовали моих корреспондентов – напрасно и обидно. Люди хотят учиться, и это – неплохо. Литераторами будут единицы, но десятки и сотни станут грамотнее» (ПСС19-2 с. 356–357). Потребность в общении, богатый жизненный опыт, навыки организаторской работы, исключительный авторитет делали М.А. Горького идеальным наставником поколений, а *переписка с детьми давала ему незаменимый заряд энергии, который был необходим для творчества и для жизни.*

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РНФ; проект № 23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение».

Источники

- АГ – Архив А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. ДПГ (фонд детских писем Горькому); ФЕП (фонд Екатерины Павловны Пешковой).
- ГодЛ1 – *Горький М.* Сказка жизни // М. Горький о детской литературе: Статьи и высказывания. – М.: Детгиз, 1958. – С. 68–70.
- ГодЛ2 – *Горький М.* Речь на публичном заседании «Лиги социального воспитания» // М. Горький о детской литературе: Статьи и высказывания. – М.: Детгиз, 1958. – С. 76–85.
- Гол – *Горький М.* О литературе: Статьи 1928–33 гг. – М.: Сов. лит., 1934. – 298 с.
- МПБЧ – *Рыбникова М.А.* От маленького писателя – к большому читателю // Русский язык в советской школе. – 1929. – № 2. – С. 81–89.
- ОВН – *Горький М.* О возвеличенных и «начинающих» // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 24. – С. 359–364.
- ПСС17 – *Горький М.* Кружку казанских краеведов // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2014. – Т. 17. – С. 218–219.
- ПСС19-1 – *Горький М.* В.В. Зеленину и Л.М. Маклашину // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2017. – Т. 19. – С. 215–217.
- ПСС19-2 – *Горький М.* Д.А. Лутохину // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2017. – Т. 19. – С. 356–357.
- ПЧ – *Горький М.* Переписка с читателями // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 25. – С. 218–226.

Литература

1. *Кудрина Е.В.* Коллекция детских писем 1899–1936 гг. в архиве А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук // Вестн. архивиста. – 2022. – № 4. – С. 1198–1211. – doi: 10.28995/2073-0101-2022-4-1198-1211.
2. *Кудрина Е.В.* Роль М. Горького в истории издательства «Детгиз» // Детские чтения. – 2020. – № 18 (2). – С. 407–424. – doi: 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424.
3. *Никольский В.А.* Сочинения в средней школе. – М.: Учпедгиз, 1950. – 216 с.
4. *Коновалова С.А.* Духовная родина Максима Горького. Казань в судьбе писателя. – Казань: Нац. музей РТ, 2007. – 200 с.
5. *Сальникова А.А., Журавлев Д.С.* Школьные образовательные реформы и формирование нового советского школьного пространства в Казани в 20–30-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 191–201. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.191-201.

Поступила в редакцию 08.02.2023
Принята к публикации 11.04.2023

Кудрина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения и издания творчества А.М. Горького
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ул. Поварская, д. 25 а, г. Москва, 121069, Россия
E-mail: kelenvik@yandex.ru

M. Gorky's Correspondence with Kazan Children*E.V. Kudrina**A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, 121069 Russia**E-mail: azaliya_rysh@mail.ru*

Received February 8, 2023; Accepted April 11, 2023

Abstract

This article honors M. Gorky, the renowned proletarian writer, and considers his correspondence with Kazan schoolchildren and students of the Kazan Technical Plant in the 1920s and 1930s. So far, these letters have received little attention from researchers, but their value for raising young Soviet citizens in line with the new trends of Soviet education and state ideology is undeniable. Here, M. Gorky's epistolary heritage and journalistic statements are analyzed, and 12 letters written to him by Kazan children are studied. The letters are available in the A.M. Gorky Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (AG IWL RAS) and introduced for the first time into the scholarly discourse. The analysis shows that M. Gorky was always considerate and thoughtful towards his young addressees so that he became a mentor to the younger Soviet generation. The survey reveals that the children's letters have a rich informational and source potential. They provide a better insight into the psychological and social image of the Soviet people in the 1920s and 1930s. The results obtained are relevant to future studies on the epistolary and journalistic heritage of M. Gorky and add considerably to our understanding of the historical and literary process of that epoch. The epistolary materials involved in the study should be of interest to anyone curious about the Soviet period.

Keywords: M. Gorky, mentoring, children, correspondence, Kazan, 1920–1930s

Acknowledgments. This study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 23-28-01158, "Maxim Gorky and Grassroots Literary Movement").

Photo Captions

Photos 1 and 2. Letter of N.F. Kalinin to A.M. Gorky (first and last pages). February 13, 1928. Photo from the A.M. Gorky Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. DpG-29-55-1.

Photo 3. Letter of G. Eriklyeva, V. Kaparulina, and N. Kolobzarov to M. Gorky. October 29, 1935. Photo from the A.M. Gorky Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. DpG-5-58-1.

Photo 4. Letter of the students of the Kazan Nine-Year School No. 15 to M. Gorky. April 2, 1928. Photo from the A.M. Gorky Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. DpG-15-47-1.

References

1. Kudrina E.V. Collection of children's letters in the A.M. Gorky Archive of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik Arkhivista*, 2022, no. 4, pp. 1198–1211. doi: 10.28995/2073-0101-2022-4-1198-1211. (In Russian)
2. Kudrina E.V. *The role of M. Gorky in the history of the Publishing House "Detgiz". Detskie Chteniya*, 2020, no. 18 (2), pp. 407–424. doi: 10.31860/2304-5817-2020-2-18-407-424. (In Russian)

3. Nikol'skii V.A. *Sochineniya v srednei shkole* [Essays in Middle School]. Moscow, Uchpedgiz, 1950. 216 p. (In Russian)
4. Konovalova S.A. *Dukhovnaya rodina Maksima Gor'kogo. Kazan' v sud'be pisatelya* [Maxim Gorky's Spiritual Home. Kazan in the Writer's Life]. Kazan, Nats. Muz. Resp. Tatarstan, 2007. 200 p. (In Russian)
5. Salnikova A.A., Zhuravlev D.S. School education reforms and development of a new Soviet school space in Kazan during the 1920s and 1930s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 191–201. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.191-201. (In Russian)

Для цитирования: Кудрина Е.В. Переписка М. Горького с казанскими детьми // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 168–180. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.168-180.

For citation: Kudrina E.V. M. Gorky's correspondence with Kazan children. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 168–180. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.168-180. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93:323.3

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.181-190

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ВУЗОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ ТРУДА В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

О.А. Хабибрахманова

*Казанский государственный медицинский университет,
г. Казань, 420012, Россия*

Аннотация

В статье изучены пути трансформации системы высшего образования в России 30-х годов XX в. В этот период происходят структурные изменения, связанные в первую очередь с переориентацией системы образования на выполнение государственного заказа; значительное место занимали также вопросы воспитания советского специалиста. В этих условиях в стране развернулась масштабная работа по созданию технических вузов, особое место в деле подготовки советских технических кадров отводилось Среднему Поволжью, где в кратчайшие сроки было открыто сразу несколько вузов технического профиля. На основе архивных документов изучены практики строительства новой высшей школы, главной целью которой стало выполнение государственного заказа по обучению советских специалистов-производственников, способных решить важнейшие задачи индустриализации страны. Тесная связь науки с производством способствовала появлению новых форм труда, которые не всегда «приживались» в профессорско-преподавательской среде. Тем не менее к концу 30-х годов XX в. Советскому государству, взявшему путь на развитие индустриализации, удалось сформировать приоритетное направление в системе высшего образования – техническое.

Ключевые слова: научная интеллигенция, советская власть, технические вузы, Среднее Поволжье, Казанский университет, стахановское движение, социалистическое соревнование, рабочие факультеты, профессорско-преподавательский состав, трансформации

Советский проект по переустройству высшего образования в 30-е годы XX в. был едва ли менее значительным, чем предшествующие ему изменения в области образования раннесоветского периода. И если в 20-е годы радикальные преобразования привели к слою дореволюционной системы высшего образования, изменили управление и структуру вузов, наводнили студенческие аудитории пролетарской молодежью и пр., то трансформации 30-х годов призваны были поставить высшие учебные заведения на службу стремительно меняющейся экономике страны [1, с. 228].

Взятый советским правительством курс на развитие тяжелых отраслей промышленности потребовал немедленной поставки на вновь создаваемые предприятия высококвалифицированных специалистов. Весьма непростая ситуация с инженерными кадрами сложилась в Среднем Поволжье, территория

которого, по замыслам властей, должна была стать центром промышленного развития всего Поволжья [2, с. 20].

Между тем созданные в 20-е годы XX в. советские вузы оказались по большей части нежизнеспособными. Сказывалась нехватка профессорско-преподавательских кадров, отсутствовало и должное финансирование. К началу следующего десятилетия крупными центрами Среднего Поволжья по подготовке специалистов по-прежнему оставались два университета – Казанский и Саратовский, которые были не в состоянии удовлетворить все растущий кадровый голод. Вместе с тем масштабы преобразований были настолько значительны, что требовалась массовая подготовка советских специалистов. Именно поэтому 23 июля 1930 г. выходит постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» (СЗ, ст. 411), согласно которому многопрофильные вузы преобразовывались в самостоятельные отраслевые учебные заведения. Огромная работа в этом направлении была проведена в вузах Среднего Поволжья. Уже в 1930 г. Казанский университет вновь оказался в центре грандиозных трансформаций. Тогда на базе химического факультета Казанского университета и Политехнического института был образован Казанский химико-технологический институт [3, с. 525].

В том же году появился Казанский энергетический институт; статус самостоятельного медицинского института получил одноименный факультет Казанского университета [4, с. 10]. В 1932 г. аэродинамическое отделение Казанского университета было преобразовано в Авиационный институт [5, с. 8]. На базе факультета советского права и строительства в 1931 г. был образован Институт советского строительства, на базе юридического факультета – Институт советского права, а на базе экономического – Финансовый институт [3, с. 525]. В 1939 г. был открыт Елабужский государственный педагогический институт. В этот же период в разных районах республики стали открываться рабочие факультеты вузов. Так, в Елабуге было открыто два рабочих факультета: Казанского финансово-экономического (1931) (ГА РТ1, л. 2) и Казанского сельскохозяйственного институтов (1932) (ГА РТ2, д. 40, л. 5). В 1934 г. – Набережно-челнинский рабфак при Казанском государственном ветеринарном институте, просуществовавший только год (ГА РТ3, л. 84).

Серьезные изменения происходили и в других вузах Среднего Поволжья. В 1929–1930 гг. из состава бывшего Императорского Николаевского университета – Саратовского – были выделены восемь вузов и втузов [6, с. 151].

В новой системе подготовки кадров университеты должны были заняться подготовкой кадров «для вузов», НИИ, производственных лабораторий (ГА РФ. Ф. А. 2306, л. 25–26). Согласно директивам 30-х годов XX в., вузы выстраивали структуры управления по принципам, принятым на советских предприятиях (ГА РФ. Ф. А. 298, л. 69–70). Так, управление Казанским университетом было перестроено на принципах единоначалия. Даже наименование администрации было заменено однотипным с наименованием администрации фабрично-заводских предприятий. Во главе университета стоял директор, а во главе факультетов – заведующие факультетами [7, с. 322]. Восточно-педагогический институт в 1934 г. был переименован в Казанский государственный педагогический и учительский институт и также возглавлялся директором. Директор

института назначал деканов факультетов, кандидатуры которых в обязательном порядке утверждались в Народном комиссариате просвещения. В институте на тот момент насчитывалось шесть факультетов, директор выдвигал и кандидатуры заведующих кафедрами, после чего их также утверждал Наркомпрос [8, с. 33].

Рост числа вузов был характерным явлением не только для сформировавшихся научных центров Поволжья – Саратова и Казани. В кратчайшие сроки в Самаре было открыто сразу несколько институтов: медицинский, педагогический, индустриальный, планово-экономический [9, с. 40]. В 1932 г. был создан Ульяновский государственный педагогический институт [9, с. 41]. С целью усиления подготовки национальных учительских кадров в 1930 г. в Чебоксарах был открыт педагогический институт [10, с. 311].

В 30-е годы XX в. пути формирования «советского» высшего образования мыслились реформаторами в неразрывной связи с развитием социалистического производства, провозглашалась политика тесного взаимодействия науки с производством. В связи с этим было определено место высших учебных заведений как производственных звеньев, обслуживающих интересы социалистического производства. Знаковыми стали и назначения на руководящие должности вузов людей, имеющих большой опыт работы на производстве и в госструктурах [11, с. 96].

Так, в 1931 г. управлять факультетом спецпроизводств Казанского химико-технологического института был направлен первый секретарь Татарского обкома комсомола Г.Ф. Фасхутдинов. Первыми преподавателями вуза были технические директора Казанского порохового завода, работавшие по совместительству: Л.Г. Светлов и Н.Г. Путимцев [12, с. 24].

Тесная связь науки с производством налаживалась не только с помощью увеличения числа технических учебных заведений, также изменялись учебные планы, увеличивалось число производственных практик, появлялись новые формы труда. В начале 30-х годов XX в. повсеместно вводилось социалистическое соревнование как метод повышения производительности труда. «Дух» соревнования должен был охватить все сферы деятельности советского человека, в том числе и сферу деятельности советского ученого. Фактически во всех вузах Среднего Поволжья в то время стали внедрять соцсоревнование [13, с. 106].

Так, на собрании студентов и преподавателей Казанского финансово-экономического института были намечены планы по реализации новых форм труда: «Собрание особо необходимым считает организовать систематическую и углубленную самостоятельную работу над Кратким курсом истории ВКП(б). <...> Собрание считает необходимым всесторонне развернуть социалистическое соревнование, как решающий метод борьбы за высокое качество учебы» (ГА РТ4, д. 179, л. 6). Все преподаватели вузов должны были стать активными участниками социалистического соревнования, лучшим преподавателям по результатам соревнования присваивалось звание «ударник».

И вот уже кафедра всеобщей истории Восточного педагогического института в отчете о результатах своей работы констатирует: «Кафедра является ударной, выполняет обязательства, принятые ею на себя», – правда, далее при-

знает, что «сейчас кафедра проводит вторичную проверку ударных обязательств, а работники кафедры перешли к составлению индивидуальных ударных обязательств. Ряд пунктов в обязательствах выполняется, но все же ударная работа кафедры недостаточна» (ГА РТ5, л. 26). Все-таки большинству ученых путь к «ударничеству» представлялся весьма смутно. О выполнении взятых на себя социалистических обязательств отчитались в 1931 г. преподаватели Елабужского сельскохозяйственного рабфака. Академическая работа, по мнению преподавателей, была возможна благодаря марксистско-ленинской установке на преподавание дисциплин на основе диалектического материализма. Далее преподаватели сообщали, что «особенно основательно подверглись переработке программы по биологии, химии, политической экономии. Продолжается работа по линии наибольшей увязки программ с советской реальностью» (ГА РТ2. Ф. Р. 4553, оп. 1, д. 5, л. 26).

В 1933 г. Казанский университет рапортовал о том, что «сделаны довольно решительные шаги в деле укрепления специальных кафедр лучшими профессорами-ударниками» (ГА РТ6, л. 3 об.). В музее истории Казанского государственного университета сохранилась фотография грамоты, врученной профессору математики П.А. Широкову. Вручение состоялось на торжественном заседании научных работников и технических служащих. На специальном бланке было записано, что Петра Алексеевича премируют как лучшего ударника, показавшего образцы ударной работы, и надеются на увеличение ударных темпов социалистического труда.

Уже в 1938 г., шагая в ногу со временем, кафедры почвоведения и агрохимии Казанского университета подписали договор социалистического соревнования. Как и полагается в таких случаях, были приняты обязательства: «1. Продуктивно использовать учебное время. 2. Пополнить коллекцию учебно-наглядных пособий. 3. Вести лекции на высоком идейном уровне. 4. Вести научную работу по актуальным и имеющим научную ценность темам...» (ГА РТ7, л. 81).

Доцент Сельскохозяйственного института Тихвинская, видимо, слабо представляя свое участие в социалистическом соревновании, неуверенно говорила: «Это движение надо развивать внутри кафедры, и попытки были. Как, например, выявлено кафедрами, чего не хватает, в чем острая нужда и что надо сделать в первую очередь...» (ГА РТ8, д. 7, л. 70). Но работа продолжалась вопреки обстоятельствам. Преподаватели Набережночелнинского филиала рабфака при Казанском государственном ветеринарном институте ежемесячно прилежно писали производственные планы, давали обязательства (ГА РТ3, д. 6). В производственном плане Медицинского института в 1935 г. было записано, что необходимо: «Добиться 100% охвата научных работников соцсоревнованием, взяв с каждого индивидуальное обязательство» (ГА РТ8, д. 3, л. 32).

В 1937 г. в Саратовском институте марксизма-ленинизма был заключен договор социалистического соревнования между кафедрами философии и истории [14, с. 90].

В договоре были прописаны основные направления, по которым следовало организовать соревнование среди профессорско-преподавательского состава

этих подразделений: «1. Борьба за высокое качество преподавания (чтение лекций, консультации). 2. Систематическая работа с товарищами, имеющими затруднения в своей работе над вопросами политэкономии. 3. Помощь слушателям в работе над первоисточниками и письменным оформлением своих работ. 4. Привлечение отдельных слушателей к работе над докладами. 5. Лучшая подготовка к экзаменам и проведению экзаменов» (ГАНИ СО. Ф. Р. 225, л. 10).

Не отставали от своих коллег и преподаватели других вузов Поволжья. В договоре соцсоревнования между Ульяновским и Самарским педагогическими институтами значились: совершенствование методов научной и лабораторной работы, педагогического процесса, подготовки кадров, борьба с потерями рабочего времени и прочее (СОГАСПИ, л. 4). Важной составляющей в договоре о соцсоревновании был раздел об идейно-просветительской работе среди сотрудников и студентов вузов (ЦГАСО, л. 8). В Ульяновском педагогическом институте в соцсоревновании должны были принимать участие все без исключения кафедры (ГАНИ УО, л. 21).

В 1939 г., во время обследования Казанского финансово-экономического института, бригада Наркомпроса РСФСР пришла к следующим выводам: «Работа по соцсоревнованию и ударничеству выявила слабые места... Недостаточное участие в соцсоревновании и ударничестве всей массы профессорско-преподавательского состава за исключением отдельных активных лиц» (ГА РТ4, д. 8, л. 35). Об отношении к мероприятиям, инициированным советской властью, свидетельствует и другой пример. На общем собрании партийного коллектива Саратовского педагогического института должен был обсуждаться вопрос: «О ходе социалистического соревнования, заключенного между Куйбышевским и Саратовским педагогическими институтами». Но выступающих не оказалось, доклады были не подготовлены. Звучали оправдания: «Социалистический договор не стал достоянием широких масс, и поэтому мы свои выступления к собранию не подготовили» (ГАНИ СО. Ф. Р. 92, л. 73). Несмотря на это, новые формы работы постепенно входили в профессиональную практику вузовской интеллигенции.

Активизировать производство и повысить производительность труда власти пытались и с помощью насаждения «стахановского движения», основой которого явилось соревнование за выполнение и перевыполнение производственных планов. По инициативе властей «стахановское движение» охватило все советские республики. Становиться «стахановцами-профессионалами» должны были и ученые. Новые формы широко обсуждались на многочисленных заседаниях и собраниях того времени. Часть вузовской интеллигенции, поддерживающая новую власть, активно включалась в использование новых форм работы. Так, профессор В.И. Баранов на одном из совещаний научных работников, состоявшемся в 1935 г., взял слово и среди прочего отметил, что необходимо изучить основы стахановского движения, что это «новая высокая техника», в ней необходимо «научно выявить наши возможности» (ГА РТ8, д. 7, л. 70). Члены совещания единогласно постановили, что в связи с развитием стахановского движения главными вопросами должны стать: рационализация труда, обмен опытом, разбор лучших методов работы, изобретательство (ГА РТ8, д. 7, л. 76).

Другая часть профессорско-преподавательской корпорации недоумевала: как стать профессором-ударником, было более или менее понятно, но как стать еще и «стахановцем» – было неясно. Тогда профессура и преподаватели использовали интересную форму адаптации – они буквально выполняли директивы властей. Нужно соревнование – стали соревноваться между собой по досрочному приему экзаменов, пускай даже в ущерб учебному процессу. Нужно перевыполнение учебных планов – стали читать сокращенные лекционные курсы.

Все «творческие» начинания профессоров и преподавателей очень скоро были пресечены, была объявлена борьба с «перегибами». На одном из собраний преподавателей Казанского юридического института в 1935 г. говорили о стахановском движении и методах его внедрения в жизнь вуза: «Стахановское движение – отклик на речь товарища Сталина от 4 мая, основа его – борьба за поднятие производительности труда, но наблюдаются приемы извращенного проведения стахановского метода. Применение стахановского метода в условиях вуза должно быть в специфичной форме» (ГА РТ9, л. 37). На этом же партсобрании было предложено буквально следовать предписаниям по реализации «стахановского движения»: «1. Борьба за четкую педагогически продуманную организацию работы; 2. Иметь для каждой лекции и семинара проспект занятия; 3. Тщательная подготовка урока и его оборудования; 4. Рациональное использование каждой минуты рабочего времени» (ГА РТ9, л. 37).

Между тем запущенный механизм реформ остановить было невозможно. В 1936 г., наряду с другими постановлениями высшей власти, значимым стало постановление СНК РСФСР и ЦК ВКП (б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». В документе предписывалось: «...Предложить народным комиссарам и руководителям ведомств лично знакомиться с состоянием высших учебных заведений и систематически заслушивать доклады директоров высшей школы... <...> Подчинить управление вузов непосредственно народным комиссарам или руководителям ведомств. <...> ...Директора вузов утверждаются и смещаются Всесоюзным Комитетом по высшей школе СНК СССР по представлению народных комиссариатов» (Реш.хоз.вопр., с. 590). Постановление полностью избавляло вузы от каких-либо проявлений самостоятельности и подчиняло систему управления вышестоящим советским органам власти. Был определен порядок выдвижения деканов факультетов, руководителей кафедр, доцентов и других сотрудников, четко прописаны их служебные обязанности.

Постановление стало знаковым и одним из последних в череде радикальных преобразований высшей школы в 30-е годы XX в. К концу десятилетия эксперименты советской власти по реструктуризации вузов сошли на «нет». К этому времени прекратили существование некоторые учебные заведения. Закрылись рабфаки, необходимость в их функционировании отпала после введения в стране десятилетнего образования. В связи с развернувшейся в стране индустриализацией приоритетным направлением стало развитие технического образования.

Источники

- ГА РТ1 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 5942: Елабужский рабфак при Казанском финансово-экономическом институте им. В.В. Куйбышева. Оп. 1. Д. 11. 95 л.
- ГА РТ2 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 4553: Елабужский рабфак при Казанском сельскохозяйственном институте им. А.М. Горького. Оп. 1. Д. 40. 74 л.; Д. 5. 28 л.
- ГА РТ3 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 4557: Набережно-Челнинский рабфак при Казанском государственном ветеринарном институте. 1934–1935 гг. Оп. 2. Д. 6. 87 л.
- ГА РТ4 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 7351: Казанский ордена «Знак Почета» финансово-экономический институт им. В.В. Куйбышева. 1930–1984 гг. Оп. 1. Д. 179. 7 л.; Д. 8. 110 л.
- ГА РТ5 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 1487: Казанский государственный педагогический институт. 1918–1976 гг. Оп. 1. Д. 320. 119 л.
- ГА РТ6 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 732: Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов ТАССР (Тат. ЦИК, ЦИК ТАССР). 1920–1938 гг. Оп. 1. Д. 2310. 60 л.
- ГА РТ7 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 926: Казанский ордена «Знак Почета» сельскохозяйственный институт им. А.М. Горького. 1918–1981 гг. Оп. 1. Д. 359. 117 л.
- ГА РТ8 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 5888: Татарский областной комитет профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений. 1934–1957 гг. Оп. 1. Д. 7. 157 л.; Д. 3. 103 л.
- ГА РТ9 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р. 5799: Казанский юридический институт. 1931–1952. Оп. 1. Д. 10. 64 л.
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации Ф. А. 2306: Наркомат просвещения РСФСР. Оп. 69. Д. 2112. 234 л.; Ф. А. 298: Главный ученый совет. Оп. 1. Д. 7. 78 л.
- ГАНИ СО – Государственный архив новейшей истории Саратовской области Ф. Р. 225: Саратовский институт марксизма-ленинизма. 1935–1937 гг. Оп. 1. Д. 300. 112 л.; Ф. Р. 92: Партком Саратовского педагогического института. 1928–1987 гг. Оп. 1. Д. 31. 89 л.
- СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории Ф. 9400: Куйбышевский краевой комитет профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений. Оп. 1. Д. 5. 434 л.
- ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области Ф. Р. 2304: Куйбышевский педагогический институт. Оп. 1. Д. 53. 76 л.
- ГАНИ УО – Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 13: Первичная партийная организации Ульяновского педагогического института. Оп. 1. Д. 1199. 47 л.
- СЗ – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1930 гг.: в 4 т. – М.: Изд-во Упр. делами СовНарКома СССР. – Т. 1. – 1948. – 575 с.
- Реш.хоз.вопр. – Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов: в 16 т. / Сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 2: 1929–1940 годы. – 798 с.

Литература

1. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 498.
2. Демидова Е.В. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930-е гг.: Дис. ... док. ист. наук. – Саратов, 2007. – 404 с.
3. Хабибрахманова О.А. Вузовская интеллигенция Среднего Поволжья в условиях социально-культурных трансформаций советского общества 1920–1930-х гг.: Дис. ... док. ист. наук. – Казань, 2021. – 532 с.
4. Иванов А.Ю. Казанский государственный медицинский институт в зеркале социокультурной истории. – Казань: Медицина, 2014. – 247 с.
5. Дегтярев Г.Л., Сафариев М.С. Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева: Люди и вехи истории. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. – 176 с.
6. Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. История Саратовского университета. 1909–2009: в 2 т. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – Т. 1: 1909–1945. – 293 с.
7. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет 1804/05–1929/30: в 2 т. – Казань: Каз. ун-т, 1930. – Т. 2. – 382 с.
8. Крашенинникова Т.П., Синицин О.В. Евгений Иванович Устюжанин (1902–1968): Очерки жизни и деятельности. – Казань: Астория, 2012. – 98 с.
9. Милаева О.В. Развитие науки в Поволжье в 1930-е годы: По материалам высших учебных заведений Самары, Саратова, Ульяновска: Дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – 259 с.
10. Иванова Т.Н., Агеева Н.Н., Краснова М.Н. Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения. – Чебоксары: Среда, 2017. – С. 311–316.
11. Семенов В.Н. Ректоры Саратовского государственного университета: факты жизни и деятельности. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 302 с.
12. Никифоров А.Е. Краткая история Инженерного химико-технологического института: 1931–2011. – Казань: КНИТУ, 2011. – 319 с.
13. Сюков А.В. Власть и наука в Среднем Поволжье в конце 1920-х – 1930-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2009. – 219 с.
14. Абубикерова Э.Ф. Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг.: на примере вузов Саратова: Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2013. – 268 с.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Принята к публикации 31.03.2023

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социологии

Казанский государственный медицинский университет
ул. Бутлерова, д. 45, г. Казань, 420012, Россия
E-mail: OlgaAH@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1-2, pp. 181–190

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.181-190

Restructuring of Universities in the Middle Volga Region and New Forms of Work Organization in the 1930s

O.A. Khabibrakhmanova

Kazan State Medical University, Kazan, 420012 Russia

E-mail: OlgaAH@yandex.ru

Received January 20, 2023; Accepted March 31, 2023

Abstract

This article examines the changes in the higher education system of Russia during the 1930s when the long-established educational system was transformed to meet the state's demands. The Soviet state faced the problem of training and fostering highly qualified specialists to solve the problems of the country's industrialization. For this reason, an extensive campaign was launched to create technical universities in the country. The Middle Volga region, where several technical universities were opened in a short time, played an important role in this process. Based on archival documents, the steps taken to build a new higher school are analyzed. Due to the state demand for the economy industrialization, new forms of work organization were introduced into the professional activities of professors and lecturers, in some cases either against their actual will or under pressure from the authorities. A close connection between science and production contributed to the emergence of new work formats that did not always "fit" into the academic environment. By the end of the 1930s, however, the Soviet state, which had set a clear course for the development of industrialization, defined technical specialization as a priority direction in the system of higher education.

Keywords: academic intelligentsia, Soviet power, technical universities, Middle Volga region, Kazan University, Stakhanovite movement, socialist competition, workers' faculties, teaching staff, transformations

References

1. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani* [Terra Universitatis: Two Centuries of the University Culture in Kazan]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2005. 498p. (In Russian)
2. Demidova E.V. *Stanovlenie i razvitie sovetskoi vysshei shkoly v 1920–1930-e gg.* [The Establishment and Development of the Soviet Higher School in the 1920s–1930s]. *Doct. Hist. Diss.* Saratov, 2007. 404 p. (In Russian)
3. Khabibrakhmanova O.A. The university intelligentsia of the Middle Volga region under the conditions of socio-cultural transformations of Soviet society in the 1920s–1930s. *Doct. Hist. Diss.* Kazan, 2021. 532 p. (In Russian)
4. Ivanov A.Yu. *Kazanskii gosudarstvennyi meditsinskii institut v zerkale sotsiokul'turnoi istorii* [Kazan State Medical Institute as Mirrored by Socio-Cultural History]. Kazan, Meditsina, 2014. 247 p. (In Russian)
5. Degtyarev G.L., Safariev M.S. *Kazanskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. A.N. Tupoleva: Lyudi i vekhi istorii* [Kazan State Technical University Named after A.N. Tupolev: People and Historical Milestones]. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Tekh. Univ., 2002. 176 p. (In Russian)

6. Avrus A.I., Gaponenkov A.A., Danilov V.N. *Istoriya Saratovskogo universiteta. 1909–2009* [A History of Saratov University. 1909–2009]. Vol. 1: 1909–1945. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 2009. 293 p. (In Russian)
7. Korbut M. K. *Kazanskii gosudarstvennyi universitet imeni V.I. Ul'yanova-Lenina za 125 let 1804/05–1929/30* [Vladimir Ulyanov-Lenin Kazan State University over 125 Years, 1804/05–1929/30]. Vol. 2. Kazan, Kazan. Univ., 1930. 382 p. (In Russian)
8. Krashenninnikova T.P., Sinitsin O.V. *Evgenii Ivanovich Ustyuzhanin (1902–1968): Ocherki zhizni i deyatel'nosti* [Evgeny Ivanovich Ustyuzhanin (1902–1968): Essays on the Life and Work]. Kazan, Astoriya, 2012. 98 p. (In Russian)
9. Milaeva O.V. The development of science in the Volga region during the 1930s: Based on the materials of higher educational institutions in Samara, Saratov, and Ulyanovsk. *Cand. Hist. Diss.* Penza, 2005. 259 p. (In Russian)
10. Ivanova T.N., Ageeva N.N., Krasnova M.N. The paradigms of university history and the prospects of university studies (on the 50th anniversary of I.N. Ulyanov Chuvash State University). *VII Arsent'evskie chteniya* [Proc. VII Arsentiev Lectures]. Cheboksary, Sreda 2017, pp. 311–316. (In Russian)
11. Semenov V.N. *Rektory Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta: fakty zhizni i deyatel'nosti* [Rectors of Saratov State University: Facts of Life and Work]. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 1999. 302 p. (In Russian)
12. Nikiforov A.E. *Kratkaya istoriya Inzhenernogo khimiko-tekhnologicheskogo instituta: 1931–2011* [A Brief History of Engineering Institute of Chemical Technology: 1931–2011]. Kazan, KNITU, 2011. 319 p. (In Russian)
13. Syukov A.B. Power and science in the Middle Volga region between the late 1920s and 1930s. *Cand. Hist. Diss.* Samara, 2009. 219 p. (In Russian)
14. Abubikerova E.F. Daily life of academic and pedagogical staff in the province during the 1920s: Using Saratov universities as an example. *Cand. Hist. Diss.* Saratov, 2013. 268 p. (In Russian)

Для цитирования: Хабибрахманова О.А. Структурная перестройка вузов Среднего Поволжья и новые формы труда в 30-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1-2. – С. 181–190. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.181-190.

For citation: Khabibrakhmanova O.A. Restructuring of universities in the Middle Volga region and new forms of work organization in the 1930s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1-2, pp. 181–190. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.181-190. (In Russian)

К 220-ЛЕТИЮ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2(09)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.191-210

ОСНОВАТЕЛЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРАВА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ФАДДЕЙ ГРЕГОРОВИЧ: СУДЬБА УЧЕНОГО И ЕГО НАСЛЕДИЯ

Л.А. Сыченкова, Л.В. Бакулина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье на основе документов, отложившихся в фондах Государственного архива Республики Татарстан и Кальварийского кладбища в Минске, осуществлена реконструкция биографии почти забытого профессора кафедры уголовного права и судопроизводства Императорского Казанского университета Фаддея Владиславовича Грегоровича. Впервые введены в научный оборот документы, позволившие описать круг семьи, определившей выбор профессии, установить точную дату смерти ученого. Обращение к новым документам позволило не только восполнить некоторые пробелы в его биографии, но и проследить особенности становления его как специалиста в области теории уголовного права. Доказана несостоятельность мифа о конфликте между Ф.В. Грегоровичем и А.А. Пионтковским. Раскрыта причина досрочного выхода профессора на пенсию, которой явилась личная трагедия ученого – нервная болезнь, объясняющая появление его негативного образа в историографии. Участие Ф.В. Грегоровича в V Международном Пенитенциарном конгрессе 1895 г. в Париже свидетельствовало о признании научным сообществом формирования в Казанском университете тюрьмоведения как особого направления в системе наук уголовно-правового цикла.

Ключевые слова: Грегорович Фаддей-Антон Владиславович, Tadeusz Hrehorowicz, Хрехорович, Пенитенциарный конгресс, Казанский университет, тюрьмоведение, юридический факультет

Профессор права Фаддей-Антон Владиславович Грегорович / Tadeusz Hrehorowicz принадлежит к числу полузабытых фигур в истории российского уголовного права и тюрьмоведения. В 30 лет он защитил докторскую диссертацию по праву, в 42 года стал сначала экстраординарным, а затем (1894 г.) ординарным профессором Императорского Казанского университета (ИКУ), дослужился до звания статского советника. Ф.В. Грегорович был разносторонне образованным человеком, свободно владел французским, немецким, английским и итальянским языками, имел незаурядную память, знал наизусть почти всего Данте (I, с. 15). В 49 лет Ф.В. Грегорович досрочно, по болезни, ушел на пенсию. Прожил всего 54 года. Линия жизни польского дворянина из Минской гу-

бернии (II, с. 151–200, 187–190) пространственно протекала между фольварком «Тарасово» под Минском, Парижем, Дерптом, Ярославлем, Варшавой и Казанью. Таков абрис его биографии.

Вокруг личности Ф.В. Грегоровича уже более века сохраняются легенды, мешающие объективному определению его места и вклада в теорию преступления и наказания, которую развивали российские правоведы в конце XIX – начале XX в.

Внешняя канва его жизни на первый взгляд весьма обычна, однако отдельные эпизоды биографии до сих пор не прояснены и вызывают много вопросов. Загадки вокруг имени Ф.В. Грегоровича сплетаются в клубок устойчивых мифов, передающихся в коллективной памяти поколений более 120 лет, повторяются в публикациях, касающихся истории казанского юрфака. Для объяснения причин сложившегося в профессиональном сообществе негативного образа ученого потребовалось тщательное исследование документов Государственного архива Республики Татарстан. Восстановление непроясненных деталей биографии проводилось на основании сведений из Гербовника Белорусской шляхты (II), генеалогических форумов. Для уточнения даты смерти были привлечены сведения из книги Кальварийского кладбища в Минске¹. Реконструкция биографии ученого позволила верифицировать сведения из информационных ресурсов архивными документами.

Первые опыты написания биографии Ф.В. Грегоровича были предприняты еще в начале XX в. в словаре Императорского Варшавского университета (ИВУ) на основе его *Curriculum vitae*². В последующем биографы ученого в разных вариантах переписывали данные из его личного дела (I), хранившегося в канцелярии ИВУ. Сведения из словаря Варшавского университета копировались практически без изменений в статьях и энциклопедических изданиях В.В. Есипова (I), В.П. Загоскина (III, ч. II, с. 18–19), А.И. Михайловского (IV, с. 97–98) и др.

В советское время Ф.В. Грегоровича на долгие годы забыли, редкие исследования о нем стали появляться в 90-х годах XX в. Сначала это были упоминания в связи с изучением истории польского костела в Казани [1, с. 15]. Затем о нем вспомнили историки в контексте изучения темы о роли поляков в истории Казанского университета [2, с. 71]. Более обстоятельный анализ некоторых фактов и эпизодов биографии ученого был связан с попытками вписать фигуру и наследие Ф.В. Грегоровича в летопись юридического факультета ИКУ [3, с. 110–111; 4] и определить его место в научном сообществе преподавателей юрфака ИВУ [5, с. 97–98].

Родовое гнездо – фольварк «Тарасово»

Итак, Фаддей-Антон Владиславович Грегорович – или, согласно сведениям из метрики, Тадеуш Хрехорович / *Tadeusz Hrehorowicz* – родился в семье польских дворян 28 октября 1848 г. в родовом фольварке «Тарасово» Минского уезда Минской губернии (V, 9–9 об.). «Тарасово» прежде находилось на территории Великого Княжества Литовского, затем Речи Посполитой. После Второго

¹ Мы выражаем благодарность за помощь в установлении даты смерти Ф.В. Грегоровича и переводе документов с польского языка краеведу из Старграда (Польша) – Ярославу Томчаку.

² *Curriculum vitae* (лат.) – краткое жизнеописание.

раздела Речи Посполитой (1793) оказалось в составе Российской империи. Тарасово в наши дни – это деревня в Минском районе Минской области.

Копия метрики Фаддея Владиславовича, сделанная в 1884 г., сохранилась в личном деле казанского профессора. Текст записан на польском и русском языках, причем содержание текста на польском не совсем совпадает с русским текстом, особенно в написании фамилий и имен. В метрике записано (фото 1, 1 а): «В фольварке Тарасовка в одна тысяча восемьсот сорок восьмого года 28 декабря, в Минской кальварии преподобный ксендз Ежи Лаврынович, капелан окрестил обрядами таинства младенца двумя именами Тадеуш-Антон. Дворянина Владислава Губернского секретаря и Софии Богдановичей Грегоровичей брачный сын супругов обоих вероисповедания римско-католического кафедрального Минского 28 октября сего года родившегося. Восприемники: Тытус Наборовский – судья Марцяна Хохоровичевой жена судьи»³ (V, л. 9). Копию заверил 13 января 1884 года, «декан города Минска, каноник Макаревич» (V, л. 9 об.).

Фото 1, 1 а. Копия метрического свидетельства Ф.В. Грегоровича (V, л. 9–9 об.).

Публикуется впервые

По сведениям из книги о Кальварийском кладбище в Минске удалось установить некоторых родственников Ф.В. Грегоровича. Дед Фаддея – Юзеф Грегорович (1759 – 19 марта 1841) – служил судьей Главного суда департамента Минской губернии (VI). Поскольку крестный отец Тадеуша – Тытус Наборов-

³ Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация источников сохранены.

ский, муж тетки по отцу Марцаны, был судьей, то можно утверждать, что Фаддей продолжил династию юристов (V, л. 9)⁴.

Многочисленная семья Грегоровичей состояла из родителей, четырех братьев, включая Тадеуша, и двух сестер. По-видимому, семья обладала достаточными средствами для того, чтобы дать сыну хорошее образование. Родители отправили Тадеуша учиться во Францию. В Париже в 30–70-е годы XIX в. учились дети многих поляков, для них даже была открыта специальная Польская школа (*École Polonaise Paris*) [6]. Ф. Грегорович окончил гимназический курс в Париже в 1865 г. [5, с. 97].

Дерпт – Ярославль – Варшава: этапы становления

Фаддей Грегорович продолжил образование на юридическом факультете Дерптского университета (ИДУ), который окончил со степенью кандидата права в 1872 г. Несмотря на то что город Дерпт входил в состав Российской империи, все дисциплины в этом университете преподавали на немецком языке и преподавателями были преимущественно немцы. В 1876 г. Ф.В. Грегорович защитил в Дерптском университете магистерскую диссертацию по уголовному праву. Диссертация была написана на немецком языке и посвящена узкой теме в юриспруденции – «Незаконный аборт как преступление» (*“Das Verbrechen der Abtreibung der Leibesfrucht”*) (VII). Тему Ф.В. Грегоровичу, вероятно, предложил руководитель – декан юридического факультета, профессор И.Е. Энгельман. Магистерская диссертация стала интеллектуальным упражнением для молодого ученого, и в дальнейшем он к этой теме не возвращался.

С 1875 г. Ф.В. Грегорович «исполнял обязанности доцента» в Демидовском юридическом лицее города Ярославля. Первые два года он преподавал римское право и институты римского права, а в 1877 г. был переведен на кафедру энциклопедии права. Жалование, которое получал молодой преподаватель в Демидовском лицее, было невелико: 900 рублей, столовых 150 рублей и квартирных 150 рублей, итого 1200 рублей в год. Даже учитывая то обстоятельство, что ученый был холост (VIII, с. 18–19), это жалование вряд ли могло обеспечить достойную жизнь молодого человека. Ф.В. Грегорович продолжал научные исследования и опубликовал в 1878 г. работу «Свобода воли и наказание» (*“Die Willensfreiheit und strafe”*) (IX).

В ярославский период Ф.В. Грегорович, как свидетельствуют данные его «Аттестата», неоднократно выезжал за границу. В документе зафиксировано, что в 1876 г. ученый выезжал за границу сроком на три месяца во время летних каникул (V, л. 3 об.). Эти поездки, возможно, были связаны с необходимостью получения консультаций у европейских специалистов.

Ф.В. Грегорович обладал завидной целеустремленностью и буквально через три года после защиты магистерской подготовил докторскую диссертацию, но выбрал другое направление в правоведении – теорию преступления и наказания.

В докторской диссертации 1880 г. по уголовному праву на тему «Преступление» (*“Das Verbrechen”*) (X) соискатель развернул свою концепцию. Оппонентами по диссертации Ф.В. Грегоровича были назначены профессора ИДУ: доктор Эдгар Фридрих Лёнинг (XI), Вольдемар фон Роланд и Иван Егорович

⁴ В документах зафиксировано, что отец Фаддея/Тадеуша был помещик Владислав Хрехорович (сын Юзефа) (14.11.1814 – 12.02.1896) (V, л. 9).

Энгельман. Выбранные специалисты, Э. Лёнинг и В. фон Ролан⁵, были известны больше в Германии (XII), чем в России. Третий оппонент, известный в российской науке правовед И.Е. Энгельман (1832–1912)⁶, в отличие от Э.Ф. Лёнинга и В. фон Роланда, никогда не менял своего подданства, оставался жить в России: работал в Дерптском, впоследствии – Юрьевском университете, всегда пользовался заслуженным авторитетом и уважением среди коллег.

Четкая структура докторской диссертации Ф.В. Грегоровича позволяет констатировать, что автор усвоил методологию немецкой криминологии классического направления у дерптских профессоров, излагая строго последовательно свои размышления. В диссертации разработан категориально-понятийный аппарат теории преступления (фото 2).

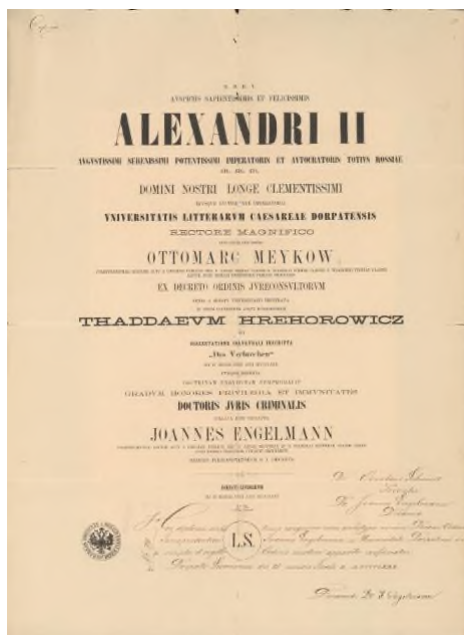

Фото 2. Диплом Ф.В. Грегоровича о присуждении степени Доктора уголовного права Императорского Дерптского университета (V, л. 14). Публикуется впервые

В 1880 г. 11 сентября Ф.В. Грегорович подал прошение на юридический факультет ИВУ «О допущении к чтению лекций по уголовному праву и уголовному судопроизводству» и после прочтения двух пробных лекций на тему «О покушении» и «О ненормальных состояниях души, устраняющих уголовную ответственность по теории и действующему законодательству» 14 января 1881 г. был утвержден приват-доцентом ИВУ по уголовному праву и процессу

⁵ Роланд Вольдемар (1850–1936) – немецкий юрист, профессор права. Начинал свою карьеру в Лейпцигском университете (1877–1878). Затем продолжил работать профессором кафедры уголовного права в Дерптском университете (1878–1892). После Дерпта вновь уехал в Германию и уже навсегда, преподавал уголовное право во Фрайбургском университете (1919–1936).

⁶ Энгельман Иван Егорович (1832–1912) – российский юрист, профессор права. С 1860 по 1900 г. работал профессором кафедры русского, а затем гражданского права Дерптского университета. Читал курсы по истории русского права, уголовному праву и судопроизводству. Неоднократно занимал должность декана. Умер в Юрьеве в 1912 г.

(I, с. 13). Лекции профессор Ф.В. Грегорович посвятил учению об исполнении наказаний, то есть «Тюремоведению». По этому предмету им было написано сочинение под заглавием «Тюремный вопрос» (I, с. 13–14). В мае 1883 г. Ф.В. Грегорович подал прошение об отставке «по домашним обстоятельствам» (I, с. 15). Какие это были обстоятельства, нам не известно. Возможно, появились проблемы со здоровьем.

Следующим местом службы Фаддея Владиславовича через семь лет стал Казанский университет, но чем занимался и где проживал ученый в возрасте от 33 до 40 лет – не известно.

Казанский период

Новый поворот в карьере Ф.В. Грегоровича связан со службой в ИКУ (IV, с. 97–98). Карьера в Казани складывалась успешно: в 1890 г. он – экстраординарный профессор (V, л. 10), а с 1894 г. получает звание ординарного профессора по кафедре уголовного права юридического факультета (XIII, л. 1).

Надо сказать, что в ИКУ с конца 30-х годов XIX в. сложилась многочисленная польская диаспора. На юридическом факультете преподавали поляки: А.Г. Станиславский, А.М. Осипов, В.Ф. Залесский, Г.Ф. Шершеневич. Позволим себе высказать предположение, что в Казани покровительство Ф.В. Грегоровичу мог оказывать декан юридического факультета, профессор права Адольф Михайлович Осипов (1842–1905), который возглавлял кафедру гражданского права и судопроизводства⁷. Польский дворянин, Адольф Михайлович был деканом юрфака с 1886 по 1896 г., и в эти годы карьера Ф.В. Грегоровича в Казани складывалась блестяще: он быстро получил звание ординарного профессора, имел возможность выезжать за границу, принять участие в Международном Пенитенциарном конгрессе 1895 г. в Париже. Все изменилось для него с приходом в 1896 г. нового декана – Г.Ф. Дормидонтова (1852–1919) (III, ч. II, с. 21–23).

Проживал Ф.В. Грегорович достаточно обособленно и далеко от университета в престижном дачном поселке – «Арское поле. Дача Новиковой» (XIV, с. 113), находившемся на том самом месте, где в советские годы располагался санаторий «Казанский»⁸. Это место – на самой окраине Казани конца XIX в., вдоль знаменитого Сибирского тракта. Маршрут Ф.В. Грегоровича от дома до университета пролегал через польский костел [1], находившийся как раз на середине пути⁹.

⁷ Ф.В. Грегорович и А.М. Осипов могли познакомиться еще в 1868 г. в Дерпте, когда А.М. Осипов защищал в ИДУ диссертацию на степень магистра права, а Фаддей Владиславович был студентом юридического факультета. Возможно, с этого момента ученые поддерживали контакты.

⁸ В начале XIX в. купчиха Новикова приобрела на окраине Казани лесной массив площадью почти 5 кв. км, где построила около 20 деревянных домов на одну, две и четыре квартиры.

⁹ Много лет Ф.В. Грегорович был синдиком костела – представителем в суде, отстаивавшим права собственности католической общины [1, с. 15]. Католический приход в Казани был открыт в 1835 г., а здание первого и единственного в городе костела построено в 1855–1858 гг. Здание костела сохранилось (ныне ул. Л. Толстого), но не функционирует по назначению. С 1929 г. в нем располагается корпус КАИ с аэродинамической трубой.

Материальное его положение в Казани можно считать достойным статуса профессора: жалование составляло 2400 рублей, плюс 300 рублей столовых и 300 рублей квартирных. Итого – 3000 рублей в год (XV, л. 10).

В казанский период Ф.В. Грегоровичу удалось несколько раз выезжать за границу с научной целью. Фаддей Владиславович придавал большое значение непосредственным контактам с европейскими специалистами по уголовному праву и тюрьмоведению, личному знакомству «с деятельностью зарубежных правительственных и общественных учреждений, имеющих своей целью предупреждение преступления» (XVI, л. 2 об.), с передовым опытом тюремного содержания осужденных. Ученый объяснял свое стремление к зарубежным командировкам тем, что хотел знать самые свежие новости по тюрьмоведению, которые еще только обсуждались в кругу европейской научной общественности, поскольку публикации в то время медленно доходили до российских ученых (XVI, л. 2 об.).

В одном из документов профессор Ф.В. Грегорович отмечал, что в 1894 г. принимал участие в праздновании юбилея Веттенбергского университета в Халле (Галле) (XVI, л. 2). Вероятно, он воспользовался для приглашения на юбилей своими старыми связями с профессором Э. Лёнингем, оппонентом по докторской диссертации, который был влиятельным человеком в Веттенбергском университете. С 1886 г. Э. Лёнинг преподавал в университете Халле (Галле) конституционное, административное, международное и каноническое право, а в 1899 г. был даже избран его ректором. Позднее Фаддей Владиславович отмечал, что именно в Галле он «имел честь лично познакомиться с программой профессора Листа» (XVI, л. 2). На тот момент Франц фон Лист (1851–1912) был одним из самых влиятельных специалистов в области права, одним из основателей «Международного союза криминалистов» [7].

Ф.В. Грегорович придавал очень большое значение личному знакомству с Ф. Листом, хотя в своих книгах и статьях критиковал его концепцию. В науке для него не было кумиров, он критиковал также и Ч. Ломброзо, с презрением относился к антропологическому направлению в тюрьмоведении: «Ф.В. Грегорович называл уголовную антропологию продуктом врачебного шарлатанства и психиатрической лжеэкспертизы и опасался ее негативного воздействия на развитие юридического образования в России» [8, с. 34]. Авторитетом для него оставался профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий (XVII, с. 195, 196), с почтением он цитировал в своих работах зарубежных классиков тюрьмоведения: Дж. Говарда и У. Крофтона¹⁰ (XVII, с. 193, 195). Можно сказать, что именно в Казани Ф.В. Грегорович сформировался как специалист по уголовному праву и тюрьмоведению.

¹⁰ Сэр Уолтер Крофтон (1815–1897) – ирландский пенитенциарный реформатор, с 1854 по 1862 г. был председателем Совета директоров каторжных тюрем Ирландии.

Миф о конфликте Ф.В. Грегоровича и А.А. Пионтковского

В декабре 1894 г. произошло событие, которое историки юрфака связывают с причиной появления негативного отношения к Ф.В. Грегоровичу [3, с. 110–111]. Что же случилось на самом деле?

Хронология событий такова. 7 сентября 1894 г. приват-доцент Новороссийского университета (ИНУ) А.А. Пионтковский подал прошение ректору Казанского университета с просьбой разрешить ему защиту магистерской диссертации по уголовному праву на тему «Об условном осуждении, или системе испытания. Уголовно-политическое исследование» (XVIII, л. 1). Ректор университета К.В. Ворошилов (1842–1899) быстро отреагировал на поданное прошение и 7 сентября направил соответствующее распоряжение декану юридического факультета (XVIII, л. 3).

Нам не известно, кто был научным руководителем по магистерской диссертации А.А. Пионтковского в Новороссийском университете [9]. Не известно также и то, почему А.А. Пионтковский не захотел или не смог защититься в Одессе, а среди других российских университетов выбрал для защиты ИКУ. Возможно, в Казани у него был свой покровитель.

Точно известно, что до середины 1894 г. А.А. Пионтковский находился в заграничной командировке и слушал в Марбургском университете лекции профессора Ф. Листа. Буквально через месяц-полтора после возвращения из Германии – 1 сентября 1894 г. – он подал прошение о разрешении допуска к защите магистерской диссертации. Можно предположить, что магистерскую работу молодой ученый выполнял в Германии под влиянием либеральных взглядов европейских правоведов.

Ф.В. Грегорович принял участие в защите магистерской диссертации А.А. Пионтковского. В архивном деле есть записка: «По делу о диссертации г. Пионтковского. Просить орд. проф. Ф. Грегоровича рассмотреть и дать отзыв, а при удовлетворительном отзыве просить г. э. о. п. Г.Ф. Шершеневича быть вторым оппонентом» (XVIII, л. 2).

И.А. Емельянова указывает, что Ф.В. Грегорович в 1894 г. дал «негативный отзыв» на докторскую диссертацию А.А. Пионтковского [3, с. 110], упустив одну важную деталь в названии дела № 833 – слова: «О допущении *приват-доцента Новороссийского университета Пионтковского Андрея* к защите диссертации на *степень магистра* по уголовному праву (выделено нами. – Л.С., Л.Б.)», – и делает вывод, что «убежденный сторонник неотвратимости наказания... посчитал, что соискатель своим условным наказанием вводит состояние “условной безнаказанности” и подрывает устой закона как выражения личной созидательной воли царя-самодержца» [3, с. 111].

На самом деле в документах идет речь об участии Ф.В. Грегоровича в обсуждении магистерской диссертации А.А. Пионтковского, но никаких документов о его стремлении провалить защиту в деле нет, как нет в нем и материалов дискуссии (XVIII, л. 2). Цитируя возражения Фаддея Владиславовича, И.А. Емельянова ссылается на л. 6 и 7 дела № 833 о защите магистерской диссертации А.А. Пионтковского, утверждая, что там якобы есть текст отзыва выступления оппонента. В действительности на 6, 7 и 8 листах данного дела

опубликованы тезисы А.А. Пионтковского (XVIII, л. 6–8). По содержанию тезисы напоминают то, что в современной процедуре защиты называется «положениями, выносимыми на защиту». Возможно, материалы дискуссии по защите магистерской диссертации А.А. Пионтковского сохранились в протоколах Совета университета, но не в этом деле.

Следствием досадной небрежности, допущенной И.А. Емельяновой в названии упоминаемого дела № 833 из фонда юрфака, явилась неправильная интерпретация этой истории многими исследователями. В результате истории юрфака Казанского университета стали экстраполировать события защиты в 1894 г. магистерской диссертации приват-доцента Новороссийского университета А.А. Пионтковского на процедуру защиты его докторской диссертации, которая состоялась тоже в Казанском университете, но уже в 1900 г.¹¹

Между тем в протоколе защиты отмечено, что магистерская диссертация А.А. Пионтковского при оппонентах Ф.В. Грегоровиче и Г.Ф. Шершеневиче большинством голосов была утверждена (XVIII, л. 6–8). В документах не обнаружено никакого конфликта интересов между оппонентом, профессором Ф.В. Грегоровичем, и соискателем магистерской степени А.А. Пионтковским. Даже если, как утверждает И.А. Емельянова, в процессе дискуссии Ф.В. Грегорович выразил свое несогласие с положениями диссертации, то это нельзя считать серьезным конфликтом. Возможно, что профессор высказал свои возражения в резкой форме, и соискатель А.А. Пионтковский надолго это запомнил.

Но надо понимать, что на тот момент в научной иерархии доктор права, профессор Ф.В. Грегорович и соискатель магистерской степени А.А. Пионтковский занимали разные ступени. В протоколе Ученого совета Казанского университета о защите подпись Ф.В. Грегоровича стоит третьей после декана факультета (XVIII, л. 9). Кроме того, миф о конфликте Ф.В. Грегоровича и А.А. Пионтковского интерпретирует дело таким образом, что якобы их разногласия случились в тот момент, когда оба ученых одновременно работали на юрфаке ИКУ. Никто не обращал внимания на тот факт, что Андрей Антонович текст своей магистерской диссертации в виде книги напечатал в 1894 г. в Одессе (XIX), но почему-то принято считать его коллегой Ф.В. Грегоровича. Следуя логике легенды, причиной конфликта могло быть соперничество ученых за место на кафедре. Однако на самом деле Ф.В. Грегорович и А.А. Пионтковский никогда не работали одновременно в Казанском университете.

Переход А.А. Пионтковского в ИКУ, состоявшийся 4 января 1899 г., еще более укрепляет наше предположение, что у него были связи с казанскими юристами, и с момента защиты магистерской диссертации вновь испеченный магистр, вероятно, имел планы на Казанский университет. Докторскую диссертацию, как было сказано выше, Андрей Антонович защитил в 1900 г. (XX)¹², когда Ф.В. Грегоровича уже не было в Казани, он был на пенсии.

¹¹ Но в 1900 г. к моменту защиты докторской А.А. Пионтковский уже почти год работал в Казанском университете.

¹² В деле защиты А.А. Пионтковским докторской диссертации также нет никаких материалов дискуссии.

Никаких свидетельств пересечения их судеб в дальнейшем в документах не встречается. Миф о конфликте интересов Ф.В. Грегоровича и А.А. Пионтковского на защите докторской последнего считаем несостоятельным, поскольку он не соответствует фактам.

Трагедия Ф.В. Грегоровича: выход на пенсию в 49 лет

Любопытно, что в фонде 977 ИКУ ГАРТ сохранилось два дела об увольнении профессора Ф.В. Грегоровича. По содержанию и форме документов одно дело отражает официальную версию отставки (XV), а документы второго дела раскрывают подоплеку раннего выхода Фаддея Владиславовича на пенсию и позволяют представить печальную картину его личной трагедии (XXI)¹³.

В первом деле, датированном 1898 г., есть все необходимые документы: прошение об отставке с личной подписью и датой, соответствующие решения на официальных бланках Министерства просвещения, ИКУ, переписанные писцом, с подписями должностных лиц (XV, л. 1–1 об., 2, 17–20). В «Аттестате» статского советника Ф.В. Грегоровича,¹⁴ кроме перечня о службе, указана правительственная награда Российской империи – «серебряная медаль на Александровской ленте в память императора Александра III» (XV, л. 17).

Пространие Ф.В. Грегоровича об отставке с просьбой назначить пенсию длинное и нетрадиционное по содержанию. Трудно представить, какие сильные личные переживания скрывались за строками этого прошения. Профессор будто бы не верил в то, что навсегда прощался с научной и преподавательской карьерой. Он сообщает в прошении о том, что не собирается бросать научных занятий и надеется через какое-то время вернуться на ту же должность (XV, л. 1 об.), поясняет, что подает прошение в удобное каникулярное время, предоставляя возможность факультету подыскать ему замену (XV, л. 1). Одновременно Ф.В. Грегорович просит при назначении размера пенсии учесть годы подготовки диссертаций, когда он не получал никакого жалования (XV, л. 1 об.). Следует заметить, что как дворянин – сын помещика из Минской губернии – Ф.В. Грегорович мог себе позволить жить некоторое время на содержании отца.

Фаддей Владиславович рассчитал свой трудовой стаж в 15 лет, ему засчитали 13. Из документов следует, что Ф.В. Грегорович вышел в отставку, пенсия ему была назначена совсем небольшая – треть от размера профессорского жалования – 1000 рублей в год (XV, л. 1 об.). Официальная причина отставки – состояние здоровья. Как следует из содержания документов, болезнь Ф.В. Грегоровича засвидетельствовал известный врач-невролог, профессор кафедр неврологии ИКУ Ливерий Осипович Даркшевич (1858–1925). Диагноз

¹³ В название дела № 943а вкратце две ошибки, которые позволяют подумать, что речь идет о другом человеке, – ошибки в написании фамилии и инициалов. Так, буква «Ф» записана как «Ө» – фита по старой орфографии – и выглядит как современное «О» с насечкой. Фамилия написана через «и» – «Григорович», а не через «е» – Грегорович, как правильно. Но это – ошибки дореволюционного делопроизводителя.

¹⁴ Аттестат – это документ, отражающий служебную карьеру и стаж профессора со всеми перерывами, отпусками, больничными, командировками, выездами за рубеж и т. д. Аттестат профессора напоминает по содержанию выписку из современной «Трудовой книжки».

в деле об увольнении не указан, однако следует думать, что причина выхода на пенсию в 49 лет была серьезная.

Второе архивное дело «Об отставке ординарного профессора *Ө. Григоровича*» не совсем обычное (XXI). Все документы в нем выглядят как черновики, кроме одного, о котором речь пойдет ниже.

Откуда же появилось второе дело? Вероятно, оно было сформировано из черновых документов, оставшихся либо в бумагах декана, либо в канцелярии юридического факультета.

Если считать, что бумаги в этом деле – «черновики», то возникает вопрос: где могли сохраниться «беловые» документы – прошения декана попечителю В.А. Попову с грифом «Конфиденциально»? Очевидно, «беловые» обращения декана, переписанные секретарем, оформленные по всем правилам – на бланках с подписями, датами, исходящими номерами, сохранились в бумагах адресата – канцелярии попечителя Казанского учебного округа (ГАРТ. Ф. 92). Содержание «черновых бумаг» позволяет понять подоплеку отставки Ф.В. Грегоровича, а небрежность внешнего вида документов – лучше представить эмоциональный накал ситуации, обрисованной автором прошений.

Писал прошения, видимо, декан, профессор Г.Ф. Дормидонтов¹⁵, хотя подписи нет. Тексты, написанные на обычных листах размашистым почерком, с многократными зачеркиваниями целых абзацев, исправлениями производят такое впечатление, что человек, их писавший, был в сильном эмоциональном возбуждении и не мог сразу сформулировать суть дела. На всех листах, адресованных «Начальнику учебного округа» (попечителю учебного округа), наверху надпись: «Конфиденциально»¹⁶.

Какие же претензии высказывал декан в адрес профессора? «Его поведение нарушало правило приличия и обычной вежливости. <...> Болезненная и необычайная раздражительность профессора Грегоровича с самого начала его появления в Казани обращали общее внимание. В самом обычном разговоре г. Грегорович так легко переходил на крик по отношению к собеседнику, позволяющему себе в чем-либо не соглашаться с ним. <...> Скоро все сослуживцы стали избегать всяких разговоров с ним. <...> Постепенно раздражительность и странности поведения г. Грегоровича все росли. Грегорович выступал против преподавания судебной медицины юристам заявлениями, в которых он не постеснялся назвать всех врачей шарлатанами» (XXI, л. 1 об.–2).

Декан сообщал о конфликтах Ф.В. Грегоровича с профессорами П.А. Никольским¹⁷, Г.Ф. Шершеневичем, даже с соискателями при защите магистерских работ: «Нет сомнения, что крик Грегоровича и обычное его поведение невыгодно отражаются на каких-либо занятиях со студентами, о чем я так же лично докладывал» (XXI, л. 4). Так, «на заседании факультета 31 марта 1898

¹⁵ С 1886 г. Г.Ф. Дормидонтов был секретарем юрфака, поэтому обстановку на факультете знал очень хорошо (III, ч. II. С. 21–23).

¹⁶ Первое письмо от 7 апреля 1898 г. на семи листах с оборотами. Второе письмо от 4 августа 1898 г. на трех листах с оборотами. Третье письмо от 18 ноября 1899 г. на одном листе с оборотом.

¹⁷ Никольский Петр Андреевич (1858–1921) – доктор политической экономии, в 1896–1898 гг. – ординарный профессор по кафедре полицейского права Императорского Казанского университета.

года с магистрантом Елистратовым¹⁸ проф. Грегорович с криком стал требовать от меня, чтобы ему передали протоколы предыдущего заседания от 26 марта. <...> Я просил, прежде всего, профессора Грегоровича не кричать и успокоиться. На что профессор Грегорович заявил, что не кричит, а разговаривает шепотом» (XXI, л. 5). Декан просил попечителя «оказать помощь к водворению порядка на юридическом факультете, который доселе пользовался репутацией мирного и спокойного» (XXI, л. 5). По поводу «мирного и спокойного» юридического факультета – это, конечно, сильное преувеличение Г.Ф. Дормидонтова. Достаточно вспомнить всем известную студенческую сходку 1887 г. с участием молодого В.И. Ульянова. Г.Ф. Дормидонтов был осторожный человек, на посту декана, а впоследствии и ректора всячески избегал конфликтов, любых проявлений неблагонадежности к власти. Так, в 1907 г. он старался решить крупный скандал между профессором В.Ф. Залесским и студентами и все делал ради сохранения спокойствия в университете [9, с. 27].

В последнем письме, написанном более разборчивым почерком, резюмируется исход дела, который, по-видимому, вполне устроил автора прошений: «На конфиденциальное предложение Вашего превосходительства от 15 ноября сего года имею честь предоставить... проф. Ф. Грегорович, по-видимому, страдал нервным расстройством, обнаружившимся в чрезвычайной раздражительности, сделавшим невозможным совместную службу с ним для членов факультета, которым приходилось часто выслушивать мерзости и оскорбления на словах и на письме, даже во время факультетских заседаний. По общему желанию факультета я вынужден был... довести о странностях поведения г-на Грегоровича (г. Попечителю учебного округа). Приблизительно через два месяца после того проф. Грегорович подал прошение об отставке по болезни и был уволен с пенсией в 1000 рублей. Была ли эта подача прошения добровольною, вызвана каким-либо распоряжением свыше, сведения об этом могут иметься в Канцелярии Вашего Превосходительства» (XXI, л. 10).

Фактически увольнение Фаддея Владиславовича – это завершение многолетнего скандала на юрфаке ИКУ. Документы, раскрывающие страшную трагедию Ф.В. Грегоровича, дают основание предполагать, что ученый не контролировал свое поведение, поскольку долгое время не осознавал своей болезни и не обращался к врачам.

Последний документ в «черновом деле» – не черновик, а официальный запрос, датированный 1899 г. На бланке попечителя Казанского учебного округа в адрес декана юридического факультета с припиской: «Конфиденциально» – поступил запрос от 18 ноября 1899 г. за № 633 следующего содержания: «Бывший ординарный профессор Ф.В. Грегорович подал прошение о зачислении его присяжным поверенным Минского окружного суда. Вследствие сего Председатель Минского окружного суда конфиденциальным отношением от 3 сего ноября за № 30 просит сообщить ему, что именно было причиной выхода г. Грегоровича в отставку. Сообщая об этом вам, Милостивый государь, прошу Вас сообщить мне просимые названным Председате-

¹⁸ Елистратов Аркадий Иванович (1873/1874–1955) – юрист, окончил юридический факультет Казанского университета (1896). 30 ноября 1898 г., выдержав испытания на степень магистра уголовного права, был принят приват-доцентом для преподавания обязательного курса уголовного судопроизводства.

лем сведения. Попечитель округа¹⁹. Подпись» (XXI, л. 11). Содержание документа свидетельствует о том, что после отставки из Казанского университета Ф.В. Грегорович пытался устроиться на службу в Минский окружной суд присяжным поверенным.

Трудно сказать, что послужило причиной нервной болезни Ф.В. Грегоровича, ставшей его личной трагедией. Может быть, болезнь вызвали неудовлетворенные амбиции либо неустроенность личной жизни. Есть свидетельства, что после отставки он не сразу покинул Казань, еще в 1899 г. проживал в квартире на «даче Новиковой»²⁰ (XXII). Еще одна загадка связана с захоронением в 1892 г. Владислава Грегоровича на католической части казанского Арского кладбища. Был ли он родственником профессора, возможно, братом, не известно (XXII).

Эпилог: могила на Кальварийском кладбище в Минске

Ф.В. Грегорович надеялся продолжить научные занятия на родине – в фольварке «Тарасово» под Минском, куда, видимо, увез с собой и весь архив: бумаги и письма, фотографии. Но вернуться в Казанский университет, как планировал, ему было не суждено.

Последние годы жизни доктора права с 1899 по 1902 г. проходили в родовом именье под Минском, где у него в собственности было два дома, доставшихся по наследству от отца (XV, л. 16). Как юрист, Ф.В. Грегорович старался соблюсти все формальные процедуры в деле получения наследства и срочно занялся оформлением документов, подтверждающих его права после получения известия о смерти 12 февраля 1896 г. его отца – помещика Владислава Юзефовича Грегоровича²¹. Как только он получил сообщение о кончине отца, профессор Ф.В. Грегорович обратился к ректору Казанского университета с просьбой выдать ему копию метрики за № 2077 «для утверждения его в правах наследства после смерти его отца – Владислава Юзефовича Грегоровича»²².

После выхода на пенсию он прожил еще четыре года. На основании сведений из книги «Кальварийское кладбище» установлено, что Ф.В. Грегорович был похоронен на этом кладбище в 1902 г. (VI) (фото 3). В прежних публикациях датой его смерти указывался 1898 г. или ставился знак вопроса.

¹⁹ В это время (с 30.07.1899 по 9.07.1901 г.) попечителем Казанского учебного округа уже был юрист, Михаил Мартынович Алексеенко (1848–1917), до этого бывший профессором финансового права, с 1886 по 1890 г. – деканом юридического факультета, в 1890–1897 гг. – ректором Харьковского университета (ИХУ).

²⁰ Интересный факт: в двухэтажном особняке этого же района, где ныне располагается тренировочная база хоккейного клуба «Ак барс», поселился и приехавший в Казань 14 января 1899 г. А.А. Пионтковский. Об этом в 1972 г. узнал профессор В.П. Малков от потомков А.А. Пионтковского во время их приезда в Казань [10, с. 33].

²¹ Кстати, отец Ф.В. Грегоровича умер в почтенном возрасте 82 лет. В таком же возрасте скончался и его дед Юзеф. Эти факты позволяют утверждать, что у него была хорошая наследственность и были все шансы прожить долгую жизнь.

²² Таким образом, дата смерти отца Ф.В. Грегоровича зафиксирована не только на памятнике Кальварийского кладбища в Минске, но и в архивном документе в деле Ф.В. Грегоровича (XV, л. 16).

Фото 3. Памятник Тадеушу Грегоровичу на Кальварийском кладбище в Минске

При обращении к биографиям почти забытых личностей, среди которых профессор ИКУ по кафедре уголовного права и процесса Фаддей-Антон Владиславович Грегорович, следует помнить об опасности как апологетизации образа изучаемого героя, так и гиперкритики. Своей исследовательской задачей при восстановлении портрета ученого мы считали необходимость отделить правду от вымысла, разобраться в причинах его забвения. В процессе исследования документов удалось обнаружить новые сведения, касающиеся семьи Ф.В. Грегоровича, причину его отставки из Казанского университета и раннего выхода на пенсию. Мы реконструировали историю возникновения мифа о конфликте Ф.В. Грегоровича с А.А. Пионтковским и предложили свою версию; того, почему миф закрепился в представлениях историков казанского юридического факультета. Добавили новую информацию о международных контактах ученого, о его участии в V Международном Пенитенциарном конгрессе, которое поднимало престиж юридической науки Казанского университета (XXIII).

Однако многие моменты в биографии Ф.В. Грегоровича остаются непроясненными. Например, достаточно схематичным представляется Дерптский период его жизни. Не найдены еще материалы дискуссий по его диссертациям. Пока остается малопонятной подлинная причина ухода ученого из Варшавского

университета. Загадочны причины выбора в 1890 г. Казанского университета для дальнейшей научной и преподавательской карьеры.

На поведение профессора Ф.В. Грегоровича в кругу коллег накладывала отпечаток болезнь, с годами усугублявшаяся. Характер его резких высказываний в научных трудах в адрес судебной медицины, антропологии дает возможность подозревать, что жалобы декана Г.Ф. Дормидонтова на поведение профессора соответствовали реальному положению дел.

С другой стороны, нельзя полностью полагаться на сведения, содержащиеся в служебных записках декана. Интересно было бы узнать и о том, как сам ученый оценивал ситуацию, связанную с его отставкой из ИКУ. Для восстановления объективной картины событий, происходивших вокруг Ф.В. Грегоровича, необходимо верифицировать официальные документы другими источниками. Отсутствие документов личного происхождения, дневников, писем, воспоминаний самого Фаддея Владиславовича и его современников, коллег и студентов не позволяет в полном объеме реконструировать портрет ученого, объяснить мотивы его поступков.

Причины забвения наследия Ф.В. Грегоровича связаны, прежде всего, с публикацией его диссертаций на немецком языке в провинциальном Дерпте. Монография «Теория преступления» в 240 страниц осталась в рукописи (XXIV). Часть наследия Ф.В. Грегоровича сохранилась в литографированных изданиях (XXV; XXVI), давно ставших библиографической редкостью (XXVII; XXXVIII; XXIX). Все эти факторы не позволили наследию ученого войти в научный оборот истории российской юриспруденции и теорию уголовно-исполнительного права.

Восстановление биографии Ф.В. Грегоровича – это только один из шагов на пути научной реабилитации имени ученого. Комплексному анализу его творческого наследия должно предшествовать выявление полного списка его опубликованных и неопубликованных трудов. Необходима кропотливая работа по переводу на русский язык его докторской диссертации и подготовка к изданию его литографированных рукописей. Определенно можно сказать, что забвение наследия ученого – это незаполненный пробел не только в истории юридического факультета ИКУ, но и в истории российского тюрьмоведения.

Источники

- I – *Есипов В.В.* Проф. Ф.В. Грегорович // Материалы к истории Императорского Варшавского университета: Биограф. очерки: вып. 1–2. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1913. – Вып. 1. – С. 12–15.
- II – Гербовник белорусской шляхты / Науч. ред. А. Рахуба. – Минск: Беларусь, 2016. – Т. 4: Фамилии на букву «Г». – 959 с.
- III – *Загоскин Н.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – Ч. I: Кафедра православного богословия, факультеты историко-филологический (с разрядом восточной словесности и лектурами) и физико-математический. – 552 с.; ч. II: Факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера. – 453 с.

- IV – Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904 гг.): Материалы для истории университета. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1908. – Ч. I, вып. 3 (1885–1903). – 1093 с.
- V – Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 977: Казанский университет. Оп. 4. Д. 8272: Переписка с учебным округом о назначении доктора уголовного права Ф.В. Грегоровича экстраординарным профессором по кафедре уголовного права. 24 августа 1890 – 27 февраля 1896. – 16 л.
- VI – Mińsk Białoruski, Cmentarz na Kalwarii, polskie groby // Majewski J.S. Miasta rytm. – URL: <https://miastarytm.pl/minsk-bialoruski-cmentarz-na-kalwarii-polskie-groby/>, свободный.
- VII – Hrehorowicz T. Das Verbrechen der Abtreibung der Leibesfrucht: eine zur Erlangung des Grades eines Magisters des Criminalrechts verfasste und mit Genehmigung Einer Hochverordneten Juristenfacultät der Kaiserl. Universität Dorpat zur öffentlichen Vertheidigung bestimmte Abhandlung. – Dorpat: Lackmann, 1876. – 106 S. URL: <https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/4610/hrehorowiczverbrechen.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, свободный.
- VIII – Именной список лиц, состоящих к 1-му Января 1878 года на службе по Демидовскому Юридическому Лицею // Временник Демидовского юридического лицея. – Ярославль: В тип. Губерн. правл. и Г.В. Фальк, 1879. – Кн. 17. – С. 15–19. – URL: <https://www.prilib.ru/item/328734>, свободный.
- IX – Gregorowitschs F.W. Die Wiellensfreiheit und strafe. – Dorpat: Druck von Schnakenburg's litho- u. typogr. Anst, 1878. – 71 p.
- X – Hrehorowicz T. Das Verbrechen: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doctors des Criminalrechts. – Dorpat: Schnakenburger lithographischen und Druckerei-Atelier, 1880. – 184 p.
- XI – Грабарь В.Э. Лёнинг Эдгар Фридрих // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): Т. 1–2 / Под ред. Г.В. Левицкого. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. – Т. 1. – С. 630–633.
- XII – Rohland W. Das Internationale Strafrecht. – Leipzig: Breitkopf, 1877. – 158 S.
- XIII – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. 4. Д. 9020: Переписка с ректором университета об утверждении экстраординарного профессора Ф.В. Грегоровича ординарным профессором. 13 июля 1894 – 10 сентября 1894 г. – 7 л.
- XIV – Адресная книжка г. Казани / Сост. К. Козьмин. – Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895. – 138 с.
- XV – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. Совет. Д. 972: Об увольнении ординарного профессора Ф.В. Грегоровича от службы в отставку, согласно прошению, по болезни, и о назначении ему пенсии (1 июня 1898 – 20 октября 1898 гг.). – 20 л.
- XVI – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. 4. Д. 9875: Переписка с ректором университета о направлении ординарного профессора Ф.В. Грегоровича в командировку за границу и по России. 30 марта 1898 года – 5 сентября 1899 года. – 8 л.
- XVII – Грегорович Ф.В. Уголовное право (литографированный курс). – Б. м., Б. г. – 325 с.
- XVIII – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. 10 (юрфак). Д. 833: О допущении приват-доцента Новороссийского университета Пионтковского Андрея к защите диссертации на степень магистра по уголовному праву. 7 сентября 1894 года – 26 января 1895 года. – 14 л.

- XIX – *Пионтковский А.А.* Об условном осуждении, или системе испытания: уголовно-политическое исследование. – Одесса: Типо-лит. Штаба Одес. воен. окр., 1894. – 191 с.
- XX – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. 10 (юрфак). Д. 895: О соискании Пионтковским степени доктора уголовного права. 18 октября 1899 – 2 декабря 1900 года. – 7 л.
- XXI – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. 10 (юрфак). Д. 943а: Об отставке ординарного профессора *Θ. Григоровича*. 3 апреля 1898 – 19 ноября 1899 гг. – 11 л.
- XXII – Выписки с казанских некрополей: – URL: <https://forum.vgd.ru/post/3653/103292/p4253057.htm>, свободный.
- XXIII – ГАРТ. Ф. 977: Казанский университет. Оп. Совет. Д. 9318: Документы о командировке ординарного профессора *Грегоровича* в Париж на V-й Международный Тюремный конгресс сроком с 25 мая по 1 октября 1895 года с сохранением получаемого содержания. 13 апреля 1895 – 2 октября 1895 гг. – 14 л.
- XXIV – *Грегорович Ф.В.* Теория преступления. – Б. м., Б. г. – 240 с. – (Текст написал от руки. Литогр.).
- XXV – *Грегорович Ф.В.* Уголовное право (литографированный курс). – Б. м., Б. г. – 325 с.
- XXVI – *Грегорович Ф.В.* Уголовный процесс (литографированный курс). Б. м., Б. г. – 214 с.
- XXVII – *Грегорович Ф.В.* Синоптические таблицы к лекциям по русскому уголовному праву. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1893. – 72 с.
- XXVIII – *Грегорович Ф.В.* Криминальная антропология под видом судебной медицины в университетском преподавании. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1896. – 34 с.
- XXIX – *Грегорович Ф.В.* Вопросы т.н. уголовного права. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1897. – 92 с.

Литература

1. *Липаков Е.В., Нугманова Г.Г.* История католического прихода в Казани. – Казань: АН РТ, 1997. – 19 с.
2. *Рузевич Е.* Поляки в университете и ветеринарном институте в Казани // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). – Варшава: UN-O, 1995. – С. 69–74.
3. *Емельянова И.А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год: Очерки. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – 149 с.
4. *Емельянова И.А.* Этика правоведения по воззрениям *Ф.В. Грегоровича* // Правоведение в Татарстане. – 2000. – № 1 (2). – С. 48–49.
5. *Краковский К.П.* Нить времени: (Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 378 с.
6. *Каминская Я.* Воспитание по-польски: польская школа в Париже. – Опубликовано 26 апр. 2018. – URL: <https://culture.pl/ru/article/vospitanie-po-polski-polskaya-shkola-v-parizhe>, свободный.
7. *Ростовцев Е.А.* Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка: Сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 308–315.

8. *Горячева Т.С.* Евгенические идеи в уголовной антропологии России в конце XIX – начале XX века // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. – 2020. – № 1 (132). – С. 30–37. – doi: 10.24411/2227-7315-2020-1003.
9. *Талан М.В.* А.А. Пионтовский и Казанский университет на рубеже XIX – XX веков // Научные воззрения профессоров Пионтовских (отца и сына) и современная уголовно-правовая политика / Под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2014. – С. 21–29.
10. *Малков В.П.* А.А. и А.А. Пионтовские на юридическом факультете Казанского университета // Научные воззрения профессоров Пионтовских (отца и сына) и современная уголовно-правовая политика / Под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2014. – С. 30–34.

Поступила в редакцию 20.01.2023

Принята к публикации 22.03.2023

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Клио+» Института международных отношений
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

Бакулина Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: lida.bakulina@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 191–210

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.191-210

**Faddey Gregorovich as the Pioneer of Penitentiary Law Doctrine
at the Kazan University: His Fate and Legacy**

L.A. Sychenkova *, *L.V. Bakulina* **

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *l.sichenkova@yandex.ru, **lida.bakulina@mail.ru

Received January 20, 2023; Accepted March 22, 2023

Abstract

This article traces the life of Faddey Vladislavovich Gregorovich, a prominent professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Imperial Kazan University who has almost faded from the memory of most scholars today. The documents from the State Archives of the Republic of Tatarstan and the Kalvaryja Cemetery in Minsk are analyzed. New documents that give a picture of F.V. Gregorovich's family circle, which influenced his choice of profession, and solve the dispute on the exact date of his death are introduced and discussed for the first time. These new documents not only fill in some gaps in F.V. Gregorovich's biography but also reveal how the scholar developed a strong passion for the theory of criminal law throughout his life. The myth about a conflict between F.V. Grego-

rovich and A.A. Piontkovsky is proven to be groundless. The cause of F.V. Gregorovich's early retirement is identified: he was diagnosed with a nervous disease, and it led to his negative image in historiography. Since F.V. Gregorovich took part in the V International Prison Congress of 1895, it means that the academic community of the period under study recognized the establishment of prison studies as a special branch of jurisprudence at the Kazan University.

Keywords: Faddey-Anton Vladislavovich Gregorovich (1848–1902), Tadeusz Hrehorowicz, Hrehorowicz, Prison Congress of 1895 in Paris, Kazan University, prison studies, Faculty of Law

Photo Captions

Photo 1, 1a. A copy of F.V. Gregorovich's birth certificate (V, sheet 9–9, back side). Published for the first time.

Photo 2. F.V. Gregorovich's diploma conferring the degree of Doctor of Criminal Law of the Imperial University of Dorpat (V, sheet 14). Published for the first time.

Photo 3. Headstone of Tadeusz Hrehorowicz at the Kalvaryja Cemetery in Minsk.

References

1. Lipakov E.V., Nugmanova G.G. *Istoriya katolicheskogo prikhoda v Kazani* [A History of the Catholic Parish in Kazan]. Kazan, Akad. Nauk RT, 1997. 19 p. (In Russian)
2. Ruziewicz E. Polish people at the Kazan University and the Kazan Veterinary Institute. In: *Pol'skie profesora i studenty v universitetakh Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [Polish Professors and Students in Russian Universities (19th–early 20th Centuries)]. Warsaw, UN-O, 1995, pp. 69–74. (In Russian)
3. Emel'yanova I.A. *Yuridicheskii fakul'tet Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 1805–1917 god: Ocherki* [The Law Faculty of the Kazan State University. 1805–1917: Essays]. Kazan, UNIPRESS, 1998. 149 p. (In Russian)
4. Emel'yanova I.A. Ethics in jurisprudence based on F.V. Gregorovich's views. *Pravovedenie v Tatarstane*, 2000, no. 1 (2), pp. 48–49. (In Russian)
5. Krakowski K.P. *Nit' vremeni: Biografii prepodavatelei yuridicheskogo fakul'teta Varshavskogo – Donskogo – Rostovskogo universiteta* [The Thread of Time: The Biographies of the Lecturers of the Faculty of Law of the Warsaw–Don–Rostov University]. Rostov-on-Don, Izd. Rostov. Univ., 2003. 378 p. (In Russian)
6. Kaminskaya Ya. Upbringing in Polish: Polish school in Paris. Available at: <https://culture.pl/ru/article/vospitanie-po-polski-polskaya-shkola-v-parizhe>. (In Russian)
7. Rostovtsev E.A. The casus of Professor von List (an episode from the history of universities in World War I). In: Dvornichenko A.Yu. (Ed.) *Uroki istorii – uroki istorika: Sb. st. k 80-letiyu Yu.D. Margolisa (1930–1996)* [History's Lessons – A Historian's Lessons: A Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of J.D. Margolis (1930–1996)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012, pp. 308–315. (In Russian)
8. Goryacheva T.S. Eugenic ideas in the criminal anthropology of Russia in the late 19th–early 20th centuries. *Vestnik Saratovskoi Gosudarstvennoi Yuridicheskoi Akademii*, 2020, no. 1 (132), pp. 30–37. doi: 10.24411/2227-7315-2020-1003. (In Russian)
9. Talan M.V. A.A. Piontkovsky and the Kazan University at the turn of the 19th–20th centuries. In: Sundurov F.R., Talan M.V. (Eds.) *Nauchnye vozzreniya professorov Piontkovskikh (ottsa i syna) i sovremennaya ugovno-pravovaya politika* [Scientific Views of Professors Piontkovsky (Father and Son) and Contemporary Criminal Policy]. Moscow, Statut, 2014, pp. 21–29. (In Russian)
10. Malkov V.P. A.A. and A.A. Piontkovsky at the Faculty of Law of the Kazan University. In: Sundurov F.R., Talan M.V. (Eds.) *Nauchnye vozzreniya professorov Piontkovskikh (ottsa i syna) i sovremennaya ugovno-pravovaya politika* [Scientific Views of Professors Piontkovsky (Father and Son) and Contemporary Criminal Policy]. Moscow, Statut, 2014, pp. 30–34. (In Russian)

Для цитирования: Сыченкова Л.А., Бакулина Л.В. Основатель пенитенциарного права в Казанском университете Фаддей Грегорович: судьба ученого и его наследия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 191–210. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.191-210.

For citation: Sychenkova L.A., Bakulina L.V. Faddey Gregorovich as the pioneer of penitentiary law doctrine at the Kazan University: His fate and legacy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 191–210. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.191-210. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930+902

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.211-232

ФОРМИРОВАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ АРХЕОЛОГИИ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ТАССР В 10–40-х ГОДАХ XX ВЕКА

К.А. Руденко

*Казанский государственный институт культуры,
г. Казань, 420059, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы становления и развития диссертационной культуры по археологии в Казанской губернии и ТАССР в 10–40-е годы XX в. Они связаны с деятельностью двух ученых: А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина, которым уделено основное внимание, а также их предшественников: В.Ф. Смолина и М.Г. Худякова. А.П. Смирнов в начале 40-х годов стал заниматься археологией и историей Волжской Булгарии, а Н.Ф. Калинин во второй половине десятилетия – первобытной эпохой. Масштабные раскопки городища Сувар, а с 1938 г. – Булгарского городища создали методическую исследовательскую базу, ставшую в дальнейшем основой докторской диссертации А.П. Смирнова, защищенной в 1944 г. Н.Ф. Калинин для диссертации, защищенной в 1947 г., использовал археологические коллекции Центрального музея ТАССР в Казани. Затронуты проблемы научных коммуникаций в период, предшествующий защите диссертаций этих ученых, а также освещен вопрос о времени начала практики институционального оформления данного процесса.

Ключевые слова: археология, диссертационная культура, Центральный музей ТАССР, М.Г. Худяков, В.Ф. Смолин, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, городище Сувар, Булгар

В начале XXI в. интерес к истории археологии стал распространяться в российские регионы. Вместе с тем и в столичных, и в провинциальных историографиях тема, связанная с защитой диссертаций по археологии, не ставилась, хотя сам по себе вопрос об этой исследовательской процедуре в профессиональной среде историков привлекал внимание [1]. Отдельные сюжеты, за редким исключением, рассматривались в контексте коммуникационной культуры в провинциальной археологии или в общем пространстве истории археологической мысли того или иного российского региона [2; 3]. Исследования, касающиеся собственно вопросов подготовки и защиты диссертаций по археологии, малочисленны.

Настоящая статья является продолжением темы изучения диссертационной культуры по археологической тематике в ТАССР [4]. Начиная с первого десятилетия XX в., еще в дореволюционный период, стали появляться археологические сюжеты в магистерских работах студентов Казанского университета, однако полноценные диссертационные исследования, уже в формате советской

практики подготовки и защиты диссертаций, появились среди специалистов-археологов, изучавших древности Казанского Поволжья, лишь в 30-х годах XX в. В сущности, речь идет о двух ученых – А.П. Смирнове и Н.Ф. Калинин. Рассмотрим сначала предысторию событий, поскольку исследования вышеупомянутых археологов строились на достижениях их предшественников и были тесно связаны с этим прошлым личным общением и научным опытом.

Определить время начала формирования в Татарии археологического направления в диссертационной культуре достаточно сложно. Собственно говоря, в дореволюционный период подобных исследований не было, даже известнейшие русские археологии, такие как В.А. Городцов и А.А. Спицын, не имели научных степеней. Ведущий специалист в области античной археологии и античного искусства Б.В. Фармаковский получил степень магистра по теории и истории искусств за исследование «Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн» [5, с. 5].

Что касается археологии в Казанской губернии, то в первой трети XX в. она носила краеведный характер, что ярко прослеживалось в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) (1878–1931). Уже в советское время, в 1923 г., Общество пыталось организовать учебные археологические курсы и практику, но из-за отсутствия финансирования эти планы не осуществились [6].

Отсутствие в Татарии институций, имевших отношение к подготовке археологов-профессионалов, за исключением Северо-Восточного археологического института (в дальнейшем реорганизованного в Восточный педагогический институт – ВПИ), какое-то время включавшего в программу обучения довольно широкий спектр курсов археологической тематики, предполагало переадресацию этого общественного запроса либо краеведческим организациям ТАССР, либо археологам из ближайших областей, например Самары, или из столицы – Москвы. Отметим, что в первой половине 20-х годов XX в. в области археологии в Татарии работали только двое ученых – В.Ф. Смолин и М.Г. Худяков, оба выпускники историко-филологического факультета Казанского университета. Остановимся на их научном выборе, поскольку именно они заложили основу археологии советского времени в ТАССР, перебросив своего рода мостик от дореволюционной науки к советской, осуществив в той или иной степени переход не только в методологическом плане, но и в процессуальном – плане оформления археологических изысканий в виде диссертационного исследования.

Путь к археологии у В.Ф. Смолина был непростой. Поступив на историко-филологический факультет Казанского университета в 1909 г. и увлекшись Античностью, он отчислился из университета, продолжив обучение на историческом отделении философского факультета Лейпцигского университета в Германии (1911–1914). Здесь он подготовил докторскую диссертацию «Торговые сношения греческих колоний на северном берегу Черного моря», но из-за начавшейся Первой мировой войны сдать экзамены и защитить исследование не успел и в 1914 г. вернулся в Казань [7 с. 36, 42]. Тогда же В.Ф. Смолин восстановился в университете, но ему пришлось начинать занятия с того семестра,

на котором закончилась его учеба до отъезда в Лейпциг, поскольку годы пребывания в Германии по существовавшим тогда правилам ему зачтены не были. Во время учебы в Казани под влиянием его наставников в научные штудии стали включаться археологические сюжеты. Первым опытом в этом плане стало исследование «Пантикапей по литературным и археологическим памятникам» (1915), рецензентом которого был профессор С.П. Шестаков. Второй труд, отмеченный золотой медалью, – «Болгарская старина в свете исследований за последние 40 лет» (ноябрь 1917) – писался уже после деятельного участия Виктора Фёдоровича в археологических раскопках Булгарского городища в 1915–1916 гг. Положительный отзыв на него дал Н.Ф. Катанов. Одна глава из этой работы через четыре года была опубликована [8, с. 3].

По окончании университетского курса в мае 1918 г. В.Ф. Смолин был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию [7, с. 36, 37]. Интересно, что сначала Виктор Фёдорович позиционировал себя как специалист по археологии волжских булгар и даже планировал раскопки Биляра, Суvara и Булгара [8, с. 4]. Как специалиста в этой области воспринимал его финский ученый А.М. Тальгрэн, с которым казанский историк долгое время поддерживал дружеские отношения [7, с. 41, 42; 9, с. 5]. В дальнейшем особенно успешным В.Ф. Смолин был в исследованиях памятников эпохи бронзы [9, с. 16–17]. Занимаясь педагогической деятельностью, В.Ф. Смолин сумел подготовить учеников из числа студентов, а также заложить базу научных изысканий как в первобытной, так и средневековой археологии Среднего Поволжья.

М.Г. Худяков, учившийся на историко-филологическом факультете Казанского университета в 1913–1918 гг., из-за призыва в армию в начале Первой мировой войны не успел завершить обучение и сдать экзамены. Однако, переехав в Ленинград в 1925 г., он окончил в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) аспирантуру по археологии (1926–1929) [4, с. 70, 71]. К слову, это был первый набор аспирантов ГАИМК, в котором оказались известные в будущем ученые-археологи: М.И. Артамонов, Н.Н. Воронин, С.Н. Замятнин, А.А. Иессен, Г.Ф. Корзухина. В феврале 1936 г. М.Г. Худякову по рекомендации В.И. Равдоникаса без представления и защиты диссертации со второго слушания была присвоена степень доктора исторических наук по совокупности статей, большей частью не археологических [10, с. 167; 11, с. 248]. Ни учеников, ни продолжателей у него не было. Таким образом, после отъезда М.Г. Худякова в 1925 г. и В.Ф. Смолина в 1929 г. из Казани в ТАССР не осталось археологов.

Этот «археологический вакуум» в начале 30-х годов XX в. в какой-то мере заполнил Н.Ф. Калинин (1888–1959), переехавший в 1921 г. в Казань, знакомую ему по учебе в университете в 1906–1910 гг. Тогда он занимался Античностью, написав две исследовательские работы: «Афинский союз» (1908) и «Договоры Афин» (1909). После окончания университета Н.Ф. Калинин учительствовал в уездных городах: Тетюшах и Царевококшайске, активно занимаясь краеведением. В начале 20-х годов XX в., поступив на работу в отдел археологии Центрального музея ТАССР (далее – казанского Музея), заведовал которым в то время М.Г. Худяков, он стал постигать тонкости археологической науки, заниматься самообразованием и учиться у археологов-профессионалов. При этом

археология воспринималась им чаще всего с позиций краеведа, что преодолевалось с большим трудом и накладывало отпечаток на его археологические занятия до конца жизни. На равных позициях с ним выступали ученицы В.Ф. Смолина, студентки ВПИ, интересовавшиеся археологией и принимавшие участие в экспедициях опытных археологов – прежде всего своего учителя В.Ф. Смолина, а также А.С. Башкирова и И.Н. Бороздина. Это З.А. Акчурина, А.М. Ефимова и Л.И. Варакина [12, с. 147, 148; 13, с. 35, 36; 9, с. 13]. Они, правда, существенно уступали Николаю Филипповичу в амбициях и энергии. Но никто из них, включая в тот период и самого Н.Ф. Калинина, не думал об археологической аспирантуре и тем более диссертации.

Таким образом, до 40-х годов XX в. вопрос об археологических диссертациях в ТАССР был не актуален. Отсутствовали академические структуры, где было бы археологическое направление, а курс археологии, кроме отдельных сюжетов, не значился в учебных планах вузов Казани; также не было аспирантуры по археологии. Потребности в специалистах археологического профиля в Татарии не возникло.

Кардинально изменила ситуацию защита в 1944 г. докторской диссертации, посвященной волжским булгарам, московским археологом Алексеем Петровичем Смирновым (1899–1974). Она стала отправной точкой формирования археологического профессионального контингента в ТАССР как в области полевой археологии, так и в разработке актуальных научных тем, осуществлявшейся в рамках диссертационных исследований. Этот процесс развивался в двух направлениях: первый – на базе аспирантуры Государственного исторического музея (ГИМ) и ГАИМК в Москве; второй – в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ) в Казани, ставшем после Великой Отечественной войны филиалом АН СССР, где была открыта аспирантура.

Университет, до 1918 г. практиковавший защиты диссертаций по истории, такую роль уже не выполнял. Гуманитарные дисциплины, в том числе и археологию, в университете с середины 40-х годов XX в. в основном вели научные сотрудники ИЯЛИ, а сам университет выступал как потенциальный источник аспирантов-археологов, не имея самостоятельной научной институции в виде аспирантуры по этой специальности.

Можно считать, что именно с А.П. Смирнова берет свое начало казанская диссертационная практика по археологии. То, что ученый жил и работал в Москве, в данном случае не имело принципиального значения, поскольку его научный и творческий потенциал был реализован именно в Казани, где вокруг него сложился коллектив единомышленников и коллег, составивший в дальнейшем научную школу.

Сам Алексей Петрович Смирнов далеко не сразу обратился к болгарской тематике: сначала его больше привлекали другие периоды истории (Смирн.1). Во время учебы в 1922–1926 гг. на археологическом отделении факультета общественных наук МГУ и затем в аспирантуре Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) о болгарской проблематике он мог получить представление из трудов своих наставников – В.А. Городцова и Ю.В. Готье, а также при анализе материалов для своей канди-

датской диссертации «Прикамские финны в X – XIV вв.»¹ [16, с. 17]. В последнем случае был важен вопрос о влиянии болгарского государства на соседние финноязычные народы. По этому поводу в историографии имелись разные суждения. Так, А.А. Спицын писал: «Болгары сплотили вокруг себя оригинальный, хотя и слабый союз соседних инородцев, подчинив их особому торгово-аристократическому устройству, дав им общее управление и суд» [17, с. 66]. В.Ф. Смолин видел это так: «Мы должны указать на финские племена, которых болгары себе подчинили и эксплуатация промысла которых создала Камско-Волжской Болгарии далекую славу на Востоке и юге, как богатого, торгового пункта пушным товаром»² [18, с. 35]. Сам А.П. Смирнов пришел к выводу, что волжские болгары являлись проводниками феодализации в регионе ((Смирн.2; Смирн.3, с. 202, 242–244); см. также [19, с. 178]), в чем-то приблизившись к точке зрения А.А. Спицына. Гипотеза А.П. Смирнова основывалась на материалах, полученных им при раскопках и разведках на территории Удмуртии ((Смирн.4, с. 239–248; Смирн.5, с. 109–112); см. также [20]).

Выбор А.П. Смирновым болгарской проблематики, которая имела давнюю исследовательскую традицию, хотя по большей части не археологическую, а лингвистическую [8], был перспективным и далеко не спонтанным. В рассматриваемый исторический период на выбор направления исследований повлияли политические процессы начала 30-х годов XX в. в СССР с осуждением панфиннизма³. Приходилось принимать во внимание жесткую критику в адрес учителя А.П. Смирнова – В.А. Городцова, развернувшуюся в это время со стороны официальных властей, и арест Ю.В. Готье по так называемому «Академическому делу» [22, с. 719; 23, с. 460; 14, с. 335]. Социально-политические реконструкции общественного строя средневековых племен Прикамья, обоснованные А.П. Смирновым, в частности тезис о том, что «восточные финны X – XIV века переживали в эту эпоху начала феодализма» (Смирн.6, с. 71), тоже оказались объектом критики [19, с. 178]. Они становились нежелательными и далеко не безопасными с учетом изменчивой внутривосточной конъюнктуры, что показала созданная А.П. Смирновым по материалам собственных изысканий концепция раздела экспозиции ГИМ по Прикамью⁴, раскритикованная М.Г. Худяковым [23, с. 372].

Все это привело А.П. Смирнова к идее исследовать вопрос о формате социально-экономических отношений в Волго-Камье в более широком пространственном и этнокультурном поле, не ограниченном только Прикамьем: «Я...

¹ В контексте нашей темы отметим, что защита А.П. Смирнова в 1929 г. проходила в форме открытого диспута, в котором участвовали не только официальные оппоненты, а у Алексея Петровича это были А.С. Башкиров и А.В. Арциховский, но и присутствовавшие на защите коллеги [14, с. 333]. Представление о самой процедуре защиты можно получить из воспоминаний А.Я. Брюсова, который защищался в том же году [15, с. 657–658, прим. 45].

² Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация источников сохранены.

³ Речь идет о так называемом деле «Союза освобождения финских народностей» («СОФИН»), участников которого обвиняли в подготовке отторжения финно-угорских регионов от СССР, после чего якобы планировалось создание некой конфедерации во главе с Финляндией [21]. Главная фигура этого процесса – К.П. Герд, директор Музея местного края Удмуртии, по приглашению которого в 1926 г. А.П. Смирнов начал раскопки чепецких городищ.

⁴ В ГИМе А.П. Смирнов начал работать научным сотрудником отдела феодализма в 1921 г., там же проходил практику с 1924 г. После защиты диссертации вновь вернулся в отдел, где занимался в числе прочего и экспозиционной работой. В 1932 г. Алексей Петрович возглавил второй археологический отдел музея. С 1949 г. он – заместитель директора ГИМ по научной работе [24, с. 195–196].

постараюсь доказать, [что] процесс распада первобытной общины у местных племен привел к образованию государства в Поволжье. Болгарские орды, откочевавшие к северу, в районы Среднего Поволжья, не изменили здесь хода исторического развития, они его только усложнили, ускорив процесс классообразования», – писал он (Смирн.7, с. 55).

М.Г. Худяков где-то явно, где-то косвенно противодействовал А.П. Смирнову в разработке сюжетов как по финской, так и по болгарской тематике. В 1931–1932 гг. полемика вылилась на страницы официального археологического печатного органа – «Сообщений ГАИМК» [23, с. 460–461]. В лице А.П. Смирнова М.Г. Худяков видел конкурента и стремился быть впереди более молодого коллеги. В сохранившихся рукописях Михаила Георгиевича есть немало сюжетов, которые были затронуты А.П. Смирновым в кандидатской диссертации, но рассматривались они М.Г. Худяковым в совершенно ином ключе – с изрядной долей «яфетизма», а где-то в явной полемике с Алексеем Петровичем [25, с. 294–297]. Судя по многочисленным работам М.Г. Худякова по Прикамью, причем как историческим, так и этнографическим и в меньшей мере археологическим [26], в первой половине 30-х годов XX в. он явно претендовал на роль главного историка и археолога Вотского края.

В 1930–1932 гг. М.Г. Худякову благодаря покровительству С.Н. Быковского – партийного работника и первого заместителя председателя ГАИМК (1930–1934), а также Ф.В. Кипарисова – второго заместителя председателя ГАИМК Н.Я. Марра [27, с. 733] – удалось избежать репрессий⁵, когда ему были предъявлены обвинения в «султангалиевщине» и «тюркском национализме». Сам М.Г. Худяков не отказался от сотрудничества с НКВД в 1934 г., став вместе с Л.П. Потаповым научным консультантом по делу С.И. Руденко и его коллег в Русском музее, попавших под следствие [11, с. 237]. Ученый поддерживал дружеские отношения с Ф.В. Кипарисовым вплоть до ареста последнего 16 августа 1936 г. Впрочем, после того как арестовали самого М.Г. Худякова, он дал признательные показания против Ф.В. Кипарисова [27, с. 740–741]. В итоге вместе с С.Н. Быковским, Ф.В. Кипарисовым, В.С. Адриановым Михаил Георгиевич был осужден по делу «троцкистско-зиновьевской террористической группы ГАИМК».

Представляется, что в выборе А.П. Смирновым темы докторской диссертации не обошлось и без анализа популярных в конце 20-х – 30-е годы XX в. идей Н.Я. Марра, несмотря на общее неприятие им яфетической теории академика [29, с. 261]. Алексей Петрович, уже после развенчания теории Н.Я. Марра, писал: «Туман навеянный Марром понемногу начинает рассеиваться. У археологов – основной грех Марра стадильность был развит довольно широко» (НБЛ ОРРК5, л. 1). Николай Яковлевич Марр писал, что свое название болгарские города, в частности Сувар, получили как племенные центры от именования племен [30, с. 70]. Связь названия города и племени в контексте болгарской истории и археологии показалась Алексею Петровичу интересной и перспективной.

⁵ Этот факт интересен еще и тем, что, хотя М.Г. Худяков был офицером царской армии [28, с. 30], на его карьере это не сказалось.

Были, конечно, и другие трудности в исследовании темы археологии и истории волжских булгар. Главная – проблема источников: письменные свидетельства малочисленны, малоинформативны и отрывочны, а о начальных этапах булгарской истории и вовсе отсутствуют; лингвистические – спорные и недатированные. Археологических находок из собраний ОАИЭ и казанского Музея было большое количество. Однако они происходили из случайных сборов, без документальных привязок к стратиграфии и даже к конкретному месту на памятнике, а те из них, что были получены из раскопок, не отвечали современным требованиям документирования. Нужны были новые подходы к разработке проблемы, основываясь на которых можно было делать исторические выводы.

Учитывая все эти факторы, Алексей Петрович искал булгарский памятник (городище), с одной стороны, известный в письменных источниках, а с другой – имеющий археологическую атрибуцию. Так что выбор Суварского городища как объекта раскопок в 1933 г. был вполне предсказуем. Место исторического города Сувары было определено в конце XIX в. по данным топонимики близ с. Кузнечихи Спасского уезда Казанской губернии [31]. До А.П. Смирнова археологические исследования на этом памятнике не проводились. Вдохновляло Алексея Петровича и мнение авторитетного казанского археолога В.Ф. Смолина, отмечавшего, что «такой значительный памятник, как г. Сувар, засвидетельствованный восточными авторами и нумизматическим материалом уже для X в., заслуживает того, чтобы на него было обращено должное внимание; иначе под распахкой и т. д. исчезнут всякие следы этого города» [18, с. 57]. Еще больше обещаний давало и заявление Виктора Фёдоровича о том, что в Суваре «еще в X веке арабских писателей поражало наличие там войлочных юрт, пережитка кочевых обычаев насельников этого города» [18, с. 34].

Конечно, Алексею Петровичу логичнее было бы сразу взяться за исследование Булгарского городища. Однако сначала нужно было разработать новую исследовательскую методику, поскольку опыта раскопок булгарских поселений у него практически не было (не исключено, что некоторая информация по этой теме предварительно была им получена от коллеги по ГИМу – археолога А.С. Башкирова). Единственными археологическими изысканиями, выполненными на достойном уровне еще в дореволюционные годы в Казанской губернии, были раскопки в центре Булгарского городища в 1914–1915 гг., которые проводились по старой методике, принятой в конце XIX – начале XX в. А.П. Смирнов считал, что в первую очередь необходимо изучить археологические особенности булгарских поселений, особенно существовавших длительное время; непосредственно «в поле» познакомиться с поселенческой материальной культурой и отработать новые исследовательские приемы с акцентом на стратиграфию и тщательную фиксацию артефактов.

Но, помимо этого, была еще одна причина в выборе Суварского городища, а не Булгарского. На последнем в начале 30-х годов XX в. планировал исследование Н.Ф. Калинин. Опыта раскопок в Булгаре у него не было; фактически с проблемами этого памятника он познакомился в ходе поездки с инспекцией от Татнаркомпроса в августе 1932 г., которая была связана с тем, что в конце февраля 1931 г. по приказу директора (ректора) КГУ Н.Б.З. Векслина (1931–1935) ОАИЭ было закрыто, а функции контроля состояния архитектурных сооруже-

ний Булгарского городища были поручены музейному отделу Татнаркомпроса. По итогам этой поездки в октябре 1932 г. Н.Ф. Калинин был составлен проспект археологических работ на городище, а через год в августе 1933 г. – расширенный вариант этого документа [32, с. 348–351], где предполагалось изучение всей площади памятника (что было нереально) по условным, и в целом умозрительным, секторам, которые он (по примеру Ф. Баллода с его нижеволжскими Сараями) выделил на памятнике. За основу этого документа были взяты материалы обследований членами ОАИЭ Булгарского городища и планов по его изучению, подготовленные в 1913–1914 гг. Возможно, Н.Ф. Калинина консультировал М.Г. Худяков, написавший в 1930 г. статью о датировке архитектурных сооружений Булгара [33, с. 36–48]. Влияние М.Г. Худякова чувствовалось и в «яфетических пассажах», которые встречаются в проспекте⁶. Практический результат поездки 1932 г. все же был – Н.Ф. Калинин обновил составленный еще в 1869 г. план городища с нанесенными остатками архитектурных сооружений, который был сверен и дополнен в 1913 г. членами ОАИЭ (НБЛ ОРРК8, л. 41–42). Окончательная редакция этого плана была осуществлена Н.Ф. Калинин в 1942 г. по результатам наблюдений на распахиваемых участках памятника [35, с. 108, кат. 26.1.20].

В первой половине 30-х годов XX в. Н.Ф. Калинин находился под патронажем М.Г. Худякова как в научном плане, так и в практическом – М.Г. Худяков и В.И. Равдоникас⁷ были кураторами археологической части экспозиции казанского Музея в 1932–1933 гг., реэкспозицией которой занимался Н.Ф. Калинин. Собственно, именно с критики этого раздела выставки начались обвинения Николая Филипповича в непрофессионализме, антинаучности и непартийности. М.Г. Худяков и Н.Ф. Калинина связывали несколько лет совместной работы в Центральном музее Татарской республики. Даже после отъезда Михаила Георгиевича в Ленинград связь они поддерживали, а в начале 30-х годов XX в. как заведующий средневолжским сектором Института по изучению народов СССР М.Г. Худяков не раз бывал в Казани [23, с. 367, 372–373]. Судя по переписке, именно к нему апеллировал Н.Ф. Калинин после снятия с должности и начавшегося следствия и у него же искал поддержки в конце июля 1936 г. [36, с. 71–72]. Однако это общение, видимо, только усугубило положение Николая Филипповича в связи с открытым в отношении него следствием, поскольку с августа 1936 г. М.Г. Худяков находился в разработке НКВД, а 9 сентября был арестован и 19 декабря расстрелян.

Н.Ф. Калинина уволили приказом № 10 директора музея от 28 февраля 1936 г. с формулировкой «за преступно-халатное отношение к учету и хране-

⁶ Несмотря на неоднократное упоминание Н.Я. Марра в статьях Н.Ф. Калинина до 1950 г., марристом он не был. Николай Филиппович демонстрировал свою лояльность официальным методологическим установкам, цитируя «классика» и ссылаясь на него, как, например, «дополняя» статью Б.Д. Грекова о волжских булгарах для «Истории ТАССР» (АНФ МА РТЗ, л. 13). Так этот раздел и вошел в публикацию [34, с. 107]. С изменением политической конъюнктуры Н.Ф. Калинин становится активным критиком марризма: «Надо решительно отмежеваться от марристской “теории стадильности”», – пишет он в начале 50-х годов XX в., апеллируя уже к Сталинскому учению о языке (АНФ МА РТ4, л. 2).

⁷ Совместное кураторство М.Г. Худякова и В.И. Равдоникаса было не случайным: М.Г. Худяков тесно сотрудничал со своим коллегой, который поддерживал его, например, в вопросе о присвоении степени доктора исторических наук, а ранее М.Г. Худяков поддержал и развил в своей книге идеи В.И. Равдоникаса, касавшиеся критики буржуазной археологии.

нию экспонатов и развал всей работы исторического отдела»; до 15 апреля он должен был завершить сдачу экспонатов в экспозиции и передачу обязанностей (АНМ РТ1, л. 10). Но, видимо, в этот срок ему все дела сдать не удалось, поэтому «в полном соответствии с мотивами увольнения» Н.Ф. Калинина окончательно освободили от работы в музее 10 августа 1936 г. (АНМ РТ1, л. 72). Все эти события разворачивались на фоне начавшегося в Казани в феврале-марте 1935 г. резонансного политического дела «троцкиста» Н.Н. Эльвова – декана исторического факультета ВПИ. Отметим, что Н.Н. Эльвов возглавлял коллектив ученых, готовивших к изданию сборник «Материалы и документы по истории ТАССР с древнейших времен до реформы 1861 г.», в котором принимал участие и Н.Ф. Калинин и который был опубликован в 1937 г. Николаю Филипповичу во время следствия инкриминировалось сотрудничество с «троцкистом» Е.И. Медведевым, директором Центрального музея ТАССР в 1933–1934 гг., его непосредственным начальником (который был аспирантом Н.Н. Эльвова), обвиненным, как и его научный руководитель, в «контрабанде» троцкизма. Улики, видимо, были косвенные, например, Е.И. Медведев, как директор музея, подписал в 1934 г. ходатайство в ГАИМК на выдачу Н.Ф. Калининну Открытого листа для производства работ на Булгарском городище. Хотя Открытый лист Николай Филиппович не получил, но подпись Е.И. Медведева на документе имелаась.

Возможно, по причине сотрудничества Н.Ф. Калинина с М.Г. Худяковым Алексей Петрович до середины 30-х годов XX в. с ним не контактировал (как и Николай Филиппович не искал поводов для общения), и свела их вместе работа в казанском Музее в конце 30-х годов, когда А.П. Смирнов был приглашен как консультант из ГИМа и в 1937 г. вошел в Ученый совет музея (создан в 1928 г.)⁸ [38, с. 9]. В последнем сезоне работ А.П. Смирнова на Суварском городище в 1937 г. Н.Ф. Калинин, занятый тяжбами с руководством музея, с ним не общался. Напротив, А.П. Смирнов получил полную поддержку от руководства Центрального музея ТАССР, как явствует из обращения директора музея к Наркому просвещения ТАССР Г.А. Бакирову от 7 июля 1937 г.: «В настоящее время в Казань прибыл руководитель Суварской экспедиции действительный член Московского отделения ГАИМК, тов. Смирнов, для производства археологических исследований развалин города Булгарского царства, Суvara, начатых еще в 1933 году. Центральный Музей Татарской Республики заинтересован в получении всего материала раскопок, так как за прошлые годы он получал только ограниченное число второсортного материала, который почти не может быть использован в экспозиции. Центральный Музей Татарской Республики в случае откомандирования одного сотрудника и оплаты специальной поездки тов. Смирнова для обработки материала в Казань, должен будет истратить сумму около 1 000 (одной тысячи) рублей, что предусмотрено бюджетом 1937 года. Ввиду отсутствия в музее историко-археолога (sic. – К.Р.) Музей может командировать только тов.

⁸ В 1929 г. с момента переименования Центрального историко-бытового музея в Государственный исторический (ГИМ) началась перестройка экспозиции и воплощение новой концепции: он должен был превратиться из «археологического и историко-бытового в Музей истории развития общественно-экономических формаций на территории СССР». Тем не менее достичь поставленной задачи в 1929–1931 гг. не удалось: не хватало конкретного материала, в первую очередь археологического, что стало решаться в процессе реэкспозиции 1932–1934 гг. [37, с. 262].

Егорову, находящуюся в отпуску (sic. – *К.Р.*) до 3/VIII с. г. Музей просит Вашего разрешения об отзывании из отпуска тов. Егоровой и прикомандировании ее к экспедиции и заключении договора о передаче всего этого материала и обработке его руководителем экспедиции тов. Смирновым» (АНМ РТ2, л. 40–40 об.). На документе резолюция: «Вернуть из отпуска Егорову и командировать».

Вторым совместным и уже археологическим проектом А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина стали раскопки на Булгарском городище в 1938 и 1939 гг. Если в 1938 г. последний участвовал в этих исследованиях как сотрудник ИЯЛИ, то в следующем году уже от Центрального музея ТАССР, поскольку 30 августа 1938 г. был принят совместителем на должность старшего научного сотрудника в исторический отдел музея. В 1939 г. он был командирован в Булгар на раскопки, где пробыл с 21 июля и до 1 сентября. В этот сезон к Н.Ф. Калинину присоединилась научный сотрудник исторического отдела А.М. Ефимова, а с 8 по 21 августа в Болгарскую экспедицию были командированы научные сотрудники К. Абдуллина, К.С. Счастнев, В.Н. Евстафьев, С. Ильясова, В.Н. Паршина (АНМ РТ3, л. 30, 78–78 об.; 81 об.). Выбранный основной объект раскопок – общественная городская баня XIV в. «Красная палата» – оказался уникальным [39, с. 179–180]. Его исследования в течение двух сезонов дали настолько разнообразный и новый материал, что вдохновили Алексея Петровича и об этих раскопках он вспоминал даже во время Великой Отечественной войны (НБЛ ОРРК2).

Правда, полного взаимопонимания между Н.Ф. Калининым и А.П. Смирновым так и не сложилось. Николая Филипповича тяготила работа, особенно экспедиционная, с московским коллегой. В канун несостоявшегося сезона 1941 г. Н.Ф. Калинин стал хлопотать о самостоятельных археологических исследованиях и отдельном финансировании, а при встрече с самим Алексеем Петровичем был агрессивен и раздражителен. «Что сделалось с Николаем Филипповичем? То ли устал и бросается на людей, то ли старость заела», – писал А.П. Смирнов А.М. Ефимовой (НБЛ ОРРК1, л. 1–1 об.). Распространялись разногласия и на научные вопросы, в частности социально-политическую историю Волжской Булгарии и ее генезис, где Н.Ф. Калинин полностью игнорировал мнение своего оппонента.

К 1940 г. основные положения диссертации у Алексея Петровича вырисовывались вполне определенно (НОА ИА1; НОА ИА2). Им были опубликованы некоторые ее разделы, включая подробный анализ письменных источников, обзор материальной культуры по музейным коллекциям, подготовлен к печати развернутый очерк по исследованиям Суварского городища, куда вошли и уже опубликованные данные о раскопках на этом памятнике (Смирн.7; Смирн.8; Смирн.9; Смирн.10). Кроме того, была определена ключевая гипотеза исследования, согласно которой Булгар арабских и персидских средневековых авторов X – XII вв., являвшийся изначально племенным центром, из которого и вырос город, – это Булгарское городище. Гипотеза А.П. Смирнова противоречила историографической традиции, гласившей, что Булгарское городище – памятник главным образом периода Золотой Орды. Возникал вопрос и о статусе Булгара,

как и роли государства Волжская Булгария в целом в истории Восточной Европы [40, с. 325].

Начавшаяся война отменила все планы. Алексей Петрович в начале июля 1941 г. ушел в ополчение и находился в армии до начала 1942 г. [39, с. 184–185]. Спустя год после демобилизации, 5 января 1944 г., на заседании ученого совета исторического факультета МГУ состоялась защита его докторской диссертации (Смирн.11). На защиту были выдвинуты восемь положений, характеризующих историю волжских булгар с VI по XIV в. [40, с. 327]. После многочисленных правок и дополнений текст диссертации, переработанный в монографию, был опубликован ((Смирн.12); см. также [40, с. 328]).

Вторая диссертация по археологии ТАССР, подготовленная в Казани на базе ИЯЛИ, была представлена Николаем Филипповичем Калининским и защищена в январе 1947 г. в Москве в Институте истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР. Она была посвящена древнейшей истории Татарии. Возникла эта тема, видимо, в 30-х годах XX в., во время работы Н.Ф. Калинина над экспозицией в Центральном музее ТАССР и в ходе написания разных вариантов концепции, а также под влиянием публикаций М.Г. Худякова. Хотя, учитывая эклектизм научных интересов Николая Филипповича, думается, эта тема не была в приоритете. С не меньшей энергией он занимался и Средневековьем, основываясь на тех же музейных коллекциях. Но средневековая проблематика стала темой диссертации А.П. Смирнова, и для собственного исследования Н.Ф. Калининскому требовалась другая тема. Сама идея написания диссертации у него оформилась не позднее 1945 г., а на воплощение замысла ушло чуть больше года.

Исходный материал, имевшийся в распоряжении Николая Филипповича, был весьма обширен, поскольку первобытная эпоха привлекала внимание казанских исследователей задолго до него. Облегчало задачу и то, что до начала 30-х годов XX в. были опубликованы многочисленные статьи о стоянках каменной эпохи в окрестностях Казани и в Казанской губернии, правда, аналитическими из них были только статьи П.И. Кротова, А.А. Штуkenберга и Н.Ф. Высоцкого [41–43]. Основная проблема этих публикаций – отсутствие точной датировки и культурной атрибуции. С ней не справился и Николай Филиппович. Как писал А.П. Смирнов, «чувством вещи обладают не все археологи. Между прочим, как я вижу по диссертации Николая Филипповича [Калинина], она отсутствует у него. Он сравнивает вещи, часто несравнимые» (НБЛ ОРРК4, л. 1 об.). О самой диссертации Алексей Петрович отозвался замечанием, что она компилятивная и «не особенно интересная». Впрочем, он добавил, что «во всяком случае она пройдет. Невысоким кандидатским требованиям она удовлетворяет» (НБЛ ОРРК3, л. 1 об.–2). Так и произошло.

Исследование Н.Ф. Калинина «Древнейшее население Татарии», подготовленное в 1946 г., структурно повторяло общепринятые элементы формационной схемы (АНФ МА РТ1). В какой-то степени Николай Филиппович в отнесении археологических эпох к социально-формационным стадиям следовал методическим разработкам того же А.П. Смирнова (Смирн.13, с. 4–37). Небольшой историографический очерк предвлял основную часть диссертации. Следуя общим положениям, Н.Ф. Калинин описывал последовательно дороговое об-

щество, соотнеся с ним эпоху нижнего палеолита, родовое общество с делением на материнский род и далее патриархат; последняя точка в этой эволюционной линии – феодальное государство Волжская Булгария. Смешивая исторические, хронологические и территориальные определения, Н.Ф. Калинин включает сюда и элементы археологической периодизации: эпоха бронзы, ранний железный век или промежуточные периоды, например переход от палеолита к неолиту [44, с. 11–14, табл. III]. Невыдержанность принципов выделения разделов, скудный фактический материал и преобладание в тексте общих сюжетов и характеристик этапов свидетельствуют о неглубокой проработке темы, поспешности написания работы (АНФ МА РТ1). Был еще один момент, на который стоит обратить внимание, – это политическая ангажированность работы в связи с вопросами этногенеза казанских татар, где автор выступает последовательным автохтонистом.

После защиты диссертации в несколько доработанном виде рукопись была опубликована в «Материалах по истории Татарии» в 1948 г., а затем вошла в первый том «Истории ТАССР», вышедший из печати в 1955 г. ((АНФ МА РТ2; Калинин1); см. также [44, с. 11–41]). Любопытен отзыв рецензента – Ф.Ш. Мухамедьярова – на раздел Н.Ф. Калинина в «Материалах...»: «Глава “Древнейшее население на территории Татарии” (автор – Н.Ф. Калинин) несмотря на то, что она посвящена глубокой древности, весьма актуальна. Автор показал, что население Татарии прошло длительный и сложный путь исторического развития – от дикости до возникновения классового общества. Заслугой автора является то, что он сумел проследить преобладающее влияние древнейших аборигенов края на формирование позднейших народностей Татарии, в том числе и казанских татар. Выводы автора об автохтонности населения Татарской АССР еще раз наглядно показывают всю несостоятельность господствовавшей в старой, буржуазной историографии теории происхождения казанских татар от монголо-татарских завоевателей XIII в. (подчеркнуто нами. – К.Р.), теории, справедливо подвергнутой критике еще в 1946 г. на специальной сессии Отделения истории и философии АН СССР по вопросам этногенеза татар Поволжья. Ценность выводов Н.Ф. Калинина заключается в том, что они базируются на обширном археологическом материале, отличающемся большим разнообразием» [45, с. 143]. В свой раздел «Истории ТАССР» Н.Ф. Калинин включил новые материалы из раскопок палеолитических памятников на территории ТАССР, в частности Деуковской стоянки (НОА ИА3).

В начале 50-х годов XX в. Н.Ф. Калинин взялся за докторскую диссертацию. Расширять тему кандидатской работы он не захотел, отдав материалы эпохи бронзы с идеей глобальной приказанской культуры своему аспиранту А.Х. Халикову, а древности эпохи Великого переселения народов другому аспиранту – В.Ф. Генингу. Сам он взялся за проблему, связанную с историей Казани (АИЯЛИ). В его распоряжении был солидный краеведческий материал, накопленный предшественниками, немало письменных источников XVI – XVII вв., а также материалы собственных археологических изысканий на поселениях эпохи неолита – бронзы I тыс. н. э. в окрестностях Казани, раскопок и наблюдений в кремле и в историческом центре города (Калинин2; Калинин3; Калинин4). Особый акцент он делал на письменные материалы, которые собирал и

публиковал с 20-х годов XX в. (Калинин⁵). Некоторым преддверием диссертации был научно-популярный очерк «Казань» (Калинин⁶). Археологическую часть концепции Н.Ф. Калинина составляла идея последовательного существования двух городов – Старой (Иски) Казани в среднем течении Казанки и Казани (современной) в устье Казанки в соответствии с историографической традицией (Калинин⁶, с. 26–31).

Предполагалось, что защищаться Н.Ф. Калинин будет в Москве, в ИИМК. Одним из оппонентов должен был стать А.П. Смирнов. Но после рассмотрения диссертации Николая Филипповича на Ученом совете ИИМК 24 ноября 1957 г. ее признали исторической, а не археологической. «На Ученом Совете отвели диссертацию Н.Ф. Калинина, якобы она историческая. Для меня это явилось неожиданностью, ибо у меня спросили согласие быть оппонентом, я его дал, а при обсуждении всё пошло иначе», – писал в письме А.М. Ефимовой Алексей Петрович (НБЛ ОРРК⁶). Кроме того, Н.Ф. Калинин не хватало публикаций. По этому поводу А.П. Смирнов заметил: «...Что касается Калинина, то это непр[и]ятная история. Я боюсь, что Калинин, говоря о подводных течениях, намекает на меня. Смею Вас уверить, что я ни при чём. Всё дело в том, что сейчас для защиты диссертации надо иметь публикацию хотя бы отдельных глав диссертации. Таких работ у Ник[олая] Филип[повича] нет. И[И]МК не хотел отказывать и отрезать ему пути в другие учреждения – поэтому придумал такую нелепую формулировку. Книга Казань идти в расчет не может. Это популярная книга, не вскрывающая всей источниковедческой работы» (НБЛ ОРРК⁷, л. 1 об.). Возможно, в этой ситуации сыграли свою роль события, связанные с предшествующими попытками Н.Ф. Калинина сорвать защиту в Совете по истории АН СССР диссертации, как он считал, своего конкурента – аспиранта М.Н. Тихомирова Ф.Ш. Мухамедьярова из Казанского ИЯЛИ, что ему, в сущности, почти удалось [4, с. 74; 40, с. 340–342].

Таким образом, начало диссертационной культуры по археологической тематике в ТАССР связано с исследованиями по первобытным и средневековым эпохам края, которые проводили в 30–40-х годах XX в. А.П. Смирнов и Н.Ф. Калинин. Первый из них закончил аспирантуру по археологии, имел богатый и тематически разнообразный опыт исследований разных археологических памятников от Античности и до позднего Средневековья. Выбор болгарской тематики отчасти был определен темой кандидатского исследования Алексея Петровича, связанной с археологией прикамских финнов, а также сложным переплетением политических, общественных и личных мотивов и (что, пожалуй, самое необычное) мотиваций по музейному общению, в сфере которого он нашел не только единомышленников и друзей – основу его будущей казанской команды археологов, но и верных последователей и учеников. Он, по сути, создал методическую базу болгаристики как научного исследовательского направления с тщательным источниковедческим анализом археологических источников, положив это в основу своей диссертации. Четко сформулированные тезисы диссертационного исследования стали своего рода программой не только его научной деятельности, но и всей научной школы болгаристики.

Николай Филиппович Калинин не имел профессионального археологического образования, будучи изначально археологом-любителем. Конечно, выс-

шее историческое образование и интерес к древностям, присущий ему, а также умение рисовать способствовали тому, что он достаточно быстро освоил методику археологических исследований и ведение научной документации, но, в целом, все же это было самообразование. Не было у Н.Ф. Калинина и большого археологического полевого опыта, который компенсировался небольшими раскопками, но в основном археологическими (туристическими) экскурсиями. Собственно, это сказалось и на его кандидатском исследовании, которое носило компилятивный характер и поэтому во многом было лишено оригинальности, а из-за недостатка источников являлось малодоказательным. Но при этом оно отвечало требованиям политического момента.

Источники

- АИЯЛИ – Архив Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 203: Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVII в.: Рукопись докторской диссертации. – 250 л.
- АНМ РТ1 – Архив Национального музея РТ. Ф. Р-2021. Оп.7. Д. 10: Приказы директора музея: 6 января 1936 – 26 декабря 1936 г. – 120 л.
- АНМ РТ2 – Архив Национального музея РТ. Ф. Р-2021. Оп.7. Д. 13: Приказы по Центральному музею ТАССР (личный состав) за 1937 год: 10 января – 30 декабря 1937 г. – 108 л.
- АНМ РТ3 – Архив Национального музея РТ. Ф. Р-2021. Оп.7. Д. 14: Приказы по Центральному музею ТАССР (личный состав): 4 января 1938 – 2 декабря 1939 г. – 92 л.
- АНФ МА РТ1 – Архив Научного фонда Музея археологии Института археологии АН РТ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 28: Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии: Рукопись кандидатской диссертации (вариант). 1946 г. – 131 с.
- АНФ МА РТ2 – Архив Научного фонда Музея археологии Института археологии АН РТ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 52: Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии. Глава I: Рукопись статьи. 1948 г. – 53 л.
- АНФ МА РТ3 – Архив Научного фонда Музея археологии Института археологии АН РТ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 97: Греков Б.Д., [Калинин Н.Ф.] Материалы по истории Татарии. «Волжская Булгария»: Машинопись. 8 июня 1947 г. – 135 л.
- АНФ МА РТ4 – Архив Научного фонда Музея археологии Института археологии АН РТ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 19: Калинин Н.Ф. К вопросу об этногенезе казанских татар и других народов Среднего Поволжья в свете Сталинского учения о языке: Доклад в секторе истории ИЯЛИ КФАН СССР. Машинопись. 1950 (?). – 14 л.
- Калинин1 – Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии / Отв. ред. И.М. Климов. – Казань: Татгосиздат, 1948. – Вып. 1. – С. 23–96.
- Калинин2 – Калинин Н.Ф. Город Казань, 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. В.В. Гольмстен. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 104–106.
- Калинин3 – Калинин Н.Ф. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. – М.: НИИКМР, 1948. – С. 179–186.
- Калинин4 – Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 г. // Изв. АН СССР. Казан. фил. Серия гуманитар. наук. – 1955. – Вып. 1. – С. 117–138.
- Калинин5 – Калинин Н.Ф. Казань 18-го века: (По неизданным картографическим и иконографическим материалам) // Изв. О-ва археол., истории и этнографии. – 1929. – Т. XXXIV, вып. 8-4. – С. 119–130.

- Калинин6 – *Калинин Н.Ф.* Казань. Исторический очерк. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – 414 с.
- НБЛ ОРРК1 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9788-1: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 28 января 1941 г. – 2 л.
- НБЛ ОРРК2 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9789-2: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 4 августа 1942 г. – 1 л.
- НБЛ ОРРК3 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9794-2: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 1 января 1947 г. – 2 л.
- НБЛ ОРРК4 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9794-13: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 7 января 1947 г. – 1 л.
- НБЛ ОРРК5 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9797-9: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 2 ноября 1950 г. – 2 л.
- НБЛ ОРРК6 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9804-15: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 25 ноября 1957 г. – 1 л.
- НБЛ ОРРК7 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9806-1: Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой, начало декабря 1957 г. – 1 л.
- НБЛ ОРРК8 – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. № 9267: ОАИЭ переписка 1914 года по поводу раскопок в Болгарах. – 52 л.
- НОА ИА1 – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1, Н-Арх, № 553: Смирнов А.П. Болгарское государство: Рукопись. 1930-е гг.
- НОА ИА2 – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1, Н-Арх, № 167: Смирнов А.П. Волжские болгары: Рукопись. Не ранее 1937 г.
- НОА ИА3 – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1, Р-1, № 312: Калинин Н.Ф. Отчет по палеолитической экспедиции Казанского филиала АН СССР в с. Деуково Мензелинского района Татарской АССР в 1949 г. – Казань, 1949. Рукопись. – 124 л.
- Смирн.1 – *Смирнов А.П.* Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. – М.: ГИМ, 1934. – 35 с.
- Смирн.2 – *Смирнов А.П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX – XIII вв. // Труды секции теории и методологии Моск. ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. – М.: РАНИОН, 1928. – Вып. 2. – С. 69–89.
- Смирн.3 – *Смирнов А.П.* Производство и общественный строй у народов Прикамья I тысячелетия нашей эры (по данным археологии) // Записки Удмуртского НИИ социалист. культуры при Совнарком УАССР и Об-ва по изучению производительных сил Удмуртии. – 1938. – Вып. 8. – С. 202–250.
- Смирн.4 – *Смирнов А.П.* Могильник Бигер-Шай // Советская археология. – 1937. – № 4. – С. 239–248.
- Смирн.5 – *Смирнов А.П.* Обследование р. Валы // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. В.В. Гольмстен. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 109–112.

- Смирн.6 – *Смирнов А.П.* Финские феодальные города // Учен. зап. Научно-исследовательского ин-та народов Советского Востока при ЦИК СССР. – М.: Центральное изд-во народов СССР, 1931. – Вып. 2: На удмуртские темы. – С. 36–75.
- Смирн.7 – *Смирнов А.П.* Очерки из истории волжских булгар // Труды ГИМ. – М.: ГИМ, 1940. – Вып. 11. – С. 55–136.
- Смирн.8 – *Смирнов А.П.* Отчет Суварской экспедиции Московского отделения Государственной Академии истории материаль. культуры // Советская этнография. – 1935. – № 1. – С. 127–128.
- Смирн.9 – *Смирнов А.П.* Исследования городища Сувар // Советская археология. – 1937. – № 4. – С. 330–332.
- Смирн.10 – *Смирнов А.П.* Сувар. Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды ГИМ. – М.: ГИМ, 1941. – Вып. 16: Работы археологических экспедиций. – С. 135–171.
- Смирн.11 – *Смирнов А.П.* Волжские булгары: Тезисы докторской дис. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1946. – Вып. 13. – С. 158–159.
- Смирн.12 – *Смирнов А.П.* Волжские булгары. – М.: ГИМ, 1951. – 295 с.
- Смирн.13 – *Смирнов А.П., Милонов Н.П.* Краткое руководство по археологии. Методическое пособие для краеведов и краеведческих музеев. – М.: НИИМКР, 1938. – 68 с.

Литература

1. *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4. – С. 84–107.
2. *Ванюшева К.В.* Научные коммуникации в российской провинциальной археологии: конец XIX – 20-е гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2014. – 28 с.
3. *Захарова Е.Ю.* История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Воронеж, 2015. – 39 с.
4. *Руденко К.А.* История защит диссертаций по археологии в ТАССР в 20–50-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 69–80. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.69-80.
5. *Кругликова И.Т.* К 100-летию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // Советская археология. – 1970. – № 1. – С. 3–8.
6. *Хабибуллин А.А.* Народы Среднего Поволжья и Приуралья: история и культура. – Казань: Меддок, 2008. – 337 с.
7. *Кузьминых С.В., Михайлов Е.П., Савенко С.Н., Старостин П.Н.* Виктор Федорович Смолин: основные вехи жизненного и творческого пути // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. О.В. Кузьмина. – Чебоксары: ЧГИПН, 2003. – С. 35–46.
8. *Смолин В.Ф.* К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских болгар (Разбор главнейших теорий). – Казань: Чуваш. отд. гос. изд-ва, Казан. Подотд., 1921. – 56 с.
9. *Кузьминых С.В.* Виктор Федорович Смолин: 1890–1932. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 32 с.
10. *Жебелев С. А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. А. Формозов. – М.: Наука, 2002. – Вып. 3. – С. 146–194.
11. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. – М.: Знак, 2004. – 320 с.

12. Руденко К.А. Гендерные аспекты Казанской археологии во второй половине XIX – XX вв. // Археология Евразийских степей. – 2021. – № 5. – С. 145–152. – doi: 10.24852/2587-6112.2021.5.145.152.
13. Таиров Н.И. Первая татарская женщина – археолог и библиограф // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 34–37.
14. Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология. – 2018. – № 1. – С. 321–341. – doi: 10.24852/ра2018.1.23.321.341.
15. Брюсов А.Я. На тропах археологии // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 647–702.
16. Белозёрова И.В., Демирова Н.И. Материалы по истории российской археологии в собрании ОПИ ГИМ // Археология евразийских степей. – 2021. – № 5. – С. 14–28. – doi: 10.24852/2587-6112.2021.5.14.28.
17. Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. – М.: Тип. Э. Лиссенера и Ю. Романа, 1893. – 189 с.
18. Смолин В.Ф. Археологический очерк Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. / Ред. Г.Г. Ибрагимов, Н.И. Воробьев. – Казань: 2-я Гостип. Комб. изд. и печати «Восток». 1925. – Вып. 2: Посвящается пятилетию Татарской С.С. республики. – С. 5–70.
19. Иванова М.Г. Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы исследования средневековых памятников Удмуртии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. – М.: ГИМ, 2000. – С. 177–183.
20. Останина Т.И. Археологические исследования А.П. Смирнова на территории Удмуртии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. – М.: ГИМ, 2000. – С. 22–26.
21. Куликов К.И. Дело «СОФИН». – Ижевск: УИИЯЛ, 1997. – 338 с.
22. Мельникова О.М., Останина Т.И. Археолог Алексей Петрович Смирнов о Великой Отечественной войне // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. – 2020. – Т. 30, вып. 4. – С. 718–727. – doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-718-727.
23. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. – 768 с.
24. Издания Государственного Исторического музея, 1873–1998: Библиографический указатель / Науч. ред. В.Л. Егоров. – М.: ГИМ, 1999. – 312 с.
25. Кузьминых С.В. М.Г. Худяков: из неизданного при жизни // Археология евразийских степей. – 2019. – № 2. – С. 292–305.
26. Худяков М.Г. Воробьевский и Вичмарский могильники // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии. – 1929. – Т. 34, вып. 3–4. – С. 72–82.
27. Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (Новые материалы к биографии) // Вестн. древней истории. – 2020. – Т. 80, № 3. – С. 728–752. – doi: 10.31857/S032103910008633-9.
28. Кузьминых С.В. Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов. – Казань: Школа, 2004. – С. 25–46.

29. *Мухамедьяров Ф.Ш.* Рец. на кн.: А.П. Смирнов. Волжские булгары. – М.: ГИМ, 1951. – 275 с. – (Труды Государственного исторического музея, вып. XIX) // Советская археология. – 1953. – № 17. – С. 260–273.
30. *Март Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926. – 74 с.
31. *Ахмаров Г.Н.* Экскурсии на место древнего Суvara // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии. – 1893. – Т. 11, вып. 5. – С. 478–481.
32. *Зоря Р.С., Ситдинов А.Г. Н.Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища* // Археология евразийских степей. – 2021. – № 2. – С. 346–360. – doi: 10.24852/2587-6112.2021.2.346.360.
33. *Худяков М.Г.* К вопросу о датировке болгарских зданий // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. – Казань: Полиграф. школа им. А.В. Луначарского, 1930. – Вып. 4. – С. 36–48.
34. Материалы по истории Татарии / Отв. ред. И. М. Климов. – Казань: Таткнигоиздат, 1948. – Вып. 1. – 487 с.
35. Музей болгарской цивилизации: в 3 т. / Сост. Д.Г. Бугров и др. – Казань: Главдизайн, 2016. – Т. 3: Открытие древнего Болгара. – 254 с.
36. *Зоря Р.С.* «Прошу защитить меня, в конце концов, просто от физической гибели...»: новые факты к биографии Н.Ф. Калинина // Учен. зап. Крм. фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 66–80. – doi: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-66-80.
37. *Крайнов Д.А.* Государственный Исторический музей // Борьба классов. – 1934. – № 7–8. – С. 261–264.
38. *Беляев Д.* Взаимообследование музеев // Советский музей. – 1937. – № 3. – С. 8–12.
39. *Руденко К.А.* Археология в ТАССР во второй половине 1930-х – конце 1940-х годов // Очерки истории отечественной археологии. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина, И.А. Сорокина. – М.: ИА РАН, 2022а. – Вып. 6. – С. 175–195. – doi: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2.175-195.
40. *Руденко К.А.* Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). – Казань: Школа, 2021. – 476 с.
41. *Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф.* Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете. 1885. – Т. XIV, вып. 5. – С. 3–14.
42. *Кротов П.И.* О новых исследованиях каменного века в Казанской губернии (у с. Кокшайского и д. Ст. Кокузы) // Изв. О-ва археол., истории и этнографии. – 1905. – Т. XXI, вып. 3. – С. 259–262.
43. *Высоцкий Н.Ф.* Следы каменного века в Казанской губернии: Очерки по доисторической археологии и антропологии Северо-Восточной России // Изв. Сев.-Вост. археол. и этногр. ин-та в Казани. – 1920. – Т. 1. – С. 25–36.
44. *История Татарской АССР: в 2 т.* / Отв. ред. Х.Г. Гимади. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – Том 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – 552 с.
45. *Мухамедьяров Ф.Ш.* Рец. на кн.: Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. – 487 с. // Вопросы истории. – 1950. – № 4. – С. 143–146.

Поступила в редакцию 20.01.2023
Принята к публикации 22.03.2023

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения

Казанский государственный институт культуры
ул. Оренбургский тракт, д. 3, г. Казань, 420059, Россия
E-mail: murziha@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 211–232

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.211-232

Development of the Culture of Dissertation Research in Archaeology in the Kazan Governorate and the TASSR during the 1910s–1940s

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, 420059 Russia
E-mail: murziha@mail.ru

Received January 20, 2023; Accepted March 22, 2023

Abstract

This article discusses the development of the culture of dissertation research in archaeology in the Kazan Governorate and the TASSR between the 1910s and 1940s. The central role in this process was played by A.P. Smirnov and N.F. Kalinin, two prominent archaeologists, as well as by V.F. Smolin and M.G. Khudyakov, their predecessors. A.P. Smirnov developed a research passion for studying the archaeology and history of the Volga Bulgaria in the early 1930s, and N.F. Kalinin became interested in exploring the primitive era during the second half of the 1940s. The large-scale excavations of the Suvar and Bolghar (since 1938) settlements offered a solid methodological background for A.P. Smirnov's doctoral dissertation. In his work, he introduced a new approach to addressing a number of controversial issues, such as the dating of the emergence of the Bolghar settlement, by using archeological data. The outbreak of the war forced A.P. Smirnov to change his plans: he defended his dissertation in Moscow as early as 1944. N.F. Kalinin's dissertation was based on the archaeological collections of the Neolithic, Bronze, and Early Iron Ages stored at the Kazan Museum; these were the well-known materials with a historiographical tradition. The problems of academic communication during the period before these two dissertations had been defended are addressed. The early stages of institutionalization of this process are analyzed.

Keywords: archaeology, culture of dissertation research, Central Museum of the TASSR, M.G. Khudyakov, V.F. Smolin, A.P. Smirnov, N.F. Kalinin, Suvar settlement, Bolghar

References

1. Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. On academic degrees and how a dissertation in Russia gained scientific and practical importance. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2013, no. 4, pp. 84–107. (In Russian)
2. Vanyusheva K.V. Scientific communications in Russian provincial archaeology: From the late 19th century to the 1920s. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Izhevsk, 2014. 28 p. (In Russian)
3. Zakharova E.Yu. The history of archaeology in the Central Black Earth region of Russia (from the last quarter of the 18th century to the 1970s). *Extended Abstract of Doct. Hist. Diss.* Voronezh, 2015. 39 p. (In Russian)
4. Rudenko K.A. Tatar ASSR's history of writing and defending dissertations in archeology during the 1920s–1950s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 69–80. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.69-80. (In Russian)

5. Kruglikova I.T. On the occasion of the 100th anniversary of Boris Vladimirovich Farmakovskii's birth. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1970, no. 1, pp. 3–8. (In Russian)
6. Khabibullin A.A. *Narody Srednego Povolzh'ya i Priural'ya: istoriya i kul'tura*: [The Peoples of the Middle Volga and Urals: History and Culture]. Kazan, Meddok, 2008. 337 p. (In Russian)
7. Kuz'minykh S.V., Mikhailov E.P., Savenko S.N., Starostin P.N. Viktor Fedorovich Smolin: The main milestones of his life and work. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Abashevo Cultural and Historical Community: Origins, Development, and Heritage: Proc. Int. Sci. Conf.]. Kuz'mina O.V. (Ed.). Cheboksary, ChGIPN, 2003. pp. 35–46. (In Russian)
8. Smolin V.F. *K voprosu o proiskhozhdenii narodnosti Kamsko-Volzhsikh bolgar (Razbor glavneishikh teorii)* [On the Question of the Origin of the Kama-Volga Bulgarians (Analysis of the Main Theories)]. Kazan, Chuv. Otd. Gos. Izd., Kazan. Podotd., 1921. 56 p. (In Russian)
9. Kuz'minykh S.V. *Viktor Fedorovich Smolin: 1890–1932* [Viktor Fedorovich Smolin: 1890–1932]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2004. 32 p. (In Russian)
10. Zhebelev S.A. Academic degrees in the past, and the risk that they may be rejected in the future. In: Kamenetskii I.S., Formozov A.A. (Eds.) *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the History of Archaeology in Russia]. Moscow, Nauka, 2002, no. 3, pp. 146–194. (In Russian)
11. Formozov A.A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma* [Russian Archaeologists in the Period of Totalitarianism]. Moscow, Znack, 2004. 320 p. (In Russian)
12. Rudenko K.A. Gender aspects of Kazan archaeology in the second half of the 19th–20th centuries. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*, 2021, no. 5, pp. 145–152. doi: 10.24852/2587-6112.2021.5.145.152. (In Russian)
13. Tairov N.I. The first female Tatar archaeologist and bibliographer. *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, 2017, no. 2, pp. 34–37. (In Russian)
14. Kuz'minykh S.V., Belozero I.V. Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian Association of Scientific Research Institutes of Social Sciences in the fates of national archaeology. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2018, no. 1, pp. 321–341. doi: 10.24852/pa2018.1.23.321.341. (In Russian)
15. Bryusov A.Ya. On the paths of archaeology. *Rossiiskii Arkheologicheskii Ezhegodnik*, 2012, no. 2, pp. 647–702. (In Russian)
16. Belozero I.V., Demirova N.I. Materials on the history of Russian archaeology in the collection of the Department of Written Sources of the State Historical Museum. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*, 2021, no. 5, pp. 14–28. doi: 10.24852/2587-6112.2021.5.14.28. (In Russian)
17. Spitsyn A.A. *Priural'skii krai. Arkheologicheskie razyskaniya o drevneishikh obitatel'nykh Vyatskoi gubernii* [Archaeological Research on the Most Ancient Inhabitants of the Vyatka Governorate]. Moscow, Tip. E. Lissener i Yu. Roman, 1893. 189 p. (In Russian)
18. Smolin V.F. Archaeological essay on the Tatar Republic. In: Ibragimov G.G., Vorob'ev N.I. (Eds.) *Materialy po izucheniyu Tatarstana* [Materials on the Study of Tatarstan]. Kazan, 2-ya Gostip. Komb. Izd. Pechati "Vostok", 1925, no. 2: Dedicated to the fifth anniversary of Tatar S.S. Republic, pp. 5–70. (In Russian)
19. Ivanova M.G. A.P. Smirnov's scientific legacy and modern problems of the study of medieval monuments of Udmurtia. *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya. Materialy nauch. konf.* [A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Archaeology in the Volga-Kama Region: Proc. Sci. Conf.]. Belotserkovskaya I.V. (Ed.). Moscow, GIM, 2000, pp. 177–183. (In Russian)
20. Ostanina T.I. Archaeological research by A.P. Smirnov in the territory of Udmurtia. In: *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya: Materialy nauch. konf.* [A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Archaeology in the Volga-Kama Region: Proc. Sci. Conf.]. Belotserkovskaya I.V. (Ed.). Moscow, GIM, 2000, pp. 22–26. (In Russian)
21. Kulikov K.I. *Delo "SOFIN"* [The SOFIN Case]. Izhevsk, UIIYaL, 1997. 338 p. (In Russian)
22. Mel'nikova O.M., Ostanina T.I. Archaeologist Alexey Petrovich Smirnov about the Great Patriotic War. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Istoriya i Filologiya*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 718–727. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-4-718-727. (In Russian)

23. Rudenko K.A. *Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.)*. [A History of the Archaeological Study of the Volga Bulgaria (10th–Early 13th Centuries)]. Kazan, GBU “Resp. Tsentr Monit. Kach. Obraz.”, 2014. 768 p. (In Russian)
24. Egorov V.L. (Ed.). *Izdaniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya, 1873–1998: Bibliograficheskii ukazatel’* [Publications of the State Historical Museum, 1873–1998: A Bibliographic Index]. Moscow, GIM, 1999. 312 p. (In Russian)
25. Kuz'minykh S.V. M.G. Khudyakov: From the works unpublished during his lifetime. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*, 2019, no. 2, pp. 292–305. (In Russian)
26. Khudyakov M.G. Vorobyevsky and Vichmarsky burial grounds. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii Istorii i Etnografii*, 1929, vol. 34, nos. 3–4, pp. 72–82. (In Russian)
27. Pankratova E.G. F.V. Kiparisov, the last chairman of the State Academy of History of Material Culture (new materials for the biography). *Vestnik Drevnei Istorii*, 2020, vol. 80, no. 3, pp. 728–752. doi: 10.31857/S032103910008633-9. (In Russian)
28. Kuzminykh S.V. Kazan years in the life and career of M.G. Khudyakov. *Kraevedcheskie chteniya, posvyashchennye 135-letiyu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU i 110-letiyu M.G. Khudyakova* [Local History Lectures Dedicated to the 135th Anniversary of the Society of Naturalists at Kazan State University and the 110th Birthday of M.G. Khudyakov]. Mukhanov G.S. (Ed.). Kazan, Shkola, 2004. pp. 25–46. (In Russian)
29. Mukhamed'yarov F.Sh. Book review: A.P. Smirnov. Volga Bulgars. Moscow, GIM, 1951. 275 p. Proceedings of the State Historical Museum, no. XIX. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1953, no. 17, pp. 260–273. (In Russian)
30. Marr N.Ya. *Chuvashi-yafetidy na Volge* [Chuvash Japhetites on the Volga River]. Cheboksary, Chuv. Gos. Izd., 1926. 74 p. (In Russian)
31. Akhmarov G.N. Excursions to the site of ancient Suvar. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii Istorii i Etnografii*, 1893. vol. 11, no. 5, pp. 478–481. (In Russian)
32. Zorya R.S., Sitdikov A.G. N.F. Kalinin: Studying and preserving the historical and archaeological heritage of Bolghar fortified settlement. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei*, 2021, no. 2, pp. 346–360. doi: 10.24852/2587-6112.2021.2.346.360. (In Russian)
33. Khudyakov M.G. On the dating of the Bolghar buildings. In: *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamyatnikov TASSR* [Materials for Preservation, Repair, and Restoration of the TASSR Monuments]. Kazan, Poligraf. Shk. im. A.V. Lunacharskogo, 1930, no. 4, pp. 36–48. (In Russian)
34. Klimov I.M. (Ed.) *Materialy po istorii Tatarii* [Materials on the History of Tataria]. Kazan, Tatknigoizdat, 1948, no. 1. 487 p. (In Russian)
35. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii* [Museum of Bulgarian Civilization]. Vol. 3: Discovery of the ancient Bolghar. Kazan, Glavdizain, 2016. 254 p. (In Russian)
36. Zorya R.S. “Please protect me, after all, from physical death...”: Adding new facts to the biography of N.F. Kalinin. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya “Istoricheskie nauki”*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 66–80. doi: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-66-8. (In Russian)
37. Krainov D.A. The State Historical Museum. *Bor'ba Klassov*, 1934, nos. 7–8, pp. 261–264. (In Russian)
38. Belyaev D. Mutual examination of museums. *Sovetskii Muzei*, 1937, no. 3, pp. 8–12. (In Russian)
39. Rudenko K.A. Archaeology in the TASSR during the second half of the 1930s–late 1940s. In: Gaidukov P.G., Tunkina I.V., Sorokina I.A. (Eds.) *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the History of Russian Archaeology]. Moscow, IA Ross. Akad. Nauk, pp. 175–195. doi: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-386-2.175-195. (In Russian)
40. Rudenko K.A. *Kazanskie arkheologi v pervye gody posle Velikoi Otechestvennoi voyny (1945–1949) (po materialam perepiski A.P. Smirnova i A.M. Efimovoi)* [Kazan Archaeologists in the First Years after the Great Patriotic War (1945–1949) (Based on the Correspondence between A.P. Smirnov and A.M. Efimova)]. Kazan, Shkola, 2021. 476 p. (In Russian)
41. Shtukenberg A.A., Vysotskii N.F. Materials for the study of the Stone Age in the Kazan Governorate. *Trudy Obshchestva Estestvoispytatelei pri Imperatorskom Kazanskom Universitete*, 1885, vol. XIV, no. 5, pp. 3–14. (In Russian)

42. Krotov P.I. On new studies of the Stone Age in the Kazan Governorate (near the villages of Kokshaisk and St. Kokuzy). *Izvestiya Obshchestva Arkheologii Istorii i Etnografii*, 1905, vol. XXI, no. 3, pp. 259–262. (In Russian)
43. Vysotskii N.F. Traces of the Stone Age in the Kazan Governorate: Essays on prehistoric archaeology and anthropology of northeastern Russia. *Izvestiya Severo-Vostochnogo Arkheologicheskogo i Etnograficheskogo Instituta v Kazani*, 1920, vol. 1, pp. 25–36. (In Russian)
44. Gimadi Kh.G. (Ed.) *Istoriya Tatarskoi ASSR* [History of the Tatar ASSR]. Vol. 1: From ancient times to the Great October Socialist Revolution. Kazan, Tatknigoizdat, 1955. 552 p. (In Russian)
45. Mukhamed'yarov F.Sh. Book review: Materials on the History of Tataria. Issue 1. Kazan, Tatgosizdat, 1948. 487 p. *Voprosy Istarii*, 1950, no. 4, pp. 143–146. (In Russian)

Для цитирования: Руденко К.А. Формирование диссертационной культуры по археологии в Казанской губернии и ТАССР в 10–40-х годах XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 211–232. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.211-232.

For citation: Rudenko K.A. Development of the culture of dissertation research in archaeology in the Kazan Governorate and the TASSR during the 1910s–1940s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 211–232. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.211-232. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2(092)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.233-243

ИСТОРИК БУЛАТ ФАЙЗРАХМАНОВИЧ СУЛТАНБЕКОВ

С.Ю. Малышева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

Статья посвящена жизни и деятельности видного татарстанского историка, архивиста и публициста Б.Ф. Султанбекова. На основе документов из фондов Государственного архива Республики Татарстан, опубликованных работ Б.Ф. Султанбекова, его личных материалов и воспоминаний автора реконструированы основные этапы биографии и вехи становления историка, рассмотрены факторы, оказавшие на него влияние, и названы люди, сыгравшие важную роль в его формировании. Подчеркнута важная роль, которую Б.Ф. Султанбеков сыграл в развитии архивного дела в Республике Татарстан, обозначен его вклад в восстановление исторической правды о репрессиях периода сталинизма и возвращение доброго имени многих репрессированных деятелей. В работе проанализирована тематика исследований и причины обращения Б.Ф. Султанбекова к ряду проблем и сюжетов истории России и Татарстана XX в. Рассмотрены специфика исследовательских подходов историка, его работы с источниками, его внимание к персональным свидетельствам, изучение исторических событий через судьбы их современников.

Ключевые слова: Б.Ф. Султанбеков, История Татарстана, историческая наука в Татарстане, М.Х. Султан-Галиев, политические репрессии, высшие учебные заведения Казани, Общество историков-архивистов Татарстана

В одной из недавних публикаций памяти Булата Файзрахмановича Султанбекова (фото 1) автор назвал его «благородным рыцарем исторической науки» [1, с. 248].

Фото 1. Б.Ф. Султанбеков, август 2003 г. Фото Султана Исхакова. Из личного архива Б.Ф. Султанбекова

Это определение как нельзя более точно отражает отношение Б.Ф. Султанбекова к профессии историка и преподавателя, к истории и людям в истории. Самый большой интерес у него вызывали люди, их судьбы, а также книги. С искренним любопытством, с потрясающей детской открытостью, сохранившимися до самого последнего дня его жизни, он знакомился с новыми людьми и с теми же чувствами открывал любую новую книгу. Познавая новое, он стремился поделиться знанием не только с коллегами по цеху историков – в нем жила огромная страсть к учительству, к просветительству, к вовлечению обычных людей – читателей книг, журналов, газет – в удивительный, загадочный, драматический мир истории.

Б.Ф. Султанбеков был продолжателем учительской династии светских и духовных наставников. Он родился в Казани 18 ноября 1928 г. в семье учительницы Мадины Галиаскаровны Сагитовой и политического и хозяйственного деятеля Файзрахмана Файзулхаковича Султан-Бека [2] (фото 2). Дед со стороны матери – Галиаскар Мухамет-Садыкович Сагитов, выпускник Казанской татарской учительской школы 1881 г., 40 лет учительствовал в школах Казани. От деда Б.Ф. Султанбекова по линии отца, имама-хатыба и мударриса Файзулхака, и от прадеда – имама и ахуна, шейха Султанбека бин Сагындыка – непрерывный длинный ряд духовных учителей – мударрисов, ученых, мулл, суфиев и абызов – уходит в XVII в.

Фото 2. Булат Султанбеков с отцом Файзрахманом Султан-Бекком (на фото слева), матерью Мадиной Сагитовой и братом отца Мубаракком Султанбековым (на фото справа). Казань, 1934 г. Из личного архива Б.Ф. Султанбекова

Отец Булата умер, когда ему не исполнилось и 12 лет, а через год началась война. Прервав свое обучение в школе, в неполные 14 лет он ушел работать на оборонный завод № 4 на ул. Ухтомского. Через несколько месяцев, в 1943 г., окончив седьмой класс, Булат поступил в Казанский речной техникум. Как многие мальчишки тех лет, он грезил водными просторами и небом. Кстати, интерес к речным и воздушным судам, к речному делу и авиации Б.Ф. Султанбеков сохранит до конца жизни, отразит его в ряде своих работ. Но в 1944 г. он вынужден был отчислиться из речного техникума по состоянию здоровья, учился в вечерней школе рабочей молодежи № 10 Свердловского района. Решающую роль в его судьбе сыграл доцент Казанского педагогического института, друг семьи Абдулхак Хафизович Кудашев: по его совету осенью 1945 г. Булат поступил на историко-филологическое отделение Казанского

учительского института (в составе Казанского педагогического института), дававшего незаконченное высшее образование и диплом учителя неполной средней школы. По окончании его в 1947 г. 18-летний учитель работал в ауле Гергебиль в Дагестане, затем в с. Шемордан (Чурилинский район, сейчас – Сабинский район Татарстана), одновременно учась на заочном отделении исторического факультета Казанского педагогического института, который окончил в 1950 г. Директор Шеморданской школы Малик Шигапович Гиматов стал одним из тех, кого Булат Файзрахманович называл своими наставниками и кто способствовал его становлению как учителя. В Шемордане в декабре 1949 г. Булат Султанбеков вступил в члены ВКП(б) (ГАРТ-П-4171). В феврале 1950 г. молодого учителя назначили заведующим отделом пропаганды и агитации Ново-Чурилинского райкома партии (Б.Ф.С.1, с. 221). Но проработал он недолго – следующие почти четыре года его жизни с апреля 1950 по октябрь 1953 г. были связаны с Советской Армией; о службе в войсках ПВО в Подмосковье, о своих товарищах и о командире – Петре Карповиче Бугрове, которого считал еще одним наставником и важным человеком в своей жизни, Б.Ф. Султанбеков хранил добрую и благодарную память. Демобилизовавшись, Булат Файзрахманович вернулся в Казань и до лета 1954 г. работал учителем истории в средней школе № 4 Молотовского района. Но партия не забыла о перспективном молодом педагоге: в 1954 г. его отозвали на работу в Татарский обком КПСС, он был назначен инструктором отдела школ (затем – отдел науки, культуры и школ) обкома, работал семь лет, до февраля 1961 г. (ГАРТ-П-15, л. 1).

Работа в обкоме, сопряженная с многочисленными командировками по республике, была беспокойной и интересной, но Б.Ф. Султанбеков мечтал о преподавании, о вузовской работе. Конечно, даже покинув стены обкома, перейдя в вуз, совсем уйти от партийной работы ему не удалось. Он был секретарем партбюро пединститута (1962–1963 гг.) (ГАРТ-П-15, л. 1; ГАРТ-Р-1487, л. 1 об.), в 60–80-х годах являлся членом Бауманского, Приволжского, Вахитовского райкомов КПСС, с 1973 г. заведовал кафедрой истории КПСС Университета марксизма-ленинизма Татарского обкома КПСС, был активным лектором и членом правления Республиканского общества «Знание» (ГАРТ-П-15, л. 44, 58). Партийная работа в те годы была формой гражданской активности, а Булата Файзрахмановича привлекала еще и тем, что была сопряжена с интересными встречами, общением с разными людьми, с возможностью поделиться знаниями и узнать новое.

Итак, его путь вузовского преподавателя длиной в 43 года начался в Казанском государственном педагогическом институте (КГПИ). Как отмечал сам Булат Файзрахманович, выбор им пединститута «был сделан не без влияния А.Х. Бурганова, весьма немного поработавшего заведующим отделом школ обкома, а затем ставшего, тоже на короткое время, заведующим кафедрой КГПИ» (Б.Ф.С.2, с. 107). Б.Ф. Султанбеков писал: «Я благодарен Ф.А. Табееву за то, что после многочисленных просьб он отпустил меня в вуз, заметив, однако, что из “обкома на рядовую работу не уходят и будешь зам. директором по ОЗО. А дальше смотри сам”. Это было в марте 1961 г., а с Туишевым переговоры я вел уже давно. Итак, первые встречи с Юсефом Ахметзяновичем уже в новом качестве его подчиненного. Разговор был долгим, вначале наедине, а

потом в присутствии заместителя по учебной части и по науке. Им в то время работал В. Тимофеев, а вскоре должность разделили: замом по науке стал профессор О.Д. Курмаев, по учебной части – Николай Петрович Муньков, еще в 1946 г. впервые приведший меня в школу на практику и лекциями которого мы заслушивались с первого курса» (Б.Ф.С.3, с. 124–125). Булат Файзрахманович стал проректором (заместителем директора) КГПИ по вечернему и заочному обучению (см. фото 3).

Фото 3. Б.Ф. Султанбеков – преподаватель КГПИ. 60-е годы XX в. Из личного архива Б.Ф. Султанбекова

Но, как сам вспоминал, он хотел преподавать, работать со студентами: «По договоренности с Туишевым через полгода я был освобожден от обязанностей проректора и переведен на должность старшего преподавателя на кафедру истории КПСС, где собирался, наряду с освоением курса лекций, начать работу над диссертацией» (Б.Ф.С.3, с. 125). Десять лет, с сентября 1961 г. по сентябрь 1971 г. Б.Ф. Султанбеков работает старшим преподавателем, затем доцентом кафедры истории КПСС в КГПИ (ГАРТ-П-15, л. 1; ГАРТ-Р-1487, л. 1 об.). Его *alma mater* стала первым вузом, где трудился Булат Файзрахманович, и он всегда очень трепетно относился к ней, считая огромной ошибкой ликвидацию одного из старейших учительских институтов России в 2009–2011 гг. как самостоятельного учебного заведения.

Осенью 1971 г. по указанию обкома (как тогда делалось нередко) его переводят на должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма в Казанский филиал Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской (позже – Казанский государственный институт культуры), а в сентябре 1983 г. – опять-таки по решению обкома – на ту же должность в Казанскую государственную консерваторию, где он проработал до 1989 г. (ГАРТ-П-15, л. 1; ГАРТ-П-26, л. 1–2). В 1989 г. Булат Файзрахманович пришел доцентом на вновь созданную кафедру историографии и источниковедения Казанского государственного университета, а с 1992 г. вплоть до своей болезни в 2004 г. трудился доцентом, заведующим, профессором кафедры теории и истории культуры Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Республики Татарстан. Как вспоминают коллеги и слушатели, он обладал замечательным даром лектора, его энциклопедические знания, понимание фактов и процессов производили глубокое впечатление, а тонкий юмор и умение интересно подавать материал способствовали легкому установлению контакта с аудиторией.

Научные интересы Б.Ф. Султанбекова в первые годы его вузовской работы были сосредоточены на истории образования. Эта тема ему – потомственному педагогу – была близка и интересна. В июне 1963 г. Ученый совет пединститута рекомендовал его в целевую аспирантуру Казанского государственного уни-

верситета, в которой он учился с октября 1963 по сентябрь 1965 г. Его научным руководителем в аспирантуре и еще одним важным человеком в его жизни, наставником, был Иван Михайлович Ионенко. 6 января 1966 г. Булат Файзрахманович защитил кандидатскую диссертацию «Развитие народного образования в Татарской АССР (1956–1964 гг.)» (ГАРТ-П-15, л. 1, 28; ГАРТ-Р-1487, л. 1 об., 17). За сухими строчками изучаемых документов явственно проступали фигуры людей, и многие из них, носителей памяти, свидетелей, акторов, были живы и могли рассказать «о времени и о себе». Так, готовя два очерка, вышедшие в 1966–1967 гг. (один в соавторстве с М.З. Тутаевым), об Александре Александровиче Максимове, комиссаре народного просвещения Казанской губернии в 1918–1919 гг., Б.Ф. Султанбеков переписывался с героем очерка, к тому времени – членом-корреспондентом АН СССР, жившим в Москве. Написанные А.А. Максимовым по просьбе Б.Ф. Султанбекова воспоминания, переписка с ним, как и письма множества его корреспондентов, коллег и читателей, сохранились в личном архиве историка. Интерес к людям – очевидцам исторических событий, понимание важности записи этих свидетельств для того, чтобы сделать историю не плоской и формальной, а объемной, «человеченной», пришло к нему уже в те годы.

Тот же интерес к человеческому измерению истории родного края явственен в написанной Б.Ф. Султанбековым в соавторстве с А.Л. Литвиным учебной книге для школьников «Рассказы о родном крае», ставшей «бестселлером»: впервые изданная в 1968 г., она была переведена и на татарский язык, выдержала восемь изданий и, как шутили, была «рейтинги» популярности даже среди студентов пединститута. Написание учебников, учебных пособий для школ Б.Ф. Султанбеков полагал важной просветительской задачей историков: на рубеже XX и XXI вв. в качестве руководителя проекта, научного редактора, научного консультанта, автора он участвовал в создании целого комплекса учебных пособий для школ по истории Татарстана на двух языках республики.

Пониманию важности взгляда на историю через судьбы людей Булат Файзрахманович учился и у старших коллег, одним из которых был Мидхат Каримович Мухарямов. Б.Ф. Султанбеков вспоминал, что впервые встретился с ним в 1955 г., когда М.К. Мухарямов интересовался биографией отца Булата Файзрахмановича – делегата 2-го съезда коммунистических организаций народов Востока и члена Временного революционного совета Башкирии. М.К. Мухарямов тогда посоветовал ему заняться национальными аспектами истории Гражданской войны. Но как писал Булат Файзрахманович: «Круг моих интересов в то время был далек от этих проблем... время для этого, очевидно, еще не пришло... Меня больше интересовала история народного образования» (Б.Ф.С.2, с. 106–107). В 70-е годы XX в. они встретились во время работы над коллективным трудом «Гражданская война в Поволжье» (вышел из печати в 1974 г.), в котором М.К. Мухарямов написал ряд разделов, а Б.Ф. Султанбеков – раздел о научно-технической интеллигенции. Булату Файзрахмановичу запомнились «яркие характеристики ряда татарских интеллигентов», которые давал в беседах М.К. Мухарямов, и понимание того, что «мир гражданской войны становился для него более объемным и переставал восприниматься только в красно-белых вариантах» (Б.Ф.С.2, с. 110).

История формирования советской интеллигенции в Поволжье стала предметом множества статей Б.Ф. Султанбекова. Но задуманную докторскую диссертацию на эту тему он писать не стал: как сам признавался, ему было скучно и жалко тратить время на написание увесистого тома, хотя друзья и коллеги побуждали его это сделать. Доктором он не стал, но звание профессора ему было присвоено 26 июня 1996 г.

Важней и интересней дипломов и аттестатов ученому представлялось само занятие историей. А особенно интенсивно его работы – с новыми темами, сюжетами, персоналиями – выходят в конце 80-х – начале 90-х годов XX в., когда открылись архивы и стало возможным писать о событиях и людях, на которых десятилетиями лежала печать умолчания. 28 сентября 1987 г. по инициативе М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева была создана комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями, что явилось стартом нового этапа реабилитации жертв политических репрессий 30–50-х годов XX в. в СССР. В конце 80-х годов по поручению обкома партии Б.Ф. Султанбеков вместе с Д.Р. Шарафутдиновым ознакомился с рядом дел Политбюро и КГБ в связи с реабилитацией Мирсаида Султан-Галиева. Как он писал: «Руководители республики М. Шаймиев, Р. Идиатуллин и ставший к этому времени секретарем ЦК Г. Усманов пошли на известный политический риск, стимулировав эту работу еще до решения комиссии А. Яковлева» (Б.Ф.С.2, л. 111).

Запрос в обществе на раскрытие правды о драматических страницах советской истории активизировал работу историков и архивистов в региональных архивах. 28 сентября 1993 г. по инициативе представителей Архивного управления при Кабинете Министров Республики Татарстан, Центрального государственного архива РТ и государственного предприятия «Архивист» было создано Общество историков-архивистов Татарстана (с ноября 2001 г. – Татарстанское отделение Российского общества историков-архивистов). В декабре 1993 г. Б.Ф. Султанбеков был избран председателем правления Общества историков-архивистов Татарстана, а в ноябре 2001 г. – председателем Татарстанского отделения Российского общества историков-архивистов. В мае 1995 г. под эгидой Архивного управления республики и под редакцией его руководителя Д.Р. Шарафутдинова вышел в свет первый номер историко-документального журнала «Гасырлар авазы=Эхо веков», в редакционную коллегию, наряду с другими видными историками и архивистами Татарстана (И.Р. Тагиров, Р.К. Валеев, С.Х. Алишев, Л.В. Горохова и др.), вошел Б.Ф. Султанбеков. В те годы Архивное управление, Общество историков-архивистов, журнал сделали немало не только для обнаружения и публикации уникальных документов в сборниках и открытой печати, но и для популяризации истории, поднятия ее престижа как основы национальной и гражданской идентичности личности и утверждения ее базисного значения для развития свободного общества. Республиканский архив стал центром притяжения историков, творческой интеллигенции, всех интересующихся историей республики: выставки документов, конференции, экскурсии вызывали неподдельный интерес и становились событиями в научной и культурной жизни города и республики.

Снятие грифа секретности с целых комплексов документов в архивах страны принесло обществу не только радость открытий, оно было сопряжено с осознанием болезненной правды о себе самом. Изучая в фондах центральных и республиканских архивов следственные дела, протоколы допросов, расстрельные списки и прочие страшные свидетельства государственного террора против своих граждан, свидетельства репрессий, Б.Ф. Султанбеков был потрясен масштабом, жестокостью и одновременно обыденностью санкционированного Зла – с разнарядками по регионам на число арестованных и осужденных, которые с разной степенью рвения выполняли усталые следователи, затем нередко легко переходившие из статуса всевластных вершителей судеб в бесправные и обреченные подследственные. Как Б.Ф. Султанбеков признавался позже, многое из того, что он прочел в тех документах, ему бы хотелось забыть. Но забыть это было невозможно – доносы, предательство, пытки, ужасные вещи, которые может сделать человек с другим человеком. Публикации, возвращавшие в мир живых память о жертвах террора, вызвали огромный читательский отклик. Выжившие репрессированные, дети и внуки погибших в жерновах репрессий, спустя десятилетия впервые узнавшие о судьбе родных, присылали воспоминания, фотографии, другие писали Булату Файзрахмановичу в надежде узнать о своих близких. Из этой реки человеческого горя нельзя было выйти, не пропуская ее воды через свое сердце. Не только ради справедливости и памяти о погибших, ради их детей, ради выживших, но и ради будущего. Б.Ф. Султанбеков не уставал повторять своими работами: никогда, никогда больше такое не должно повториться, а для этого о той трагедии, ее жертвах и палачах нужно писать и напоминать следующим поколениям. Это обязанность и социальная миссия историка. Ведь забывание уроков истории чревато рецидивами.

В конце 80-х – 90-е годы Булат Файзрахманович публикует в журнальной и газетной печати огромное количество статей, посвященных как персоналиям, так и политическим судебным процессам 30-х годов XX в., затем воплощая эти сокращенные «оперативные варианты» своих работ в монографии. «Первая жертва генсека. Мирсаид Султан-Галиев», «С грифом “совершенно секретно”»: Драматические страницы истории Татарстана», «История Татарстана: страницы секретных архивов», «Сталин и “татарский след”», «История в лицах», «Не навреди. Размышления историка», «Архивы и судьбы», «Семён Игнатьев: Свет и тени биографии сталинского министра», «XX век: События, личности, тайны», «У истории нет лишних страниц» – эти и многие другие книги Б.Ф. Султанбекова, вышедшие в 90-х годах прошлого – 10-х годах нового века, неизменно вызвали большой читательский интерес и отклики. В те годы его постоянно просили выступить с лекциями, с докладами, встретиться с читателями – он никогда не отказывался, полагая это важной составляющей профессии, долга историка перед обществом, и делал это с удовольствием, подзаряжаясь от своих слушателей вдохновением и новыми темами для исследований. А кроме того, как и многие его коллеги (это было нормой тех лет), он вел огромную общественную работу в редколлегиях журналов и республиканской «Книги Памяти», издательствах, музеях, общественных организациях.

Личность и идеи Мирсаида Султан-Галиева, его судьба стали одной из главных и сквозных тем творчества Б.Ф. Султанбекова, через эту оптику рассматривавшего многие проблемы истории первых десятилетий XX в. По его инициативе в 1992 г. были переизданы секретные материалы 4-го совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшегося 9–12 июня 1923 г. в Москве («Тайны национальной политики ЦК РКП»), которые он полагал важными для понимания сути политических процессов в СССР 20–30-х годов XX в. Б.Ф. Султанбеков стал одним из составителей, редакторов, авторов вступительных статей и комментариев ряда изданий трудов М. Султан-Галиева и документов о нем. И одну из последних своих книг он посвятил судьбе М. Султан-Галиева – «Красный пророк. Воскрешение» (Казань, 2015). Полагаю, его интерес к М. Султан-Галиеву и первому поколению политических руководителей республики объяснялся и личными причинами: эти люди были ровесниками, знакомыми, некоторые – друзьями его родителей. Отец Булата Файзрахмановича в 1937–1938 гг. «прошел по краю»: если бы не тяжелые заболевания, на многие месяцы уложившие его в больницу и приведшие к смерти в 1940 г., он мог стать одной из жертв репрессий.

Еще одной важной темой работ Б.Ф. Султанбекова была тема Великой Отечественной войны и вклада республики в дело Победы, а также личности ученых, инженеров и конструкторов, трудившихся в годы войны на территории Татарстана. Подростком переживший годы войны, потерявший на той войне павшего под Сталинградом двоюродного брата и пропавшего без вести дядю, брата отца, Булат Файзрахманович трепетно относился к памяти о войне и ее участниках, внося своими работами вклад в ее сохранение, в раскрытие неизвестных ранее страниц истории войны.

Однако научные интересы Б.Ф. Султанбекова простирались и за пределы истории XX в.: сюжеты его работ охватывали времена от Екатерины II (работа о В.И. Полянском и о записках А.В. Храповицкого) до недавней современности (например, последняя книга, ставшая победителем в одной из номинаций Республиканского конкурса «Книга года – 2019», была посвящена личности бывшего секретаря Татарского обкома партии и секретаря ЦК КПСС Г.И. Усманова). Тематически его работы затрагивали множество аспектов истории нашего края, далеко не только политических: судьба духовенства – и православного, и мусульманского, культовых зданий, судьбы представителей татарской интеллигенции, история авиации и авиастроения, история приволжских селений и многие-многие другие сюжеты, которые он тщательно разрабатывал, изучая огромное количество источников, литературы, помня точно множество деталей, дат, имен.

Книги Б.Ф. Султанбекова отличала одна особенность: он не любил подстрочников, считал, что громоздкий научный аппарат сужает круг потенциальных читателей и одновременно облегчает участь нерадивых коллег, не утруждающих себя работой в архивах. Но изучение десятков толстых «общих» тетрадей в его научном архиве, испещренных сделанными бисерным почерком выписками из документов сотен дел различных хранилищ, показывает, насколько тщательно и глубоко историк анализировал источники, как умело и страстно вел архивный поиск. Этот скрупулезный анализ источников был

неизменным принципом и основой его научного исследования. Как и другой его неизменный прием – проникновение в суть исторических событий и объяснение исторических процессов через людские судьбы и характеры, их взаимоотношения, через удивительные хитросплетения человеческих встреч и поступков, образующих сложные «нейронные сети» ткани истории и определявших ход ее событий. Судьба и самому ученому подарила немало удивительных встреч – с известными и с самыми «обыкновенными» людьми, о которых он писал в своих работах и в которых черпал материал и вдохновение для исследований. Вернее сказать, он обладал талантом превращать каждое новое знакомство в эту удивительную встречу: сразу же интересуясь, откуда родом новый знакомый, кто его родители, он тут же обнаруживал в этой информации что-то интересное, делясь и заражая собеседника этим интересом к тем моментам истории его малой родины или семьи, которые казались банальными и обычными. Он искренне, категорически не верил в существование людей, которым была бы не интересна история. И неважно, кто был собеседником: несколько заинтересованных вопросов и комментариев – и обычные люди на глазах превращались в носителей уникальных знаний, памяти об исторических событиях. Безусловно, у него был тот самый дар – умение задавать правильные вопросы, «расспрашивать» исторические источники и свидетелей событий, который достается далеко не каждому историку.

Неутомимый и скрупулезный в научном поиске – и страстный полемист и публицист, жадный до новых знаний и источников – и щедро делившийся ими с коллегами, с неизменным живым интересом обращавшийся как к глубинам истории, так и к драматическим событиям современности, Булат Файзрахманович сохранял эти качества прирожденного исследователя, любопытство, жажду жизни и творчества и в самом преклонном возрасте, и в самых драматических обстоятельствах. В разгар пандемии, в ходе ежеутреннего изучения им информации о происходящем в мире на просторах интернет-изданий и ее анализа с точки зрения историка, он как-то с жаром обронил: «Как бы мне хотелось узнать, чем все это закончится!». А в ковидном госпитале за несколько дней до смерти, последовавшей 20 января 2021 г., он по телефону обсуждал планы издания двух подготавливаемых им новых книг: о Л.Д. Троцком и об истории и закулисе образования Башкирской и Татарской республик – к грядущему 100-летию СССР и минувшему 100-летию ТАССР... Множества задуманных им и не реализованных планов хватило бы еще на целую жизнь. «До обидного жизнь коротка...», – часто цитировал Булат Файзрахманович Вадима Шефнера.

Историк, архивист, публицист, библиофил, просветитель, первопроходец и первооткрыватель целого ряда страниц истории, возвративший память о многих политических деятелях, деятелях науки и культуры, духовных лицах и закрепивший ее в своих трудах, он оставил о себе светлую память, а еще – более 500 публикаций, огромную любовно собранную библиотеку, интереснейший архив – семейный и научный, в документах которого история его семьи и древнего рода неразрывно сплетена с историей и судьбой его народа, республики, страны.

Источники

- ГАРТ-П-15 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-15: Татарский обком КПСС. Оп. 68 л. Д. 2392: Султанбеков Б.Ф. 30.05.1954–25.10.1990. – 60 л.
- ГАРТ-П-26 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-26: Казанский горком КПСС. Оп. 57 л. Д. 859: Султанбеков Б.Ф. 21.06.1972–06.12.1988. – 37 л.
- ГАРТ-П-4171 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. П-4171. Оп. 11 л. Д. 269: Султанбеков Б.Ф. 19–27 декабря 1949 г. – 6 л.
- ГАРТ-Р-1487 – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1487: Педагогический институт. Оп. 5 л. Д. 145: Султанбеков Б.Ф. 28.10.1966–26.12.1967. – 17 л.
- Б.Ф.С.1 – Султанбеков Б.Ф. Камилль Фасеев. Вскоды, побитые заморозком // Султанбеков Б.Ф. Татарстан. XX век. Личности, события, документы: в 2 кн. – Казань: ТаРИХ, – 2003. – Кн. 1: Личности. – С. 221–228.
- Б.Ф.С.2 – Султанбеков Б.Ф. Мидхат Мухарямов: каким я его помню // Султанбеков Б.Ф. История в лицах. – Казань: Таткнигоиздат, 1997. – С. 104–112.
- Б.Ф.С.3 – Султанбеков Б.Ф. Эпоха Туишева // Султанбеков Б.Ф. XX век: События, личности, тайны. – Казань: ТаРИХ, 2014. – С. 120–130.

Литература

1. Валеев Р.М. Памяти символа исторической науки конца XX – начала XXI в. Булата Файзрахмановича Султанбекова // Туган жир=Родной край. – 2021. – № 2. – С. 246–248.
2. Белялов У.Б. Султанбеков Файзрахман Файзулхакович (1892–1940) // Борцы за счастье народное: в 3 кн. – Казань: Таткнигоиздат, 1988. – Кн. 3. – С. 314–318.

Поступила в редакцию 26.03.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: svetatuebingen@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 233–243

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.233-243

Bulat Fayzrakhmanovich Sultanbekov as a Historian

S.Yu. Malysheva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: svetatuebingen@mail.ru

Received March 26, 2023; Accepted May 18, 2023

Abstract

This article explores the life and work of B.F. Sultanbekov, a prominent Tatar historian, archivist, and publicist, using the documents from the State Archives of the Republic of Tatarstan, as well as his published writings, personal materials, and memoirs. The landmarks of B.F. Sultanbekov's biography and his development as a historian are traced. The factors that influenced his personality are considered. The people who shaped his views are discussed. Particularly emphasized is the important role played by B.F. Sultanbekov in managing the archives and records of the Republic of Tatarstan. He also contributed immensely to the restoration of the historical truth about the Stalinist repressions and helped many repressed figures get their good names back. The research interests of B.F. Sultanbekov are analyzed, and the reasons why he focused on certain problems and historical events of Russia and Tatarstan during the 20th century are disclosed. His approaches to analysis and work with the sources are summarized: he paid great attention to personal testimonies and studied historical events through the fates of the people who witnessed them.

Keywords: B.F. Sultanbekov, history of Tatarstan, historical science in Tatarstan, M.Kh. Sultan-Galiev, political repressions, higher educational institutions of Kazan, Society of Historians and Archivists of Tatarstan

Photo Captions

Photo 1. B.F. Sultanbekov, August 2003. Photo by Sultan Iskhakov. From B.F. Sultanbekov's personal archive.

Photo. 2. Bulat Sultanbekov with his father Fayzrakhman Sultan-Bek (on the left), his mother Madina Sagitova, and his father's brother Mubarak Sultanbekov (on the right). Kazan, 1934. From B.F. Sultanbekov's personal archive.

Photo 3. B.F. Sultanbekov, a lecturer at the Kazan State Pedagogical University. 1960s. From B.F. Sultanbekov's personal archive.

References

1. Valeev R.M. In memory of Bulat Fayzrakhmanovich Sultanbekov, the supreme icon of historical science in the late 20th–early 21st centuries. *Tugan Zh'ir*, 2021, no. 2, pp. 246–248. (In Russian)
2. Belyalov U.B. Sultanbekov Fayzrakhman Fayzulkhovich (1892–1940). In: *Bortsy za schast'e narodnoe* [Fighters for People's Happiness]. Book 3. Kazan, Tatknigoizdat, 1988, pp. 314–318. (In Russian)

Для цитирования: Малышева С.Ю. Историк Булат Файзрахманович Султанбеков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 233–243. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.233-243

For citation: Malysheva S.Yu. Bulat Fayzrakhmanovich Sultanbekov as a historian. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 233–243. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.233-243. (In Russian)

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(450).094

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.244-251

РЕФОРМА ДЖ. ДЖЕНТИЛЕ 1923 ГОДА И ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

М.В. Григер¹, Э.М. Дусаева²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

² Независимый исследователь, г. Казань, 420066, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены причины проведения итальянским фашистским режимом своей первой общегосударственной реформы – реформы образования 1923 г. Наряду с анализом объективных проблем, стоявших перед итальянским обществом в сфере образования, отдельное внимание уделено тому, какие идеологические цели ставил при проведении данной реформы министр образования Дж. Джентиле. Затронувшая систему образования Итальянского королевства в целом, она привела и к некоторым принципиальным новшествам в высшей школе (разделение университетов на типы в зависимости от степени государственного финансирования; укрепление позиции ректора внутри университета, повышение престижа гуманитарного образования в ущерб техническому и естественно-научному и пр.). Сама реформа Дж. Джентиле была неоднозначно воспринята итальянским обществом, в том числе и частью руководства фашистской партии, а противоречия, заложенные в идеологии реформы, сказались на ее результатах.

Ключевые слова: Италия, фашизм, реформа образования, университет, Джованни Джентиле

Пришедшая к власти в Итальянском королевстве в конце октября 1922 г. Национальная фашистская партия и тогда, и по прошествии времени преподнесла себя как политическая сила, ориентированная на действие. Десять лет спустя Б. Муссолини писал в «Доктрине фашизма»: «Фашизм не был во власти заранее за столом выработанной доктрины; он родился из потребности действия и был действием...»¹ (Dottr., II, 1)². Однако, если говорить точнее, то фашизм родился не из действия, а из противодействия, так как основной его целью было погасить левую волну, захлестнувшую Италию после Первой мировой войны. Приход фашистов к власти, который был воспринят итальянским

¹ Перевод В.Н. Новикова (Муссолини Б. Доктрина фашизма с приложением Хартии труда / Пер. с итал. В.Н. Новикова. Париж: Возрождение, 1938. 60 с.).

² *Il fascismo non fu tenuto a balia da una dottrina elaborata in precedenza, a tavolino: nacque da un bisogno di azione e fu azione....*

обществом далеко не однозначно, изменил ситуацию: PNF (Partito Nazionale Fascista) необходимо было выдвигать и проводить конструктивные преобразования. Таким действием стала реформа образования, проводимая Джованни Джентиле, министром образования в правительстве Б. Муссолини.

7 декабря 1923 г. Б. Муссолини отправляет префектам телеграмму, которая содержала знаменитое высказывание: «Считаю реформу Джентиле самой фашистской из всех реформ, утвержденных моим правительством»³ (цит. по [1, р. 3]). В действительности, хотя глава правительства говорит о реформах во множественном числе, реформа Дж. Джентиле была единственной проводимой фашистским режимом в то время. Другое противоречие в словах Б. Муссолини заключается в том, что, как заметил впоследствии Джузеппе Боттаи⁴, реформа не являлась результатом творчества PNF [2, с. 115]. Ее идейные и культурные корни уходили вглубь итальянского либерализма и неоидеализма. Государство в идеализме Дж. Джентиле определялось как общая и универсальная воля, в которой проявляется конкретная воля нации. Занятие наукой и образование являются духовной деятельностью и неотделимы от высшей жизни нации. Задача образования, по мнению Дж. Джентиле, – формирование и воспитание свободных людей [3, с. 22–23]. Б. Муссолини лишь воспользовался сформированной известным философом концепцией реформы, в числе прочего для того чтобы, используя его имя и идеи, легитимировать только что пришедший к власти режим в глазах итальянской буржуазии.

Проблемы, на решение которых была нацелена реформа, были многогранны и чрезвычайно сложны.

Во-первых, в сфере самого образования. Образовательная система, введенная еще в 1859 г. в Сардинском королевстве министром Габрио Казати, уже не соответствовала образовательным системам развитых стран. Зарплаты учителей, которые зависели от финансов местных коммун, были крайне низки, особенно в сельской местности. Италия по-прежнему отличалась среди западноевропейских стран большим процентом безграмотного населения – 35.8% в 1921 г. [4, р. 246]. По числу учащихся в средней школе Италия отставала даже от таких стран Европы, как Бельгия или Нидерланды, значительно уступавших ей в численности населения [5, р. 23–24]. Работа высшей школы также не соответствовала экономическим запросам времени: промышленность, развивающаяся в индустриальном треугольнике Милан – Турин – Генуя, все больше нуждалась в качественных выпускниках инженерных специальностей, в то время как итальянские университеты выпускали в большом количестве юристов и гуманитариев, не находивших себе места в слабо развитой структуре итальянской экономики.

Во-вторых, в сфере строительства нации. Рисорджименто⁵ уже в конце XIX в. оценивалось как незавершенный процесс образования итальянской

³ Здесь и далее перевод с итальянского наш. – М.Г., Э.Д.

⁴ Боттаи Джузеппе (1895–1959) – один из основателей в 1919 г. Итальянского союза борьбы, важный деятель фашистской партии, в 1936–1943 гг. министр национального образования.

⁵ Рисорджименто – политическое, социальное и культурное движение XIX в., результатом которого стало объединение нескольких государств Апеннинского полуострова в единое Итальянское королевство в 1861 г. Окончательно завершилось с покорением Папского государства и переносом столицы Италии в Рим в 1871 г.

нации. Например, носителями единого литературного итальянского языка были все еще только высшие и средние классы, в то время как простые итальянцы, говорившие на своих диалектах, не всегда даже могли понять друг друга. Довольно слабым оставалось и чувство национальной идентичности. Проблема безграмотности продолжала оставаться одним из факторов раскола Севера и Юга страны: так в 1911 г. в Пьемонте было 11% безграмотных, а в Калабрии 70% [6, р. 21]. Эти проблемы должна была решать в первую очередь система образования. Сам Дж. Джентиле выразил это в следующей фразе, высказанной в речи на открытии сессии Верховного совета по народному образованию 27 ноября 1922 г.: «Жизнь школы – это зеркало нации»⁶.

В-третьих, в сфере пропаганды фашистской идеологии. Б. Муссолини, который сам имел опыт преподавания в школе, прекрасно знал степень влияния школьного учителя на формирование личности ученика. Система образования становилась, таким образом, одним из инструментов фашистской пропаганды и главным инструментом в заявленной антропологической революции – в создании нового итальянца (*l'uomo nuovo*).

Законодательно реформа образования, проводимая министром Джованни Джентиле, была оформлена в трех королевских указах, вышедших в период с мая по сентябрь 1923 г. Она привела к серьезным изменениям во всей системе итальянского образования, но прежде всего в школах.

Вопреки светскому характеру Итальянского королевства в начальную школу вводилось католическое образование: «Основой и венцом начального образования является преподавание христианского учения по форме, принятой в католической традиции»⁷ (RD № 2185 1.10.23, Art. 3).

Произошло существенное сокращение лицеев и гимназий и увеличение технических и профессиональных школ, кроме того введение школ дополнительного образования, которые не давали права поступать в университеты, так же как и женские лицеи⁸. Для нормального функционирования государства нужны не грамотные массы, а компетентные руководители, и всю систему образования необходимо подчинить этой цели, считал Дж. Джентиле [9, с. 121].

Главным мероприятием в рамках реформы, имевшим наиболее заметные последствия, стало введение системы единых государственных экзаменов, выпускных для школ и вступительных для университетов. Для проведения выпускных экзаменов в школы, как государственные, так и частные, направлялись специально сформированные независимые комиссии.

Итальянская университетская система имела полицентрический характер. Хотя централизация, как и вся реформа, коснулась в основном школьной системы, некоторая иерархия была введена и среди университетов [10, р. 261].

⁶ *La vita della scuola è lo specchio della nazione* (цит. по [7, р. 3]).

⁷ Это стало одним из первых значимых шагов в развороте государственной идеологии на путь симбиоза фашизма и католицизма, логически завершившегося подписанием в 1929 г. Латеранских соглашений. Интересно, что сам Дж. Джентиле воспринимал религию в начальной школе только как первый, доступный восприятию ребенка шаг к философской концепции мира. В период после Конкордата он будет выступать против внедрения обязательности католического образования в старших классах.

⁸ По мнению Дж. Джентиле, существовала угроза феминизации гуманитарного образования. Став министром, он волевым решением отстранил женщин от преподавания большинства гуманитарных дисциплин. По такому же пути в отношении женщин в сфере образования спустя десять лет пойдут и нацисты в Германии (см. [8, с. 207]).

Все они были разделены на три основных типа: тип А – государственные университеты, полностью зависимые от общенационального бюджета; тип В – также государственные университеты, частично финансируемые из центрального бюджета, а частично местными властями; тип С – так называемые «свободные университеты», которые финансово не поддерживались государством. Последние, однако, как говорилось в 112 статье королевского указа № 2102 от 30 сентября 1923 г., могли быть закрыты, если преподавание в них не соответствовало институтам и принципам, определяющим социальный порядок в государстве (RD № 2102 30.09.23, Art. 112).

Создавалась иерархическая система управления, на вершине которой находилось министерство. Была отменена выборность ректоров: если ранее ректор университета выбирался Ученым советом (*Senato accademico*), то теперь он назначался министром (формально королем) и держал ответ перед ним. Помимо ректора, назначались правительством двое из пяти членов Наблюдательного совета (*Consiglio di amministrazione*) (RD № 2102 30.09.23, Art. 10). При этом полномочия ректоров возросли: они могли свободнее управлять материальными средствами, находившимися в их распоряжении [2, с. 114].

Хотя в самом начале королевского указа провозглашалось, что «университеты и институты обладают правосубъектностью и административной, учебной и дисциплинарной автономией»⁹ (RD № 2102 30.09.23, Art. 1), заложенные в указе правовые механизмы сделали их подконтрольными правительству. Вероятно сам Дж. Джентиле, что следует из его заявлений, действительно хотел видеть университеты достаточно независимыми, однако в реальности образование, и высшее в том числе, к началу 30-х годов XX в., как это констатировали современники, было поставлено под «полный контроль» фашистского государства [11, р. 377].

Позиция Дж. Джентиле была основана на строго элитистском подходе к высшему образованию, сопровождаемом заметным и существенным презрением к малым провинциальным университетам, которые считались одной из главных причин слабого прогресса в национальной науке. Эти университеты, отнесенные в основном к типу В, должны были, по мнению министра, развивать свою «специализацию», соответствующую нуждам региона и целям местных элит, которые таким образом становились более заинтересованы в их финансировании [10, р. 262].

Реформа должна была работать на упорядочивание и «подмораживание» процесса поступления в университеты, на блокировку сверху спонтанной социальной мобильности в области образования, что было существенным вторжением в эту сферу, поскольку альтернативных социальных лифтов было мало. Крайне показательно в этом контексте внедрение латинского языка во всех школах, за исключением дополнительных (*scuole complementare*): на языке государственного аппарата это означало внедрение пропагандируемой «классической» культуры, которая якобы была основой проводимой образовательной реформы [1, р. 9].

⁹ *Le università e gli istituti hanno personalità giuridica e autonomia amministrativa, didattica e disciplinare.*

Реформа вызвала многочисленные протесты. Особенно сильным недовольство было среди университетских студенческих организаций. В центральной печати реформа критиковалась за антидемократичность. Туринская “La stampa” статью, посвященную реформе, напрямую озаглавила «Кризис школы» (“La crisi scolastica”) (Cr.scol.). Звучали голоса против реформы и внутри руководства фашистской партии, в частности голос лидера наиболее радикального ее крыла – Роберто Фариначчи. По мнению последнего, реформа противоречила социальной сущности фашизма, создавая препятствия на пути к высшему образованию представителям низших социальных групп и тем самым мешая социальной мобильности в стране [12, р. 148].

Часть академического сообщества также выступила с критикой реформы. В Accademia dei Lincei – старейшей научной академии Италии – была создана комиссия, проанализировавшая ситуацию в системе образования в свете проводимой реформы. Результаты анализа были изданы небольшой брошюрой в конце того же 1923 г. В отношении высшего образования критиковался процесс централизации университетской системы; высказывались опасения относительно сохранения научной составляющей в университетском образовании. Предлагалось вернуть свободу и достоинство университетскому профессору, который в результате реформирования начинал восприниматься в качестве фигуры не вызывающего доверия бюрократа, оказывающего образовательные услуги, вследствие чего на каждом этапе своей деятельности обязанного подвергаться контролю [13, р. 280].

Общим следствием реформы стало понижение статуса естественно-научного и технического образования в школе и в университете из-за недальновидной и традиционалистской попытки продвинуть гуманитарное образование с целью формирования нового правящего класса. Литература, история и философия, ранее входившие только в программы лицеев, пришли и в технические институты. В результате еще меньшее количество студентов выбирало естественно-научные и технические направления, в то время как общее количество учащихся в университетах удвоилось. Показательной здесь является динамика распределения студентов: если в 1921/1922 учебном году 60% студентов были записаны на курсы по естественно-научным специальностям, то в 1939/1940 66% – на гуманитарные курсы [14, р. 25]. Не удивительно, что еще большее количество выпускников-гуманитариев появлялось на рынке труда в качестве юристов, учителей, журналистов и особенно гражданских служащих [15, р. 70].

Попытка повысить качество университетского образования через стандартизацию академических требований и введение системы единых государственных экзаменов, вопреки идеалистическим целям, декларируемым самим Дж. Джентили, стала первым шагом на пути усиления вмешательства фашистского режима в университетскую деятельность, что отражало общую тенденцию к установлению тотального контроля государства над обществом.

Источники

Cr.scol. – La crisi scolastica // La Stampa. – 1923. – 21.09. – P. 5.

Dottr. – La dottrina del fascismo // Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti: 36 v. – Roma: Istituto Giovanni Treccani, 1932. – V. 14. – P. 847–851.

- RD №2102 30.09.23 – Regio Decreto 30 settembre 1923, n. 2102, Ordinamento della istruzione superiore // Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. – 1923. – No 239 (11.10).
- RD №2185 1.10.23 – Regio Decreto 1 ottobre 1923, n. 2185, Ordinamento dei gradi scolastici e dei programmi didattici dell'istruzione elementare // Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. – 1923. – No 250 (24.10).

Литература

1. *Bongiovanni B., Levi F.* Le facoltà umanistiche a Torino durante il Fascismo // L'Università di Torino durante il Fascismo.— Torino: Giappichelli, 1976. – P. 1–115.
2. *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 368 с.
3. *Мусеев Д.С.* Политическая философия итальянского фашизма. Становление и развитие доктрины: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2016. – 33 с.
4. *Genovesi G.* Storia della scuola in Italia dal Settecento a oggi. – Roma; Bari: Laterza, 2004. – X, 309 p.
5. *Charnitzky J.* Fascismo e scuola: la politica scolastica del regime: 1922–1943. – Scandicci: La nuova Italia, 1999. – XX, 603 p.
6. *Corner P.* State and society, 1901–1922 // *Liberal and Fascist Italy, 1900–1945* / Ed. by A. Lyttelton. – Ser.: Short Oxford history of Italy. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2002. – P. 17–43.
7. *Sensi T.* Della “necessità” del latino: l’attualismo gentiliano e la riforma della scuola in Italia // Atti del convegno “*Latinitas nunc et hic*” – 22–23 novembre 2014. – P. 1–6. – URL: <http://www.centrumlatinitatis.org/?p=1807>, свободный.
8. *Патрушев А.И.* Германия в XX веке. – М.: Дрофа, 2004. – 432 с.
9. *Нестерова Т.П.* От реформы Джентиле к реформе Боттаи: образовательная политика Италии в 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 59, № 16. – С. 118–26.
10. *Pomante L., Sani R.* The Gentile reform (1923) and academic strategies of the University of Macerata between national science and development of the local economy // *Historia y Memoria de la Educación*. – 2016. – No 3. – P. 259–277. – doi: 10.5944/hme.3.2016.13875.
11. *Cellini B.* The Italian university system // *Bull. Am. Assoc. Univ. Professors* (1915–1955). – 1934. – V. 20, No 6. – P. 377–379. – doi: 10.2307/40218589.
12. *Innocenti M.* I gerarchi del fascismo. Storia del Ventennio attraverso gli uomini del Duce. – Milano: Mursia, 1997. – 186 p.
13. *Israel G.* Vito Volterra e la riforma scolastica Gentile // *Bollettino dell'Unione Matematica Italiana*, Serie 8. – 1998. – V. 1-A, No 3. – Sez. A: La Matematica nella Società e nella Cultura, No 3. – P. 269–287.
14. *Maiocchi R.* Schienza e fascismo. – Roma: Carocci, 2004. – 207 p.
15. *Talbot G.* Censorship in Fascist Italy, 1922–43. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – IX, 251 p.

Поступила в редакцию 23.03.2023

Принята к публикации 04.06.2023

Григер Максим Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: grigerm@yandex.ru

Дусаева Энже Мидхатовна, кандидат культурологии

Независимый исследователь

ул. Бондаренко, д. 24, кв. 33, г. Казань, 420066, Россия

E-mail: endgel@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 244–251

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.244-251

The Gentile Reform of 1923 and Italian Higher Education

M.V. Griger^{a*}, E.M. Dusaeva^{b**}

^a Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

^b Independent Researcher, Kazan, 420066 Russia

E-mail: *grigerm@yandex.ru, **endgel@yandex.ru

Received March 23, 2023; Accepted June 4, 2023

Abstract

This article focuses on how Italian higher education was organized and managed in the early years of fascism. The main reasons why the fascist government of Italy initiated a national educational reform in 1923 are considered. The objective problems in education that Italian society faced during this period are analyzed. Special attention is given to the ideological goals that Giovanni Gentile, the Minister of Education, pursued with this reform. The reform led to fundamental changes in the traditional educational system of the Kingdom of Italy. Some radical innovations were also spurred in its higher education, such as the division of universities into different types (depending on state funding), the enhancement of the role of the rector in university life, the valorization of humanities education over that in technical and natural sciences, etc. The Gentile reform was received with mixed feelings by Italian society, including part of the leadership of the fascist party. The contradictions inherent in the reform ideology affected its results. The attempt to improve the quality of university education by standardizing academic requirements and introducing a system of uniform state examinations, contrary to the idealistic goals declared by G. Gentile himself, was the first step toward greater interference by the fascist regime in university activities, reflecting the general trend to the establishment of full state control over society.

Keywords: Italy, fascism, educational reform, university, Giovanni Gentile

References

1. Bongiovanni B., Levi F. Le facoltà umanistiche a Torino durante il Fascismo. In: *L'Università di Torino durante il Fascismo*. Torino, Giappichelli, 1976, pp. 1–115. (In Italian)
2. Belousov L.S. *Rezhim Mussolini i massy* [Mussolini's Regime and the Masses]. Moscow, Izd. Mosk. Gos. Univ., 2000. 368 p. (In Russian)
3. Moiseev D.S. Political philosophy of Italian fascism. The establishment and development of the doctrine. *Extended Abstract of Cand. Philos. Diss.* Moscow, 2016. 33 p. (In Russian)
4. Genovesi G. *Storia della scuola in Italia dal Settecento a oggi*. Roma, Bari, Laterza, 2004. X, 309 p. (In Italian)
5. Charnitzky J. *Fascismo e scuola: la politica scolastica del regime: 1922–1943*. Scandicci, La nuova Italia, 1999. XX, 603 p. (In Italian)

6. Corner P. State and society, 1901–1922. In: Lyttelton A. (Ed.) *Liberal and Fascist Italy, 1900–1945*. Ser.: Short Oxford history of Italy. Oxford, New York, Oxford Univ. Press, 2002. pp. 17–43.
7. Sensi T. Della “necessità” del latino: l’attualismo gentiliano e la riforma della scuola in Italia. In: *Atti del convegno “Latinitas nunc et hic” – 22–23 novembre 2014*, pp. 1–6. Available at: <http://www.centrumlatinitatis.org/?p=1807>. (In Italian)
8. Patrushev A.I. *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th Century]. Moscow, Drofa, 2004. 432 p. (In Russian)
9. Nesterova T.P. From the Gentile reform towards the Bottai reform: Italian educational politics in the 1920s–1930s. *Izvestiya Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye Nauki*, 2008, vol. 59, no. 16, pp. 118–126. (In Russian)
10. Pomante L., Sani R. The Gentile reform (1923) and academic strategies of the University of Macerata between national science and development of the local economy. *Historia y Memoria de la Educación*, 2016, no. 3, pp. 259–277. doi: 10.5944/hme.3.2016.13875.
11. Cellini B. The Italian university system. *Bulletin of the American Association of University Professors (1915–1955)*, 1934, vol. 20, no. 6, pp. 377–379. doi: 10.2307/40218589.
12. Innocenti M. *I gerarchi del fascismo. Storia del Ventennio attraverso gli uomini del Duce*. Milano, Mursia, 1997. 186 p. (In Italian)
13. Israel G. Vito Volterra e la riforma scolastica Gentile. *Bollettino dell’Unione Matematica Italiana, Serie 8*, 1998, vol. 1-A, no. 3, sez. A: La Matematica nella Società e nella Cultura, pp. 269–287. (In Italian)
14. Maiocchi R. *Schianza e fascismo*. Roma, Carocci, 2004. 207 p. (In Italian)
15. Talbot G. *Censorship in Fascist Italy, 1922–43*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007. IX, 251 p.

⟨ **Для цитирования:** Григер М.В., Дусаева Э.М. Реформа Дж. Джентиле 1923 года и итальянская высшая школа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 244–251. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.244-251 ⟩

⟨ **For citation:** Griger M.V., Dusaeva E.M. The Gentile reform of 1923 and Italian higher education. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 244–251. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.244-251. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(517)

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.252-262

**ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ЛЕГИТИМНОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ ВВЕДЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ
В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА**

К.И. Бикмаева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, 125009, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема установления легитимного языка на примере проведения языковой реформы, выражавшейся в переходе на латинскую графику в Монгольской Народной Республике. Традиционно для Монголии переход на новую систему письменности был политическим явлением и играл важную роль в транслировании культурной политики при строительстве нового государства. На начальном этапе существования МНР латиница была призвана решить сразу несколько задач: способствовать увеличению числа грамотного населения, распространению политики Монгольской народно-революционной партии и новой культуры и стать фактором сближения Монголии с СССР. Для обоснования роли латинской графики в качестве официальной государственной письменности за основу был взят труд П. Бурдьё «Язык и символическая власть». Источниковой базой стали различные документы на русском и монгольском языках. В результате проведенного анализа сделан вывод, что, несмотря на различные трудности, на довольно короткий период латинская письменность была установлена в качестве легитимной в МНР.

Ключевые слова: легитимный язык, письменный язык, монгольский, латинизация, языковая политика, МНР

В настоящей статье мы бы хотели рассмотреть проведение реформы латинизации и установление легитимного языка в Монгольской Народной Республике. Установление легитимного языка является частью языковой политики. Традиционно в Монголии последняя касалась преимущественно письменности. Начиная с реформ Пагба-ламы в период правления в империи Юань Хубилай-хана (1271–1294) установление новой письменности означало формирование официального государственного языка. Тогда, в XIII в., у разных народов, населявших империю, одновременно существовали свои различные виды письменности, но принятое в ходе реформы квадратное письмо носило объединяющий характер [1, р. 74]. Главной особенностью нового письма была возможность с его помощью отражать звуки разных языков империи Юань, в том числе монгольского, китайского и тюркского, и это было важным шагом именно с точки зрения универсальной государственной письменности [2, с. 249]. Иными словами, каждое изменение письменности в монгольских государствах

начиная с XIII в. было политическим явлением. А в XX в. первым таким примером можно считать переход на латиницу и ее распространение в качестве официальной письменности.

Кроме того, повсеместное введение латинской графики можно считать своеобразным трендом начала XX в., когда большое внимание уделялось вопросам создания новых письменностей. Прекрасным примером этого служит политика СССР в отношении языков малочисленных народов Севера, у которых к началу XX в. не существовало своей письменной традиции. Тогда важнейшей задачей языковой политики Советского Союза стало создание письменных языков [3, с. 3]. Сразу же после Октябрьской революции 1917 г. в России начались кампании по борьбе с неграмотностью.

1. Легитимный язык

В настоящей работе мы опираемся на утверждение, что латинская графика стала основой установления так называемого легитимного языка в МНР. Достаточно сложно дать однозначное определение понятию «легитимный язык». В основу настоящей статьи была положена книга П. Бурдьё «Язык и символическая власть», в которой под легитимацией понимается узаконивание. Исходя из этого, мы можем сказать, что «легитимный язык» – это общепринятый, законный язык.

Важно помнить, что легитимный язык – это не созданный заново, это либо измененный, либо уже существующий язык, выбранный в качестве официального государственного, законного языка. П. Бурдьё разбирает установление официального, легитимного языка на примере Франции, где ключевую роль в проведении языковой политики в ходе централизации государственной власти сыграл выбор единого диалекта, в результате чего для отдельных регионов государственный язык явился в какой-то степени новым диалектом, который было необходимо изучать для взаимодействия с государственными структурами [4, р. 35–37].

Зачастую установление нового, единого государственного языка является следствием образования нового государства после разного рода потрясений, в том числе и революционных. Так называемый новый язык выполняет объединяющую роль, представляет собой официальный государственный язык, однако далеко не всегда это единственный язык государства. Легитимный язык – своеобразная утвержденная норма, используемая в официальных учреждениях, преподаваемая в школах.

2. Письменный язык

Как правило, мы знакомы с легитимным языком именно в его письменной форме [5, с. 31]. Письменный язык – это своего рода стандартная форма, через которую происходит распространение и усвоение языка.

В чем же ценность письменной формы языка? В своей работе «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюр выделяет следующие пункты:

1. Графический способ выражения слов представляется более прочным и неизменным, нежели звуковой.
2. У большинства людей зрительные впечатления яснее и длительнее слуховых.

3. Литературный язык, являющийся нормой, имеет словари, грамматики и книги и тем самым усиливает значение письменного языка.

4. Письменный язык представляется как кодифицированная система, имеющая свод правил – орфографию [5, с. 32–33].

Эффективность письменной формы языка в использовании определяется следующими критериями: простота в печати (особенно этот момент учитывался при реформировании письменных языков в начале XX в.), в изучении, в чтении, написании и переводе на другие языки [6, р. 29]. Письменный язык – это своего рода свод законов, составленный конкретными людьми – лингвистами [4, р. 121]. Из этого следует, что изменения вводятся в легитимный язык с большим трудом или не признаются вовсе, поскольку не соответствуют общему направлению политики в отношении данного языка. Кроме того, письменная и устная формы языка далеко не всегда совпадают, встречаются довольно существенные несоответствия орфографии и фонетики [5, с. 34]. Такие расхождения весьма естественны, поскольку устный язык постоянно развивается, письменная же форма попросту не успевает за динамичными изменениями, происходящими в нем.

Другой причиной расхождения письменной и устной формы может быть заимствование новой графики, которая не совсем подходит языку. Когда заимствуется алфавит, часто случается, что средства чужой графической системы оказываются плохо приспособленными к своей новой функции и приходится прибегать к уловкам: так, например, пользуются двумя буквами для изображения одного звука [5, с. 35].

Любые реформы и действия, направленные на сознательное изменение языка, объединяются в единое понятие «языковая политика», которому можно дать и такое определение: *языковая политика включает в себя достаточно большой спектр вопросов, среди которых и регулирование речевого поведения общества, и проведение различных реформ, нацеленных на изменения языковых структур в отдельных группах или в обществе в целом* (см. [7]). Также языковая политика может быть своеобразным инструментом для укрепления централизованной власти [6, р. 40].

В чем специфика языковой политики? Зачастую она не так заметна, крайне редко представляет собой отдельное направление политической деятельности, чаще всего реализуется через культурную, образовательную политику. Между тем языковая политика играет очень важную роль в укреплении позиций государственной власти, поскольку обеспечивает коммуникативные связи, без которых невозможно функционирование государства ни в одной сфере: ни в политике, ни в работе с обществом, ни при реализации экономики, торговли и проч. Именно из-за коммуникативных возможностей языка и силы его воздействия нередко – а особенно после революций – государство обращается к языку как инструменту распространения своей политики [4, р. 47].

3. Латинизация в Монголии

Говоря о раннем этапе развития МНР, то есть 20–30-х годах XX в., необходимо отметить, что языковая реформа среди прочих стала одной из наиболее заметных. Сразу после образования МНР в 1924 г. вопрос языка встал особенно

остро. Для создания новой государственности и распространения своей идеологии правительству потребовался инструмент, которым призван был стать язык. Однако в тот период одной из крупнейших проблем в МНР был низкий уровень грамотности населения: число грамотных и образованных людей, способных участвовать в строительстве нового государства, было совсем небольшим. Эту проблему и пытались отчасти решить с помощью латинизации. Первоначально выбор в пользу латинского алфавита (а не кириллического, например) был сделан в какой-то степени в продолжение языковой политики СССР, в рамках которой на начальных этапах развития Советского государства проводилась латинизация письменностей языков малых народов. Кроме того, нельзя забывать, что в первые годы после Октябрьской революции в Советском Союзе латинская графика рассматривалась как международная и прогрессивная [8, с. 65].

Среди ученых-монголоведов до сих пор ведутся споры о точном числе грамотного населения в Монголии в начале XX в. Так, например, согласно данным И.М. Майского, на рубеже 10–20-х годов XX в. грамотными был всего 1% населения. Ц. Дамдинсурэн считал, что только читать по-монгольски могли 3%, а читать и писать около 5%. Академик Б. Ширендыб, ссылаясь на газету «Нийслэл хурээ» («Столица»), пишет, что в тот период в государстве Богдо-гэгэна грамотными было 3–4%. Причина расхождения в данных заключается в том, что до революции не велось никакого учета количества грамотного населения [9, х. 8–9].

Почему система образования была столь плохо развита? До Народной революции было два основных способа обучиться грамоте и получить знания: изучать тибетское письмо при монастырях и монгольское письмо в общественных школах. Остановимся на данных моделях образования подробнее.

До революции из общего населения Монголии в 500 тыс. человек около 100 тыс. были ламами, следовательно, можно предположить, что они получили религиозное образование на тибетском языке. Однако утверждать, что все ламы в действительности были грамотны, нельзя, поскольку зачастую послушники монастырей занимались только чтением или заучиванием текстовых отрывков на тибетском, что все же не представляет собой полноценного получения образования. Нельзя также утверждать, что монгольский имел статус второго языка, да и для распространения грамотности в стране он использовался меньше [9, х. 9–10]. В связи с этим 4 августа 1924 г. на III Всенародном партийном съезде Монгольской народно-революционной партии (МНРП) Министерству народного просвещения было поручено организовать обучение людей всех возрастов грамоте [10, х. 12].

Если говорить об общественных школах, то одной из первых действовавших в столице школ была русская, открытая в 1912 г. [11, х. 122]. А первая монгольская общественная школа открылась в Нийслэл Хурээ осенью 1921 г., но уже в 1924 г. по всей стране действовало 13 школ [11, х. 120].

Во многом проблемы с распространением образования объяснялись сложностью монгольской письменности и отсутствием системы обучения. В начале XX в. записи на монгольском языке делались вертикальным письмом, созданным на основе уйгурского алфавита в XIII в. Разумеется, за 700 лет предпринимались различные попытки реформировать язык, которые, однако, привели к

еще большему разрыву между письменной и устной его формами. Одна из крупнейших реформ была проведена Чойджи-Одсэром на рубеже XIII – XIV вв., были попытки модификации системы письменности Дзая-пандитой Нам-хайджамцем в 1648 г., Ундур-гэгэном Дзанабадзаром в 1686 г. и Агваном Доржиевым в 1905 г. [12, с. 8].

На начало XX в. считалось общепризнанным, что традиционное монгольское письмо архаично, не соответствует современным нормам, не способно передавать терминологию современной науки, а также очень сложно и требует длительного времени для усвоения. Один из крупнейших монгольских ученых-филологов академик Ц. Дамдинсурэн, который принимал участие в разработке нового монгольского алфавита, отмечал следующие недостатки старописьменного монгольского:

1. Вертикальное письмо представляется весьма сложным для записи информации современных, в особенности точных, наук.
2. Одна буква может обозначать разные звуки.
3. Если перепутать длинные и короткие гласные, может оказаться совсем другой смысл слова.
4. Одна и та же буква в зависимости от положения в слове записывается по-разному. Соответственно слишком много знаков, что вызывает трудности при изучении.
5. Основных знаков всего 14, для образования многих букв используются дополнительные знаки, но этого недостаточно для демонстрации богатства монгольского языка [13, х. 87].

Поэтому для эффективной борьбы с неграмотностью требовалось проведение языковой реформы. Было решено провести латинизацию, основываясь на опыте СССР, в котором ранее были осуществлены реформы по латинизации тюркских и монгольских алфавитов [14, х. 9–10]. Выбор в пользу латиницы был также сделан для создания более простого в усвоении алфавита. Считалось, что население уже владеет устным языком, а обновленные нормы грамматики и правописания – «как слышится, так и пишется» [15, с. 4] – побудили бы людей к ускоренному изучению письменного языка. К тому же результатом реформы должен был стать язык, отличавшийся от использовавшегося ранее традиционного монгольского, в котором устная и письменная формы очень сильно различались.

Были также и экономические причины латинизации. 10–17 января 1931 г. в Москве состоялась конференция народов монгольской группы по вопросам письменности и языка. По итогам конференции было решено переводить письменность монгольских народов на латиницу в соответствии с общими тенденциями [16, с. 67]. При проведении языковой реформы в СССР снижение затрат на печать было одним из доводов в пользу латинизации [17, р. 30].

Простота в написании, чтении и изучении – это основные критерии, определяющие приемлемость алфавита для письменной формы государственного языка [6, р. 29]. Именно легкость в овладении новой графической системой учитывалась при проведении языковых реформ в МНР в первой половине XX в. Простота и доступность латинского алфавита были залогом эффективной борьбы с неграмотностью, выступавшей в качестве одной из основных задач

послереволюционных периодов в СССР и МНР [14, х. 6]. 3 мая 1931 г. на V съезде ЦК МНРП было принято постановление о латинизации монгольских букв. Старый алфавит объявлен непригодным для записи новых слов и создающим трудности в процессе преподавания и обучения, в связи с чем на съезде было решено организовать специальную правительственную комиссию, которая должна была к сентябрю представить план перехода на новую письменность, а к июню – план введения в использование арабских чисел¹.

Интересно, что в качестве официального языка монгольский законодательно был закреплён только в 1921 г., когда постановлением Совета министров был признан единственным государственным языком, все надписи на маньчжурском по всей Монголии заменялись надписями на монгольском². Тогда же началась деятельность и по переводу книг с европейских языков на монгольский. В таком случае возникает справедливый вопрос: зачем выделять латиницу как легитимную письменность в Монголии, если ни новый язык, ни диалект не выбирались?

Дело в том, что для Монголии вопрос диалектов являлся не столь актуальным. В процессе формирования современных монгольских языков сложилось несколько языковых ареалов: восточный, западный, северный и южный. Они были связаны с зонами расселения монгольских племен [18, с. 27–28]. Говоря о территории МНР и современной Монголии, мы всегда имеем в виду халхасский диалект, который можно отнести к северному ареалу. В целом же хотелось бы отметить, что, хотя существует несколько классификаций монгольских диалектов, всегда речь идет о различных ареалах, а не о диалектах на одной территории. Именно поэтому, как и веками ранее, в первую очередь стоял вопрос об установлении единой легитимной письменности.

Однако из-за различных сложностей, в числе которых были и финансирование, и кадровый вопрос, широкого распространения латиница так и не получила. Было выпущено всего несколько книг, публиковались статьи в газетах. Поэтому 11 ноября 1932 г. Советом министров МНР было решено временно использовать уйгурские монгольские буквы, но при этом продолжить разработку монгольских латинских букв, чтобы в дальнейшем перейти на них [9, х. 47]. В результате установилось два алфавита, при этом использование латинской письменности было приоритетным. А 21 февраля 1941 г. вышло совместное Постановление Совета министров и ЦК МНРП 17/13 об утверждении новых латинских букв³.

Как уже говорилось выше, решающую роль в усвоении, легитимации и распространении нового языка играет образование. Школа – это один из инструментов интеллектуальной и моральной интеграции [4, р. 200]. Именно поэтому такое большое внимание уделялось созданию масштабной сети школьного и профессионального, а затем и высшего образования и борьбе с неграмотностью. В случае МНР важнейшим инструментом являлись культурные кампании, которые

¹ Монгол хэл, бичгий бодлогын баримтын эмхэтгэл = Сборник документов по монгольскому языку и письменности / Отв. ред. Л. Болд. Улаанбаатар: Линограф хэвлэх үйлдвэр, 2021. Х. 60.

² Монгол хэл, бичгий бодлогын баримтын эмхэтгэл = Сборник документов по монгольскому языку и письменности / Отв. ред. Л. Болд. Улаанбаатар: Линограф хэвлэх үйлдвэр, 2021. Х. 26.

³ Монгол хэл, бичгий бодлогын баримтын эмхэтгэл = Сборник документов по монгольскому языку и письменности / Отв. ред. Л. Болд. Улаанбаатар: Линограф хэвлэх үйлдвэр, 2021. Х. 58.

также были направлены на ликвидацию неграмотности. Одной из особенностей культурно-просветительской работы, которая велась в первые годы после революции, было то, что финансирование и необходимое материальное сопровождение осуществлялись из двух источников: государственного бюджета и помощи, собранной по инициативе самих жителей [19, х. 34].

С середины 30-х годов XX в. культурным кампаниям стало уделяться гораздо больше внимания. По всей стране открывались просветительские центры: клубы, красные уголки, создавались кружки [9, х. 22–23]. В культурных кампаниях принимали участие и кочевые учителя, чьей задачей было обучение грамоте взрослого населения как на старописьменном монгольском, так и на латинице.

В принципе усвоение легитимного языка происходит двумя способами: привыкание или обучение [20]. Привыкание – это более длительный процесс, который означает, что адаптация к новому языку произойдет при увеличении контактов с носителями легитимного языка. Обучение же – процесс более быстрый, особенно в условиях построения нового государства. Это метод скорейшего распространения официального языка государства посредством школ, кружков и т. п., что и применялось в Монголии.

4. Заключение

Проведение кампании по переходу на латинский шрифт в 20–30-е годы XX в. в МНР можно считать попыткой установления в государстве единого легитимного языка. Данная реформа имела несколько целей. С одной стороны, безусловно, это была попытка решить вопрос с неграмотностью населения. Использование простого, общедоступного и распространенного в других странах латинского алфавита должно было привести к «буму грамотности». Ожидалось, что культурные кампании также поспособствуют ускоренному распространению новой письменности и мотивируют население учиться. Другой причиной проведения политики латинизации можно считать необходимость усиления пропагандистской работы, которую проще было вести в том числе и через различные печатные материалы. А для увеличения объемов печати требовался более распространенный и менее затратный шрифт. Выбор пал на латиницу.

С другой стороны, образование нового государства – Монгольской Народной Республики – предполагало изменение культурной политики. Особенно это было необходимо с учетом тесных связей между МНР и СССР. Латинизация графики представлялась идеальным вариантом, поскольку в таком случае письменность становилась проводником новой культуры, как и в СССР [21, с. 77]. Таким образом, эффективность реформы увеличивалась в разы. Она была нацелена и на борьбу с неграмотностью, и на распространение новой культуры, и на укрепление власти нового правительства.

Нельзя сказать, что реформа провалилась. Сохранившиеся образцы газет, грамматик, официальных документов и других материалов показывают, что при больших сроках внедрения нового алфавита, больших объемах финансирования и лучшей подготовке кадров латинская графика могла бы укрепиться в качестве основной системы письменности в Монголии, что как раз было продемонстрировано несколькими годами позже при проведении следующей ре-

формы монгольской письменности, в ходе которой учитывались многие ошибки первого опыта.

Действительно, на протяжении многовековой истории Монголии были попытки реформирования языка и школьного образования, в соответствии с которыми должен был появиться единый языковой стандарт. Однако большая проблема заключалась в том, что такого рода реформы были не централизованными, то есть проводились не правительством, а преимущественно буддийскими центрами, хотя необходимо отметить, что именно в период правления Богдо-гэгэна VIII в Монголии появляются первые государственные общеобразовательные школы. К тому же периоду относятся и первые попытки проведения языковой политики.

Именно поэтому языковая политика, проводимая правительством после образования МНР, столь отличается от дореволюционной. Наиболее существенное отличие – нацеленность на проведение единой, централизованной языковой политики, одинаковой для всех регионов страны, а также создание единого, официального государственного языка и письменности, используемой как на государственном уровне, так и в частной коммуникации. Возвращаясь к вопросу о письменности, надо сказать, что она стала инструментом языковой политики внутри страны, поскольку после образования МНР выяснилось, что численность грамотного населения чрезвычайно низкая, и это является причиной затруднения консолидации населения. Но возникает вопрос: можно ли считать проведение реформы языка и насаждение новой монгольской письменности действительно подходящими для самого языка и общества?

Думается, что принудительное введение легитимного нового языка или письменности – это в первую очередь часть политической стратегии, цель которой – закрепить завоевания революции и укрепить свою власть [4, р. 167].

Таким образом, реформирование языка в сторону его унификации – это движение в направлении установления нового дискурса власти и новых социальных представлений, а в конечном счете – создание новой национальной идентичности и новой нации, что и отвечало отчасти целям проведения языковой политики в МНР.

Литература

1. *Mayagmar S.-E.* Official script changes in socialist Mongolia // *Socialist and Post-Socialist Mongolia: Nation, Identity, and Culture* / Ed. by S. Wickhamsmith, Ph.P. Marzluf. – London: Routledge, 2021. – P. 73–90.
2. *Россаби М.* Золотой век истории монголов. – СПб.: Евразия, 2009. – 479 с.
3. *Культура и письменность Востока.* – М.: Изд. ВЦК НТА, 1928. – Кн. 1. – 139 с.
4. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power / Ed. by J.B. Thompson. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 291 p.
5. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
6. *Spolsky B.* Language Policy. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. – 250 p.
7. *McCarty T.* (Ed.) *Ethnography and Language Policy.* – New York: Routledge, 2011. – 328 p.

8. *Юзбашев Н.* Арабский и Ново-Тюркский алфавит // Культура и письменность Востока. – М.: Изд. ВЦК НТА, 1928. – Кн. 1. – С. 65–80.
9. *Цэрэндорж Г.* БНМАУ-д бичиг үсэг үл мэдэх явдлыг арилгасан нь = Ликвидация неграмотности в МНР. – Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. – 113 х.
10. *Ширэндэв Б.* БНМАУ-ын шинжлэх ухааны академийн товч түүх = Краткая история Академии наук МНР. – Улаанбаатар: ШУАХ, 1980. – 186 х.
11. *Дашдаваа Д., Төмөрбат Б.* Из истории преподавания русского языка в Монголии // Эрдэм шинжилгээний цуврал бичиг = Научные записки. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. – № 10. – Х. 120–126.
12. *Отгонбаатар Р., Цендина А.Д.* Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI – начало XX в.) – М.: Наука – Вост. лит., 2014. – 237 с.
13. *Дамдинсүрэн Ц.* Монгол хэл бичгийг сайжруулах тухай // Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн чуулган. VII боть: Монгол хэл судлал = Об улучшении монгольского языка // Собрание научных трудов. Т. VII: Исследование монгольского языка. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2017. – Х. 82–111.
14. *Мишиг Л.* БНМАУ-д монгол хэлийг судалж байгаа байдал ба хойшид тавих зорилт // Монгол хэл бичгийн зарим асуудлууд = Изучение монгольского языка в МНР и дальнейшие цели // Некоторые вопросы монгольской письменности. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1956. – Х. 6–25.
15. *Барадин Б.* Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры // Культура и письменность Востока. – Баку: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР, 1929. – Кн. 5. – С. 3–27.
16. Хроника: конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка // Культура и письменность Востока. – М.: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР, 1931. – Кн. 9. – С. 66–77.
17. *Bunčić D.* Factors influencing the success and failure of writing reforms // Studi Slavistici. – 2017. – V. 14, No 1. – P. 21–46. – doi: 10.13128/Studi_Slavici-21937.
18. *Рассадин В.И.* О проблемах этимологизации слов монгольских языков // Монголоведение. – 2007. – № 4. – С. 27–40.
19. *Даваасамбуу П.* БНМАУ-ын соёл гэгээрлийн ажлын түүхэн тойм = Исторический обзор культурно-просветительской работы в МНР. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл газар, 1975. – 190 х.
20. *Бурдыев П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka>, свободный.
21. *Поппе Н.Н.* Вопросы словообразования бурятмонгольского языка // Революция и письменность: Сборник № 2. – М.; Л.: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР, 1936. – С. 77–81.

Поступила в редакцию 12.02.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Бикмаева Карина Игоревна, аспирант, преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ул. Моховая д. 11, стр.1, г. Москва, 125009, Россия

E-mail: karina.bikmaeva@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 252–262

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.252-262

The Problem of the Establishment of a Legitimate Language on the Example of the Introduction of Latin Graphics in the Mongolian People's Republic during the 1930s

K.I. Bikmaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 125009 Russia
E-mail: karina.bikmaeva@mail.ru

Received February 12, 2023; Accepted March 6, 2023

Abstract

In this article, the adoption of a legitimate language by the Mongolian People's Republic following the language reform of the 1930s, which involved the switch to the Latin script, is considered. The language policy pursued by the MPR in the early 20th century is investigated from the perspective of the legitimate language theory. By that period, the traditional Mongolian script had become outdated and needed to be reformed. Furthermore, the illiteracy rate among Mongolian people was very high, and the old Mongolian script was difficult to study. Another reason is that the language turned into the main tool for promoting the new cultural and ideological values of the USSR. Thus, the shift of Mongolia to the writing system based on the Latin alphabet was a political phenomenon and played a key role in broadcasting the cultural policy of the new state. In the early years of the MPR, the Latin-based writing solved several problems at once: it promoted literacy among Mongolian people, gave greater publicity to the policy of the Mongolian People's Revolutionary Party and the new culture, and became a platform to bring together Mongolia and the USSR. To substantiate the importance of the Latin graphics as the official state script, Pierre Bourdieu's "Language and Symbolic Power" is analyzed, in which the author discusses the origin of the legitimate language and script, as well as their role in the process of nation building. Here, the documents in both Russian and Mongolian are also examined. The obtained results demonstrate that, despite various difficulties, the Latin script was adopted for a quite short period of time as legitimate in the MPR, which had a great influence on the development of the socialist culture and the Mongolian national identity.

Keywords: legitimate language, written language, Mongolian, Latinization, language policy, MPR

References

1. Mayagmar S.-E. Official script changes in socialist Mongolia. In: *Socialist and Post-Socialist Mongolia: Nation, Identity, and Culture*. Wickhamsmith S., Marzluf Ph.P. (Eds.). London, Routledge, 2021, pp. 73–90.
2. Rossabi M. *Zolotoi vek istorii mongolov* [The Golden Age of the Mongol Empire]. St. Petersburg, Izd. Evraziya, 2009. 479 p. (In Russian)
3. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [The Culture and Writing of the East]. Book 1. Moscow, Izd. VTsK NTA, 1928. 139 p. (In Russian)
4. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Thompson J.B. (Ed.). Cambridge, Polity Press, 1991. 291 p.
5. de Saussure F. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 1999. 432 p. (In Russian)
6. Spolsky B. *Language Policy*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004. 250 p.
7. McCarty T. (Ed.) *Ethnography and Language Policy*. New York, Routledge, 2011. 328 p.

8. Yuzbashev N. Arabic and New Turkic alphabet. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and Writing of the East]. Book 1. Moscow, Izd. VTsK NTA, 1928, pp. 65–80. (In Russian)
9. Tserendorzh G. *Elimination of Illiteracy in the MPR*. Ulaanbaatar, Shinzhlekh ukhaany akademiin khevel, 1976. 113 p. (In Mongolian)
10. Shirendev B. *A Brief History of the Academy of Sciences in the MPR*. Ulaanbaatar, ShUAKh, 1980, 186 p. (In Mongolian)
11. Dashdavaa D, Tömörbat B. From the history of teaching the Russian language in Mongolia. In: *Scientific Proceedings*. Ulaanbaatar, Ulsyn khevleliin gazar, 1978, no. 10, pp. 120–126. (In Mongolian)
12. Otgonbaatar R., Tsendina A.D. *Obraztsy pis'mennoi traditsii Severnoi Mongolii: alfavit, transkriptsii, yazyki (konets XVI – nachalo XX v.)* [Examples of the Writing Tradition of Northern Mongolia: Alphabets, Transcriptions, and Languages (Late 16th–Early 20th Centuries)], Moscow, Nauka–Vost. Lit., 2014. 237 p. (In Russian)
13. Damdinsyren Ts. About improving the Mongolian language. In: *A Collection of Scientific Articles*. Vol. VII: A study of the Mongolian language. Ulaanbaatar, Soembo printing, 2017, pp. 82–111. (In Mongolian)
14. Mishig L. The study of the Mongolian language in the MPR and further goals. In: *Some Problems of the Mongolian Writing System*. Ulaanbaatar, Ulsyn khevleliin gazar, 1956, pp. 6–25. (In Mongolian)
15. Baradin B. Problems with strengthening the Buryat–Mongolian linguistic culture. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [The Culture and Writing of the East]. Book 5. Baku, Izd. VTsK NA pri Prezidiume TsIK SSSR, 1929, pp. 3–27. (In Russian)
16. Chronicle: A conference of the Mongolian ethnic groups on writing and language. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [The Culture and Writing of the East]. Book 9. Moscow, Izd. VTsK NA pri Prezidiume TsIK SSSR, 1931, pp. 66–77. (In Russian)
17. Bunčić D. Factors influencing the success and failure of writing reforms. *Studi Slavistici*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 21–46. doi: 10.13128/Studi_Slavici-21937.
18. Rassadin V.I. About the problems of the etymologization of words in the Mongolian languages. *Mongolovedenie*, 2007, no. 4, pp. 27–40. (In Russian)
19. Davaasambuu P. *Historical Overview of the Cultural and Educational Work in the MPR*. Ulaanbaatar, Ulsyn khevel gazar, 1975. 190 p. (In Mongolian)
20. Bourdieu P. The production and reproduction of legitimate language. *Otechestvennye Zapiski*, 2005, no. 2. Available at: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka>. (In Russian)
21. Poppe N.N. The problems of word formation in the Buryat–Mongolian language. In: *Revolutsiya i pis'mennost': Sbornik nomer 2* [Revolution and Writing: A Collection of Articles No. 2]. Moscow, Leningrad, Izd. VTsK NA pri Prezidiume TsIK SSSR, 1936, pp. 77–81. (In Russian)

Для цитирования: Бикмаева К.И. Проблема установления легитимного языка на примере введения латинской графики в Монгольской Народной Республике в 30-е годы XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 252–262. – doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.252-262.

For citation: Bikmaeva K.I. The problem of the establishment of a legitimate language on the example of the introduction of Latin graphics in the Mongolian People's Republic during the 1930s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 252–262. doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.252-262. (In Russian)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.263-271

О ПОРТРЕТЕ ИСТОРИКА, НАПИСАННОМ ИСТОРИКАМИ

[Рец. на кн.: Кабытов П.С., Фёдорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Монография. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2023. – 144 с.]

А.Е. Бусыгин

Независимый исследователь, г. Москва, 106077, Россия

Аннотация

В рецензии охарактеризованы основные положения монографии П.С. Кабытова и Н.А. Фёдоровой, посвященной описанию жизни и научного творчества профессора И.М. Ионенко. Авторы рецензируемой книги, в прошлом студенты и аспиранты И.М. Ионенко, рассказывают о его жизненном пути, становлении как историка и преподавателя вуза, его научных достижениях и общественной деятельности. Личность Учителя и наставника, стремившегося научить своих учеников профессиональному подходу к изучению исторической правды, раскрывается в контексте времени, в котором он жил и работал, подчеркивается, что при подготовке молодых кадров историков важно не только вооружить их инструментарием исторического исследования, но и наладить духовную связь между наставником и его учениками. Авторы сумели передать обаяние личности своего Учителя, научившего их не только добывать информацию, но и располагать ее в системе нравственных координат, избегать идеологизации и политизированности проблем. В заключение сделан вывод, что ознакомление с рецензируемой книгой в первую очередь нужно молодым людям, которые решили стать историками.

Ключевые слова: И.М. Ионенко, Смоленская губерния, Ленинград, Казанский университет, научная школа, Великая российская революция, Великая Отечественная война, наставник

Историк должен, прежде всего, иметь совесть.

И.М. Ионенко

Мне доставляет особое удовольствие высказаться о книге, написанной учениками о своем Учителе. Тому есть несколько причин. Первая – Иван Михайлович Ионенко и мой учитель тоже. Я слушал и конспектировал его лекции по истории СССР, которые он читал в Казанском университете, во второй половине 60-х годов прошлого века и сдавал ему экзамен. Но, увлекшись политэкономией, начал по ней специализироваться, поэтому не входил в круг студентов,

на научные интересы которых оказал определяющее влияние Иван Михайлович и для которых он стал Учителем и наставником в избранной ими профессии историка. Вторая причина: один из авторов рецензируемой книги, профессор Самарского университета Петр Серафимович Кабытов, – мой одногруппник на отделении истории историко-филологического факультета университета, откуда он «вышел» в аспирантуру к И.М. Ионенко. В книге об Учителе есть немало страниц об университетской атмосфере, в которой мы, студенты, формировались как граждане и исследователи. Еще раз прочувствовать эту атмосферу, читая книгу, было очень приятно. Соавтор Петра Серафимовича – Наталья Анатольевна Фёдорова, доцент КФУ, – тоже является ученицей И.М. Ионенко; она поступила в университет через семь лет после того, как мы с Петром завершили свои студенческие годы. Кроме Н.А. Фёдоровой, у П.С. Кабытова еще десять соавторов: вторая часть книги – «Воспоминания об И.М. Ионенко» его учеников разных лет, с некоторыми из них я знаком лично. Эти воспоминания, очень личные и теплые, дополняют портрет Ивана Михайловича, написанный двумя авторами основного текста.

Наконец, третья причина состоит в том, что эта книга заставляет задуматься о недавнем прошлом, о том периоде нашего Отечества, который иной раз называют «Советской Атлантидой». В книге явлен портрет историка, занимавшегося своей профессиональной деятельностью в трудные годы, годы трагические и героические одновременно, в обществе, которое, будучи тоталитарным, одновременно открывало широкие горизонты образования для всех, кто к нему стремился. Это книга об историке, который, как и многие принадлежавшие к его поколению, старался быть честным перед самим собой, несмотря на идеологические шоры и запреты. История – социально-гуманитарная наука, и, как показывает практика прошлого и настоящего, зачастую историкам приходится избегать, насколько это возможно, политизированности и идеологизации проблем, к чему, как пишут авторы, всегда стремился Иван Михайлович. Поэтому совесть для историка (и это подчеркивал И.М. Ионенко) – это главное! Кроме суммы профессиональных знаний, эрудиции, «историк должен, прежде всего, иметь совесть», – говаривал он. Авторы книги вспоминают: Иван Михайлович сожалел о том, что в условиях цензуры и вынужденных самоограничений он зачастую не мог поделиться со своими учениками всеми своими знаниями и выводами. А ученики, вспоминая своего Учителя, корят себя за отсутствие любопытства, за некоторое даже равнодушие к эрудиции наставника, свойственное молодости.

Сначала скажем о второй части книги. Она читается «на одном дыхании»: бывшие ученики И.М. Ионенко вспоминают о том, как он любил общаться с молодежью, дружески и неизменно уважительно, как помогал осваивать лекторское мастерство, стремился поддержать молодых исследователей в начале их пути в науке. Иван Михайлович часто приглашал молодых людей к себе домой, за беседой время проходило незаметно. Говорили о многом, и не только об истории, слушали рассказы старшего товарища о войне, Иван Михайлович наизусть читал стихи любимых поэтов, играл на скрипке, пели. Подобное неформальное, дружеское общение укрепляло духовную связь учителя с его учениками, а важность такой связи трудно переоценить.

Несколько особняком стоят воспоминания Михаила Игоревича Роднова, но именно о них хотелось бы сказать подробнее, и вот почему: автор этих воспоминаний не был учеником И.М. Ионенко и впервые встретился с ним в 1988 г., незадолго до ухода Ивана Михайловича из жизни. До этой встречи, можно сказать случайной, М.И. Роднов знал Ивана Михайловича только лишь по его публикациям, и, пишет он, «из его книг вырастал четкий образ крутого сталиниста, жесткие партийные формулировки...» (Проф.Ионен. 117). Но в ходе беседы выяснилось, что профессор – совсем не такой, каким он поначалу показался молодому историку. Когда же эти впечатления были дополнены прочтением брошюры Н.А. Фёдоровой об Учителе, перед М.И. Родновым предстал образ человека «глубоко интеллигентного, думающего историка, никак не ортодокса, оставившего своим ученикам умение самостоятельно критически мыслить» (Проф.Ионен., с. 117). Действительно, иной раз, живя в новых условиях, трудно понять людей, мысливших и писавших свои труды в иных обстоятельствах. Так и в данном случае: казалось бы, совсем недавно издана книга ученого, с которой знакомится историк нового поколения, но эти иные обстоятельства молодому человеку неведомы, и поэтому он не может адекватно оценить и ее, и личность ее автора. Да, в то время существовала цензура, требовалось обязательное соответствие текстов партийным установкам, но было и иное, о чем сказал Вениамин Каверин в предисловии к своей книге «Эпилог»: «...Эта книга написана в начале семидесятых годов, то есть в период так называемого “застоя”. Господствующим ощущением, ставившим непреодолимые преграды развитию и экономики и культуры, был страх. Правда, это было не то чувство, которое мы испытывали в тридцатых – сороковых годах, когда страх был тесно связан с арестом, пытками, расстрелом, смертельной опасностью во всех ее проявлениях. Но это был прочно устоявшийся страх, как бы гордившийся своей стабильностью, сжимавший в своей огромной лапе любую новую мысль, любую, даже робкую, попытку что-либо изменить. Это был страх, останавливающий руку писателя, кисть художника, открытие изобретателя, предложение экономиста» (Кав., с. 3). Немногие в те времена этот страх преодолевали. И.М. Ионенко был одним из этих немногих. А как неоднозначно воспринималось многими коллегами сказанное им новое слово! Нередко ученому приходилось сталкиваться с агрессивно-негативной реакцией на его обоснованные, документально подтвержденные утверждения. И об этом пишут авторы рецензируемой книги.

Каждый студент или аспирант, занимающийся историей, читает «гору» литературы и черпает из прочитанного много информации. Но именно учитель, наставник учит эту информацию анализировать, ранжировать по важности, делать выводы. А чтобы процесс обучения был эффективным, необходимо взаимопонимание между учителем и обучаемым, важен их личный контакт, нужно непосредственное общение учителя как с аудиторией, так и с каждым отдельным студентом. Ознакомления только с публикациями недостаточно. Как ни хороши современные технологии обучения онлайн, как ни удобна «удалёнка», они никогда не заменят непосредственного общения ученика с учителем, они не способны передать обаяние личности учителя, а схемы, таблицы и

презентации не могут передать нюансы живой мысли, которые немаловажны главным образом в гуманитарных дисциплинах.

Теперь – о первой части книги, которая названа монографией. Казалось бы – почему? Описывается жизненный путь ученого-историка, приводятся воспоминания о нем. При чем здесь монография как научное исследование? Но надо подчеркнуть, что эта книга – именно монография, написанная историками об историке! Прежде всего, авторы ответственны за оценку, которую они дают научным свершениям историка И.М. Ионенко (эту ответственность разделяет с ними и научный редактор монографии В.В. Кондрашин). Научный подход к изложению материала чувствуется с первых же страниц монографии, где дается характеристика социально-экономических условий, в которых находилась семья Ионенковых, проживавшая на Смоленщине, к моменту появления на свет в 1913 г. будущего историка. Научный подход ощутим и далее, когда, например, анализируется эпистолярное наследие ученого-историка, содержание его писем к молодым коллегам в зависимости от времени их написания. «Письма, – пишут авторы монографии, – являются неотъемлемой частью научного наследия ученых. В них ученые реализуют себя как личность, в них отражается внутренний мир человека, его нравственные и профессиональные ориентиры, в них раскрывается само время и обстоятельства, в которых живет человек» (Проф.Ионен., с. 72). Авторы проанализировали 913 писем из личного архива И.М. Ионенко, многочисленные послания, которые он направлял своим коллегам. Например, 60-е годы XX в. – время активной собственной научно-исследовательской работы Ивана Михайловича, связанной с написанием и защитой докторской диссертации. В письмах этого периода преобладают рассуждения о последствиях культа личности для исторической науки, об ответственности историка, профессиональной честности. А в письмах 70-х годов И.М. Ионенко выступает преимущественно как организатор научной работы. Его корреспонденция раскрывает неуклонное сосредоточение основного внимания и забот на ее организационных аспектах. Ученый-исследователь в нем подчиняется ученому-организатору. И это закономерно, так как заведование кафедрой, председательство в научном совете по защите диссертаций, участие в работе различных органов, в том числе и столичных, занимающихся вопросами координации научных исследований, требует осмысления новых проблем и порождает потребность делиться своими мыслями с коллегами.

Авторы монографии пишут о том, что Иван Михайлович прожил как бы несколько жизней (на «малой родине» Смоленщине, в Ленинграде, в Казани, на фронтах Великой Отечественной, вновь в Казани) и несколько периодов жизни. По всей видимости, авторы исходили из того, что «жизни» на хуторе на Смоленщине, в Ленинграде, на фронте и т. д. настолько отличались друг от друга, что их можно считать за самостоятельные, мало связанные между собой. Периодов же в его жизни было три: первый – с рождения до 1941 г., второй период – война, третий – послевоенный, наполненный научной и преподавательской работой в высшей школе, в вузах Казани. Осмелюсь предложить еще одну версию периодизации жизненного пути Ивана Михайловича: первый этап он прожил под унаследованной от предков фамилией Ионенков. Второй, после ранения и контузии, полученных на фронте в июле 1942 г., –

под фамилией Ионенко. О том, как это случилось, говорится достаточно подробно: «При поступлении в госпиталь он сдал на хранение свою каску, избитую пулями, с вмятиной сверху (следы обстрелов и контузии), личный пистолет “ТТ” и документы, а когда выписывался – каска оказалась потерянной, пистолет был сдан в военкомат, а из документов исчезла последняя буква его фамилии. Так из Ионенкова он превратился в Ионенко. Из-за одной буквы переделывать все документы он не стал, это было дело весьма хлопотное. Позднее, с улыбкой Иван Михайлович вспоминал, что, по всей вероятности, тот, кто заполнял его новые бумаги (а это, по его словам, была девушка) была украинкой» (Проф.Ионен., с. 30).

Как историк, Иван Михайлович реализовался под второй фамилией. Первую он носил, готовясь к своему профессиональному пути. К тому же судьбе было угодно, чтобы историком (начинал с военной истории, вершившейся на его глазах) он стал задолго до окончания войны, занимался анализом военных действий и составлял описания боевых операций – это входило в круг его служебных обязанностей. А позже, уже в послевоенное время, всё шире и шире становился круг его научных интересов. В центре этого круга – революционные события в Поволжье, роль армии и солдатских масс в этих событиях, социально-политическая позиция крестьянства. При этом И.М. Ионенко практиковал новые подходы к изучению этих проблем, скрупулёзно изучал документы, следовал исторической правде. Профессор Индус Ризакович Тагиров, ученик Ивана Михайловича, сменивший его на посту заведующего кафедрой в Казанском университете, пишет: «...Можно с уверенностью сказать о том, что исследования Ивана Михайловича положили начало более глубокому и непредвзятому изучению истории непролетарских партий. Они тем самым способствовали воссозданию реального соотношения партийных и классовых сил в революции 1917–1918 годов. Историки начали постепенно отходить от односторонней оценки роли большевиков в революции на местах» (Проф.Ионен., с. 100). Это ли не важное свидетельство научного первенства И.М. Ионенко в одном из ключевых направлений исторических исследований? Ивану Михайловичу принадлежит также приоритет в постановке вопроса о роли крестьянской общины в условиях советской власти. Но дело не только в научном первенстве! Авторы монографии свидетельствуют об убежденности И.М. Ионенко в том, что без правды в исторической науке не может быть правды и в обществе. Это верно для вчерашнего дня, верно и для дня сегодняшнего! Разумеется, историк может добросовестно заблуждаться. Причиной является неполнота сведений, которыми он располагал, возникавшая не по его вине (не изучил всего круга доступных источников), а из-за «дозированного» доступа в архивы, что широко практиковалось в советский период (да и до сих пор имеет место). По мере введения в научный оборот всё новых документов выводы историков уточняются, иногда даже пересматриваются, что совершенно нормально! При этом важно не только анализировать документы как таковые, а препарировать их в контексте конкретных ситуаций, повлиявших на их создание, рассматривать их в контексте времени. Главное для историка – жить в ладах с собственной совестью.

Круг научных интересов Ивана Михайловича, как уже было сказано, постоянно расширялся: в него входили национальные отношения, история города Казани, история Казанского университета в годы войны, история строительства автомобильного гиганта КамАЗ. Он занимался даже вопросом церковного землепользования в годы советской власти! Посмотрите список публикаций Ивана Михайловича, приведенный в книге! Какой широкий спектр тем и направлений! Война осталась в памяти на всю жизнь. Через много лет после ее окончания И.М. Ионенко написал и издал книгу «Нам жить и помнить. (Записки штабного офицера)»¹. Эти воспоминания он рассматривал как свой долг перед памятью ушедших боевых друзей, коллег-фронтовиков.

В СССР вузовский преподаватель истории, как правило, был востребован и за пределами студенческой аудитории, он неизбежно становился общественным деятелем. Так произошло и с И.М. Ионенко. Много сил и времени он отдавал работе с музеями, прежде всего Государственным музеем ТАССР (ныне – Национальный музей Республики Татарстан) и музеем Казанского университета, становлению и развитию которого он способствовал. Организация поисковых студенческих отрядов Казанского университета «Снежный десант», получивших всесоюзную известность, создание республиканской «Книги памяти» – это и инициатива Ивана Михайловича, и его огромный личный вклад в реализацию данных проектов.

В монографии большое внимание уделено подробностям повседневного послевоенного быта семьи И.М. Ионенко, который, вернувшись с фронта, немедленно включился в преподавательскую, лекционную деятельность, работал над кандидатской, впоследствии над докторской диссертацией, готовил многочисленные публикации. Скудность средств на существование семьи (приходилось экономить, даже занимать деньги, чтобы заплатить машинистке за перепечатку текста диссертации), более чем скромные жилищные условия (нехватка жилой площади, холодные «удобства» во дворе) – так жили практически все семьи вузовских работников Казани. Только по прошествии многих лет семье была предоставлена отдельная квартира. Тогда позволили себе осуществить свою давнюю мечту – завели собаку. Летние отпуска обычно проводили в сборном фанерном домике на берегу Волги, иногда – в брезентовой палатке, в которой располагалась вся семья. Позже семья Ионенко построила скромную дачку на выделенном для этого небольшом участке земли под Казанью. Радостью семьи стала большая лодка с навесным мотором, на которой можно было совершать прогулки по Волге, рыбачить. Часто принимали гостей, и многоместная лодка почти всегда была загружена полностью. Приезжали на дачу родственники, друзья, коллеги, аспиранты, сегодняшние и вчерашние, – гостеприимная супруга Ивана Михайловича Ольга Владимировна неизменно приветчала гостей. Автору этих строк хорошо знаком этот скромный «дачный» быт казанцев, проводивших летние отпуска на Волге (сегодняшние дачи в большинстве своем размерами и благоустройством настолько отличаются от тогдашних непритязательных домиков, что надо

¹ Ионенко И.М. Нам жить и помнить: (Записки штабного офицера). О боевом пути 4-й Ударной армии. Казань: [Б.и.], 1988. 188 с.

обязательно закавычивать это слово). Жена Ольга Владимировна, с которой они были вместе со студенческих лет, филолог по образованию, личность творческая, увлекающаяся живописью, повсюду, где бы ни обосновывалась семья, строила домашний очаг и создавала семейный уют. Даже в фанерном «дачном» домике, даже в палатке. Семья была опорой Ивана Михайловича, радовали трое сыновей. Горем стал безвременный уход из жизни второго по старшинству сына, Александра, здоровье которого было подорвано службой в подводном флоте и полученной там травмой. Младший сын Сергей пошел по стопам отца, стал историком.

Как смог паренек из отдаленного хутора Смоленской глубинки стать видным историком? Стечение обстоятельств? Нет. В начале жизни – это результат семейного воспитания, заложившего стремление к знаниям и культуре, воспитавшего твердый характер и ответственность. Приобщился к чтению, благо дома была небольшая библиотека. Открыл для себя поэтов Серебряного века, сохранив любовь к ним на всю жизнь. Сам пробовал писать стихи. Случилось так, что познакомился с поэтами М.В. Исаковским и А.Т. Твардовским. Отец научил играть на скрипке, и впоследствии, уже в зрелом возрасте, Иван Михайлович не забросил это занятие и часто брал инструмент в руки. В юности – сыграло свою роль стремление властей направлять на учебу в вузы способных, уже проявивших себя молодых людей, выдвигать их на ответственные должности. Так попал в Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена. В Ленинграде – музеи, концертные залы, театры, посещение которых неизменно расширяло кругозор. Стал инициатором организации встречи студентов с писателем А.Н. Толстым, роман которого «Петр Первый» только что появился. В институте лекции читали известные ученые Б.Д. Греков, В.В. Струве (академики АН СССР с 1927 г.), Е.В. Тарле (академик с 1934 г.) – самые видные советские историки того времени. Еще в 1937 г., будучи студентом, приступил к своей первой научно-исследовательской работе. Первая научная статья была опубликована в 1938 г., а в июне 1939 г. получен диплом о высшем образовании.

Авторы монографии приводят несколько выдержек из фронтовых писем Ивана Михайловича. Вот письмо жене, написанное за час до наступления нового, 1942 г., во фронтовой землянке, под разрывы снарядов и гул самолетов: «Сейчас мысленно переносюсь к вам, мои дорогие. Слышу ваши голоса, вижу улыбающиеся лица. Слышу звуки чудесной музыки Чайковского и Бородина» (Проф.Ионен., с. 34). Вот из письма, написанного год спустя, 30 декабря 1942 г.: «Во мне нет зоологической ненависти к врагу. <...> Я ненавижу фашизм, а не немца, потому что он немец» (Проф.Ионен., с. 35). Эти слова написаны не «на публику», адресованы только любимой жене и близким родственникам. Знал, конечно, что и военный цензор прочтет – не более того. Но наверняка не думал, что когда-то эти его слова будут опубликованы. Так что интеллект, кругозор и нравственные ориентиры, необходимые историку, сформировались еще в довоенный и начальный военный период. А привычка постоянно развиваться, расширять свой кругозор осталась на всю жизнь. Авторы пишут: «Он всегда успевал изучать новейшую литературу по отечественной истории. На его письменном столе в кабинете на улице Шмидта можно было увидеть академи-

ческие научные и художественные журналы: “Вопросы истории”, “История СССР”, “Новый мир”, “Москва”, “Наш современник”, “Огонек”, “Юность” и др. Всегда под рукой имелся простой карандаш, которым делались пометки чем-либо примечательных фрагментов прочитанных текстов. Стыдно было в разговоре с ним признаваться, что не успел (а часто даже и не захотел) прочитать ту или иную статью» (Проф.Ионен., с. 88). Представители старшего, а то и среднего поколений хорошо знают, какую роль в интеллектуальной жизни страны играли так называемые «толстые журналы». Читавший их регулярно (а Иван Михайлович именно так и читал) не только был в курсе публикаций в специализированных исторических журналах, но и отслеживал новейшие художественные веяния, актуальную публицистику, мгновенно попадавшую в эпицентр общественного внимания.

Жизненный путь Ивана Михайловича Ионенко не был простым и легким, как у всех представителей его поколения. Но он прошел его достойно, реализовал себя в творческой научной и преподавательской работе (стал автором более сотни публикаций, подготовил 50 кандидатов и 6 докторов наук), был счастлив в любви и семейной жизни. Его не стало в декабре 1989 г. Нельзя не приветствовать появление книги об известном казанском историке Иване Михайловиче Ионенко, тем более что в июне 2023 года – сто десятая годовщина его рождения, а 2023 год объявлен в России годом педагога и наставника. Эта книга нужна в первую очередь тем представителям молодого поколения, которые решили посвятить себя профессиональным занятиям историей. Так что П.С. Кабытов и Н.А. Фёдорова сделали правильно, решив не ограничиваться опубликованными ими ранее статьями и брошюрами о своем Учителе, а написали добротную монографию о его жизненном пути и научных достижениях. Черно-белые фотографии, которых немало в этом издании, запечатлевшие лица людей, многих из которых уже нет с нами, передают атмосферу не такого уж далекого прошлого. Оно, это прошлое, отличается от сегодняшнего дня, но неизменно актуальными остаются утверждения И.М. Ионенко: «Историк должен, прежде всего, иметь совесть» и «Без правды истории нет правды жизни».

Источники

Проф. Ионен. – *Кабытов П.С., Фёдорова Н.А.* Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время: Монография. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2023. – 144 с.

Кав. – *Каверин В.А.* Эпилог. Мемуары. – М.: Моск. раб., 1989. – 543 с.

Поступила в редакцию 09.06.2023

Принята к публикации 10.07.2023

Бусыгин Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор

Независимый исследователь

Токмаков переул., д. 12/20, кв. 47, г. Москва, 106077, Россия

E-mail: busygin.andrei@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 263–271

R E V I E W

doi: 10.26907/2541-7738.2023.1-2.263-271

About the Historian's Portrait Created by Historians

[Review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Time. A Monograph. Samara, Samar. Gumanit. Akad., 2023. 144 p. (In Russian)]

*A.E. Busygin**Independent Researcher, Moscow, 106077 Russia**E-mail: busygin.andrei@gmail.com*

Received April 28, 2023; Accepted June 9, 2023

Abstract

This article reviews P.S. Kabytov and N.A. Fedorova's monograph on the life and work of Professor I.M. Ionenko. Both authors were supervised by I.M. Ionenko as students and postgraduate students. They share what they know about his life experience, his development as a historian and lecturer, and his involvement in public activities. The personality of I.M. Ionenko, the esteemed teacher and true mentor who encouraged his students to take a professional approach to discover the historical truth, is considered in the context of the times in which he lived and worked. He believed that the success of teaching the younger generation of historians depends not only on how they learn to use certain tools in their research but also on how strong the bond is between the students and their teacher. The authors managed to vividly describe the natural charm of I.M. Ionenko as a person. He taught them to extract information correctly, to fit it into the system of moral coordinates, as well as to avoid attributing every historical problem to ideology and politics. I.O. Ionenko adhered to the following two principles: "a historian must first of all have a conscience" and "without the truth of history there is no truth of life." The monograph is primarily helpful for young people who want to become professional historians.

Keywords: I.M. Ionenko, Smolensk governorate, Leningrad, Kazan University, school of thought, Russian Revolution, Great Patriotic War, mentor

⟨ **Для цитирования:** Бусыгин А.Е. О портрете историка, написанном историками [Рец. на кн.: Кабытов П.С., Фёдорова Н.А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. Монография. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2023. – 144 с.] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 1–2. – С. 263–271. ⟩

⟨ **For citation:** Busygin A.E. About the historian's portrait created by historians [Review: Kabytov P.S., Fedorova N.A. Professor Ivan Mikhailovich Ionenko: His Personality and Time. A Monograph. Samara, Samar. Gumanit. Akad., 2023. 144 p. (In Russian)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 1–2, pp. 263–271. ⟩

Индекс 19421